
П. Л. Веденин и Ли Хоа

Серия

***Фантастическая
реальность***

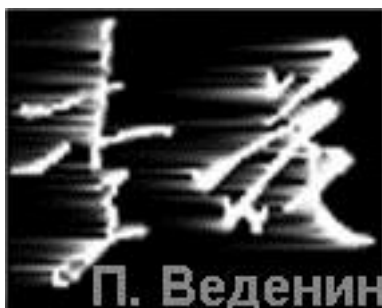
Книга 1

***Звери
скального
храма***

Все права авторов защищены.

Никакая часть данной книги не может переиздаваться или распространяться в любой форме и любыми средствами, электронными либо механическими, включая фотокопирование, звукозапись, любые запоминающие устройства и системы поиска информации, без письменного разрешения авторов.

Книга "Звери скального храма" раскрывает вдумчивому читателю горизонты познания, дает возможность постигнуть значимость мира в целом и собственной личности – в частности. Идея многопланового выхода сознания в иное измерение путем лабиринта испытаний – в прошлое восточной обители – позволит ощутить свободу мысленного полёта, способного проникнуть сквозь застывшие строки, – туда, где обитает и властвует вечное время.

* * *

*"...Дрогнули створки, раскрылись, и Вам
Входом открылся волшебный экран.
Восторг, удивление в реальности сна.
Но сон ли реальность? Ее глубина..."*

*Быть может, мы видим невидимый мир,
А сон – просто способ увидеться с ним.
Но чтобы увидеть, реальность открыть,
В себе нужно веру и волю развить..."*

* * *

*Дао (учение о Пути) ничего не объясняет и
не описывает; оно только побуждает к
действию, которое приводит к наблюдению,
наблюдение – к коррекции... а вот это уже и
есть Дао*

К читателю

Трудно понять, что такое Солнце, никогда его не видев. И объяснения, что оно похоже на желток, который человек ел на завтрак, вряд ли помогут.

Также человеку, не постигшему магическое состояние сознания, трудно разобраться во всех хитросплетениях жизни, потому что объемное восприятие реальности для него, как правило, недоступно.

Чтобы помочь читателю проникнуть активным вниманием в полноту действительности, мы и создаем эти книги.

История знает немало фактов, когда люди попадали в экстремальные ситуации, и в особо критических случаях входили в состояние измененной реальности, спасая тем самым себя от смерти.

Характерно, что в последующем они либо совсем ничего не помнили из произошедшего с ними в таком изменённом состоянии сознания, либо это были какие-то расплывчатые образы, напоминающие ускользающий из памяти сон.

Интересно, что происходящие с ними в те мгновения изменения касались не только сознательного восприятия действительности, но и самого тела, в котором биохимические процессы сильно замедлялись, и таких людей нередко считали умершими.

Однако из того, что происходило с ними впоследствии, можно было сделать вывод, что их состояние ни в коем случае нельзя называть смертью, хотя бы и клинической. За короткие промежутки времени в нашем мире они проживали года в другом, параллельном пространстве, где время течет совсем по-иному.

По возвращению в свой мир они владели сакральными знаниями и обладали неординарными способностями. А самое удивительное состояло в том, что такие люди, в своём прошлом, не только не подозревали о наличии в себе этих знаний и навыков, но у них не было даже возможности их приобрести.

Тем не менее, они рассказывали об учителях, встреченных ими там, за порогом этого мира, а также об

уникальных методах, которые использовались при обучении. Как бы это ни казалось странным и даже неправдоподобным, наша реальность такова, что такие события имеют место в жизни, и не замечать этих фактов нельзя.

Книги, первая из которых находится перед вами, читатель, создаются в новом направлении, которое мы называли "Фантастическая реальность".

В них заложено общее стремление: системно объединить и раскрыть пониманию сущность подобных изменений, а также показать проблемы жизни и ее взаимодействие со смертью с позиции школы "Встречный ветер", возглавляемой учителем, который сам пережил особое состояние измененной реальности.

С его слов вы узнаете, что корни системы находятся во Вьетнаме. Традиционной для семейных школ этой страны (с богатейшей культурой и самобытным мировоззрением) является скрытность, а также запрет на бесконтрольное распространение подобных знаний. Однако, в силу необходимости, периодически такие секреты все же становятся доступными тому, кто сможет и достоин их постичь.

Был один аспект, по которому у меня с учителем возникло расхождение во мнениях. Вопрос касался явлений, считающихся тонкими, необъяснимыми. Ведь словесный запас и возможности для осмысления запредельности крайне ограничены, так как они не имеют аналогов в материальном мире.

Однако убедительные доказательства их существования все чаще пробивают себе дорогу в мире этого, преимущественно материалистического, восприятия. Мы вынуждены как-то об этом говорить и, следовательно, как-то обозначать все это.

Вот почему нужно сразу отметить, что все слова, используемые нами по поводу этих тонких проявлений, являются только словами, принятыми нашим временем, и обозначающими такие явления лишь примерно и относительно.

Беседуя со своим Наставником, я понял, что более точно воспринять такие феномены способны люди, лично

пережившие нечто подобное в состоянии измененного сознания.

Постигнуть смысл событий, описываемых на этих страницах, можно лишь в том случае, если научиться, в процессе изучения этой темы, читать не только строки напечатанных слов, но и увидеть за ними глубинный смысл.

Это тем более важно, что первая книга, "Звери скального храма", имеет ознакомительный характер, вводящий читателя в мир объемного восприятия магической реальности. Вторая же книга, "Знаки чистого листа", является, по сути, описанием тех базовых учебных процессов, которые осваивал мой учитель в другом временном континууме.

И чтобы были понятны сами упражнения, их смысловые значения, а также результаты, к которым они должны приводить, необходимо читать не только "глазами", стремясь разобраться в происходящем умом, но и "сердцем", действующем в паре с интеллектом.

Конечно, каждый будет постигать эти книги так, как сумеет, но мне хотелось бы дать один совет. Прочтите эту книгу разом, залпом, не задумываясь и не вникая в детали. Пусть пройдет некоторое время, необходимое для ее интуитивного осмысления.

Затем, почувствовав импульс желания вновь взяться за нее, на этот раз изучайте эти строки медленно, размышляя над каждой деталью и поочередно проникая внутрь заинтересовавших эпизодов. Так читайте главу за главой. А спустя время вновь - быстро, легко и свободно - прочтите том еще раз.

Не буду разъяснять, почему эти книги надо читать именно так, а не иначе. Думаю, позже станет понятно преимущество именно такой формы изучения принципиально новой информации.

Надеюсь, что магия "Фантастической реальности" принесет в вашу жизнь еще одну, ранее неизведанную, грань познания.

С пожеланиями всего наилучшего,
Павел

От автора

Многим кажется их жизнь самой обыкновенной и даже заурядной. А души жаждут чуда. Однако человек вокруг себя не замечает ничего чудесного и, как правило, магию считает выдумкой. Но иногда она произвольно касается своим синим крылом того, кто готов к этому. Возможно, что и вы, читая эти строки, делаете это неслучайно...

Зимой с 1991 на -92 год я устроился работать поваром в гриль баре в родном Краснодаре. В моем прошлом был такой период жизни, когда я несколько лет посвятил изучению особенностей национальных кухонь. Особых радостей мне это вначале не приносило, но интерес удерживал меня от радикального решения, и я продолжал искать истину в кулинарии. Вскоре я научился управляться с кастрюлями и сковородками, а также постиг основные принципы сочетания различных продуктов, законы их обработки.

Надо сказать, что приготовление блюд у меня получалось. Во всяком случае, мне нравилось, а друзья, вкушая плоды моего кулинарного творчества, шумно благодарили за доставленное удовольствие. Думаю, это было искренне, потому что, когда я вновь приглашал их к себе в гости, они не отказывались, да и в их тарелках, как правило, ничего не оставалось.

Вообще-то, по своему призванию я психолог, и даже сразу после школы окончил университет по этой специальности. Однако диплом так и остался невостребованным. Вначале была армия, где я служил в пограничных войсках, а затем в стране начались постперестроечные проблемы, и люди моей профессии стали не нужны. А напрасно - дальнейшая жизнь это отчетливо показала.

Итак, работая в гриль баре, я все свободное время уделял тому, что изучал посетителей, их характеры и виды общения. Анализируя человеческие типы, я пытался прогнозировать их поведение. И это было немаловажно в то беспокойное время и в таком месте, где зачастую вспыхивали драки между сильно

разгоряченными алкоголем людьми. Без ложной скромности замечу: я был собой доволен, потому что весьма успешно разбирался в психотипах, а это помогало в работе как мне, так и бармену.

Однако иногда встречались люди, которые не вписывались ни в какие психологические рамки. Но такого, чтобы я оказался в абсолютном тупике, не случалось, и мое высокое мнение о своих способностях было нерушимо. Хотя, как известно, нет ничего неизменного. Однажды произошло значимое событие, повлиявшее на всю мою дальнейшую жизнь.

Начиная с лета 1992 года, к нам в бар стал заходить мужчина лет пятидесяти, среднего роста и довольно крепкого телосложения. На первый взгляд, он ничем не отличался от других посетителей, но, в то же время, чувствовалось в нем что-то особенное. Заказывал он всегда одно и то же.

Медленно и тщательно мужчина съедал хорошо запеченного цыпленка, неторопливо запивая бутылкой хорошего белого вина. На гарнир обязательно брал овощи, но хлебом никогда не пользовался. Вся эта процедура занимала у него около двух часов. Затем, обстоятельно попрощавшись, он уходил. И так это повторялось каждое его посещение.

Конечно, можно было сделать попытку разговорить его, чтобы он открылся, но тут-то и начиналось самое непонятное. Когда он приходил делать заказ, расплачивался или прощался, у меня каждый раз возникало чувство онемения и покорности.

Я злился на себя, на свою непонятную слабость, клялся в следующий раз быть на высоте, но вновь и вновь был, без борьбы, разбит. Оставив эти жалкие попытки к сопротивлению, я решил просто понаблюдать за ним, в надежде заметить что-нибудь новое, что могло бы дать ключ к разгадке.

Мужчина, казалось, все понимал. Иногда я ловил на себе его иронический взгляд. Не знаю, как долго это могло продолжаться, если бы не одно происшествие, поставившее точку в этом бессмысленном для меня поединке.

Кажется, в сентябре 1992 года, уже перед закрытием, в бар вошли трое сильно подвыпивших парней. Они игнорировали наши слова о том, что бар скоро будет закрыт, и требовали обслужить их. Все это сопровождалось нецензурной бранью и соответствующими жестами.

Парни с перекаченными мышцами выглядели впечатляюще, а коротко стриженные головы говорили об их принадлежности к одной из известных в городе криминальных группировок, которые, как поганки в дождливую пору, появлялись в то лихолетье.

Необходимо было что-то предпринять. Я уже приготовился выйти, чтобы как-то их утихомирить, но был остановлен неосознанным мною в первый момент движением. И только затем, словно при замедленном показе, увидел, как из-за стола встает тот самый загадочный посетитель и спокойным, размеренным шагом идет к стойке бара.

Но что меня особенно поразило, так это наступившая тишина. В зале не было слышно ни единого звука, хотя мое внимание отмечало, что эти парни продолжают говорить, так как их губы двигались. Однако у меня (вернее, во мне) наступила какая-то временная пауза.

Мужчина, подойдя к стойке, спросил бармена, все ли в порядке. Это я уже услышал, но как-то издалека, как будто через стекло... да и общее мое состояние говорило о том, что я нахожусь не в баре, а где-то далеко, и просто имею возможность наблюдать за всем происходящим.

Между тем бармен, напуганный этим "наездом" парней, что-то промямлил в ответ. А один из них (видимо, старший) повернулся и, осмотрев с головы до ног нашего гостя, процедил сквозь зубы:

- А ты, козел, вали отсюда, если жизнь дорога, - и сделал - вернее, попытался сделать небрежный жест, который, по его мнению, должен был вышвырнуть старика вон.

Наш посетитель, скользнув назад, правой кистью сопроводил руку атакующего парня, а затем вращательным рывком резко вернул ее обратно и, шагнув вперед, встал на свое прежнее место.

Парень громко вскрикнул. Очевидно, боль была действительно нестерпимой. Сразу после этого он, как мне показалось, буквально отлетел назад, придавив своим телом рядом стоявших парней.

Было заметно, что в драке хулиганы знают толк. Сразу же отскочив от стойки, они заняли позицию, в которой их противник оказался в центре образовавшегося треугольника. Я подумал, что он будет ждать их нападения, однако произошло обратное.

Пожилой мужчина пошел на них. Точнее, на одного из нападавших, стоявшего к нему ближе. Замахнувшись, парень попытался ударитьдвигающегося на него человека, но не тут-то было: без замаха вскинутая рука так быстро нанесла ему удар в грудь, что тот, сломавшись пополам, схватился руками за горло и, задыхаясь, стал глубоко и часто дышать широко открытым ртом.

Не останавливаясь, мужчина повернулся к другому из нападавших, и шагнул ему навстречу. Тот (видимо, боксер) стал прыгать с ноги на ногу в характерной для этого вида борьбы стойке и делать выпады в сторону приближающегося противника, который, как бы не обращая на это внимания, шел прямо на него.

В один миг движение мужчины ускорилось, и я увидел, как он, поймав по диагонали руку наносившего по нему удар парня и переместившись в сторону, сошел с линии атаки.

Затем, тем же неуловимым движением кисти, он дернул ее по ходу удара, а ладонью второй руки нанес резкий удар по локтю. Возникшую боль ощутил даже я, а парень не закричал - он просто дико заревел и сел прямо на пол, не обращая больше внимания ни на что, кроме своей руки.

Тем временем первый, не веря своим глазам, с оставшимся товарищем решил продолжить бой. Взяв своего противника в клещи (наверное, это был хорошо отработанный ими прием), они одновременно пошли на него с обеих сторон. То, что было потом, настолько меня удивило, что я еще долго находился под впечатлением произошедшего.

Тот, кто находился сзади мужчины, очевидно, должен был обхватить его со стороны спины, поверх рук, и тем самым связать оборонительные действия. А передний, в то же время, собирался нанести своей жертве прямой удар в лицо. Однако в действительности все пошло не по их сценарию.

Словно поняв, что должно произойти, мужчина в последний момент совершенно неуловимым движением присел и сделал шаг в сторону, тут же обернувшись. Удар не нашел желаемой цели, а пришелся точно в нос тому, кто пытался напасть сзади, но чьи руки поймали лишь пустоту.

Раздосадованный таким оборотом, задний спокойно и нацелено нанес своему обидчику удар кулаком прямо в челюсть - тот взвыл и вновь кинулся на ударившего, который, встретив атаку ударом ноги, отшвырнул противника к стене и, не теряя времени, кинулся его добивать.

Я смотрел... и ничего не понимал. Эти парни били друг друга, а мужчина, стоя поодаль и внимательно наблюдая за схваткой, чему-то загадочно улыбался, периодически и, как мне казалось, одобрительно кивая головой.

В это время на улице раздался звук милицейской сирены, а за окном мелькнул пульсирующий синий маячок. Бармен (скорее всего, это был он) вызвал по телефону наряд. В этот момент я, словно очнувшись, махнул мужчине рукой. Тот быстро подошел.

- Сейчас тут будет милиция, начнут составлять протокол, захотят всех допросить, и эта канитель может продлиться, пожалуй, до самого утра. Пойдемте, я выведу вас через черный ход, - предложил я.

- Да, если можно, - ответил он.

Открыв дверь в подсобное помещение, я вывел его через служебный выход во двор. Мужчина, поблагодарив, быстро ушел.

Вернувшись, я увидел милицейский патруль, уводивший в наручниках тех парней, которые фактически избили сами себя, изломав при этом гору мебели. С виду, в той драке не было ничего особенного - в то время подобные происшествия случались довольно

часто. Однако необычность этого вечера засела в моей памяти надолго.

Как-то, уже глубокой осенью, окончив работу, я отправился домой, когда неожиданно меня окликнули. Это был он - тот самый наш постоянный клиент. И хотя с того памятного вечера он больше не появлялся, я сразу же его узнал.

Мы поздоровались, после чего незнакомец извинился за случившееся и посетовал на то, что не заходил после той схватки, потому что был в длительной командировке. Но вот теперь, освободившись от неотложных дел, он зашел узнать, как у меня всё это время шли дела, и не возникло ли каких-либо осложнений.

- Да нет, - ответил я, - все нормально. Тех парней я больше не видел, - и искренне поблагодарил его за помощь, так как неизвестно, чем мог бы окончиться тот визит: я чувствовал, что те парни приходили неспроста.

- Меня зовут Стефан, - представился мужчина.

Я назвал свое имя - так мы познакомились.

- Может, зайдём, где-нибудь посидим, выпьем кофейку? - предложил он.

Но я был утомлен, так как отработал две смены подряд, заменяя заболевшего напарника, и хотелось просто домой.

- Нет проблем, - понял мое состояние собеседник, - ты где живешь? - спросил он меня и тут же добавил, - у меня квартира в Черёмушках.

Я сказал, что живу там же. Оказалось, что мы, по городским меркам, соседи.

- Тогда давай пешком, - предложил он, - продышимся, - он вопросительно посмотрел на меня.

- Согласен, - у меня вновь проснулся профессиональный интерес к этому человеку.

Какое-то время мы шли молча. Видимо, каждый настраивался на общение с малознакомым человеком. И хотя я готовился сказать что-то особенное, умное, раскрыв рот, спросил то, что меня больше всего интересовало.

- Как получилось, что те парни вдруг забыли про вас и стали драться между собой? Даже потом, когда милиция

составляла протокол, ни ими, ни барменом о вас не было сказано ни единого слова, словно вас там и не было.

- Видишь ли, меня действительно там не было.

- Как не было? - перебил я. - Что же, а вернее кто же там был? И за что же вы меня благодарили?

- Я благодарил тебя за то, что ты избавил меня от милицейской волокиты.

- Понятно - значит, вы все же там были!

- Ну да, был - для тебя. А для них - не был.

- Это шутка или я чего-то не понимаю? - растерянно произнес я.

- Вот именно - не понимаешь. А объяснить более подробно я тебе пока не могу. Может быть, когда-нибудь после.

Я как-то сразу согласился с ним, но тут же задал новый вопрос:

- А прием?

- Что прием? - переспросил Стефан.

- Ну как же?! Те приемы, которыми вы так ловко отделали тех парней! Я ведь видел, что это были не случайные движения.

- Вот тут ты прав - это действительно не случайные движения. Хотя, по моему мнению, случайностей вообще не бывает. Все это результат личного жизненного опыта.

- Значит, это приемы какого-то стиля? - не унимался я.

За свои двадцать семь лет жизни я уже успел позаниматься и спортивной гимнастикой, и вольной борьбой, и боксом, и модным в то время каратэ, так что кое-что понимал в боевых искусствах.

И хотя сам не добился значительных результатов, однако мог довольно точно определить уровень демонстрируемого мастерства и качество применяемых приемов. Тут же было нечто особенное, не вписывающееся в обычные критерии. Интуиция, словно понимая ситуацию, нашептывала: "Это то, то самое, спроси"...

- А что это за стиль? - спросил я, - уж больно необычны движения.

- Да, - задумчиво проговорил Стефан, - это действительно весьма необычный стиль... - Видишь ли, я

сам по профессии военный летчик, участвовал в боевых операциях во Вьетнаме. Вот там-то и произошла встреча с одним человеком... Вернее, с целой семьей, которая спасла меня от смерти и дала определенные знания, в числе которых и владение этим семейным стилем.

- А в чем его особенности и как он называется? - не унимался я, решив раз и навсегда получить для себя ответы на все интересующие меня вопросы.

- Что я могу тебе сказать? Дело в том, что вьетнамское произношение этого вида борьбы очень сложно для русскоговорящих. Даже сказав "борьбы", я уже допустил неточность, так как это понятие мы толкуем лишь как единоборство. А на Востоке оно трактуется шире и глубже, являясь искусством жизни или кунфу. Та семья, о которой я говорил, культивирует данную жизненную позицию в самой активной форме.

Я же, понимая всю сложность восприятия таких принципов европейской культурой, с согласия учителя, этот семейный стиль адаптировал, назвав "Встречным ветром". Только пойми правильно: это не тот ветер, который дует путнику в лицо; а тот энергетический поток, который проявляется в человеке встречным откликом на возникшее извне давление; то есть, по сути, является дующим этому давлению навстречу. И чем резче, мощнее внешняя атака, тем сильнее и жестче порывы встречного ветра. Ну что, понял?

- Не совсем. Однако это философия, - отмахнулся я, - а вот сами приемы? На какой стиль они похожи?

- Как же это объяснить... - задумался Стефан. - Согласно одной из легенд, несколько веков назад в Китае жила одна монахиня по имени Яим Винчунь, которая и разработала стиль кунфу, впоследствии названный в ее честь.

Стиль Вин Чунь (точный перевод которого весьма осложнён из-за различных диалектов) звучит и как "Воспевающая весна", и как "Цветущая весна", и как "Вечная весна" и даже как "Лёгкий ветерок"). Стиль оказался долгожителем и со временем преодолел границы Поднебесной. Впоследствии, в силу сложившихся обстоятельств, он, попав во Вьетнам, преобразился, обогатив собой семейный тайный стиль, с

которым я и был ознакомлен и который вырос впоследствии во "Встречный ветер". Можно сказать, что "Встречный ветер" - это лик Яим Винчунь, обращенный к Западу.

- Но при чем тут Вин Чунь? - перебил я, - если Вы говорите о некоем семейном вьетнамском стиле, - продолжал я, пытаюсь во всем разобраться.

- А вот при чем. Ты спросил, на что больше всего похож Встречный ветер. Вот я тебе и говорю - на Вин Чунь. Хотя, судя по реакции, все это для тебя не имеет большого значения.

К моему огорчению, это действительно было так. Я, конечно, слышал о Вин Чунь, и такое имя, как легендарный Брюс Ли, говорило само за себя, но достоверной информации об этом стиле я не имел. Кинофильмы, конечно, кое-что давали, но это было всего лишь кино.

- Расскажите об этом подробнее, - попросил я.

- Ну, что тут рассказывать... Думаю, пока не стоит, - словно обрезал Стефан, и я почувствовал, что он, как-то вдруг посуровев, внутренне отдалился от меня.

Мы опять замолчали. Около пяти минут каждый из нас шел, думая о своем и не прерывая возникшую паузу. И тут я вспомнил еще об одном мучавшем меня вопросе.

- Стефан, - нарушив затянувшееся молчание, обратился я к нему, - скажите, а почему, когда Вы подходили, на меня словно гора наваливалась, даже немел язык и тяжелели веки?

- Я тебе уже говорил, - терпеливо ответил Стефан, - это Встречный ветер. Это не мое давление на тебя, а твое - на меня, но зеркально отраженное обратно.

- Я могу так сильно давить? - удивился я.

- Не совсем. Тут еще нужно добавить силу резонанса при отражении.

Я с умным видом кивнул, хотя так ничего не понял. Мы опять замолчали, но уже ненадолго.

- Как интересно, - рассуждал я, - пока мы говорили о простых вещах, все было понятно. Но стоило перейти к разговору о Вашем Знании, и все - тупик. Мне очень трудно во всем этом разобраться... Стефан, - вновь

обратился я к нему, - пожалуйста, обучите меня всему этому знанию, я буду трудолюбивым учеником.

- Видишь ли, я ведь не преподаю... и потом, ты не представляешь себе всех трудностей и сложностей пути, на который желаешь встать.

И пока Стефан аргументировано доказывал мне, что воплотить мою мечту практически невозможно, я все сильнее убеждался, что с этого момента для меня нет иного пути, кроме как со Встречным ветром.

Так решив, я посмотрел на Стефана, собираясь выпалить в него весь заряд своих эмоций, но, как ни странно, замолчал. Опять то же, но теперь легкое давление, остановило мой, готовый вырваться, поток красноречия.

- Ладно, - вдруг сказал Стефан, - может быть, что-то у нас и выйдет толковое. Но хочу сразу заметить, что обучить знанию нельзя. Ведь это продукт личной переработки внешней информации. Помочь же тебе получить ее я могу. Давай сделаем так.

Завтра я вновь уеду, недели на две. Вот тебе мой телефон, позвони двадцатого ноября вечером, и мы тогда точно определимся по этому вопросу. А пока я дам тебе подготовительное задание.

Для занятий необходимо подыскать спортивный зал; можно небольшой, нам много места не понадобится. И, кроме зала, тебе надо будет найти напарника. Особенности этой методики обучения требуют, чтобы на тренировках ученики работали в парах.

Это должен быть близкий тебе по духу человек, по сути, брат, так как все нюансы ученичества строятся не на противодействии, разрушающем целое, а на творчестве, созидании этого целого.

С человеком же, к которому у тебя не возникает внутреннего приятия, достигнуть взаимопонимания (особенно в первые, самые трудные месяцы обучения) не удастся. Сейчас мне сложно с тобой об этом говорить. Начав занятия, ты поймешь и разберешься в своих вопросах...

Так начался мой путь познания этой уникальной системы. В дальнейшем, общаясь со Стефаном, который стал нам не только тренером и старшим товарищем, но и

Учителем, я услышал от него много удивительных историй, которыми полнилась его судьба; и наблюдал совершенно изумительные события, сопровождающие его присутствие уже в этой жизни.

Я записывал рассказы о его вьетнамском брате Занге и Наставнике, а главное, о тех необычных пространственно-временных аномалиях, произошедших и сыгравших важную роль в жизни как Стефана, так и всех тех людей, которые волею судьбы были с ним впоследствии соединены.

Его повествование мне настолько пришлось по душе, что я начал их не просто записывать, но и собирать в хронологической последовательности. Таким образом, к 1997 году у меня накопилось несколько десятков больших тетрадей, повествующих о действительно необыкновенных явлениях. Как-то, перечитывая написанное, я вдруг подумал.

- Вот я читаю, удивляюсь, даже восхищаюсь, а ведь люди об этом ничего не знают. Не подозревают, что рядом с ними живет замечательный человек, несущий людям Знание. А что, если написать об этом книгу? Естественно, многое там покажется фантастикой, выдумкой. Ну что ж...

Зато те, кто заинтересуется, в конце концов поймут, что эта книга написана не в жанре популярной фантастики. Можно сказать, что в ней речь идет о фантастической реальности. Потому что все рассказанное на ее страницах происходило реально.

Мы долго беседовали со Стефаном об этой идее. Ведь люди должны знать, что они могут очень многое, просто им об этом никто не говорил, не показывал возможный путь развития, и поэтому они о своих магических возможностях даже не подозревают. Показать тропу, на которой определяются не только проблемы, но и выносятся волевые решения - задача нужная и благородная, хотя и сложная.

В конце концов, Стефан согласился - так родилась эта книга. Все описанное в ней происходило в фантастической реальности, которая также истинна, как и действительность материального мира. Сейчас в

Краснодаре работает школа единомышленников, изучающих стиль "Встречный ветер".

Можно много дискутировать о том, что возможно в нашей необъятной Вселенной, а что - нет. Лично я пришел к мнению, что, в принципе, может быть все, о чём человек только способен подумать, а вот уже субъективность личного сознания разделяет воспринимаемое на действительное и иллюзорное.

Кто-то из великих сказал, что чудес на свете нет, есть лишь непознанные законы природы. И природа нам время от времени предоставляет те или иные факты. Они-то и есть самая что ни на есть объективная реальность, ибо факт есть факт, и отмахиваться от него, как от миража, - позиция шаткая и недальновидная.

С помощью книг и телевидения мы уже знакомы с людьми, способными к проявлению таких феноменов, как ясновидение*, телекинез*, телепортация* и даже левитация*. Такие люди-феномены есть и в нашей стране, и зарубежом.

Причем у некоторых эти сверх-возможности проявлялись спонтанно, как божий дар, а у других открывались в результате каких-то, часто трагических, случаев. Зачастую такие возможности, однажды возникнув, затем полностью исчезали; хотя у некоторых проявлялись до конца жизни.

История, которая будет описана в серии книг "Фантастической реальности", также относится к классу феноменов. Однако здесь имеет место не только проявленная способность к левитации и другим паранормальным явлениям.

Самое главное, что в результате смещения временного континуума, наш путник смог пройти курс обучения, в результате чего у него были открыты и развиты не только эти, но и многие другие способности.

Он был все это время в сознании (пусть измененном, но от этого не менее реальном), и поэтому сумел перенести в нашу обыденную жизнь накопленный там опыт.

А ведь иногда люди после стресса вдруг констатируют по факту открывшиеся в них способности, не имея

представления, откуда они взялись и как действует этот механизм.

И лишь единицы знают и могут поведать о том, что с ними там происходило, а также каким образом действуют те или иные силы. Такие видящие* и ведающие имеют возможность обучать магическому искусству других, используя тщательно разработанную и проверенную многими поколениями систему.

Стефан там, в другом измерении, обучился приемам комплексной системы и постиг ее идейное наполнение. И как бы это ни казалось парадоксальным, демонстрируемые им в жизни способности убеждают в достоверности этого путешествия во времени.

С уважением,
Павел

Примечания

* Видение во времени раскладывается на наблюдение за событиями:

- *прошлого* (ретровидение);
- *настоящего* – независимо от места его дислокации при условии, когда объект недоступен для прямого визуального наблюдения (ясновидение);
- *будущего* (предвидение).

Все это способы сверхчувственного получения информации.

* Телекинез – воздействие на физические объекты с помощью целевого либо спонтанного мысленного возбуждения и последующего энергетического давления, вызывающего их пространственное перемещение, смещение и даже разрушение.

* Телепортация – перенос объектов материального мира или самого себя в пространстве и времени.

* Левитация – преодоление гравитационного полевого тяготения Земли направленным энергетическим воздействием человека на самого себя либо на

посторонний объект посредством создания автономного силового поля.

ВВЕДЕНИЕ

*"...Ну вот. Пора? Идти иль нет?
Душа зажжет в сознание свет.
Согреет сердце, поведет,
Дорогу к истине найдет..."*

Вьетнам на протяжении всей своей истории вынужден был периодически защищаться от иноземных захватчиков. Вначале вьетнамцы долго воевали с Китаем, затем с Японией, Францией, а потом и с Америкой.

Карательные операции американских зеленых беретов, морских пехотинцев и массированные налеты авиации, сопровождаемые жесточайшими бомбардировками вначале крупных городов и сел, а затем и джунглей, истерзали эту благодатную землю. Однако шариковые и игольчатые бомбы, напалм, оранж и даже бактериологическое оружие не смогли согнуть и поставить на колени свободолюбивый вьетнамский народ.

Война рассекла страну надвое – Ханой и Сайгон. И в этой кровавой "мясорубке" российские летчики сражались на стороне северян. Мы расскажем об удивительной судьбе одного из них. Стефан (так звали нашего героя) служил боевым летчиком. Он летал на МиГе, используемом для разведки стратегических целей, находящихся в глубине вражеской территории...

П. Веденин и Ли Хоа

Часть 1

Когда Смерть и Жизнь встают рядом, обсуждая судьбу человека, то иногда последнее слово остается за ним. И то, как он поведет себя в, казалось бы, безнадежной ситуации, и предопределит его дальнейший путь...

Глава 1

Солнце уже наполовину показалось над горизонтом, когда Стефан подошел к своей машине, находившейся в полной боевой готовности. Ловко взобравшись в кабину и закрыв "фонарь", он уверенно положил руки на штурвал. Щелкая многочисленными рычажками и кнопками, летчик завел турбину. В этот день человеку и машине предстоял нелегкий путь.

В нескольких сотнях километров к югу от их базы располагался вражеский аэродром, с которого взлетали "Фантомы", несущие Северу разрушение и смерть. Всеми доступными средствами американцы старались выжечь каленым железом дух сопротивления из джунглей. Стефану было приказано детально сфотографировать сам военный объект и произвести разведку района, прилегающего к нему.

Так как аэродром хорошо охранялся, то от летчика требовались навыки пилотирования на небольшой высоте, знание местности и способность к мгновенной реакции на постоянно меняющиеся условия. Но многое в этом случае зависело и от благосклонности судьбы.

Стефан, изучая местность по карте, хорошо осознавал тот смертельный риск, которому он подвергнется. Однако чувство долга и профессиональная гордость не позволяли зародиться в нем даже малейшей тени сомнения в успехе этого предприятия, невзирая на то, что его он должен был выполнить в одиночку. Это было сложное задание, и поэтому выбор пал именно на него, как мастера своего дела.

Самолет без опознавательных знаков, провожаемый только группой зябко поеживающихся от сырости техников, оторвался от взлетной полосы. Вскоре он, словно призрак, исчез в утренней дымке... Через некоторое время джунгли расступились, и под разведчиком, летящим на небольшой высоте, раскрылась панорама аэродрома, который и был его целью.

Запустив кинокамеру и проведя необходимую съемку, Стефан "лег" на обратный курс. Закончив поворот, он включил двигатель на полную мощность и, потянув штурвал на себя, начал стремительно набирать высоту.

Он не питал никаких иллюзий относительно того, что ему удалось совершить свой вояж незамеченным, вне зоны видимости РЛС противника, имеющего радиолокационные станции большой мощности.

Надо было как можно быстрее уходить от возможной погони. Некоторое время ему казалось, что это удалось, но когда он увидел два "Фантома", идущих на перехват, то у него промелькнула мысль:

- Я сделал все, что смог. Остается надеяться лишь на улыбку судьбы.

Невзирая на отчаянные усилия, предпринимаемые русским летчиком, "F-4B" стремительно приближались. Боковым зрением Стефан увидел, как из-под крыльев ближнего к нему самолета, вспыхнув, одна за другой, в его сторону направились две ракеты.

С этого мгновения время для него почти остановилось. И хотя он понимал, что реальные события на самом деле мчатся с головокружительной скоростью, тем не менее, восприятие позволяло ему четко анализировать ситуацию.

Пытаясь ускользнуть от преследовавших его самонаводящихся ракет, Стефан заставил машину повиноваться его воле. И она беспрекословно подчинялась, совершая маневры на пределе своих возможностей. Успешное выполнение таких фигур зачастую спасало пилотов от гибели.

Стефану действительно удалось избежать встречи с первой ракетой, которая, промахнувшись, взорвалась далеко от цели. Но вторая, выпущенная чуть позже, его все же настигла.

Яркая вспышка ослепила Стефана, а через мгновение страшный взрыв потряс всю машину. Обжигающий удар в плечо заставил сознание летчика помутиться, но огромным усилием воли он не позволил себе потерять контроль над самолетом. С трудом повернувшись, Стефан увидел, что турбина повреждена осколками и начала давать сбои. Самолет, оставляя за собой шлейф черного дыма, стал стремительно терять высоту.

Пилоту пришлось приложить все свое мастерство, чтобы удержаться от штопора. Теперь для него основной

задачей стала идея как можно дальше уйти от американской базы, вместе с тем приближаясь к своим.

Стефан взглянул на приборы: они показывали перегрузку еле работающего двигателя. Через минуту турбина задымилась сильнее, а вслед за дымом показался и огонь.

Внизу простирался казавшийся бескрайним ковер джунглей. Медлить было нельзя. Летчик нажал на рычаг катапультирования, и в следующее мгновение он уже был в воздухе.

Кресло, отделившись, ушло вниз, а маленький парашют, как и положено, сработал автоматически. Стефан ожидал ощутить рывок от раскрытия купола большого парашюта, однако его, почему-то, не последовало.

Он дернул аварийное кольцо, но даже после этого скорость падения не уменьшилась. Это могло значить только одно: парашют его не спасет. Судорожно дергая за кольцо, Стефан с ужасом посмотрел вниз: земля была опасно близка.

Удивительно, но даже в этот, самый критический момент его жизни, сознание успело отметить необычность местности, которая была под ним. Река с красноватым оттенком спокойно несла свои воды вдаль, протекая между наполовину обрушившимися скалами, поросшими хвойными деревьями.

Возле одной из скал виднелись горящие останки самолета. Туда же падал и он. Смерть приблизилась к нему впервые настолько близко, что он воочию увидел ее черную глазницу. Животный страх пронзил всю его суть.

- Неужели это конец? - мелькнула мысль. - Нет, только не это, не хочу, - сознание Стефана стремительно пульсировало, протестуя против очевидного факта... И вдруг он почувствовал, что где-то внутри него стала расти мощная волна, полная дикой ярости и силы.

Его сознание, словно гигантская грозовая туча, наливалось энергией. Ум Стефана отказывался понимать происходящее. Огромное давление изнутри распирало голову.

- Только бы ее ни разорвало, - мелькнула мысль, и в тот же миг яркая вспышка пронзила все его тело.

Он почувствовал молнию, которая ударила его в основание позвоночника. И тут же в середине живота летчик ощутил огненный шар, жар от которого стремительной волной резко взмыл по позвоночному столбу. Услышав в голове странный хлопок, Стефан отметил, что у него изменилось восприятие мира.

Возникло ощущение, что он находится под водой, и поэтому все окружающее казалось ему размытым, окутанным каким-то фантастическим туманом...

Переливы радужных красок в сознании Стефана длились недолго. Вскоре его восприятие стабилизировалось. В нем возникла удивительная легкость, наполнившая все его сознание.

Забыв о своем падении, он наслаждался чувством необычайного парения и свободы. С интересом летчик обнаружил, что окружающий его мир стал видеться намного четче и сочнее прежнего.

Теперь ему не нужно было поворачивать голову, чтобы осмотреться. Достаточно было сфокусировать взгляд на чем-либо, и предмет мгновенно проявлялся перед его взором во всех мельчайших подробностях.

Так, стоило ему заинтересоваться видневшимся вдалеке деревцем, как возникшее желание сразу же приближало объект внимания, взяв его в фокус. И вот взгляд уже изучает тайные тропы вечных тружеников-муравьев, бегающих по стволу того дерева. Летчику возникшие с его восприятием метаморфозы казались очень занятыми. Однако мысль, где-то с окраины осознания, продолжала его теребить:

- Нет, не то, ты должен увидеть не это!

Тогда Стефан предпринял попытку разглядеть другой находящийся внизу предмет. И вскоре это ему удалось - на земле были разбросаны горящие обломки самолета. Плавню укрупняя взятый в рамку внимания объект (а вернее сказать, то, что от него осталось), он вспомнил, что когда-то уже делал нечто подобное...

Ну, конечно, как же он мог про это забыть! Ведь на уроках биологии его любимым занятием было изучать

строение различных насекомых, рассматривая их под микроскопом.

С увлечением, достойным юного натуралиста, он и сейчас медленно прокручивал "колесико" восприятия, как в школьном микроскопе регулируя площадь наблюдения.

Будто сквозь увеличительное стекло, он рассматривал искореженный фюзеляж. Затем, усиливая фокус своего внимания, он остановил свой взгляд на бортовом номере самолета. Вначале эта цифра показалась ему просто знакомой, но тут его будто встряхнуло.

- Да это же номер моего самолета! Каким образом он смог оказаться здесь?

Оставив без ответа этот вопрос, его сознание стала заполнять совсем иная мысль. Его внимание привлекла открывшаяся в нем способность к ясному видению предметов, находящихся на большом расстоянии, а также выделение различных деталей в отдельное, укрупненное изображение.

Открывшийся дар его ошеломил. Ни о чем подобном он никогда не слышал. На ум ему пришла идея исследовать свою руку. Какой она окажется при детальном рассмотрении? Стефан сделал попытку поднести к глазам левую ладонь, но не смог произвести этого действия. На том месте, где должна была располагаться рука, Стефан ничего не увидел.

Ее просто не было, как не было ни ног, ни туловища. Он понял, что и раньше для того, чтобы посмотреть в какую-либо сторону, ему не приходилось поворачивать голову - просто изображение само мгновенно появлялось перед его взглядом.

С беспощадной ясностью к нему пришло понимание того, что, кроме способности воспринимать окружающее пространство и осознавать себя, у него теперь вообще ничего нет.

- Но этого не может быть! Так не бывает, это страшный сон, который сейчас должен закончиться, - повторял он эти слова, как заклинание.

Однако время шло, а ничего не менялось. Стремясь хоть как-то побороть накатившее на него чувство отчаяния, сжав волю в кулак, он заставил себя

плановмерно обследовать все возможные ракурсы взгляда, надеясь увидеть хоть что-то, способное послужить ключом к разгадке его нынешнего состояния.

Расширяя свой спектр видения, Стефан увидел еще один, живо заинтересовавший его предмет. Взяв его в фокус, он понял, что это "что-то" было ни чем иным, как телом человека.

Укрупнив картинку, Стефан разглядел у того на спине некое подобие рюкзака, из которого уже раскрылся маленький парашют, но вслед, почему-то, не вышел большой. Человек находился в бессознательном состоянии. Вскоре Стефану стала понятна причина этого несчастья: у этого человека была рваная рана на правом плече. Наверное, от осколка. А тут еще и этот парашютный рюкзак...

- Но если у человека за плечами хоть и маленький, но раскрытый парашют, - рассуждал Стефан, - значит, и он, да и я сам - мы оба находимся в воздухе, и по всему видно, что мы оба падаем.

Странно, но до этого момента он не обращал внимания на то, что земля внизу очень медленно, но неумолимо приближалась. Стефан подумал:

- Так как у меня нет тела, значит, нечему и разбиваться - есть хоть какая-то польза от моего нового положения!

А вот его товарищу по несчастью грозила беда. У него тело было, а возможности спастись - нет. Стефан заметил, как человек судорожно откинул голову, и, вглядевшись в его лицо, увидел до боли знакомые черты.

- Где же я раньше его встречал?

И тут он понял, где: в зеркале! Этим летящим человеком был он сам. В сознании всплыли воспоминания всех произошедших с ним событий вплоть до того мгновения, когда в его голове прозвучал странный хлопок.

- Так я умер? И это я, думающий и чувствующий, витаю вокруг своего мертвого тела? Я - дух?

Знобющий ужас вмиг парализовал все его мысли. Тело летчика дернулось вновь.

- Но ведь всем известно, что мертвые не двигаются, а это значит - оно живое! Произошло необъяснимое пока

разъединение сознания и тела, но не до конца - это не смерть, если до сих пор между мной и телом существует какая-то связь, а значит...

Стефан, сконцентрировавшись, постарался поднять здоровую руку своего тела. Внимательно наблюдая за реакцией, он увидел, что рука слегка задрожала, а затем, неожиданно резко дернувшись вверх, вновь бессильно повисла.

Хоть и слабая, но связь все же существовала, а это означало, что у него был шанс попытаться как-то спасти себя, пока тело еще не разбилось о такую родную, но теперь смертельно опасную землю.

- Но что я могу сделать? Где спасение? В чем? - мысли жужжащим роем толпились в его сознании, но выхода не подсказывали.

Предчувствие неминуемой гибели леденящим обручем стало сковывать его волю. Он как будто опускался в мертвое озеро жути, мощным водоворотом затягиваемый в бездну, в опустошающее забвение.

- Неужели вот так и умирают?

Чувство любви и щемящей жалости к себе заполнило всю его душу. Ведь он не испил еще чашу жизни и наполовину. Так хотелось жить, а для этого нужно было сделать невозможное - спасти свое тело.

В душе у него поднялась волна страстного желания действовать. Краски внешнего мира поплыли в вихре этого чувства. Его окружил мрак.

Но вскоре, когда тьма рассеялась, Стефан ощутил себя стоящим на вершине высочайшей из гор, спя и бодрствуя одновременно. Вольно дыша всей грудью, он осознал себя сутью самой жизни и почувствовал, что приподнимается над этой вершиной, к солнцу.

Восторг и трепетная радость вмиг объединили его со всем мирозданием, единым чувством наполнив сознание до предела и превратив в мощную звезду. Ее энергия, в полнейшей тишине вдруг ярко брызнув во все стороны искристым светом, мгновенно проявилась в Стефане и растворилась в нем.

Мир вокруг стал обретать знакомые очертания, хотя легкая беловатая дымка все еще застилала взор.

Яркий блеск прямо перед ним привлек внимание. Мир приобрел законченность форм, и стало понятно, что блестел серебристый лучик, связывающий его сознание и тело энергетической пуповиной.

Было видно, как от сознания внутрь луча вошел сгусток, напоминавший шаровую молнию, и двинулся к телу. Достигнув его, он стал преобразовываться в серебристую массу, которая, распространяясь во все стороны, окутала тело летчика прозрачной сферой.

Переливаясь всеми цветами радуги, это странное образование было похоже на огромный мыльный пузырь. Но внутри него находилось тело взрослого мужчины.

Оболочка, раздувшись еще больше, перестала расти, зато ее искрящаяся серебристость стала более четкой, насыщенной. Она светилась тоненькими лучиками словно бриллиант, в плену которого мечется солнечный зайчик, а на поверхность вырываются лишь бесчисленные блики.

Сознание Стефана, находясь вверху и немного сбоку, отметило, что пуповина, входя в кокон сверху, давала импульсы, заставляющие его вращаться по часовой стрелке. Это было тем более заметно, что ось самого кокона была расположена под углом примерно в сорок пять градусов к вертикали падения.

Стоило сознанию заинтересоваться какой-либо деталью сфероида – эффект четкого видения сразу же начинал действовать. Он видел даже под таким углом, под которым в обычном состоянии никогда бы не смог этого сделать.

Сама оболочка книзу заметно расширялась, и только под ступнями ног, в виде воронки, заворачивалась внутрь. Образуя тугой жгут внутри кокона и поднимаясь вверх, она как бы прикреплялась к сложенным крест-накрест ногам.

Тело летчика тоже проворачивалось вдоль оси, но против часовой стрелки. Руки были сложены так же, как и ноги, кистями обхватывая плечи, причем левая была сверху, как бы замыкая собой силовой круг.

Вскоре вся система стабилизировалась, после чего скорость падения летчика заметно уменьшилась. Наблюдая сквозь кокон за телом, Стефан заметил, что

оно перестало совершать даже конвульсивные движения. Очевидно, "летчик" полностью утратил осознанность.

Глядя вниз, Стефан увидел, что прямо под ним находится зияющая пасть горного провала, в котором виднелись догорающие обломки его самолета.

Чем-то угрожающим веяло от клубов поднимающегося вверх черного дыма. Туда падать нельзя. Предчувствие опасности побудило Стефана направить все свое внимание на решение и этой проблемы.

Активизируя волю, он увидел, как от него к сфероиду по пуповине пошел еще один мощный световой импульс, побудивший грушевидную оболочку усилить вращение вокруг своей оси.

Тело также стало набирать обороты, однако кокон все равно во много раз превосходил скорость вращения телесной оболочки. Создавалось впечатление, что пилот висит на растяжках (отходящих от его макушки и ступней ног вверх и вниз к краям кокona), хотя их и не было заметно.

Вращение возросло настолько, что энергетические линии сфероида стали казаться неподвижными, и только яркость свечения, будто пульсар, выдавала его высокую скорость. Воронка, которая находилась под ногами тела Стефана, стала выходить наружу, вытягиваясь во что-то, напоминающее слоновий хобот.

Эта форма была похожа на волчок-игрушку, с которой в детстве Стефан любил играть. Детство, однако, уже давно закончилось, и теперь он видел нечто совершенно необъяснимое. Даже сквозь движение оболочки ему было хорошо видно, что тело как будто окаменело, неподвижно устремив свои невидящие глаза прямо перед собой.

Между тем, стали происходить новые изменения. Хоботок, все больше вытягиваясь и становясь похожим на смерч, двинулся к участку земли, который находился примерно в ста шагах от края того опасного разлома. Вращающийся волчок, как по желобу, медленно заскользил внутри этого рукава, изменяя угол падения.

Стефану много раз приходилось удивляться за то время, которое прошло с момента катастрофы, но это превосходило все его познания законов гравитации.

Такого быть не могло, однако было, и это происходило в объективной реальности. Тело не падало, а медленно опускалось по касательной траектории на землю.

Самым поразительным было то, что в этом состоянии сознания он воспринимал все происходящие с ним, как нечто обычное и заурядное. И, тем не менее, где-то в уголке его сознания вспыхивала мысль:

- Не сон ли все это? - но это не было сном, так как он полностью осознавал и себя, и окружающий мир.

Тем временем опускающийся сфероид достиг верхушек покрывающей землю растительности. Здесь она была настолько плотной, что сквозь кроны деревьев почти не было видно земли. Когда же сфероид коснулся своим нижним краем листвы, та, вся затрепетав, засветилась тем же искристым светом, который из него исходил. Под этим воздействием зеленая масса расступилась, образовав воронку, в которую и стал мягко опускаться вращающийся волчок, несущий в себе тело Стефана.

По мере продвижения к земле объем оболочки стал постепенно уменьшаться, как бы оставляя частицы своей массы на листьях и ветвях деревьев, которые он раздвигал. А когда тело находилось всего лишь в нескольких метрах от земли, только еле заметное свечение мерцало на его поверхности.

Сознание Стефана видело, как его тело, рухнув на кустарник и почти полностью его смяв, свалилось на густой мох, плотным слоем застилавшем всю землю под деревьями. Вот на этом-то мягком покрывале и лежало тело Стефана лицом вниз. Стремительно приблизившись, сознание стало внимательно его рассматривать:

- Живо ли оно?

Глухой стон проинформировал Стефана о том, что главной опасности удалось избежать. Но тело все же было повреждено. Помимо осколочной раны на правом плече, левая ступня была неестественно вывернута. Возможно, от перелома. Сквозь разорванный комбинезон были видны многочисленные царапины и кровоподтеки, но позвоночник, кажется, был цел.

Чудо удалось совершить, но пока это лишь отдаляло агонию. С такими ранениями, как у него, в джунглях

шансов выжить до рассвета не было. Запах свежей крови быстро подскажет любому хищнику местонахождение умирающего человека.

Единственное, что могло спасти, так это если его тело обнаружат люди. Хотя это было маловероятно, потому что на протяжении многих километров в любом направлении вокруг не было ни единой живой души. Это он точно знал еще со времени изучения карты местности перед вылетом.

Ни поселений мирных жителей, ни военных баз поблизости не было. Этот горный район был одним из самых неосвоенных во всем Северном Вьетнаме. И именно там его угораздило упасть. Но что было делать? Оставалось только печально бродить вокруг своего искромсанного тела и надеяться, что ему удастся найти выход из тупика.

Детально вглядываясь в свое тело, Стефан подметил интересную особенность: царапины, возникшие в результате падения тела между ветвей, почти не кровоточили. Да и все тело было больше похоже на желтую мумию, чем на живого человека. В нем чувствовалось замедление всех жизненных процессов.

Скорее всего, это произошло из-за того, что сознание и тело были отделены друг от друга. Начиная опасаться, что тело впадет в коматозное состояние, если замедление будет продолжаться, сознание попыталось войти в свою материальную оболочку. Но ничего не получалось. Что-то противилось этому объединению.

Внезапно сознание Стефана озарила догадка. Чтобы выжить, он должен находиться снаружи тела, охраняя его. Ему представился образ колпака, которым нужно накрыть тело. Строя голограмму в сознании, он видел, что она мгновенно воплощается в реальность.

Как паук плетет свою паутину, так и Стефан, нить за нитью, создавал энергетическую полусферу. Ее диаметр был равен примерно пяти метрам. С любовью протянув последний луч, он взглянул на нее. Энергетический купол, получив законченность формы, обладал реальной силой, хотя, став совершенно прозрачным, словно стеклянным, был невидим. Границы можно было

распознать только по слабому преломлению света по всей его поверхности.

Внезапно мысли Стефана были нарушены нарастающим чувством тревоги. И вскоре он понял, по какому поводу оно возникло. В сторону тела ползла змея. Переливы зеленоватых чешуек, поблескивая холодным металлом, быстро струились по ее телу в такт грациозным движениям. Стефан почувствовал, как липкий пот выступил на его несуществующем лбу.

– Что же делать?

И вдруг змея, застыв всем телом, приподняла свою голову и стала осматриваться. Ее пронизывающий взгляд был направлен в сторону полусферы. Присутствие Стефана, похоже, не было замечено рептилией. Несколько секунд она словно к чему-то прислушивалась, а затем, мгновенно развернувшись, быстро скрылась в том же направлении, откуда приползла раньше. Опасность миновала, а это означало, что полусфера, созданная Стефаном, успешно выполняла свои функции, и теперь он мог заняться чем-то другим.

Сознание стало последовательно исследовать близлежащие окрестности. И хотя Стефан понимал, что бесполезно искать в этих местах людей, он все же лелеял надежду кого-нибудь найти.

Уже знакомый с механизмом своего нового мышления, Стефан сосредоточился над решением этого вопроса, и тут же был найден ответ: ему нужна вода. Ведь там, где она есть, должны быть и люди! А значит, найдя их, у него появится шанс помочь своему телу. Хотя как это можно будет сделать, он себе совершенно не представлял.

Едва это желание приняло четкую форму, его сознание перенеслось к реке. Вдоль ее извилистых берегов, покрытых пышной растительностью, не было заметно никаких признаков деятельности людей. Лишь множество птиц вилось над поверхностью реки, проворно схватывая мошек на лету.

Спокойствие окружавшей его живности ясно давало понять, что людей возле реки уже давно не было. Решив во что бы то ни стало разыскать их, а после действовать по обстоятельствам, он двинулся вверх по течению,

полагая, что рано или поздно найдет помощь. Сознание плавно перемещалось вперед, хотя ему казалось, что само оно неподвижно, а навстречу ему плыла местность.

Вскоре он "дошел" до озера округлой формы, рядом с которым высилась скала, вершина которой, точно божьим мечом, была рассечена пополам. Через эту-то расщелину и протекала река, падая водопадом в озерцо бирюзово-лазурного цвета.

Струи его казались мощной лавиной, и, в то же самое время, он создавал впечатление изящной скульптуры, над которой славно потрудились матушка-природа. В водопаде можно было увидеть пять отдельных струй.

Внимательно приглядевшись, Стефан заметил, что каждая из них отливает определенным цветом. И сколько он ни пытался понять, в чем тут дело: то ли солнечные лучи, преломляясь, создавали такое впечатление, то ли скала под струями состояла из разной породы - разгадку так и не нашел.

Однако Стефан с уверенностью мог сказать одно: более красивого места в своей жизни он никогда не видел. Озеро, скала и водопад всколыхнули в нем давно утраченное чувство спокойствия и умиротворенности. И хотя в этом месте не было видно людей, ему захотелось побыть там еще немного.

Рассматривая водопад сквозь белую дымку, образованную разлетающимися водными брызгами, Стефан обратил внимание на углубление, которое находилось под левым крайним потоком воды. Ему показалось, что он увидел там какое-то движение.

- А вдруг там находится вход в пещеру, в которой могут быть люди?

Мгновенно оказавшись возле заинтересовавшей его стороны водопада, Стефан "прошел" сквозь водяную стену, практически ничего не почувствовав, и оказался в небольшой каменной нише, в которой не было и малейшего намека на пещеру.

Очевидно, ему почудилось то движение из-за бликов на воде. Хотя огромная трещина, пересекавшая заднюю стену ниши, явно указывала, что лет через сто она сможет преобразоваться в пещеру. Уже сейчас вниз

трещина расширялась, упираясь нижним краем в естественный пол.

- Интересно, - подумал он, - насколько глубока эта трещина?

Тут же сознание Стефана обнаружило, что трещина стала наплывать на него, одновременно расширяясь, и вот она уже сформировалась в обыкновенный пещерный проем. Нисколько не удивляясь этим метаморфозам, Стефан скользнул вглубь образовавшегося прохода.

Да, его уже не поражали те странные вещи, которые происходили с ним после выхода сознания из тела. Однако он не переставал удивляться тому, как реагировал на эти необычные проявления. Его сознание воспринимало все происходившее как нечто само собой разумеющееся.

Вскоре, пройдя сквозь трещину, он обнаружил, что за нишей открывается небольшой грот, в котором он без труда помещался. Стефан медленно поплыл к каменному тоннелю, в который преобразовывалась пещера, осторожно и не спеша продвигаясь в незнакомом месте. Что-то таинственное было в этом проходе, нечто завораживающее.

- Это впечатление создалось у меня из-за странных мерцающих стен тоннеля, - подумал он.

Да, они действительно мерцали серебристо-дымчатым светом. словно камни, расположенные по обе стороны от него, были усыпаны мириадами крошечных светлячков, смиренно застывших в едином порыве осветить тропу путнику.

- Очевидно, в этой скале, состоящей из разных пород, много кварцевых прослоек, которые и отражают падающий на них свет, - понял он. - Но я слишком далеко зашел вглубь тоннеля, чтобы солнечные лучи смогли проникнуть сюда, даже если бы они отражались о кварцевые включения стен. Что же является источником этих бликов?

Посмотрев назад, Стефан не обнаружил там света, как не было его и впереди. Мысленно проведя линии от бликов до их возможного источника, он понял, что этим источником является его энергетическое тело, излучавшее вокруг себя завораживающий серебристый

свет.

Раскрыв эту загадку, Стефан стал двигаться дальше, рассматривая стены тоннеля в управляемо регулируемом свете. А посмотреть было на что. То там, то здесь, в небольших естественных выемках, стали видны вырезанные в скале какие-то надписи на неизвестных ему языках.

Он смог различить только некоторые виды письменности. Вот проглядывают характерные завитки арабской вязи, а в следующей нише начертаны иероглифы.

Стали встречаться и изображения живых существ: большая кошка, крадущаяся к рыбе, прячется в облаках. На следующем рисунке две женщины в национальных костюмах, с высоко поднятыми мечами, сидят на слонах. Над их головами видны гордо развевающиеся знамена.

А вот огромный лист, кажется, смоковницы. В его центре вылеплен извивающийся дракон. Тщательная проработка всех деталей поражала воображение. Длинные усы на мохнатой голове дракона говорили о преклонном возрасте этого исполина, змееподобное тело было покрыто чешуйками, а вверх по позвоночнику топорщился гребень.

Несмотря на внушительные клыки и устрашающие размеры, в глазах дракона читалась мудрость, накопленная им за прожитые тысячелетия. Стефану показалось, что дракон, уйдя с поверхности земли в палеозойскую эру, после долгих скитаний окаменел в этом запутанном лабиринте.

Следующую нишу украшало изображение змеи. Свитое в спираль гибкое тело восточной красавицы блаженно грелось на пригорке. Хвост, проходя сквозь кольца ее тела, был направлен вверх.

Голова же, изящно склоненная на конец хвоста, казалось, что-то таила. Бесчисленное множество чешуек как будто разливалось по этому телу. А венчал всю эту живую закольцованную систему небольшой, но, по всему видно, чистейшей воды кристалл с множеством граней.

Кристалл находился у змеи во рту, очевидно, что-то этим символизируя. Присмотревшись, Стефан понял, что

тело змеи было создано из кусочков перламутра, придавая рептилии холодную красоту серебра.

На следующем рисунке царила совсем иная атмосфера. Стайка маленьких обезьян стремительно "неслась" по кронам деревьев. Некоторые животные находились на самом верху, другие - в сердцевине кроны, а третьи уже перепрыгивали на соседнее дерево.

Строя рожицы, они походили на разгулявшихся ребятишек. Там было все – "и смех, и грех". Две малышки, держась за один банан, старательно перетягивали его каждая на свою сторону с устрашающими гримасами, очевидно, надеясь отпугнуть соперницу.

А одна незадачливая обезьяна, уцепившись хвостом за лиану, висела между двумя далеко растущими друг от друга деревьями, глубоко задумавшись: то ли ей прыгать вперед, то ли назад. Между тем она все больше отставала от своих друзей.

Картина, созданная на твердой поверхности, изнутри была насыщена подвижной игрой. Обезьянки как бы на миг замерли, лукаво притворяясь лишь изображениями.

Он заскользил дальше, рассматривая ниши с фигурками рыб, птиц и зверей. Особенно ему понравился огромный тигр, с грозным видом стоящий на крутой сопке. Плавные зигзаги на его роскошной шкуре только подчеркивали неустрашимость и воинственность зверя. Световые блики, падающие на рисунок, создавали впечатление абсолютной реальности. Неосторожное движение - и тигр, казалось, прыгнет на тебя, и уже не будет спасения от его мощных лап. Стефан поспешил дальше, полагая, что не стоит воображению давать слишком много воли.

Проходя по лабиринту, он так увлекся рассматриванием картинок, что совершенно забыл обо всех своих проблемах. Стоя перед очередной нишей, он через рисунок, как через дверь, попадал в изображаемый мир, живя вместе с героями сюжета их жизнью. В нем проснулось желание вечно бродить по этим удивительным мерцающим тоннелям, не тревожась больше ни о чем и ни о ком.

Вдруг резкие звуки в клочья разорвали вековую тишину каменного прохода. Мощные крылья гигантской птицы ритмично издавали гулкие хлопки, которые слышались Стефану все яснее и четче. Он почувствовал, как непреодолимая лавина накатывается на него. Дикий страх погнал его вперед, заставляя двигаться все быстрее и быстрее. Однако, как он ни старался оторваться от преследователя, тот не отставал.

Стефан, не сбавляя темпа, оглянулся. В исходящем от него мерцании он рассмотрел два ярко-желтых с зеленоватым отливом глаза, хищно смотрящих прямо в сердцевину его сущности. От увиденного Стефан, как заяц, мчащийся по дороге в свете передних фар, припустил изо всех своих сил, однако глаза птицы не только не отставали, но стали еще и неумолимо приближаться.

Силы Стефана были на исходе. Он почувствовал, что сейчас не выдержит и сдастся, упав прямо в лапы этой громадины. Мысли беспорядочно прыгали, как брызжет масло на раскаленной сковороде. Они не только не подсказывали спасительного выхода, но и окончательно разбалтывали сознание. Сзади, как будто почувствовав его слабость, прибавили ход, и Стефан ощутил, как сверху над ним стало что-то нависать. Огромная тень упала на него.

– Еще мгновение – и мне конец, – понял Стефан.

Неожиданно его затуманенному взору слева открылась небольшая ниша, в которой находилась какая-то скульптура. Это был его последний шанс. Как умирающий в пустыне от жажды путник делает рывок в сторону оазиса, так и Стефан из последних сил упал в угол ниши. Максимально вжавшись в него, он почувствовал, как жесткие, будто из железа, перья, слегка задев его, пронеслись дальше.

Посмотрев на пролетающую птицу, он увидел, что это был огромный орел. С широко растопыренными мощными лапами и крыльями, застилающими весь проход, тот медленно удалялся от него, оставляя позади себя светящийся шлейф...

В этом затухающем следе Стефан заметил, как птица, ни на миг не сбавляя хода, влетела в просторную

каменную нишу и, пролетев сквозь нее, оставила позади себя зияющую дыру, тем самым открывая новый проход.

Любопытство толкнуло его подойти ближе к проему, по обе стороны которого находились каменные изваяния собак. У той, что сидела справа от входа, пасть была широко открыта - она как будто лаяла на непрошенных посетителей. Находящаяся же напротив собака мирно лежала, свернувшись калачиком.

Ошейники собак были украшены колокольчиками, предназначенными, наверное, для оповещения хозяина о том, что к нему явились гости. Даже каменные, эти стражи внушали почтение, и проходить между ними Стефану вовсе не хотелось.

Но светящийся шлейф орла таял на глазах, а вместе с ним все меньше становился проход, затягиваемый с краев тонкой пеленой, будто прорубь - льдом. Медлить было нельзя, и гость скального лабиринта, как-то разом решившись, прыгнул...

Глава 2

В момент, когда Стефан перепрыгивал через проем в нише, ему показалось, что он прошел сквозь невидимую пелену, которая находилась под напряжением. Но потому, что он прыгнул, а не прошел, воздействие на него этой силы было минимальным.

Пролетев через сжимающуюся дыру, Стефан оглянулся: проем уже практически исчез, преобразовавшись в обычную каменную кладку. Назад пути не было. Поняв это, Стефан стал лихорадочно осматриваться.

Он увидел, что находится в большом гроте, где повсюду росли сталактиты и сталагмиты – каменные глыбы, по которым многие сотни, а может, и тысячи лет стекала вода, образуя причудливые формы. То были детища Земли, кропотливо созданные водой и солью гор.

Хотя не было видно никаких выходов наружу, в пещере было довольно светло. Переместившись дальше, он увидел озерцо, над которым находился уступ, где на самом краю, весело потрескивая, ярко горел хоть и небольшой, но настоящий костер.

Стефан не поверил своим глазам. Впервые за проведенное вне тела время ему удалось увидеть что-то, несомненно указывающее на присутствие людей. Надежда на спасение вновь затеплилась в нем. Быстро просмотрев этот грот, а также несколько соседних и никого не обнаружив, он остановился на берегу озера в полной растерянности, не зная, что и подумать.

С одной стороны, был грот, где горел огонь, указывая на близкое нахождение человека, а, с другой, здесь никого не было. Получалось, он оказался в ловушке, и его незащитное тело наверху скоро умрет...

Вдруг ему показалось, что он уловил в звуках падающих капель какой-то ритм. Прислушавшись, Стефан различил тихий старческий шепот:

– Что тебе нужно? Что ты здесь ищешь, путник?

Он начал искать говорившего, но, никого не увидев, вернулся на старое место и вновь стал слушать капель.

– Что ты ищешь?

– Тебя, – произнес громко Стефан, никак не надеясь, что говоривший человек его услышит.

– Если ты хочешь меня увидеть, тебе нужно свернуть вправо и зайти в соседний грот.

Так и сделав, Стефан никого не обнаружил, разве что возле стены грота возвышался огромный соляной столб, возникший в результате соединения сталактита и сталагмита. Причудливая форма соляных отложений напоминала фигуру человека.

Вот чудится сгорбленная спина... Вот голова, с достигающей до пола серебристой бородой... Вот четко прорисовывается рука... Приглядевшись, Стефан различил даже черты лица. Чем дальше он вглядывался, тем больше находил сходства со старческой фигурой... Прямо у него на глазах кажущаяся статуя становилась все реальнее, живее... И вот уже перед ним сидит Старец, как будто из плоти и крови.

Поднявшаяся в сознании Стефана радость от того, что он видит человека, вытеснила все сомнения в реальности происходящего. Если он чувствует себя реальным в том виде, в котором сейчас находится, то почему другие не могут быть столь же реальными, хоть раньше он в таком виде их и не встречал? Не колеблясь ни секунды, он приблизился к старику.

– Странно, – подумал Стефан, – почему же раньше, когда я осматривал грот, этот человек показался мне соляным столбом?

Сейчас же в том месте, где сидел старик, не было даже и намека на какой-либо сталактит. Невзирая на очередную странность в восприятии внешнего мира, летчик несколько этому не удивился и, восприняв это как нечто само собой разумеющееся, приблизился к сидевшему Старцу.

Вежливо склонившись в поклоне, он поздоровался. Тот, приветственно улыбнувшись, сделал приглашающий жест рукой, как бы предлагая Стефану сесть.

– Как же я могу это сделать? – мелькнула у того мысль. – Ведь я всего лишь дух, чистое сознание.

Но старик, продолжая улыбаться, произнес:

– Можешь!

– Как? – не мог понять Стефан.

– Тебе нужно только захотеть.

– Только захотеть? Ну что ж, давай попробую, – и Стефан стал представлять, что он дома усаживается в кресло.

Удивительное дело: его сознание действительно почувствовало себя сидящим, как будто у него было тело. Осмотрев самого себя, ему показалось, что он видит свою телесную оболочку, которая расположилась на небольшом выступе скалы.

Единственным отличием было лишь то, что камень казался более плотным, чем тело Стефана. Создавалось впечатление, что оно прозрачно и как бы соткано из мягких лучей света.

– Ну, вот видишь, получилось. Я же тебе говорил.

Это напоминает сновидения, где ты воспринимал себя в теле, хотя его и не было в тех слоях реальности. В таком состоянии ты можешь многое. Все зависит от того, чем и как ты будешь думать, другими словами – от твоего внимания и воли.

Прислушиваясь к словам старика, Стефан подумал:

– Интересно, кто он, откуда и кем может быть?

Не успел он полностью сформироваться этот вопрос, как старик поднял голову и внимательно посмотрел на него.

– Ты хочешь знать, кто я?

– Конечно, – подтвердил Стефан. – И где я сейчас нахожусь, и есть ли здесь еще кто-нибудь?

– А зачем тебе еще кто-то?

– Я – летчик, и сражаюсь на стороне вашего народа против иноземных захватчиков. Мой самолет сбили, и он, загоревшись, упал здесь неподалеку. Я же, спасаясь, катапультировался, но парашют не раскрылся. Когда это случилось, я подумал, что неминуемо погибну.

И тут произошло невероятное. Или не знаю, как это еще можно назвать, но, падая, я не разбился. Вернее, тело не разбилось, а со мной, с моим сознанием, произошло нечто совершенно невообразимое. Оно, освободившись, вышло из тела, и вот я теперь здесь.

Подозреваю, что между этими двумя фактами есть какая-то связь, но я ничего не могу понять, а уж, тем более, осмыслить. Это вообще не вписывается ни в какие

законы – ни физики, ни логики, которым нас учили в школе и в летном училище.

– Да, ты прав, – сказал старик, – это не вписывается в те знания и законы, которыми оперируют в вашем мире. Однако реальность жизни гораздо шире и глубже, можно сказать, что она бесконечна. Тот слой времени, в котором вы живете, всего лишь огненный лепесток в вечно бушующем пламени жизни.

Сейчас твое время, вернее, время твоей жизни пересеклось с иным пластом этой же энергии. В нем действуют другие законы. И поскольку оно более совершенно, то и ты, со своим телом, подчинился им, а значит, обычные для вас законы жизни перестали действовать в привычном для тебя режиме.

– Так вы из другого времени? Разве это возможно? Как это? – удивился Стефан. – Вы – не человек? И это – не Земля?

– Нет, нет, – успокоил его старик, – это Земля. Твоя родная, горячо любимая Земля, и я такой же человек, как и ты, хотя теперь уже и не совсем такой. Если говорить точно, я был им несколько веков назад, считая по вашему летоисчислению.

В те времена на этом месте, используя естественные пещеры и гроты, люди построили скальный храм. Вокруг было несколько поселений, жители которых шли со своими бедами, горестями и радостями в наш общий дом. И братья оказывали им посильную помощь.

В то время я был одним из настоятелей того монастыря. Состарившись, я удалился от общественных дел и стал заниматься углубленной медитацией, практикуя выходы из тела, очень похожие на то, что случилось с твоим сознанием во время падения. Разница лишь в том, что это были сознательные действия.

В результате упорной работы я почувствовал себя готовым к далекому путешествию и сообщил об этом своим духовным соратникам. Мы стали тщательно готовиться и выбрали этот, расположенный в самом глубоком месте пещеры, грот.

Он отвечал всем необходимым требованиям, основным из которых было наличие обособленной и сухой ниши с

высоким потолком, а также сети нескольких, переходящих одно в другое, помещений.

Но самым главным было то, что один вход в пещеру был тщательно замурован, делая невозможной связь с внешним миром с этой стороны. А с другой стороны все-таки имелся тайный выход, через который, в случае моего внезапного возвращения в тело, я мог бы выйти на поверхность через отверстие, находящееся на дне озера.

Именно в этом помещении мы с тобой сейчас и находимся. Позже мы пройдем лабиринт, и ты сам увидишь все это.

Подготовив место последнего моего прибежища, братья ушли, тщательно замуровав за собой выход. Оставшись один, я сел в удобную для себя медитативную позу и стал погружаться в глубины сознания. Все шло по уже известным мне законам. Легкое усилие воли – и я оказался на свободе.

Не буду сейчас всего рассказывать, где был и что видел. Через какое-то время я услышал зов и понял, что мне нужно возвращаться. Вернувшись в пещеру, я обнаружил: в ходе естественных процессов, происходящих в пещере, мое тело настолько мумифицировалось, что для меня не представляется никакой возможности, войдя, оживить его без чьей-либо помощи.

– А где же сейчас находится ваше тело? – спросил изумленный его рассказом Стефан.

– Оно здесь, прямо перед тобой, – засмеялся старик, – вот смотри.

И вдруг образ сидящего Старца, без изменения своего положения, как-то плавно отплыл в сторону. На том месте, где только что находился сидящий старик, летчик увидел соляной столб.

– Так где же тело?

– Да оно перед тобой! – вновь раздался насмешливый голос Старца.

Внимательно взглядываясь, Стефан попытался сосредоточиться и, сфокусировавшись, заметил на объекте, как ему показалось, несколько трещин.

– Так это не монолит, – определил он, продолжая всматриваться.

Вдруг мгновенной вспышкой отгадка блеснула в его сознании.

– Это же паутина! – вскрикнул он.

И действительно, то была густая и плотная ткань, которая спускалась со свода потолка прямо до пола, укутав своими нитями находящееся внутри тело, сидящее на уже давно истлевшей соломе.

Ноги мумии были согнуты и подобраны под себя, плечи опущены. Руки лежали на бедрах ладонями вверх, спина была совершенно прямой, а голова – покрыта длинными седыми и очень тонкими волосами, свисающими на плечи и образующими какой-то фантастический купол.

Глаза – закрыты, лицо выражает спокойствие. Разглядев мумию, Стефан сразу же понял, чье это тело, несмотря на то, что, ссыхаясь, ткань видоизменилась, и черты лица были сильно заострены. Стефан отпрянул. Из этого, созданного природой, склепа на него повеяла сама бесконечность.

– Не буду тебя пугать, – засмеялся старик, и образ его, плавно скользя, вернулся на прежнее место. – Ну вот, когда ты кое-что узнал обо мне, я продолжу свое повествование.

Итак, вернувшись и не найдя возможности войти в тело и оживить его, я задался вопросом: зачем прервал свое познавательное путешествие? А, главное, кто меня сюда позвал? И как только я об этом подумал, произошла удивительная вещь.

Исчезло всё: грот, стены, пол, тело – и я ощутил, что нахожусь в каком-то пространстве, созданном из абсолютно белого света. Рядом не было никого, и в то же время я понимал, что кто-то со мною разговаривает. И тут до меня дошло – это разговаривает само пространство! То, в котором я нахожусь и частью которого являюсь.

– С тобою говорит не пространство, – поправил меня голос, – а время. Это голос времени, который живет в тебе. Позвало же я тебя для того, чтобы ты, как и другие сознательные силы, смог бы воздействовать на некоторые негативные процессы, происходящие на Земле.

– Но как, каким образом я смогу помочь людям? – возник вопрос в глубине моего сознания. – Ведь я же не могу вернуться обратно в свое тело!

– Этого и не потребуется. Ты должен лишь оказывать благотворное влияние на сознания тех людей, которые сейчас имеют физические тела и живут активной жизнью.

– Но как? Как это можно сделать?

– Смотри, – раздался голос, и тут же свет передо мной как будто распался на составляющие и исчез.

Я почувствовал себя находящимся достаточно высоко над землей, и в то же время мне было отлично видно всё на ее поверхности до мельчайших деталей.

С одной стороны, я понимал, что между точкой восприятия и землей имеется огромное расстояние, а, с другой, эта дистанция сжалась так, что она как бы перестала существовать.

– Смотри внимательно, – продолжал вещать голос.

Сосредоточившись на этом двойном восприятии, я вдруг увидел, что из земли поднимаются вверх объемные столбы белого света.

На самом верху, расширяясь, они образовывали сплошной купол. Причем снизу он светился нежным бледно-голубым светом. Я исследовал своим вниманием купол, и у меня мелькнула мысль: "Крыша мира!".

И действительно, это напоминало самую настоящую крышу, стоящую на мощных световых опорах. Сам купол по своей толщине был неодинаков. Чем ближе к поверхности перемещалось мое внимание, тем темнее становился цвет, переходя к синему и даже фиолетовому оттенку. Чувствовалась всё нарастающая плотность этого пространства.

Осознавая величие увиденной картины, я понял две вещи. Первое – вся Земля покрыта этим куполом; и второе – колонны, несущие на себе эту крышу, излучаются из самого сердца планеты с какой-то, пока еще непонятной для меня, закономерностью. Они не были одинаковы и по высоте, и по толщине.

– Что же это? Судя по всему то, что я увидел сейчас, было всегда. Но почему же я этого не видел ранее?

И тут же услышал ответ, прозвучавший таким образом, как будто он всегда был во мне, но я его не слышал, и только сейчас начал понимать.

Это было похоже на то состояние, которое испытывают люди, букву за буквой очищающие от вековой пыли написанную природой мудрость. Итак, я услышал:

– Земля – это живое существо, имеющее свою душу, которая питает ее жизненной энергией, идущей из космоса. Сама же энергетика столь мощна, что способна погубить всё живое на Земле и даже саму планету своей избыточной активностью.

Именно планетарная душа, образуя крышу-щит, служит не только для отражения агрессивных потоков, но также исполняет роль фильтра, преобразуя ее в жизненную силу, которая стимулирует и активизирует биологические процессы флоры и фауны.

Столбы же предназначены не только для того, чтобы питать энергией купол, но также и затем, чтобы замкнуть силовой контур, создав единое энергетическое поле. Называются они биологически активными точками Земли. На одной из этих точек и расположен ваш скальный храм.

Именно поэтому сам храм и живущие в нём монахи обладают особой чудодейственной силой. Большинство же людей живет вне этих зон, и потому такой силой не обладает, а, встречаясь иногда с проявлениями этой силы, считает их чудом, так как многие люди живут по своим законам, которые далеки от совершенства.

Конечно, жизни таких людей являются индивидуальными путями развития. Но иногда это большинство в своих ошибках заходит так далеко, что начинает угрожать самому существованию жизни на планете.

Вот поэтому и нужны такие просветленные, как ты, которые смогли бы влиять на поведение людей, не позволяя им превратиться в безрадостное существование эту прекрасную жизнь.

Теперь, надеюсь, ты понял, для чего я тебя позвал. Сейчас ты вернешься обратно, в свою келью, в которой, найдя центральную точку одного из столбов и

расположившись точно в ее фокусе, почувствуешь, что имеешь возможность перемещаться вверх, к куполу.

Именно там ты поймешь, что он не только щит и фильтр Земли, но и хранилище всего того, что произошло с планетой. Это её меч, память времени... – голос прогремел уходящими раскатами и затух вдали.

Свет стал меркнуть, и я вновь оказался в своей пещере. Теперь, понимая, что должен делать, я сфокусировал свое сознание на поисках этого "места силы".

Мое внимание привлек самый большой грот, в котором находилось озерцо, образованное текущей подземной рекой. Поток выходил из-под одной скалы и исчезал под другой. В этом же месте, пряча под своей гладью текущую реку, лежало иссиня-черное неподвижное зеркало воды.

Невзирая на окружающую темноту, вода, казалось, освещалась изнутри восходящим световым потоком. Но самым поразительным было то, что на противоположной стене, на выступе, нависающим как раз над тем местом, где находилось выходное отверстие реки, светился небольшой огонек.

– Вот он, тот центральный луч, – понял я, и в тот же миг оказался перед этим свечением.

Казалось, меня подхватил легкий ветерок, восходящие потоки которого закрутили и стали плавно поднимать моё сознание вверх. Скорость движения, постепенно нарастая, внезапно усилилась, да так резко, что я потерял ориентацию. И тут же всё распалось. Передо мной опять был все тот же белый свет, но мое осознание происходящего уже шло автоматически, как бы само собой.

– Это экран, – подумал я, – на силовом поле которого можно проявлять голограмму любого времени.

И действительно, в какое только время ни забрасывала бы меня фантазия, экран всегда послушно раскрывал предо мной картины прошлых веков.

Эти путешествия были столь же интересны и захватывающи, как и мои переживания в космосе. Скорее, они были даже более интересны, так как я видел свой, родной мне мир. Здесь было что-то личное.

Постепенно насытившись хаотичным просмотром прошлого, я стал избирательно проявлять те фрагменты жизни, в которых происходили великие катастрофы и трагедии.

Что только мне не пришлось увидеть и пережить! Сколько раз я был свидетелем того, как все живое стояло на краю гибели! Но усилиями Посредников, в число которых теперь входил и я, жизнь вновь возвращалась в свое нормальное русло, так как удавалось донести до людей свет истины...

Закончив рассказывать, старик внимательно посмотрел на Стефана, как будто почувствовав возникший у того вопрос. И он не замедлил прозвучать.

– Но это же все в прошлом. Каким образом мое настоящее перехлестнулось с этими силами?

Старик еще раз внимательно глянул на Стефана и спросил:

– Неужели ты до сих пор не догадался? Ведь все, что я сейчас тебе рассказывал о прошлом, тогда было настоящим. И сейчас, в вашем двадцатом веке, возникают критические ситуации, способные разрастись в катастрофы мирового значения.

Одна из них – война, идущая здесь, на территории Вьетнама. Как ты уже понял, я занимаюсь тем, что стараюсь погасить пламя, питающее эту бойню.

– Да, да, – в тон ему сказал Стефан, – мы тоже сюда приехали из далекой России, чтобы помочь вьетнамскому народу победить агрессора.

– Нет, – усмехнулся старик, – это совсем не то, – и его глаза заволокли дымкой грусти. – Вот вы все считаете именно так, думая, что бросая дрова в огонь, можно одновременно потушить его пламя. Ничего подобного – от этого костер горит лишь сильнее. И если так продолжать, то гореть он будет еще очень долго, поглощая своим пламенем все живое.

– Но тогда как же быть? Что делать? – задумался Стефан над необычной постановкой вопроса.

– Да, это непросто, – протянул старик.

И продолжил после некоторой паузы:

– Я думаю, что можно было бы перестать кормить огонь дровами, и тогда он сам бы стал угасать.

– Но как это сделать? Это же невозможно! – воскликнул Стефан. – Война – это не костер, а люди – не дрова.

– Нет, дрова, – вздохнул Старец. – К сожалению, самые настоящие дрова, которые очень быстро сгорают в этом чудовищном пламени, требующем для себя все новых и новых жертв. Ведь у вас есть такое выражение "пушечное мясо". Слыхал, наверное?

Стефан понуро опустил голову.

– Да, – согласился он, – наверное, это так. Но что же делать, как добиться того, чтобы зло не торжествовало?

– А что такое зло? – пристально взглянул на молодого человека старик. – Ты хочешь сказать, что из двух сторон, ведущих войну, одна хорошая, а другая – плохая? Одна творит зло, а другая – добро? Ничего подобного – они обе несут зло, потому что поддерживают войну.

Заметив растерянность своего собеседника, старик продолжал:

– Вот мы и занимаемся тем, что, не деля людей на плохих и хороших, стараемся снизить у обеих сторон общий фон агрессивности. Кое-что намечилось уже и в этой войне. Скоро враждующие стороны сядут за стол переговоров, и вопрос будет решен.

– А я? – воскликнул Стефан. – Почему я попал в поле вашего внимания?

– Дело в том, – отвечал Старец, – что, наблюдая и изучая проблему, мы обращаем внимание также и на мотивы, которыми руководствуются воины.

Многие солдаты были так называемыми наемниками, которые шли убивать за деньги. Были и такие, которых можно назвать авантюристами, любителями острых ощущений. Случалось наблюдать и стремящихся сделать карьеру на чужой крови. Были еще и политические фанатики. Их кажущаяся справедливость несла другим народам только несчастье и горе. Было и еще несколько разновидностей, но все они нас мало интересовали.

Наше самое пристальное внимание привлекали те люди, которые действовали бескорыстно, просто следуя нормальному человеческому порыву – прейти на помощь. Хотя (как я тебе объяснял ранее) это тоже ошибка, но

все же сознания таких людей наиболее чисты, и мы стремились по мере возможности сохранить им жизнь.

Вот так и ты, – он еще раз взглянул на Стефана, – обратил на себя мое внимание, когда твое сознание дико закричало от страха перед смертью, осознав, что парашют не раскроется.

Я мгновенно отреагировал на твой крик о помощи – что, быть может, в какой-то степени, – Старец с хитрецей взглянул на Стефана, – согласуется с твоим откликом на зов трагедии, случившейся с вьетнамским народом.

– Так вот оно что! – и Стефан благодарно посмотрел на старика. – Значит то, что я сижу здесь, это Ваша заслуга?

– Ну, можно сказать и так, – ответил старик, – однако я не думаю, что это только заслуга. Это мой аванс доверия, который тебе придется отработать.

– Отработать? – удивленно воскликнул Стефан. – Но ведь у меня нет тела! Как же я буду работать?

– Не спеши, – Старец успокаивающе взмахнул рукой, – всему свое время. Я и позвал тебя сюда лишь затем, чтобы объяснить некоторые принципиальные вещи.

А после этого ты сам, используя личную силу (но, конечно, при моей поддержке), перейдешь в другое временное измерение, где и сможешь пройти, при помощи мудрых наставников, необходимое обучение и получить нужные знания.

За это время будет подлечено твое тело, и ты, вновь соединившись с ним, вернешься в свой мир. Вот там-то ты как раз и будешь развивать и открывать полученное тобой знание. По сути, для ищущих путь ты станешь проводником духовных, но таких необходимых в повседневности, принципов жизни.

Закончив говорить, Старец замолчал. Наступившая тишина как будто остановила время. Время Стефана. Время его прежней жизни.... И готовилась начать отсчет новой. В сознании летчика метался рой мыслей, но оно никак не могло до конца принять реальность происходящего.

– Не может быть, – твердила рассудочная часть, – так не бывает.

– Что же тогда это? – резонно спрашивала другая составляющая.

Старик с улыбкой наблюдал за этой борьбой двух начал, очевидно, отмечая своим вниманием одному ему заметные и понятные нюансы. Вскоре его лицо напряглось. Было видно, что борьба подошла к своей кульминации. Стефан физически почувствовал, как от внутреннего напряжения его сознание завибрировало. И вдруг яркая, как луч света, мысль пронзила его:

– Да что же это я раздумываю? – и решение пришло само собой. – Конечно, я согласен! Я даже не знаю, о чем это я так долго думал!

– Это нормально, – ободрил его старик. – Важно то, что ты сумел принять свое решение, сделать прыжок. Теперь же все будет гораздо проще. Идем со мной, – и Старец, легко приняв вертикальное положение, плавно поплыл к переходу в другой грот.

Стефану даже показалось, что он с облегчением вздохнул. И, сбросив с себя липкий туман недоверия, последовал за Старцем.

Глава 3

Переходы из одного помещения в другое были довольно низкими, но, в то же время, и настолько широкими, что в них без труда могли разойтись два человека.

Создавалось впечатление, что каждый из гротов является отдельной пещерой, и поэтому они сильно отличались друг от друга, хотя вместе и составляли единый скальный лабиринт.

Очевидно, раньше здесь протекала подземная река, так как пол и стены были гладко отшлифованы, а тот вход, через который проник Стефан в каменный тоннель, был прежде выходом реки наружу, где ее воды сливались с общим потоком величественного пяти-струйного водопада.

Вспоминая наскальные изображения, с которыми Стефан постоянно сталкивался, он понял, что древние монахи прорубили, а может, лишь только расширили для реки выход с другой стороны скалы. А поскольку он был ниже, вода устремилась туда, оставив свое прежнее русло. Получилась очень уютная пещера, которая имела вход и выход для воды; и отдельный сухой выход, расположенный под одним из крайних потоков водопада.

Таким образом, эта пещера могла при необходимости стать достаточно укромным и безопасным местом, стоило только тщательно заделать тайный выход. Очевидно, все так и было сделано после того, как настоятель, уединившись в этой пещере на несколько лет, объявил оставшимся братьям о своем решении уйти в далекое путешествие.

Выход из пещеры был замаскирован столь искусно, что его не смог бы заметить даже очень проницательный взгляд. К тому же, как видно, там здорово поработала и сама природа, затянув мастерски созданную стену слоем мха и лишайника.

Эти мысли мгновенно промелькнули в сознании Стефана, пока он "шел" за Старцем по каменному лабиринту. Остановившись у одного из входов, за которым мог бы располагаться еще один грот, старик

сделал предостерегающий жест рукой, а затем тихо и торжественно произнес:

– Сейчас ты войдешь в хранилище и увидишь объемные тома, в которых запечатлена мудрость жизни. Однако если ты вдруг обнаружишь что-то необычное, не удивляйся этому. Ну что ж, если готов, тогда пошли.

И старик исчез в низком тоннеле. Последовав за ним, Стефан обратил внимание на то, что переход был очень коротким, так как сразу же перед ним открылся довольно высокий и светлый грот.

– Откуда здесь свет? – подумал Стефан и вопросительно взглянул на старика.

– Все очень просто, – улыбнулся тот в ответ, – посмотри внимательно на стены, и ты увидишь на них множество мелких кристаллов – вот они-то и выделяют свет, который образовался в них в результате преобразования полевой энергии, идущей от активной зоны. Как ты уже заприметил, таким образом освещается весь подземный лабиринт.

Перемещая свое внимание по периметру пещеры, Стефан отметил в нижней части ее стен искусно сделанные полки, на которых что-то лежало. Проводник, разгадав заинтересованный взгляд Стефана, ободряюще кивнул ему головой и предложил приблизиться и рассмотреть это поближе.

Удивлению того не было границ, когда, "подойдя", прямо перед собой он увидел массивные фолианты в толстых, очевидно, кожаных переплетах, на которых были вытеснены непонятные значки, отдаленно напоминающие современные иероглифы. Стефану страстно захотелось открыть хотя бы один том. Он вопросительно взглянул на Проводника:

– Можно? – его взгляд умолял.

Старик понимающе улыбнулся и ответил:

– Конечно. Конечно, можно. И не только можно, но и нужно! Помнишь наш разговор о знании? Вот оно, перед тобой – бери!

Старик вновь улыбнулся в усы и тихо добавил:

– Если сможешь.

Стефан, верный своей привычке действовать, а не рассуждать, схватил лежавший прямо перед ним

огромный том, представляющий собой не только копилку знаний, но и произведение искусства. Пыли почти не было.

– Как здесь сухо, – в который раз подивился Стефан.

То, что он увидел, поразило его до такой степени, что на какое-то время он сам "превратился" в соляной столб – там не было страниц в привычном смысле. Это были как бы окна, через которые можно войти в желаемый информационный слой.

– Вот это да! – возникла мысль. – Да это же компьютер! Причем на каждой странице. А как этим всем управлять?

В этот момент страница потускнела и превратилась в чистый белый лист. Стефан вопросительно взглянул на старика.

– Что это такое? – в который раз задал вопрос Стефан. – Неужели, в самом деле, компьютер? Здесь? Откуда? И такой странный.

– Закрой книгу и положи на место, – тихо произнес старик, – ты правильно подумал, сравнив ее с компьютером. Разница между ними лишь в том, что этот компьютер создан не человеческими "руками", а значит, более совершенен.

– Да, но как же им управлять? Чем? Где пульт?

– Ему не нужен пульт в обычном понимании, достаточно только создать направленный волевой импульс, и он тут же выдаст тебе требуемую информацию.

– А почему страница закрылась? – спросил Стефан.

– Как почему? – удивился Проводник. – Открыв книгу, ты запустил механизм познания, однако больше не сделал ничего для того, чтобы эти знания получить, – и страница закрылась.

– Но как, как научиться делать это? Я хочу научиться!

– Вот об этом мы с тобой и говорили. Ведь дело не в секретности знаний, а в неспособности определённого человека их распознать, получить. Пошли дальше, – и старик направился к выходу из грота.

Двигаясь по длинному переходу в направлении подземного озера, старик продолжал свое объяснение:

– Я не могу быть тебе Учителем, потому что у меня другие задачи, – кстати, я о них тебе уже говорил. Обучать же тебя будет мой Младший брат, с которым ты сможешь вскоре познакомиться. Если, конечно, выдержишь испытания.

Я же буду для тебя только Проводником, который подготовит и доведет тебя до определенного места, после чего ты сам продолжишь свой путь. Не так давно мы разговаривали с братом, и он тебя, Стефан, уже ждет на другом конце пути.

– Что это за испытания? – у молодого человека даже побежали внутри мурашки от страха неизвестности. – Они опасны?

– Да, конечно, – сказал старик, – и что же это за испытания, если бы они были полностью безопасны? В них не было бы никакого толку.

– А я? Смогу ли я их выполнить? – голос Стефана продолжал предательски дрожать.

– Думаю, да, ведь я тебя постараюсь подготовить к этим трудностям как следует, но ты должен знать одно: все, в конечном итоге, будет зависеть от тебя, от твоей решимости. Силы же, можешь мне поверить, у тебя на это хватит.

– Подожди, стой! – старался задержать старика Стефан. – Расскажи мне о тех испытаниях, которые будут ожидать меня на переходе. Я хочу быть уверен, что все получится.

– Хватит канючить! – Старец резко одернул Стефана.

Глаза, до этого добрые и лучистые, смотрели жестко и колюче.

– Ты думаешь, что таким вот нытьем можно что-то решить? Никогда! Только сам, своим трудом ты сможешь добиться результата. Ведь мы с тобой об этом уже говорили, – голос старика вновь стал мягким.

– Повторяю еще раз, и ты это должен твердо усвоить: неразрешимых, тупиковых проблем не существует; у тебя достаточно силы для того, чтобы решить любой вопрос, для чего тебе нужно сконцентрироваться всей силой внимания на цели, присоединиться к ней и мысленно удерживать нужный вектор. И последнее:

приняв решение, следует начать действовать без тени сомнения. Это все – остальное ты будешь находить сам.

Знай, – путь тебе преградят пять стихий. Пройдя сквозь них, ты выйдешь на встречу с моим Младшим братом – о нем я тебе уже говорил. Но вначале ты встретишь камень, затем ты должен будешь преодолеть силу воды, после чего выдержать схватку с ветром, который может преобразоваться и в снежную бурю, и в пустынный сухой ветер.

После этого тебе нужно будет пройти сквозь огонь, но это всего лишь прелюдия перед главным испытанием. Схватка с пламенем должна тебе дать силу и умение для преодоления последнего, решающего препятствия. В первых четырех случаях, надеюсь, ты справишься легко.

Самая же большая опасность будет тебя поджидать в то время, когда произойдет схватка с драконом, который может превращаться то в ползущую змею, то в прыгающую обезьяну, то в рычащего и кровожадного тигра либо атаковать тебя с воздуха, как орел.

Здесь я дам тебе маленькую подсказку – тебе нужно знать, что эти звери чрезвычайно опасны только в том случае, если они тебя увидят или учуют. Однако если ты сумеешь спрятаться от них в тень, то будешь в безопасности.

– Да! – воскликнул Стефан. – Но если они застанут меня где-нибудь на открытом месте? Где же я там возьму тень, чтобы спрятаться?

– Какой же ты еще глупый, – засмеялся старик, – ты подумал не о той тени. Это не тень от какого-нибудь предмета. Она находится внутри тебя самого.

Вот смотри, сейчас я стою прямо перед тобой, и рядом нет ничего, за чем бы я смог укрыться. А если представлю, что здесь лежит большой камень, то могу, присев за него, от тебя спрятаться.

– Но ведь тут нет никакого камня, – вновь тянул свое Стефан.

– Нет? – хмыкнул Старец. – А это что?

И, сделав шаг назад, он вдруг действительно исчез. Стефан даже похолодел от страха.

– Где ты? – ринулся он искать его, хватая воздух руками, но безуспешно: того нигде не было.

Отчаявшись, Стефан остановился и тут же услышал еле различимый шепот:

– Я здесь, смотри, – и в тот же миг старик показался вновь, как будто только что вышел из-за какого-то укрытия. – Ну что, теперь понял?

– Понял, – тяжело вздохнул Стефан, – мне этого никогда не сделать.

– Сможешь, ты все прекрасно сможешь, стоит только захотеть. Но не просто пожелать, а захотеть именно так, как я тебя учил.

Они вышли из перехода. Прямо перед ними открылся грот с нависающими над головой выступами. Посреди него был виден провал, пройти по которому можно было, только двигаясь вдоль стены по узкому и скользкому карнизу.

– Вот мы и пришли, – сказал Проводник. – Дальше тебе предстоит идти самому вон к тому огоньку, горящему на противоположной стороне озера.

Когда подойдешь к нему, увидишь, что это не маленький костер, а большое пламя, маскирующее выходящий наружу тот самый белый энергетический столб, о котором я тебе говорил. Именно там тебя будет ожидать самое главное испытание.

Стефан вновь почти физически ощутил дрожь. Ему даже стало казаться, что у него трясутся колени, и что он весь покрылся липким потом.

– Нет, нет, не уходи, не оставляй меня одного! – этот выкрик единой волной вырвался наружу. – Зачем же ты меня спасал? Неужели лишь для того, чтобы дать мне вновь погибнуть? Ведь я сам, один, не смогу преодолеть все эти смертельно опасные препятствия. Ты просто обязан мне помочь!

Старик, видимо удовлетворенный всем происходящим, чуть усмехнувшись, сказал:

– Это очень хорошо, что ты так серьезно воспринимаешь те трудности, которые ожидают тебя на переходе: понимание этого должно предостеречь от необдуманных действий и скоропалительных решений, а также оно придаст тебе столь необходимую осторожность.

Однако мне не хотелось бы, чтобы этот страх перешел в панику. Ведь в состоянии ужаса твоя главная проблема. Именно там, в тебе, а не в самом переходе.

– Да, – перебил его Стефан, – это я понимаю. Но ведь Вы сами мне говорили, что спасли меня во время падения. Если бы этого не произошло, что я сам мог сделать?

– Вот ты боишься остаться один, но ведь и падал ты тоже один и, как видишь, ничего, живой, – продолжал свою мысль старик. – Дело в том, что никто не может быть в состоянии абсолютного физического одиночества, мы все находимся в тех или иных отношениях с внешним миром.

Поэтому, когда я говорю тебе, что ты должен один преодолеть все преграды, я имею в виду то, что ты сам будешь принимать все решения, и также то, что именно ты должен нести за это ответственность, и прежде всего перед самим собой.

Можешь мне поверить: сил, знаний, умений у тебя достаточно для того, чтобы с честью выйти из этой чреды испытаний. Примером тому был твой полет без парашюта с достаточной высоты, чтобы разбиться вдребезги.

Да, да, именно полет, ведь ты управлял своим движением столь искусно, что я помог тебе лишь однажды, в самом начале, когда происходил выход твоего сознания, а затем только наблюдал за твоими действиями.

И потом, вокруг тебя столько различных сил – инертных и активных – они требуют только разумного управления. Научись их использовать, и ты вдруг поймешь, что все довольно просто.

Слушая эти слова, Стефан постепенно успокоился, сознание его вновь обрело ясность. Он вдруг увидел всю проблему целиком.

– Кажется, дошло! – воскликнул Стефан, – если я четко увижу и пойму суть проблемы, ее слабые и сильные стороны, то смогу точно выстроить тактико-стратегический план. Останется только целенаправленно, удерживая его точно в фокусе своей воли, добиваться цели.

– В общем, все так. Тут только есть один нюанс: твое сознание должно быть раздвоенным. Но это состояние не послужит тебе должным образом, если не будет полностью тобой контролироваться.

Раздвоенность предполагает следующее: ты должен видеть проблему целиком, всю сразу. И, в то же время, необходимо фокусироваться на решении конкретного вопроса. Он, исчерпав себя на одном месте, переходит на другое, и ты вначале следуешь ему, чтобы получить нити управления этим процессом, а затем уже просто ведешь его по своему сценарию.

Одновременное видение целого и частного дает сознанию огромную силу, но это также и главная трудность. Вот ее ты и должен преодолевать практически.

И еще одно маленькое дополнение, – старик поднял вверх указательный палец, призывая Стефана к повышению концентрации. – То, что я сейчас скажу, должно стать для тебя абсолютной истиной.

Всегда, во всех, даже в самых критических ситуациях, нет и не может быть однозначной обреченности. "Заруби себе на носу": нет тупиковых ситуаций, есть неспособность увидеть выход либо отсутствие воли, чтобы этот выход реализовать.

Поэтому, если будешь руководствоваться этими критериями, я уверен: ты успешно завершишь свой переход.

Последние слова Старец произносил даже с некоторым давлением. И хотя легкое беспокойство все еще будоражило сознание Стефана, он внутри себя уже решил:

– Пройду, сам пройду!

– Ну вот, это другое дело, – одобрительно закивал старик, – а раз я тебе больше не нужен, давай прощаться. Хотя, кто знает, быть может, в дальнейшем нам и придется еще встретиться.

С этими словами он поднял вверх обе руки, потом быстро опустил их вниз и, прижав ладони к животу, сделал шаг назад, потом вбок, закрутился вихрем так, что это создало иллюзию спиралевидных нитей, которые по мере его вращения сжимались все больше и больше.

Достигнув своего апогея, вращение на миг прекратилось, и спираль, мгновенно распрямившись, исчезла.

И только дымчатое облачко в форме кольца, втягиваясь внутрь самого себя, поднималось вверх, становясь все меньше и меньше. В этом месте даже исчез свод пещеры, осталась только черная дыра, из которой доносился удаляющийся гул.

Воздух вокруг Стефана потемнел, резко похолодало. Пещера раздулась, словно шар, далеко вверху мигнула звездочка света, и пространство пещеры вдруг лопнуло с оглушающим звоном, после чего все приняло первоначальный вид.

Кроме одного. Стефан был теперь один на один со своей судьбой. Странно, но теперь ему все прежние сомнения и страхи казались смешными. Сконцентрировавшись, он стал переводить свое восприятие внешнего мира в состояние раздвоенности.

– Смотри в никуда, – сам себе сказал Стефан, вспоминая уроки своего первого Учителя.

И действительно, мир пещеры стал каким-то вогнутым и объемным. Стефан воспринимал теперь практически всю сферу окружающего его пространства.

Утвердившись в этом чувстве, он сосредоточил внимание на узком карнизе, тянущемся вдоль стены. Стоило фокусу его внимания зацепиться за начало пути, и узкая полоска у края бездны стала казаться достаточно широкой для того, чтобы по ней можно было идти.

– Вот оно, мое начало! – как-то радостно подумал Стефан и шагнул вперед.

*

Как только Проводник исчез из зоны внимания летчика, в тот же миг старик материализовался в пещере, на своем прежнем месте, где Стефан увидел его впервые.

Старец стал входить в состояние полевого видения – он делал это много раз, и трудностей входа не предвиделось. Однако чем глубже он опускался, тем все яснее чувствовал, что какая-то мысль неотступно

напоминает ему о себе. Приблизив ее, старик осознал, что это тревога о русском летчике, об его дальнейшей судьбе.

Поняв, в чем дело, и поразмыслив, что еще он может для него сделать, Проводник решил вновь встретиться со своим братом. Мгновенно переориентировавшись на эту задачу, он вызвал на внутреннем экране образ близкого ему человека... и через несколько секунд концентрации на нем увидел, как образ начал двигаться, шевеля губами и складывая руки в традиционном для их монастыря поклоне, а в его глазах появились признаки осмысленного восприятия. Вскоре Проводник услышал:

– Рад видеть тебя, Старший брат, как ты себя чувствуешь?

– У меня все нормально, – неспешно ответил тот.

И, после небольшой паузы, добавил:

– Помнишь, недавно я разговаривал с тобой о летчике, которого я спас, наперекор всем внешним агрессивным силам?

Увидев утвердительный кивок головы монаха, он продолжал:

– Так вот, Стефан уже пошел к тебе через тоннель испытаний, и я уверен: он справится с этой нелегкой задачей. Ты знаешь... в нем есть заряд той самой внутренней силы.

А если на его пути будут сложности, я окажу ему необходимую помощь. Но меня беспокоит тот момент, когда он выйдет из этого тоннеля, оказавшись в вашем мире. Прошу тебя встретить его с максимальным вниманием, позаботиться об его теле и душе. Думаю, из него получится хороший ученик.

Ну, а теперь расскажи, как себя чувствует другой твой ученик, Занг, а то у меня некоторое время не было возможности наблюдать за жизнью вашего монастыря – я полностью окупнулся в тяжелые заботы двадцатого века.

– Как ты сам понимаешь, – ответил монах, – учение дается ему ценой изнуряющих тренировок, да и с моей стороны он получает жесткое воспитание. Но наши усилия не проходят даром, и Занг радуется меня день ото дня все больше. Я с удовольствием отмечаю, что

формирование его сознания идет постоянно и без существенных сбоев.

– Значит, – одобрительно кивнул головой Проводник, – наши надежды на него оправдываются. Кстати, подумай о том, что, возможно, Занг и Стефан могли бы стать братьями по обучению. Ведь у молодого монаха до сих пор нет подходящего духовного напарника, да и летчику необходима поддержка своего сверстника. Кроме того, Стефан может очень многое дать ему с позиции своего времени.

– Отличная идея, – поддержал его Младший брат, – искренне тебе за нее благодарен.

– Что ж, теперь я за Стефана спокоен, – облегченно вздохнул Проводник.

И, попрощавшись, братья разошлись во времени.

Глава 4

Тем временем Стефан смело двигался по карнизу. Удивительно, но он ощущал это движение не как самостоятельные шаги по направлению к цели. А наоборот: возникла полная иллюзия того, что тропинка сама движется ему навстречу.

– Что ж, наверное, так и должно быть, – решил Стефан и ускорил темп продвижения.

Тропа, очевидно, восприняв его приказ, послушно, словно управляемое течение реки, быстрее "потекла" навстречу.

– Так, – отметил Стефан, – этот вопрос решен.

И тут же его внимание привлек огромный серый валун причудливой формы, нависающий над самой пропастью. По мере приближения к нему Стефана камень, меняя свою форму, стал очертаниями напоминать какое-то странное животное.

Чем ближе подходил Стефан к этому чудовищу, тем более четко вырисовывались детали тела.

Прежде всего, привлекали внимание огромные, пристально глядящие красные глаза, в которых пылал огонь ненависти. Затем стала видна вся голова, а за ней мощное, гибкое, скрученное в тугую пружину тело, покрытое многочисленными чешуйчатыми наростами.

– Так вот каков дракон, о котором предупреждал меня старик! – Стефан сосредоточился на звере.

– Что же можно от него ожидать? – задал он вопрос самому себе.

И сразу же ясно увидел объемную картинку: по тропинке, тянущейся вдоль скалы, идет одинокий путник. А наверху, на самом краю выступа, притаился могучий горный барс.

Было видно, как его глаза неотрывно следят за движениями идущего вниз человека. По мере приближения путника хозяин горных вершин, прижимаясь к скале и сливаясь с нею, готовился к прыжку.

И вот человек уже в зоне досягаемости, однако хищник медлит, как будто чего-то ждет. Человек, пройдя

под выступом, выходит из-под него уже с другой стороны.

Бесшумно, словно тень, горный лев скользнул на другую сторону уступа и, увидев незащищенную спину человека, прыгнул на свою жертву. Как только задние лапы барса в прыжке оторвались от скалы, и он завис в воздухе, завершая свою атаку, картинка остановилась.

– Это был урок, – подумал Стефан, – с помощью которого мне было сказано, что опасность не тогда страшна, когда видима, а тогда, когда ты к ней поворачиваешься спиной.

Как только эта мысль сформировалась в его сознании, дракон исчез, и вновь перед глазами был огромный серый валун, по-прежнему нависающий над карнизом. Внутри Стефана зажегся охотничий азарт.

– Ну что ж, – подумал он, – давай поборемся, а там посмотрим, кто кого.

Движения ног стали мягкими, крадущимися, тело обрело какую-то кошачью гибкость, глаза внимательно следили за камнем. Чем ближе Стефан подходил, тем больше деталей отмечало его внимание.

Он видел, как из-под основания валуна тоненькой струйкой вытекала вода. Иногда казалось, что камень непрочно держится на своем ложе и время от времени, подчиняясь каким-то силам, даже шевелится.

Стефан заметил, насколько легко его раздвоенное внимание фиксирует малейшие изменения в положении камня.

Действительно, панорамное зрение было органически вплетено в монолитную скальную массу. А акцентированное внимание не только прилипло к валуну, но и вошло внутрь его. Поэтому малейшее изменение там, наверху, четко отмечалось внутри сознания.

– Пока все нормально, – подумал Стефан, продвигаясь уже под самым каменным Драконом.

Его движения оставались такими же легкими и быстрыми, однако спешки не было. В какой-то момент он почувствовал: камень шатнулся сильнее обычного, но пока продолжал держаться на своем месте.

– Давай, давай, посмотрим, – думал Стефан, выходя из-под выступа.

Он как бы приглашал камень начать действовать. Не ждал, когда тот упадет, чтобы защищаться, а именно приглашал.

По сути, он сам нападал на камень. И в этот самый момент его сознание четко зафиксировало тот миг, когда масса камня была еще неподвижна, но энергетика движения уже пришла в действие.

– Смотри, все-таки пошел! – неожиданно весело подумал Стефан и легко ускорил движение.

Валун как-то замедленно, но с каждым мгновением набирая ход, ринулся вниз, увлекая за собой лавину из воды и камней.

Яростно рыча, как зверь, камень упал на то место, где мгновением ранее была нога Стефана. Вой разочарования разнесся под сводами пещеры – Дракон промахнулся...

*

Еще некоторое время своды пещеры вторили реву обманутого в своих ожиданиях зверя, но Стефана это уже не тревожило – он продолжал свой путь.

Карниз вдоль скалы по-прежнему то сужался, прижимаясь к возвышавшейся над ним мокрой стене, то расширялся, позволяя двигаться по нему почти свободно.

И хотя дальше не было видно нависающих глыб, опасность перехода продолжала угрожать путнику своим черным бездонным провалом. Мрак, заполнявший пропасть, казался материальным до такой степени, что его буквально можно было потрогать руками.

– Да, это, наверное, тоннель в бесконечность, – подумал Стефан.

И тут же, как бы в подтверждение своих мыслей, вспомнил, что из провала за это время до него не донеслось ни одного звука. Даже те камни, которые рухнули вместе с глыбой и исчезли в его зловещей пасти, не отзывались оттуда ни единым звуком. Там обитала только госпожа Смерть.

Тем временем карниз стал заметно расширяться, и Стефан, больше не прижимаясь к стене грота, начал плавный спуск. Вскоре ноги путника вновь ступили на устойчивое место пещеры.

Опасный переход остался позади за его спиной. Однако впереди его ждало новое препятствие. На этом участке пещеры подземное озеро, полностью перегораживая путь к мерцающему вдали пламени, вытянувшись, раскинуло свои воды от одной стены грота до другой.

– Здесь, наверное, очень глубоко, – мелькнула мысль и, почему-то, сразу вспомнился провал. – Похоже, это его младший брат, – усмехнулся Стефан и подошел к самому краю черной неподвижной воды.

Присев на корточки, Стефан погрузил свои кисти в воду и тут же резко отдернул. Она была какая-то тягучая, маслянистая, даже липкая, хотя капли, стекающие с пальцев, казались обычной водой.

Вновь опустив руки в воду, Стефан снова пережил те же ощущения. Видимо, такой она казалась только в своей массе.

Вода в озере была прохладной, даже холодной, но не настолько, чтобы нельзя было его переплыть. Стефан понял: видимо, все-таки придется лезть в воду, потому что никакой другой возможности переправиться на ту сторону не было.

Что-то похожее на тоску охватило сознание Стефана. Предвидя неизбежность нового и, скорее всего, не менее опасного испытания и как бы вернув время назад, он стал вспоминать, что ему говорил на прощание старик:

– Ты преодолеешь все преграды и избежишь любой опасности в том случае, если будешь нацелен, един, а также будешь действовать как Воин, рассчитывая только на себя.

Вернувшись мысленно в настоящее, Стефан встрепенулся:

– Что это я загрустил? – и при этих мыслях он почувствовал в себе силу и желание борьбы. – Ну что ж, посмотрим, что может предпринять против меня вода, которая, по словам Проводника, могла принимать образ Змеи.

Плывать Стефан умел. В юности, занимаясь в спортивной школе, он выполнил норматив первого разряда в комплексном плавании. Холода летчик тоже не

боялся, так как дома регулярно переплывал зимой реку туда и обратно, а это было примерно метров пятьсот.

Здесь же не было и двухсот метров. Приняв решение и ощутив внутреннюю твердость, Стефан смело вошел в воду и поплыл.

Легко и послушно тело скользило по воде. На всякий случай он решил лицо в воду не опускать, и для обзора держал его высоко над поверхностью озера.

Вначале, стараясь больше наблюдать, чем плыть, Стефан двигался брасом. Однако ничего необычного или угрожающего заметно не было, и даже вода по своим ощущениям вновь приобрела обычные привычные ему качества.

Хотя по-прежнему и оставалась черной с блестящей, как ртуть, поверхностью. Почувствовав себя достаточно комфортно и уверенно, Стефан перешел на легкий кроль.

В этот момент ему показалось, что с водой стало что-то происходить. Она менялась, но как и в чем это выражалось, он пока определить не мог. Стефан, остановившись и плавно двигая руками и ногами, стал поворачиваться на одном месте, чтобы оглядеться.

Судя по всему, он находился уже где-то посередине озера. И тут он почувствовал, что, хотя вода на поверхности и была неподвижна, внизу явно ощущалось какое-то, пока невидимое и потому непонятное, движение.

– Наверное, это подводное течение реки внутри озера, – решил Стефан. – Ведь Старец говорил, что здесь прежде протекала река, и, когда монахи расширили дополнительный выход, изменив направление основного русла, тут вода поднялась и образовала озеро.

Успокоившись и приняв горизонтальное положение, Стефан поплыл дальше, время от времени позволяя себе даже опускать лицо в воду и, открывая глаза, пытаться хоть что-нибудь рассмотреть в глубине.

И не напрасно. Ему показалось, что он видит где-то там, во мраке глубины, светящуюся точку.

Повернув голову для вдоха и вновь опустив лицо в воду, он стал внимательно всматриваться в пятно, которое теперь, к его большому удивлению,

раздвоилось... И даже казалось, что эти светлячки вращаются друг за другом по кругу.

Сделав еще один вдох и вновь опустив лицо, он убедился в том, что это явление существует в реальности, так как вращение было стабильным, находилось в одном месте и его видение не исчезало.

Заинтересовавшись этим, Стефан забыл о времени. Внезапно вспомнив о том, что он плывет уже достаточно долго и вот-вот должен коснуться другого берега, он поднял голову и огляделся. Удивлению его не было границ: Стефан был все там же, посередине теперь уже казавшейся грозной черной массы.

– Но ведь я же плыл? – подумал Стефан и внимательно огляделся вокруг.

И тут он заметил, как небольшая рябь ровными кругами расходится от того места, где он находился.

– Так вот оно, в чем дело! – понял Стефан. – Все это время я плыл по кругу. Ну хорошо! – решил он. – Я не буду больше опускать лицо в воду и возьму себе какой-нибудь ориентир на берегу.

Сделав несколько гребков, Стефан почувствовал, что вода вновь обрела вязкость. Плавание стало сильно затрудненным. При этом он вдруг явственно ощутил, что синхронно с ним пришла в движение и неподвижная до этого времени поверхность озера.

К тому же, как бы он ни старался плыть прямо к заранее намеченной им на берегу цели, все равно в результате получалось так, что, двигаясь по кругу, он вновь и вновь возвращался на прежнее место.

– Как будто я плыву по какому-то заколдованному кольцу, – подумал Стефан и попытался хоть как-то ускорить свое движение.

Действительно, плыть он стал быстрее, но при этом, как показало наблюдение, он все же продолжал оставаться внутри кольца.

– Где там эти вращающиеся пятна? – вспомнил Стефан. – Что с ними? А, может быть, это их проделки? – и, опустив лицо в воду, он вновь стал смотреть на теперь уже близкие глаза, которые продолжали вращаться, но уже по более широкому кругу.

– Что же это такое? – никак не мог понять Стефан.

До него уже дошло, что перед ним было новое испытание.

Поняв это, Стефан сразу же успокоился:

– Так вот кто меня атакует! Это Змея. Ну, конечно, я двигаюсь по кольцам, образованным ее телом! И чем сильнее я пытаюсь плыть, стараясь выбраться из этой спирали, тем быстрее меня затягивает в центр вращения, где и ждут добычу ее холодные глаза.

Теперь (осознав, что с ним происходит) Стефан сумел принять единственно верное решение. Он прекратил плыть и стал наблюдать за действиями этого огромного водоворота.

Следуя движению по кругу, он то удалялся, то вновь приближался к заветной цели на противоположном берегу. Обращало внимание на себя то, что концентрические круги этой гигантской спирали, по сути, являлись ее силовыми линиями и были идеальными в своей последовательности.

– Так, все это нужно поломать, – спокойно подумав, решил Стефан, и в тот же миг ответ пришел сам по себе.

– Мое плавание должно стать аритмичным.

– Куда мне надо? – звучал внутренний голос. – Вон к тому берегу, а значит, туда я и буду грести изо всех сил. Когда же круг вращения будет уносить меня назад, я просто перевернусь на спину и буду отдыхать.

Решив так, он приступил к выполнению своего плана. В этот момент очередной виток водной спирали начал свое движение.

Стефан сделал несколько мощных гребков согнутыми в локтях руками, создав частыми движениями ног надежную для них опору, и, подав голову вперед, взвинтил такой темп, выдержав который длительное время, он мог бы сравниться с первым пловцом планеты.

Со стороны казалось, что по воде движется не человеческое тело, а какой-то реактивный снаряд. Однако протекание воды по кругу было более мощным, и постепенно становилось заметно, как пенный бурун, образованный бешеным восьмиударным кролем, начинает описывать дугу, уклоняясь от намеченной цели.

Пловец, как будто почувствовав это, вдруг прекратил плыть и, перевернувшись на спину, стал просто отдыхать, раскинув в стороны руки и ноги.

Тело медленно двигалось по кругу. Периодически поднимая голову и осматриваясь, Стефан ждал того нужного момента, когда вновь можно будет отдать все свои силы для очередного мощного рывка.

Это продолжалось несколько раз. Все это время Стефан постоянно перескакивал на один виток от центра, пока, наконец, он не почувствовал себя готовым для последнего, решающего броска.

Течение плавно выносило его на стартовый рубеж. Дыхание было ровным и глубоким, сердце билось ритмично и мощно, хотя и несколько чаще обычного.

Стефан плавно перевернулся на грудь и, разгоняясь, на этот раз начал плыть легко, как бы крадучись, постепенно ускоряя движение. Все получалось. Такого удовольствия от плавания и борьбы он давно уже не испытывал.

– Вот сейчас я тебе покажу!.. Попробуй, удержи меня, – если, конечно, сможешь, – в каком-то ребяческом запале выкрикнул Стефан и все силы, без остатка, бросил в последний рывок.

Ему даже показалось, что от той скорости, с которой он теперь плыл, его тело стало приподниматься над водой.

Еще рывок – и вот оно полностью освободилось от цепких объятий вращающегося спрута, и только ладони рук да стопы ног, как лопасти мощного пропеллера, рвали воду, неся его к заветной цели. Состояние дикого восторга охватило Стефана.

– Я вырвался! Я - свободен!

Движения стали замедляться, и он вновь почувствовал себя плывущим легко и плавно. Поверхность озера была ровной и спокойной. Вода больше не пыталась удержать его тело. Он перешел на брас, потом перевернулся на спину и, отдыхая, продолжал движение к берегу.

Сердце гулко билось в груди, но чувство умиротворенности уже вновь овладело сознанием. Еще несколько гребков, и Стефан ощутил, как его спина коснулась желанного берега.

Перевернувшись на грудь, он прямо перед глазами увидел небольшой камень на берегу - тот самый, который раньше взял себе за ориентир.

С пловцом что-то происходило. Не понимая, в чем дело, Стефан поднялся и, покачиваясь от усталости, вышел на берег. Руки и, особенно, ноги слегка дрожали.

Присев на камень, Стефан вдруг понял, что это с ним. Он плакал. Просто плакал, но это были слезы радости, слезы победителя. И тут же возникла новая мысль:

– Победителя? Разве я уже победил, и мои испытания окончились?

Он вспомнил слова старика:

– Тебе предстоит сразиться с пятью стихиями, и если сумеешь преодолеть их сопротивление, лишь тогда можешь считать себя победителем.

Но чего? Скорее всего, не чего, а просто одного из многочисленных этапов, которые всегда стояли и будут стоять на пути каждого.

Значит, и сама жизнь, жизненный путь – это постоянное преодоление препятствий, вечный бой за право жить. Да, все так, но сейчас Стефан твердо знал – этот раунд он выиграл.

Глава 5

– Ну и хорошо, – вдруг решил Стефан и, как-то сразу легко поднявшись, он посмотрел в ту сторону, где вдалеке мерцал зовущий к себе свет огня.

Продолжая наблюдать за собой, Стефан удивился той свободе, с какой сознание сконцентрировалось на новом направлении.

Ему даже показалось, что он не просто идет, а несется вперед внутри какой-то аэродинамической трубы – настолько сильно ощущалась скорость движения.

– Вот это да! – радость могущества охватила сознание.

И удивительная вещь – движение сразу же среагировало на этот эмоциональный всплеск резким увеличением скорости.

Стефан стал физически ощущать напор, которому сопротивлялось рассекаемое им пространство, но встревожило его не это.

Все нарастающий гул и легкая вибрация вызывали неприятное чувство, похожее на головокружение, сопровождаемое легкой тошнотой.

Однако зациклившееся на скорости сознание уже не отпускало. Вибрация постепенно нарастала, и Стефан стал ощущать напор уже не только прямо перед собой, но и со всех сторон одновременно.

Стефан потерял чувство ориентации, ощущая только, что он куда-то падает, вращаясь и беспорядочно размахивая руками и ногами. Как долго это продолжалось, сказать было трудно... В какой-то миг он просто почувствовал, что мощный порыв ветра, приподняв, швырнул его в холодную рыхлую массу.

*

С трудом разлепив веки, Стефан попытался оглядеться, но увидеть что-либо вокруг было совершенно невозможно.

Сильный ветер бил то с одной стороны, то с другой, либо вдруг наваливался на него мощным встречным потоком, не давая возможности рассмотреть местность, куда его занесло.

И только когда ветер задул сзади, в спину, мгла, расступившись, дала путнику некоторое представление о том, что с ним и где он находится.

Стефан лежал на пологом горном склоне прямо в снегу, а вокруг, заполняя собой все пространство, бушевала пурга.

Колющие снежинки, подчиняясь резким порывам ветра, словно когтями, рвали его тело. Единственной возможностью избежать нападения было вжаться в снег и лежать неподвижно.

Но и тогда можно было слышать, как над ним метался и свирепо рычал дикий снежный зверь, потерявший из виду свою жертву.

Прележавшему некоторое время в неподвижности Стефану показалось, что буря стала понемногу ослабевать.

Приподняв голову, он увидел непрерывный поток мерно падающих светлых хлопьев – шел снег. Сквозь него проступали очертания горных вершин. Ветра не было, буря прекратилась.

– Да, – мелькнула мысль, – чудеса продолжаются. – Хотя пока было непонятно, в чем заключается смысл его нового испытания.

Размышляя над создавшейся ситуацией, Стефан, оглядываясь, медленно поднялся на ноги. Встав, он неожиданно почувствовал легкий озноб.

– Надо двигаться, идти, – решил он, – ведь так недолго и замерзнуть. Но куда идти? В какую сторону?

Он посмотрел вокруг. На вершине одной гряды, как ему показалось, мелькнул огонек, очень похожий на тот, что светил ему в пещере, маня к себе магическим светом.

– Так вот оно что! – вдруг осознал он. – Я не в пещере. Но как же меня сюда занесло?

Наверное, это какое-то параллельный слой пространства, – эту удивительную мысль его сознание приняло легко и просто, без каких-либо сомнений.

– Другое, так другое. Какая разница? Главное, что я все тот же. Надо идти.

Внимательно приглядевшись к светящейся точке, Стефан убедился в том, что это было то самое, по-прежнему манящее к себе его внимание, пламя.

Продолжая наблюдать, он обратил внимание, что этот огонек находится в центре огромного круга, к которому от контура окружности тянется множество темных нитей, как бы деля пространство на сектора.

– Вот они, параллельные миры...

Скорее всего, находясь в пещере, я был в одном из них, а затем внезапно возникший порыв нарушил стабильность моего сознания, и меня перебросило в другой мир, состоящий из горных вершин и снега.

Теперь в его сознании хоть что-то прояснилось.

– Неважно, в каком я нахожусь пространстве, – понял он, – надо просто двигаться.

А то ведь, если меня начнет швырять из одного места в другое, я так никогда и не доберусь до цели, – подумал он и попытался вновь сконцентрироваться на движении.

Его замершие ноги, послушные его воле, безропотно двинулись вперед. Однако, как только он начал свое продвижение, силы внешнего мира также активизировались.

Вновь усилился ветер, и снежинки закружились в своем магическом хороводе, который, усиливаясь с каждым его шагом, готовился перейти в снежную бурю.

– Нет, так дело не пойдет, – решил он, – надо двигаться рывками, чтобы буря за мной не успевала.

Да, так начало получаться, но скорость продвижения его сильно замедлилась, и Стефан почувствовал, что ему становится все холоднее и холоднее.

– Этот способ тоже нельзя использовать, а то я совсем замёрзну и никуда не дойду.

Тут ему вспомнилось, что достаточно одной концентрации мысли на нужной идее, и силой сознания ее можно материализовать.

Однако, как он ни пытался это сделать, у него ничего не получалось. Казалось, весь мир восстал против него, мешая даже просто осмысливать происходящее.

Стефан начал коченеть. Одной из его последних мыслей было:

– Надо лечь, зарыться в снег и отдохнуть...

Темнота на мягких, бархатных крыльях, плавно спустившись, окутала его сознание, и мир исчез...

*

Однако свет магического огонька продолжал своим лучом терзать его.

Постепенно разгорающееся пламя начало отогревать душу нашего путника, и осознание медленно всплывало из небытия.

Стефан ощутил себя лежащим на какой-то мягкой поверхности. Ему было тепло и удобно. Непроизвольно вытянув руки и ноги, он удивился зыбкости своего ложа.

Открыв глаза и вначале ничего не различая из-за яркого света, слепившего его, Стефан, прищурившись и понемногу привыкнув к своему новому положению, увидел прямо перед собой песок.

– Это что означает? Я что, на пляже? – и он поднял голову.

Но вопреки ожиданиям вокруг, насколько мог охватить его взгляд, простиралась безжизненная, раскаленная жгучим солнцем пустыня.

И только иссохшие песчаные барханы напоминали ему о горных вершинах, бывших в предыдущем пространстве.

Заметив привычные очертания и приглядевшись, он увидел все тот же веселый огонек вдали, который по-прежнему звал его к себе.

– Как хорошо! Да это же просто рай, – подумал Стефан и, поднявшись, стал отряхиваться от песка. – Надо было сразу попасть сюда, – вздохнул он и, определив направление, бодро зашагал к цели.

Тепло приятно согревало. Однако летчик постепенно стал чувствовать некоторое неудобство. Раскаленный песок жег, впиваясь ему в ноги.

Но самым тяжелым испытанием для него стало преодоление песчаных барханов. Они как будто специально не пропускали его.

Так, сделав один шаг вперед, Стефан съезжал вниз на два-три метра вместе с зыбким песком. Иногда он скатывался к самому подножью, и ему приходилось все начинать сначала.

– Да что же это такое?! – наконец в отчаянии воскликнул он. – Чем больше я прикладываю сил, тем

труднее мне преодолевать путь! Там я чуть не замерз, теперь же пустыня грозит изжарить меня живьем.

Размышляя так, он уже, наверное, в сотый раз пытался штурмовать одну и ту же преграду, но ничего не получалось.

В конце концов, неистовство настолько овладело Стефаном, что он, дико воя, вновь ринулся на приступ песчаной вершины, решив или преодолеть ее, или погибнуть.

Руки и ноги его работали в каком-то бешеном темпе. Как бы то ни было, но он постепенно продвигался вперед. И вот, наконец, перед ним возник верхний край бархана.

В отчаянном рывке он не преодолел, а пропорол его вершину и, очутившись на другой стороне, совершенно обессиленный, покатился вниз по склону.

Жара не давала ни мгновения отдыха. Жажда, казалось, сводила с ума.

– Где же моя долгожданная цель?

Подталкиваемый этой мыслью, он приподнял голову и, с трудом раздирая слипшиеся от пота веки, посмотрел туда, где должен был светить огонек. Но перед ним вновь была преграда в виде очередного песчаного утеса.

– Нет, это невозможно, я так больше не могу! – взревело, протестуя, все его существо, и он в какой-то дикой истерике стал колотить ненавистную раскаленную массу израненными руками и ногами.

Но песку было все равно – он просто так жил. И осознав все величие этого равнодушия, Стефан содрогнулся, поняв, что он делает что-то не так.

Сил на анализ происходящего уже не было, и его сознание, под давлением оранжевого марева, стало погружаться в бездну забвения.

*

До чего же все-таки живуч человек! В очередной раз осознание Стефана всплывало в иное пространство.

Теперь все было по-иному. Ему не было холодно, не было и жарко: была какая-то мягкая, упругая прохлада,

которая бережно держала его на своих огромных ладонях.

– Как здорово, что кончился весь тот кошмар, – пришла мысль, – а я все еще жив!

Стефан, блаженно открывая глаза, попытался повернуться – и тут же почувствовал, что чуть не захлебнулся.

Тем не менее, он был в знакомой водной среде и, привычно задвигая в разные стороны руками и ногами, решил определить свое местонахождение. Вокруг него была вода.

И не просто вода озера или реки – он находился в середине безбрежного водного пространства, откуда не мог заметить даже малейшего намека на какую-либо сушу.

– Ладно, плавать я умею, и это все-таки не снежный буран и не знойная пустыня. Нужно только определить, куда плыть, – и Стефан стал всматриваться в водную даль.

Длинные волны, перекатываясь, мерно поднимали его вверх и также плавно опускали вниз. Легко поднявшись на гребень одной из наиболее высоких волн, он довольно отметил про себя:

– Да, это не песчаный бархан, – и тут же заметил вдали, где-то на линии горизонта, ярко блеснувшую точку.

– Ничего страшного, – отогнал он от себя пугающую мысль о возможном поражении, – я доплыву, я просто обязан доплыть!..

Вновь утвердившись в направлении, Стефан ровными и сильными гребками погнал свое тело вперед, к желанной цели.

И хотя ему пришлось вынести немало страданий в снежной и песчаной пустынях, виртуальное тело так же исправно продолжало служить своему хозяину.

Каждый раз, когда его поднимала вверх очередная волна, он с трепетной надеждой смотрел на свой маячок – не стал ли он ближе? И вновь вынужден был признавать, что желанная точка находится все на том же, недостижимом для него расстоянии.

– Я должен плыть, бороться, – твердил он себе, продолжая при этом ритмичными гребками толкать назад воду.

Утомляясь, он ложился на спину и закрывал глаза. Однажды, так отдыхая, он вдруг обратил внимание на то, что волны идут ему навстречу.

– Значит, – обожгла его мысль, – за время моего отдыха, пока я не плыву вперед, меня относит назад.

Осознав весь трагизм положения, Стефан постарался увеличить скорость движения... но чем мощнее были его попытки, тем круче становились волны, и тем скорее он выбивался из сил.

В отчаянии, ценой невероятных усилий, он высоко выпрыгнул из воды в надежде увидеть хоть что-нибудь, что могло бы ему помочь держаться наплаву.

Но кругом была только одна вода. К тому же, его взгляд успел обратить внимание на тревожные симптомы, говорящие о надвигающейся буре: вода заметно потемнела, и усиливающийся ветер стал срывать верхушки волн, с силой бросая ему в лицо пригоршни соленых брызг.

Волны становились все мощнее и выше. Ломающиеся гребни катились вниз по склону волны пенными бурунами, которые накрывали Стефана, не давая ему дышать, отнимая последние силы.

С этим еще можно было бы как-то бороться, пока ветер дул хоть и сильно, но ровно.

Но когда неожиданно ветер стал шквальным и начал дуть как будто со всех сторон одновременно, Стефан оказался в центре какой-то дикой вакханалии, состоящей из волн, ветра и брызг, создающих буйное величие водной стихии.

Возникало впечатление, что он находится на дне глубокого колодца, а по нему, как бешеные кони, топтались безжалостные волны.

Чувствуя, что он задыхается и тонет, Стефан с надеждой посмотрел вверх и с изумлением увидел стремительно вращающийся круговорот из туч, в самом центре которого за ним наблюдал огромный немигающий глаз.

Казалось, чей-то взгляд абсолютно безразлично взирал на него. Крик отчаяния (а может быть, теперь уже едва слышный шепот) слетел с губ Стефана.

– Помоги! – выдавил он из себя.

И, как будто желая схватиться за протянутую ему руку, в последнем рывке пловец вытянулся вверх, к созданному его воображением образу спасителя.

Но пальцы тонущего лишь схватили пустоту, и тут же водяная пучина поглотила его, втянув многострадального странника в свою вечно ненасытную утробу.

Видимо, так было угодно судьбе (а, может быть, ею и запланировано), что его зов о помощи был услышан, так как из "глаза" (как раз к тому месту, где под волнами скрылась голова Стефана) потянулся гибкий, вращающийся рукав смерча.

Постепенно погружаясь в глубину и понимая, что на этот раз ждать помощи неоткуда, сознание уже попрощавшегося с жизнью Стефана начало отключаться от реальности, и его в очередной раз окутала тьма.

В это время рукав коснулся поверхности океана. Подчиняясь мощной энергетике, действующей в теле этой трубы, вода океана восходящим потоком устремилась вверх, наматываясь витками на нисходящий силовой стержень.

Вблизи было видно, что рукав состоит из плотно сжатого, опускающегося вниз по спирали, воздуха, который с силой бьет и своим вращением закручивает находящуюся в близком с ним контакте воду.

Часть её, оказавшись под ударным острием этого воздушного тарана, разбивалась им в пыль, разлетаясь касательными валами по окружности в разные стороны. Но некоторое количество воды, подчиняясь закону встречного вращения, начало подниматься вверх.

Такое засасывание происходило настолько мощно и энергично, что не опустившееся еще на большую глубину тело Стефана, попав в восходящие потоки воды, вместе с ними стало приближаться к этой перевернутой воронке, тянущей к нему свою спасительную "руку".

Лётчик, пребывая в беспамятстве, потерял способность ориентироваться в пространстве, и поэтому, ощутив влекущую его куда-то мощную силу, не смог

понять, что с ним происходит, и то, что его призыв был, наконец-то, услышан.

В тот же миг безвольное тело Стефана, увлекаемое турбулентными потоками, было подхвачено стремящейся вверх силой, и, повинуясь резкому ускорению, по спирали взмыло вверх.

Стефану на миг показалось, что он попал в какие-то безжалостные тиски, - и тут же окончательно потерял сознание, - этой силой была стянутая в ограниченное пространство масса (состоящая из воды и воздуха). Она при этом, словно жернов, ещё и оборачивалась вокруг центра, притягиваемая его энергетикой.

Вот эта взбивающая сама себя эмульсия и создавала то огромное сокрушающее давление, которое, невзирая на беспамятство, ощутил Стефан. Ломая, оно сжало его с такой силой, что застывшее было сознание вновь обрело ясность восприятия.

Вся эта эмульсионная масса, стремясь к освобождению от огромного давления, созданного ударной волной, ринулась вверх, стремительно вращаясь вокруг нисходящего потока оси рукава и увлекая при этом за собой незадачливого пловца.

Дело в том, что часть смерча в своём верхнем отделе была разреженнее относительно нижней. Это происходило за счет мощного наматывания воздушных масс на тело воронки, которая и представляла из себя сердечник опускающегося рукава.

Поднимаясь вверх, восприятие Стефана вновь изменилось, и он ощутил себя больше наблюдателем, чем участником происходящего процесса. Так, с новой точки зрения, стали заметны несколько важных, на его взгляд, деталей.

Он обратил внимание на то, что его тело не вращалось вокруг собственной оси. А это, в свою очередь, позволяло ему сохранять концентрацию внимания. И потом, тело, двигаясь по кругу, находилось в середине массы восходящего потока. А здесь давление и, особенно, кручение были не таким жёстким, как вблизи центра рукава.

Это было не просто наблюдением за действующими природными силами. Он сам, став частью этого

механизма, лично переживал все процессы, из которых состояло данное явление.

Была еще одна интересная деталь, которая его очень удивила. С одной стороны, Стефан чувствовал этот подъем, как длительный поэтапный процесс. Однако, с другой, этот взлет был им воспринят, как миг.

Память еще держала в сознании чувство того, что он видел, находясь внизу, – и вот летчик уже кувыркается в каких-то завихрениях, а вокруг него больше нет властно сжимающей, скручивающей и куда-то влекущей дикой силы.

Было понятно, что вся эта водно-эмульсионная масса, взмыв вверх и освободившись от тисков воздушной трубы, ринулась во все стороны, почувствовав свободу.

Импульс вращения, полученный ею во время подъема, был столь силен, что даже части поднятой материи, продолжая вращаться вокруг гипотетического центра, почувствовали необходимость обособиться, образуя так называемые солитоны (энергетические структуры, имеющие собственный момент вращения).

Причем вся поднятая вверх масса не представляла собой инерционную и бесформенную материю. Это был живой единый организм, состоящий из множества вращающихся образований и действующий по заложенной в него индивидуальной программе.

Тело этого стихийного порождения продолжало расти, расширяясь во все стороны и, поднимаясь вверх, питалось все новыми порциями втягиваемой массы.

Какое-то время, кувыркаясь и переходя из одного шарика-волчка в другой, Стефан продвигался к самому верху этой пирамиды, по своей форме напоминающей шляпку гриба, ножкой которому служил смерч.

Наконец, преодолев сопротивление последнего солитона и сделав какой-то немыслимый кувырок, Стефан осознал себя сидящим на некой огромной сферической поверхности. Она же, колтыхаясь волнами (то там, то здесь), плавно выпучивалась либо втягивалась.

У летчика даже возник рассмешивший его своим противоречием образ – живой матрас, который был не только разных цветов и оттенков (которые постоянно

менялись), но и, по ощущениям, эластичным и надёжным.

– Да, – вздохнул Стефан, – как видно, утонуть мне не суждено, – и от мыслей, напомнивших ему о недавних событиях, его передернуло. – Но что же мне делать теперь? – подумал лётчик.

И память тут же услужливо прокрутила перед взором все те приключения, которые выпали на его долю с того самого момента, как он остался один.

– Сначала все было хорошо: я сумел преодолеть опасность, которую нес мне Дракон, грозя раздавить валуном.

Сумел также преодолеть все трудности, которые приготовила мне Змея, пытаясь оставить в плену своих колец.

Но что случилось теперь, что я делаю не так? В чем заключена ошибка, повторяя которую вновь и вновь, я не могу вырваться из цепких лап Обезьяны?

И тут же возникла мысль:

– Надо понять, в чем кроется сила ее хватки, – Стефан стал вспоминать те напутственные слова, которыми снабдил его в дорогу Проводник.

– Обезьяна – это эмоция, – вдруг отчетливо услышал он.

Прозвучавший голос был настолько реален и раздался так близко, что Стефан, невольно вздрогнув, стал оглядываться по сторонам.

Однако вокруг него не было ни одной живой души, и только плывущие облака различной формы и оттенков придавали некоторую живость окружающему пространству.

Все они, повинувшись мощному течению, двигались единым потоком и в одном направлении.

Разочарованно вздохнув, Стефан попытался вернуться к своим размышлениям, и тут же вновь услышал характерный смехок.

Несомненно, это был голос того самого старика. Стефан стал зорко вглядываться в окружающее его пространство.

И вдруг его внимание привлекло одно облако, которое было не только светлее остальных, но и двигалось не

строго по течению, а произвольно, пересекая общий поток. Вне всякого сомнения, оно приближалось прямо к нему.

Продолжая всматриваться в заинтересовавшее его облачко, Стефан заметил, что чем ближе оно подплывало, тем все более похожим становилось на Проводника.

Удивлению испытуемого не было границ, когда облако, приблизившись вплотную, вдруг окончательно приняло форму Старца.

– Что, не ожидал? – усмехнулся тот, усаживаясь напротив Стефана. – Да, тут очень удобно, – продолжал с юмором старик. – Ты хорошо поработал, теперь можно и отдохнуть.

– О каком отдыхе ты говоришь? – рассердился Стефан. – Вначале я чуть не замерз в горах! Затем еще немного – и был бы живьем запечен в раскаленных песках пустыни.

Каким-то чудом я избежал печальной участи утопленника, и вот теперь сижу тут, на вершине тучи, и не знаю, что делать дальше. Более того, боюсь даже пошевелиться.

Ведь что бы я ни делал, оно тут же оборачивается против меня. Больше не могу, у меня не осталось совершенно никаких сил!

– Но, но, но, – Старец вновь рассмеялся и похлопал его по плечу, – зачем же так паниковать и отчаиваться? Ведь все не так плохо, как ты думаешь. Ты уже прошел солидную долю пути и остался цел, а это немало.

– Да где же цел?! – рассерженно вскричал Стефан. – Это просто случайность, что я не стал кормом для рыб. Если бы не этот смерч...

– Смерч? – усмехнулся старик. – Это не смерч вырвал тебя из морской пучины, а я. Должен тебе сказать, что ты ни на мгновение не выпадал из поля моего внимания.

К своему удовольствию, я не раз отмечал твои победы, которые ты одерживал вопреки всем трудностям перехода.

Да, действительно, единственной преградой, с которой ты не смог совладать, стала обезьяна. Вот тут-то я и пришел тебе на помощь, вырвав тебя из ее лап.

– Так это был ты? – удивился Стефан.

– Конечно же, я, – улыбнулся Проводник и довольно погладил усы и бородку.

– Но в чем же моя проблема? – вновь вернулся Стефан к своим размышлениям. – Ведь я, вроде бы, все делал правильно.

– Хорошо, хорошо, давай, продолжай, – ободряющим жестом Старец побуждал его к дальнейшим рассуждениям.

– Ты же сам говорил, – Стефан взглянул на Проводника, – что мое сознание должно быть раздвоенным: одна часть – сконцентрирована на действии, а вторая – на цели.

– Правильно, – кивнул старик.

– Но ведь я так и делал! Всю волевою мощь своего сознания я направил на желание достичь цели, а второе внимание, полевое, было занято тем, что стимулировало мои действия.

– Ну, – поддакнул старик, – а почему именно так?

– А как же иначе? – удивился Стефан. – Весь опыт моей прошлой жизни говорит о том, что перераспределение внимания должно быть осуществлено именно таким образом.

– Очень интересно, – глаза старика лучились весельем, – а можешь привести мне хотя бы один пример из твоего бесценного опыта, который ты уже успел обрести в своей жизни?

– Без проблем! – обрадовано воскликнул Стефан.

Ему показалось, что он сможет поставить перед таким могучим Старцем неразрешимый вопрос. От этой мысли он даже воспрянул духом.

– Ну, что ж ты, рассказывай, – лукаво улыбался старик, как будто совершенно не чувствуя той западни, что пытался поставить ему летчик.

– Так вот, – начал Стефан, – я не раз обращал внимание на одно удивительное, с моей точки зрения, явление.

Когда мне приходилось пешком подниматься на девятый этаж к себе домой (а это случалось довольно часто из-за нашего регулярно ломающегося лифта), то я, как правило, практически не замечал ни самого пути, ни

трудностей подъема по ступенькам. Потому что в тот момент думал о вкусном обеде, который ждал меня на столе.

Желание поест было настолько велико, что концентрация на нем почти полностью уничтожала мое восприятие трудностей, связанных с пешим подъемом.

Когда же я просто возвращался домой и, сетуя на вновь застрявший где-то лифт, думал о своих мышцах, заставляя их работать в усиленном режиме, то, подходя к своей площадке, я немного задышался и ощущал неприятное чувство тяжести в ногах.

Следуя этому опыту, я и теперь свои усилия направлял на то, чтобы удержать цель своим основным вниманием. Ну, и вот результат: я потерпел поражение в трех местах.

– Все правильно, – продолжал улыбаться старик.

– Если все так, – раздраженно воскликнул Стефан, – то тогда что не так?!

– Успокойся, успокойся, – старик примирительно сложил ладони своих рук. – Ты рассуждал обо всем абсолютно правильно, кроме одного. Думая об одном, ты пытался приложить это к другому, и в итоге все перепутал.

Ведь я тебя предупреждал, что обезьяна очень хитра и коварна, а ее эмоциональность может погубить тебя. Ты понимаешь?

– Я понимаю, – съязвил Стефан, – я понимаю только то, что ничего не понимаю!

Это неожиданное признание вызвало такое бурное веселье со стороны старика, что облако, на котором они сидели, заходило ходуном, как будто оно вместе с ним смеялось над Стефаном.

– Ладно, ладно, не обижайся, – старик мягко коснулся его руки. – Слушай внимательно и вникай. Ты был прав, когда говорил о том, что совершенно не ощущается трудность перехода, если внимание сосредоточено на результате.

Однако изюминка правильного ответа в том, что этот переход был коротким по расстоянию и по времени, а, следовательно, количества освобождающейся энергии

хватало на то, чтобы его осуществить, и поэтому у тебя не возникало проблем.

Но совсем другая картина разворачивается тогда, когда переход достаточно длителен как по времени, так и по расстоянию, да еще и насыщен смертельно опасными препятствиями.

Здесь одного внутреннего запаса потенциальной энергии может не хватить, что с тобой, собственно говоря, и произошло. Основная сила была прикована твоим вниманием к результату, а сам процесс движения оказался анемичным. Как же ты думаешь достигнуть цели, если не можешь выстроить к ней путь?

– Да, – Стефан задумчиво смотрел вдаль, как будто где-то там вновь переживал свои приключения. – Так я не думал. Пожалуй, ты прав, но как же все-таки увидеть эту проблему по-другому? – Стефан опять посмотрел на Старца.

Тот некоторое время, медля с ответом, пристально глядел на своего ученика. Наконец, придя к какому-то заключению, он удовлетворенно кивнул головой, как бы давая самому себе добро на продолжение урока.

– Мы с тобой разобрали короткий путь и представили, что такое длинный. Если ты вспомнишь все свои трудности и внимательно их изучишь, то тебе станет понятно, что любое движение или действие никогда не делается только за счет одной личной силы.

Все силы мира находятся в едином сцеплении, так как сама по себе сила, не имея точки опоры, не сможет развить энергию. Взаимодействие же сил между собой и будет теми точками опоры, которые способны превращаться в движение. Кроме того, оно, организуясь мыслью, становится направленным действием. Ты следишь за мной? – привлек внимание Проводник.

Ему показалось, что форма сознательного контура у Стефана потеряла свое равновесие.

– Если честно, я немного отвлекся, – признался Стефан и вновь сосредоточился.

Увидев, что поле сознания ученика сбалансировалось, старик продолжил:

– Так вот, как мы с тобой уже говорили, просто силы у человека немного, но ее очень много вокруг. Можно

сказать, что это бесхозное добро разбросано повсюду. Нужно только увидеть его, поднять и использовать.

Поэтому свою силу нужно тратить не на сам путь, а на использование и управление внешними силами, которые и понесут тебя сквозь время и пространство к желанной цели, преодолевая все трудности или минуя их.

Вот почему основная сила твоего внимания должна быть собрана на движении, а второго внимания, полевого, вполне хватит на то, чтобы не сбиться с пути, следуя своей задаче... Ну что, разобрался с этим?

– Да, это я понял, – Стефан благодарно взглянул на Учителя, – но я хотел бы для себя выяснить еще один момент: почему у меня так болели мышцы ног, когда я думал о подъеме, и, в то же время, я совершенно не ощущал их, когда думал о еде?

– Ну, тут все просто, – Старец, выгнувшись, потянулся и, от удовольствия зажмурив глаза, сладко зевнул. – Видишь ли, у людей есть такая поговорка: "горе от ума". В какой-то степени это так и есть. Когда ты думал о еде, твой ум был занят вожделением, связанным с вкусовыми ощущениями.

Следовательно, техникой и движениями твоего тела при подъеме руководила твоя подсознательная часть. Она наиболее экономно расходовала двигательную энергию, а, вследствие этого, нервные пути не были перегружены.

Другими словами, это были самые оптимальные энергетические затраты. Ну, а поскольку путь был коротким, у тебя не возникло энергетического дефицита, когда ты дошел до дома.

В другом же случае твой ум был направлен на мышечную работу. Ему, этому забияке, всегда хочется реализовать свой лозунг, который выглядит примерно так: "выше, быстрее, дальше".

Но он никогда не думает о том, что этому всему есть предел. Вот и у тебя, в результате таких бесхозяйственных трат, наступила энергетическая дистрофия – ее-то ты и почувствовал в виде сильной мышечной боли.

– Все, – как-то одним духом выпалил Стефан.

Рассказанная и показанная стариком картинка четко проявилась в его сознании. Наступило состояние великого прозрения. Излучая счастье, Стефан посмотрел на Учителя.

– Ну вот, – удовлетворенно произнес тот, – теперь совсем другое дело. А раз так, то я тебе больше не нужен, – произнес Старец, и его тело (или то, что казалось им) стало вдруг расплываться и менять очертания, вновь превращаясь в облако.

Отделившись от того места, где они так долго беседовали, облако приподнялось, влилось в общий поток и затерялось среди своих пушистых собратьев.

Стефан опять, в который уже раз, остался один на один со своей судьбой. Но он нисколько этим не опечалился.

Поняв свои ошибки и ободренное словами Наставника, сознание не просто желало сразиться с силами, которые были помехой на его пути. Можно сказать, что оно просто рвалось в бой. Нужно было только сделать первый шаг.

Но, как наш путник уже не раз убеждался, для этого должен быть какой-то знак. Наблюдая за грозной тучей, на которой он находился, Стефан обратил внимание на то, что всасывающий хобот, перестав качать воду, уже почти совсем втянулся в нижнюю часть грозового облака.

– Это похоже на огромный корабль, который, подняв якорь, готов пуститься в путь...

Водяной крейсер, словно воссоздавая в реальности образ увиденный Стефаном, плавно тронулся, подчиняясь общему движению. Почувствовав это, Стефан восторженно вскрикнул:

– А туда ли я двигаюсь?

Внимательно посмотрев в том направлении, где, по его представлению, должен был находиться огонек, он действительно заметил далеко внизу ярко блестящую точку.

– Мне надо туда!

Вытянув обе руки и подавшись вперед всем телом, Стефан сделал несколько шагов к желанной цели. Ему показалось, что он вдруг полетел. Да, действительно, под ногами у него уже не было опоры.

В тот же момент стабильность его положения в воздухе нарушилась. Стефан неожиданно ощутил, что начал падать. Прекрасно понимая, что он не самолет и не птица, а значит, не может летать, используя крылья для опоры, Стефан задумался:

– Но опора должна быть, иначе мне не удержаться.

И тут ему показалось, что кто-то сзади, прямо в ухо, прошептал:

– В себе, в себе ищи, она у тебя есть и всегда была. Нужно только ее найти, почувствовать и использовать для полета.

Мгновенно сориентировавшись, Стефан раскинул в стороны руки и ноги, чтобы хоть как-то стабилизировать себя в пространстве. Падение резко замедлилось, однако он продолжал снижаться. Но ощущения, возникшие в результате этого действия, дали ему возможность почувствовать себя как некую суть, имеющую объем.

Продолжая проникать осознанием в глубь этого состояния, Стефан обратил внимание на то, что силовые линии несущего поля имеют определенную центростремительную направленность, как видно, позволяющую этому образованию сохранять свою целостность. Пройдя до конца по этим линиям, он прямо физически ощутил тот узел, где они сходились.

Им была замечена еще одна особенность. От этой точки, по таким же спиралевидным линиям, но уже к внешней оболочке, идут другие, центробежные силы. Этот центр, пульсируя, подобно сердцу, втягивал и вытягивал энергию.

– Это она – опора моей жизненности, – сразу понял Стефан.

И тут же его осознание выскочило наружу, но чувство пульсирующего энергетического центра осталось. И произошло нечто совершенно необъяснимое: Стефан парил в воздушном пространстве, как будто находился в невесомости. Он удивленно хмыкнул:

– Ну, прямо вертолет, – и, слегка изменив угол видения, Стефан тут же почувствовал, что двинулся вперед. – Как интересно! – игривое сознание тут же предложило новый вариант движения.

Он летал легко и свободно, меняя скорость, направление и высоту. Решив довести испытание новых возможностей до конца, Стефан сделал даже несколько фигур высшего пилотажа. Полет был безупречен. Это было как в сказке, где мгновенно исполняются любые желания.

Освоившись со своими возможностями в управлении полетом, Стефан направился прямо на неизменно мерцающий вдали маячок. Однако чем быстрее он мчался, тем все более грозный вид стал принимать окружающий его со всех сторон воздух. Он заметно потемнел, и возросшее сопротивление говорило о его плотности.

Впереди, выше и ниже курса, по которому пролегал путь Стефана, стали образовываться, клубясь, черные, зловеющие тучи. Было видно, как между ними, периодически рассекая кривыми лезвиями пространство, вспыхивали молнии. Скосив взгляд, Стефан увидел внизу бушующий океан.

Это была настоящая буря, где сами волны казались столь гигантскими, что своими пенными вершинами касались туч. А те, в свою очередь, были до такой степени наполнены мощной грозовой энергией, что создавалось впечатление, будто мощные, тяжелые танки ползут по изрытой поверхности. Иногда между особо высокими валами и наиболее мощными тучами возникала перестрелка.

Да, это был настоящий бой, где грохот и молнии напоминали артиллерийскую канонаду, а ветер – свист пуль и снарядов. Вдобавок к этому, все пространство было заполнено потоками хлынувшей сверху воды. Это было безумство природы, в центре которого оказался наш пилигрим.

– Скорее, вперед! – привычно возник эмоциональный порыв, но тут же, параллельно, словами Учителя прозвучала и другая мысль, – стоп! О чем только что был разговор и к чему вновь приведет эта спешка? Необходимо сконцентрироваться на самом движении, оставив второму вниманию задачу удерживать направление.

И дальше, как бы продолжая диалог, мысль уточнила:

– Внимание на действии должно быть опосредованным. То есть сосредоточиться на своей основе, на том, что дает тебе главную силу, а сами движения отпусти, дай им свободу!

– Правильно! – Стефану показалось, что он сам себе улыбнулся.

Наверное, было всегда приятно похвалить самого себя за верно принятое решение. Сосредоточившись на своей внутренней опоре, Стефан мгновенно ощутил, что его нахождение в пространстве не только стабилизировалось, но даже возникло такое ощущение, что буйные силы природы как бы отступили, дав возможность ему обозреть свой безопасный мирок в развернувшемся мощью - хаосе.

Управление полетом не переставало восхищать его своим совершенством. Даже в тех случаях, когда он попадал в самый центр грозового разряда и огненный меч, опускаясь, грозился разрушить его сознание, Стефан, словно отталкиваясь от какого-то невидимого препятствия, за мгновение до удара молнии ускользал от нее.

Иногда разряд возникал так близко, что путнику казалось, будто он успевал рассмотреть сам механизм этого природного явления, прекрасного и ужасного одновременно.

Сознание, сконцентрированное на центральной энергетической точке и, частично, на цели, в своей основе было свободно, незагружено. Это позволяло, изменяя углы видения, наблюдать за тем, что происходило вокруг.

Так, он вдруг заметил, что тучи очень сильно напоминают плывущих медуз, у которых с боков и, особенно, в нижней части раскачиваются длинные нити, утолщенные сверху и сужающиеся к своим окончаниям. Они двигались и извивались во все стороны, как змеи.

Еще интереснее было то, что у некоторых грозовых образований они были темными, а у других – светлыми. Причем такая же, но только перевернутая картина была и снизу.

Вздыбившаяся водяными горами неукротимая стихия так же выбрасывала вверх, с вершин водяных валов,

более короткие, но достаточно массивные энергетические протуберанцы. Стефану даже показалось, что от удивления у него открылся рот.

– Вот это да! – восхитился он.

И на самом деле, было чему восхищаться. Под этим углом зрения вся поверхность океана походила на огромное поле, поросшее невысокой травой, которая, покачиваясь, вздымается волнами различной высоты.

– Никогда мне такого не приходилось видеть, – отметил он.

И тут же, продолжая, заметил:

– Но ведь я никогда так раньше и не смотрел!

Однако самым поразительным было то, что периодически пути этих отростков пересекались. В результате получалось то, что можно было бы назвать чудом.

Следуя каким-то, одним им известным правилам, протуберанцы, вдруг отталкиваясь друг от друга, продолжали идти дальше – каждый своим путем.

И если учесть, что все это не только двигалось, но еще и непрерывно изменяло свою длину и форму, то становилось ясно, насколько многообразным виделось это зрелище.

Некоторые отростки не уклонялись от встречи, а даже наоборот, было видно, что они, как множество щупальцев, устремлялись навстречу друг другу.

Сливаясь в монолит (как видно, подчиняясь силам внутреннего реагирования), они или вытягивались в струнку, или принимали причудливо изогнутые формы.

В некоторых случаях такие соединения получались достаточно сложными, когда на один отросток "набрасывались" несколько водяных щупальцев.

Все эти объединения были похожи на процесс образования заданных голограмм, строго следуя которым, внутри этих отростков вспыхивали раскаленными нитями молнии.

Естественно, в зависимости от формы застывающего в момент сцепления силового коридора, и молнии имели различные изгибы.

Иногда такие огненные лезвия сравнительно долго существовали в воздухе. Становилось очевидным, что

они не могут угаснуть до тех пор, пока потенциальная мощь данного силового образования не вырабатывалась до конца.

И ни разу не было такого случая, чтобы молния вспыхивала вне силового коридора. Вот эти самые отростки, соединяясь, и создавали то энергетическое усилие, которое чувствовало сознание Стефана, уклоняясь за мгновение до разряда.

Странно, что, находясь в самой гуще природного безумия и сохраняя свою безопасность, Стефан не только удерживал свой маршрут, но даже находил минутки понаблюдать за внешними силами и использовать их проявления.

Действительно, энергетическое напряжение, возникшее в этой части пространства, помогало ему манипулировать линией своего полета. Все происходящее было похоже на сказку, однако ею не являлось.

Стефан четко осознавал, сколь могущественными и смертельно опасными могли быть эти природные катаклизмы. Но, тем не менее, он справлялся с ними легко.

– Выходит, я более могуч, – подумал Стефан, и тут же поправился, – могу быть могучим.

Радость горячей волной заполонила всю его суть. В тот же самый момент он как будто выскочил из-под какого-то гнета и ощутил себя несущимся в чистом, ясном и свободном от грозных сил мире.

Внизу лежала спокойная водная гладь. Океан легко катил небольшие, но длинные, отливающие бирюзой, волны. Небо казалось безбрежным. Стефан нежился в атмосфере света и тепла.

– Так, а где же мой огонек? – вдруг вспомнил он, и его внимание тут же прочертило ровную, плавно снижающуюся линию, которая тянулась прямо к теперь уже близкому маяку.

– Надо же, не сбился, а я уже, было, совсем забыл о нем думать. Вот что значит правильно настроенный механизм движения!

Стефан стремительно снижался. Уже показался скалистый берег, омываемый со всех сторон водами

океана. Это был небольшой остров, издалика напоминающий кратер вулкана, состоящий из остатков горной породы и застывшей лавы.

По всей видимости, жерло самого вулкана находилось чуть ниже, в глубине водного пространства. А верхняя часть горы, еще не успевшая разрушиться, словно могучий исполин, возвышалась над ровной гладью океана одинокими утесами.

Вот один-то из них и манил внимание Стефана мерцанием так долго зовущего к себе пламени.

Глава 6

Еще несколько мгновений полета, и Стефан почувствовал себя стоящим перед стеной из пламени. Это было довольно странно для понимания, но, тем не менее, все обстояло именно так.

Огонь рвался вверх прямо из скалы, и внизу не было поленьев или угля. Не было и отверстия, из которого мог бы вырываться горящий газ. Путешественник видел просто пламя – огонь, горящий сам по себе.

Стефан двинулся вдоль этого гигантского костра, пытаясь обойти его по кругу. Однако стены ниши, примыкая с двух сторон к языкам бушующего пламени, не давали возможности заглянуть за него.

Пока гость размышлял обо всем этом, пламя, как будто повинаясь невидимому сигналу, стало уменьшаться, и в середине огненного круга Стефан рассмотрел восходящий столб, состоящий из белоснежного и густого, как молоко, потока света.

Пламя вновь стало усиливаться, и вскоре оно скрыло от глаз удивленного путника все то, что он только что увидел.

– Что же это такое? – раздумывал Стефан, и тут же ему вспомнилась пещера и напутственные слова Проводника:

– Огонь прячет вход в тоннель, через который ты сможешь начать переход обратно, к своему физическому телу.

– Так вот оно что! Вот он какой, этот самый страж, – с восхищением подумал Стефан, вспоминая злые языки оранжевого пламени, лизавшие гранитные своды скальной ниши.

Неожиданно его внимание отметило: находясь так близко от пламени, что можно было дотянуться до него рукой, он совершенно не ощущает жара.

– Не может этого быть, так не бывает: или это не огонь, или... – он не успел закончить, как в лицо ему полыхнул жар такой силы, что Стефан почувствовал, как у него затрещали волосы и стала заворачиваться, лопаясь, кожа.

Мгновенно отскочив назад, Стефан понял, что это был не ожог, а прелюдия к нему. Таким было предупреждение грозной, но по-доброму расположенной к нему силы, призывающей его к осторожности и вниманию. Отбежав и укрывшись за каменным выступом, он стал наблюдать за огнем.

Прежде всего, ему вспомнился образ, который несла в себе данная стихия. Это был тигр, а значит, злой, безжалостный убийца. Но, в то же время, этот зверь мог быть и мягким, игривым котенком.

К тому же, тигр всегда действовал в рамках раз и навсегда установленных правил. А раз так, то с ним, невзирая на опасность, можно было справиться. Стефан решил сконцентрироваться на наблюдении.

Первое, что отметило и четко зафиксировало его сознание, была регулярная последовательность, с которой огонь активизировался, развивая максимальную силу, а затем уменьшал свое пламя, сводя его до минимума.

Подчиняясь этим же правилам, жар, шедший от пламени, также снижал свою испепеляющую мощь.

– Действительно, – подумал Стефан, – когда тигр разъярен или голоден, пойдя его, тронь. Но когда он сыт и спокоен, с ним можно даже играть, как с котенком.

Однако как играющий тигр продолжает оставаться зверем, так и притухшее пламя продолжает быть огнем. Здесь что-то должно было быть еще, чего я пока не заметил, – размышлял Стефан.

Вдруг ему бросилось в глаза то, что пламя имело различные оттенки: от ярко-желтых и даже почти белых, до совершенно черных.

– Подумать только, действительно, такое же полосатое, как тигр, – мысль его настойчиво крутилась вокруг такого сходства. – Это неспроста. Здесь, должно быть, кроется ответ на один из моих главных вопросов: как туда войти?

Следя теперь уже только за этим феноменом, Стефан отметил еще одну закономерность: чем выше и мощнее пламя, тем больше появлялось ярко-желтых протуберанцев, которые, словно размножаясь, занимали собой почти все тело огня.

Когда же пламя снижало свою мощь, происходило обратное: увеличивающиеся темные промежутки создавали впечатление о каком-то пористом теле.

– Пористость – вот он, ответ на мой вопрос, – внезапно увидел Стефан решение казавшейся неразрешимой проблемы. – Поры – это же отверстия, проходы. Через них-то я и смогу проникнуть в глубь пламени, чтобы добраться до входа в световой тоннель.

Несмотря на трудности, которые пришлось ему преодолеть, Стефан получил огромный опыт, определивший в известной мере состояние его сознания, но все же еще полностью не управлял самим собой.

Время от времени он ошибался. Так и сейчас освободившаяся от его волевого контроля мысль стала причиной панического страха:

– Но все равно, это же огонь, и в нем можно сгореть! – однако эта минутная слабость только усилила его волю. – Да, можно сгореть, если об этом думать.

Если же сосредоточиться на образе, будто я иду в скафандре, защищающем меня от жара, и верю в это, то огонь не сможет причинить мне вреда, как и тигр, стоящий за решеткой, никогда не пытается напасть, если его, конечно, не дразнить. Все! – в сознании Стефана сложился план дальнейших действий.

Теперь он стал наблюдать за длительностью, с которой менялись циклы активности. Наблюдение показало, что и они были неодинаковы. Ему нужно было только определить ту закономерность, с которой они менялись, и тогда могла появиться надежда на благополучный исход.

– Так, – начал вспоминать Стефан, и перед его внутренним взором, подчиняясь воле, раскрывшей створки памяти, поплыли кадры из увиденного в юношеские годы научно-популярного фильма, в котором показывали различные секты, культивирующие поклонение огню, а также связанные с этим ритуалы.

Особенно запомнился Стефану один эпизод, в котором целая толпа танцевала на раскаленных углях. Там были мужчины, женщины и дети, и все они были босы.

Причем не было видно не только какого-либо ожога на их голых ступнях, но и, судя по выражению их лиц, они

испытывали невыразимое удовольствие от происходящего.

Стефан вспоминал, как он пытался внимательно всматриваться в глаза участников этого зрелища, так как сидевший рядом с ним сокурсник говорил, что в тот момент, когда они ступают голыми ногами в жаровню, они становятся абсолютно безумными. Дескать, поэтому они и не чувствовали обжигающего огня.

Но не чувствовать и не обжигаться – это не одно и то же. Еще тогда Стефан решил, что дело не в безумстве, а в чем-то другом, чего он понять тогда так и не сумел.

Да и в глазах, как он ни всматривался, не было заметно и тени безумства, – может быть, только некая доля отрешенности. Глаза сектантов были полузакрыты и смотрели куда-то вдаль. Возникало впечатление, что их сознания находятся в другом месте.

– А может быть, времени? – тут же подумал Стефан. – Точно! – Ясность осознания захлестнула его. – Они меняли при помощи концентрации внимания свое личное время!

Создавался парадокс, в котором для окружающих действительно проходили целые минуты, но для участников этого ритуала это было всего лишь мгновением, а за мгновение обжечься невозможно.

Услужливая память тут же подсказала услышанный им от отца пример. Когда-то тот рассказывал о том, что на некоторых литейных заводах царской России были такие мастера, которые определяли готовность кипящего металла не только по цвету, но и тем, что, зачерпнув ковшом раскаленный чугун, они на мгновение погружали голую ладонь своей руки пальцами вниз и тут же обратно выдергивали. Слегка встряхнув ее, они затем "слушали" то, что она им "говорила".

– Теперь, конечно, таких мастеров нет, – Стефан отчетливо слышал слова отца, – но ведь были же!

Вот эта-то последняя фраза, можно сказать, и делала для него весь рассказ реальностью.

Вспоминая все эти случаи, Стефан понял, что судьбой ему дарован редкий шанс сделать то же самое, но только осознанно. Теперь ему нужно было собрать воедино все

необходимые условия, при которых возможен был счастливый исход этого рискованного эксперимента.

Итак, вначале нужно ускорить свое, личное психовремя до максимально возможных параметров. При этом необходимо создать вокруг себя некий энергетический щит, который мог бы стать еще одним уровнем защиты.

Путник уже знал, как это можно сделать. Требовалось только сконцентрироваться на определенном образе и зафиксировать его. Ведь твердая и устойчивая вера способна материализовать мысль.

И, что уже совсем просто, необходимо вычислить тот момент, когда пламя становилось не только минимально активным, но и пауза была достаточно длительной. Из всего этого получалось, что самой трудновыполнимой задачей было ускорить течение времени своего сознания.

– Как же это делается? – стал вспоминать Стефан, переживая свои ощущения в прошлых испытаниях.

Он обратил внимание на одно, заинтересовавшее его противоречие. Чем ближе его точка внутренней концентрации приближалась к линии баланса, тем, как он ощущал, время текло медленнее. И наоборот, чем ближе к краю сознательного поля располагалась точка внимания, тем отчетливее возникало ощущение ускорения времени.

Однако здесь было что-то еще. То, что не давало ему покоя и удовлетворения. Кто-то внутри него протестовал и кричал ему из глубин подсознания: "Нет, это не так, все как раз наоборот, по-другому!".

Стефан недоумевал: чувства говорили одно – предчувствие же это оспаривало. Перед ним была стена, сквозь которую он никак не мог пройти. Пытаясь разрешить эту проблему, он бессознательно перебирал различные варианты.

И вдруг его внимание привлекла еще одна сценка. Он увидел себя сидящим за рулем спортивного автомобиля. Впереди, почти рядом, по шоссе мчалась другая машина.

– Почему возникла эта картина? – задумался Стефан.
– Что же хочет она мне сказать?

Продолжая наблюдать, но теперь уже как бы со стороны, за сближающимися и расходящимися на параллельных курсах автомобилями, он неожиданно для себя увидел решение этого вопроса.

– Ну, конечно же, все дело в том, с какой точки зрения рассматривать проблему! Если с личной, то движение двух, рядом находящихся автомобилей, даже при огромной скорости, создавало иллюзию неподвижности или замедленности, когда один из них плавно уходил вперед. Относительно же статичной дороги их скорость была высокой. Вот где ответ!

Все получилось просто и даже как-то буднично.

– Линия равновесия сознания – это один автомобиль. Точка моего внимания – это другой. Сознание – это дорога. Вот и все! Поэтому, чем ближе к краю и дальше от центральной точки, тем острее ощущение от дороги за счет усиления чувства скорости.

А чем меньше расстояние между концентрацией и личностным центром, тем больше внимание переключается на ось. Но приближение к точке автоматически означает выравнивание скоростей, что и создает иллюзию замедления.

Все правильно! Даже небольшая скорость мимо статических предметов кажется высокой, а продвижение для того, чтобы догнать впереди идущую цель, кажется медленным действием. А раз так, значит, чтобы ускорить личное психовремя, необходимо свое внимание поместить в центр сознания.

Как же все на самом деле просто! – ему тут же вспомнились восточные монады, где, сплетаясь, черные и белые силы соединялись воедино, а также змея, кусающая себя за хвост, тем самым символизируя принцип целостности. – Да, оказывается, я все это уже давно знал! Нужен был лишь толчок для того, чтобы я смог это осознать.

Таким образом, остался неразрешенным только один, последний вопрос: циклы активности огня. Стефан обратил внимание на периодичность, с которой огонь усиливал или уменьшал свою активность, пытаясь уловить ту закономерность, с которой это происходило.

С четкостью метронома огонь усиливал свой пыл на каждый десятый всплеск. Затем, вложив всю свою мощь в максимальную вспышку, он, как бы обессилев, резко спадал, образуя самую большую паузу. После этого, словно отдохнув и набравшись новых, свежих сил, огонь вновь начинал увеличивать свой жар, постепенно сокращая промежутки между вспышками.

– Наверное, – подумал Стефан, – наиболее возможным для входа является первое, самое большое окно.

Дождавшись очередного спада, он, выйдя из-за укрытия, попытался приблизиться к огню, но, невзирая на низкую активность пламени, остаточный жар был еще настолько силен, что не было никакой возможности подойти к кострищу достаточно близко.

Сделав несколько шагов назад, Стефан остановился и стал ждать, наблюдая за происходящими процессами. Температура быстро понижалась, и вскоре он смог подойти к нему на расстояние вытянутой руки. Было очевидно, что сейчас должно наступить самое благоприятное время для начала задуманной операции.

Но не успел он закончить свою мысль, как вспыхнул новый огненный шквал, и Стефан был вынужден, отойдя в безопасное место, наблюдать за тем величием, с каким возрождался этот солнцеликий зверь. Хотя это зрелище длилось недолго, и пламя вновь сникло.

– Вот это и есть тот самый подходящий момент, – его так кольнула эта обжигающая мысль, что он даже подпрыгнул на месте.

Быстро приблизившись, он убедился в том, что жар почти неощутим. Пламя уменьшилось до своих минимальных размеров, и тогда Стефан четко увидел, как среди камней, из которых по непонятной пока причине вырывался огонь, стали четко видны темные полосы, образующие своеобразные тропинки между "кустов" огня. Прямой дорожки не было, но, видимо, все эти тропинки вели к центру, из которого и вырывался столб белого света.

Это была обнадеживающая новость, и тогда Стефан решил поставить ногу на каменное основание тропы, но тут же вынужден был ее резко отдернуть. Камень,

хотя и не раскалится так, как прежде, но все же был еще настолько горяч, что в состоянии обычного сознания идти по нему было просто невозможно.

К тому времени огонь стал разгораться вновь, "кусты" плазмы зашевелились, как будто по ним пробежал легкий ветерок, и стали расти, удлиняясь и вытягиваясь во все стороны. Вскоре они, протянув друг другу щупальца с обеих сторон тропинки, сцепились, послышалось какое-то потрескивание, и во все стороны полетели искры. Ветер задул сильнее, и вновь родившееся пламя стеной рвануло вверх.

Наблюдая за этими превращениями, Стефан отошел за валун и, присев, любовался беснованием мощного и опасного зверя. Пока пламя циклично подходило к своему апогею, Стефан сосредоточился на том процессе, от которого зависело все дальнейшее.

Он должен был не только максимально сконцентрироваться на центре своего сознания, но и удержать его достаточно длительное время, необходимое для перехода через зону Тигра.

И как бы ни были сильны внешние раздражители, пытающиеся вывести его из этого состояния, и тем самым, сделать для себя легкой добычей, он должен быть безупречен. Стефан решил отработать устойчивость этого состояния.

Центр внимания, подчиняясь его воле, легко заскользил по спиралевидным центростремительным силовым линиям сознательного поля. Да так, что он даже не заметил, как замкнулся сам на себя.

Это было состояние полной погруженности и самосозерцания. Перед ним чредой текли его мысли. Он мог, выбрав любую, развернуть ее и проводить с ней различные голографические эксперименты, используя те идеи, которые она несла в себе.

Открывшиеся возможности настолько полно его захватили, что можно было сказать: "Он обо всем забыл". Не было ни пещеры, ни испытаний, ни яростно пылающего и рычащего Тигра.

Но тут его внимание привлекла одна мысль, которая, как казалось, сигнализировала ему. Приглядевшись к

ней, он увидел убитенного сединами Старца, смотрящего на него.

Повинуясь силе этого взгляда, внимание Стефана скользнуло в бездну мерцающих мудростью глаз, и мысль, развернувшись, создала реальность нового пространства.

Стефан находился в уютной пещере, рядом горел небольшой костер, согревающий приятным теплом. Напротив сидел Старец, лицо которого показалось ему удивительно знакомым. Губы старика шевелились.

Очевидно, он что-то говорил ему, но Стефан не слышал ни звука. С его сознания (и это он ощущал почти физически) стала сползать какая-то пелена.

Постепенно звуки произносимых стариком слов стали достигать осознания Стефана. Неожиданно он понял: перед ним, улыбаясь, сидел его Проводник.

– Ну вот, – наконец четко услышал Стефан, – теперь с тобой можно разговаривать. Слушай внимательно: со времени нашей последней встречи и до твоего последнего эксперимента ты все делал правильно, но, как видно, за тобой нужен глаз да глаз, ибо ты вновь угодил в собственную ловушку.

Твоя концентрация на самом себе оказалась настолько мощной, что ты не сумел удержать нити управления ею, и сознание, , захлопнулось.

Ты начал жить только в самом себе и потерял входы в другие измерения. Вот это и могло бы стать твоей настоящей смертью. Сейчас же, на этот раз, я смогу вывести тебя отсюда.

Но, практикуя концентрацию в дальнейшем, ты не должен допускать, чтобы этот процесс хоть на каком-то этапе стал неуправляемым.

От начала и до конца ты обязан удерживать своей волей нить управления этим процессом, что позволит тебе не только определить место, способ и направление движения, но и даст возможность выйти. Это и есть то, что называется медитативным состоянием сознания.

В нём ты не только способен проникать в другие пространства, работать там, но и, одновременно, видеть то место, откуда ты туда пришел и куда направляешься.

Другими словами, твое раздвоенное сознание одновременно находится в двух мирах, где в одном действует, а в другом - наблюдает. Понял?

– Да, конечно, понял! – воскликнул Стефан. – Ведь мы же об этом уже говорили.

– Говорить-то говорили, да вот опять пришлось тебя выручать. Надеюсь, что помощь тебе понадобилась в последний раз, так как в зону огня я не имею права входить.

– Почему? – удивился Стефан.

– Да потому, что это не простой огонь, а очищающий, в котором ты сожжешь за собой проблемы, связанные с твоей психикой, и тогда, освобожденный от комплексов, стереотипов и привычек, сможешь жить по-другому, как бы родившись заново.

Хотя воспитать себя ты сможешь только в Скальном храме, под руководством опытного Наставника. Ну, все. Разговаривать больше нет времени, так как сейчас огонь начал свой самый мощный цикл, и ты должен быть готов к новому испытанию.

Старик, ловко поднявшись, подошел к молодому человеку и, взяв его за руку, резко дернул по направлению к выходу. Подчиняясь этой силе, Стефан, как ему показалось, кубарем выкатился из пещеры.

Сразу же открыв глаза, он увидел себя падающим на бок около того самого валуна, за которым прятался от испепеляющего жара. Быстро встав, он огляделся.

Все было прежним: огонь, скала – только не было рядом с ним Проводника. Вспоминая свой опыт погружения, Стефан тут же осознал, что он действительно потерял чувство настоящего.

– Ладно, больше со мной такого не повторится, – твердо сказал он и, оглянувшись, заметил, что пламя стало уменьшаться, – все хорошо, у меня как раз осталось еще немного времени для подготовки, пока камни хотя бы чуть-чуть остынут.

И Стефан, вновь захватив своей волей точку концентрации, стал медленно, плавно, но в то же время и уверенно, продвигать свое внимание к центральной точке.

Внимание, бунтуя, несколько раз пыталось высвободиться из-под контроля, но, управляемое "твердой рукой", наконец-то смирилось и больше не предпринимало попыток к сопротивлению.

След от волевого действия четко отпечатался в памяти Стефана и стал служить ему своеобразной нитью Ариадны. Действительно, все произошло так, как и говорил старик.

Внимание Стефана, погрузившегося в самого себя, наблюдало за непрерывной чередой текущих мыслей, образующих собой ментальный поток... К тому же, имея связь с внешним миром и используя его как точку опоры, оно могло создавать новые мысли, меняя по своей воле их течение.

– Вот здорово! – восхитился он, – это же, по сути, управление своей судьбой. Ну, ладно, все это хорошо, но что там с моим огнем?

Этот вопрос мгновенно был выделен отдельной волной, раскрыв которую, Стефан увидел, что первая после затишья вспышка пламени сократилась до своего минимума.

Это означало, что вход открылся и путь был свободным. Стефан легко встал и, выйдя из-за камня, направился прямо к огню.

Без сомнения, новое измененное состояние сознания имело огромные плюсы, так как моментально и абсолютно точно выполняло его волю. Нужно было только адаптироваться к нему.

Наблюдая за пламенем, его полевое зрение обратило внимание на то место в костре, где был виден широкий темный вход.

– Мне сюда! – решил Стефан и, максимально сосредоточившись на контроле волевого состояния, шагнул прямо в огонь.

Он удивлялся сам себе. Этот шаг казался ему вполне естественным, само собой разумеющимся и поэтому не пробуждал в нем абсолютно никаких эмоций. Продолжая двигаться, Стефан все больше углублялся в джунгли огня.

Языки пламени, колышась медленно и лениво, пыталисьлизнуть его лицо и руки, однако, по всей

видимости, он был для них недостижим, так как четко ощущал между собой и пламенем надежную, хотя и невидимую преграду.

Камни, которые чувствовал под ногами Стефан, не вызывали в нем никаких температурных ощущений. Можно было сказать, что для него отсутствовало даже само понятие – температура.

Так двигаясь, он постепенно все дальше и дальше удалялся от входа. И вот, наконец, Стефан оказался один на один с окружающим его со всех сторон огнем.

Но тропинка была перед ним, и, ничего не подозревая и не ожидая никаких препятствий, он продолжал свое движение к цели.

Видимо, в жизни никогда не случается так, чтобы постоянно было одно хорошее. Так и здесь, проблема возникла, казалось, из ничего. Действительно, все было хорошо. Можно сказать, что стало даже лучше, так как тропинка, по которой шел Стефан, раздвоившись, из одной превратилась в две.

– Но куда? По какой из них мне пойти? – с виду они обе были одинаковыми и располагались по направлению к цели.

Задумавшись, он вызвал на экране внутреннего дисплея волну, которая, раскрывшись, принесла ему неутешительный ответ: эти оба направления вели в тупики, и дальше стена огня отрезала путь к свету.

– Куда же идти?

И вновь образовавшаяся мысль выдала ответ:

– Там, в самом начале, вправо уходила одна узкая тропинка, на которую ты, к сожалению, не обратил внимания.

– Надо идти назад, – решил он.

Но возникший в сознании ответ несколько его встревожил.

– Ты потерял много времени, двигаясь в ложном направлении, и теперь пламя неминуемо захватит тебя в ловушку.

– Ладно, – подумал Стефан, – как бы это ни было опасно, здесь стоять и раздумывать еще опасней, – и, развернувшись в обратную сторону, он помчался назад,

стараясь вовремя заметить и не пропустить столь важную для него тропу.

– Вот она! – Стефан даже удивился тому, что, проходя здесь в прошлый раз, он ее не заметил. – Как же так? – недоумевал он. – Она же совершенно четко видна!

Пройдя еще дальше назад по направлению к входу и развернувшись, он, к своему огромному изумлению, ее не увидел. Ее просто не было.

– В чем дело?

Сделав шаг вперед, он понял: небольшой огненный "куст", расположенный на самом углу поворота, с этой стороны полностью прятал тропинку от глаз. И, если учесть, что Стефан был очарован своими новыми ощущениями, становилось понятным, почему он не заметил единственно верного направления.

Найдя ошибку, Стефан понял, что это была не просто досадная оплошность с его стороны, а какой-то знак, предупреждение о чем-то таком, чего он пока не понимал. Было очевидно, что, не разобравшись с этим вопросом, двигаться дальше было крайне опасно.

Переход был насыщен реальными угрозами для жизни, и, не определив причин, повлекших за собой предыдущую ошибку, он не был уверен в том, что удастся избежать в дальнейшем неверных решений.

Тем более (как было видно из-за усиливающегося пламени) на этом этапе он уже опоздал с переходом. Необходимо было думать о том, как выйти из создавшегося положения.

Пламя и в самом деле нарастало с пугающе высокой интенсивностью. Стефан отметил, что огненные протуберанцы уже сомкнулись в единый плазменный шатер.

Понимая, какая должна быть огромная температура снаружи, он почти не ощущал ее внутри своего кокона. Защита действовала безотказно. Однако по мере того, как пламя разгоралось все больше и больше, Стефан с тревогой почувствовал, что его защитный барьер уже почти не справляется с возложенной на него задачей.

Где-то в глубине души появилась тревожная мысль: "А что, если он все-таки не выдержит?". И он решил найти ответ на этот вопрос, раскрыв мысленную волну.

Сознательный дисплей послушно развернул картинку, на которой Стефан увидел все происходящее, в том числе и себя, как бы со стороны. Едва взглянув, он сразу же оценил всю сложность своего положения. Было видно, как пульсирует, очевидно, сопротивляясь из последних сил, его защитная оболочка.

– Если так будет продолжаться и дальше, то, скорее всего, этот бастион будет обречен. Что же можно предпринять?

И, как только его вопрос был полностью сформулирован, мгновенно появился и ответ.

– Видишь, сколько энергии вокруг тебя, – ответ звучал голосом старика, – попробуй не бороться с ней, а использовать ее, применив для своей защиты.

Стало отчетливо видно то, чего он никак не мог замечать, находясь внутри действия.

– Да, вот и еще один совет Наставника, которым я пренебрег. Необходимо всегда иметь взгляд со стороны на все то, что происходит со мной, – так определил он свое дальнейшее поведение.

И, в который уже раз, воспоминания послушно воспроизвели перед его мысленным взором эпизод, когда Стефан, еще в школе, участвуя в олимпиаде по шахматам, обратил внимание на один, тогда очень удививший его случай.

Наблюдая за жаркими баталиями своих друзей, он видел массу тактических ошибок, которые допускали обе стороны. Мало того, он совершенно отчетливо прослеживал пути, которые могли привести к победе.

К тому же, когда после игры производился анализ партий, их тренер, объясняя ученикам их просчеты, говорил как раз о возможности использования именно тех вариантов, которые тогда замечал Стефан.

Это было похоже на решение шахматной задачи, в которой нужно было сделать противнику мат в несколько ходов.

Но самым удивительным было то, что, когда Стефан сам садился играть свою партию, это видение вдруг куда-то исчезало, и он, подобно своим друзьям, делал такие же ошибки, которые нередко вели к поражению.

Стефан ясно вспомнил ту идею, которая тогда его сильно захватила.

Масса времени была им потрачена на то, чтобы попытаться совместить воедино два столь различных между собой состояния. Другими словами, он хотел научиться играть, не играя. Конечно, в то время эта задача была совершенно неразрешима.

Кроме того, он где-то прочел, что такие состояния раздвоенного или расщепленного сознания называются шизофреническими. Испугавшись, он прекратил свои изыскания в этом направлении.

Откуда ему было тогда знать, что шизофрения, как патология, возникает лишь тогда, когда такое раздвоение личности происходит бесконтрольно со стороны хозяина, подчиняясь какому-либо насильственному влиянию.

Осознанное же, управляемое раздвоение сознания, где реально могут проявлять себя одновременно два "Я", уже не является болезнью. Это проявление высшей формы осознанной воли.

И вот теперь он не только чувствует себя совершенно спокойно, находясь внутри кокона, который укрывает его от смерти, но и, наблюдая за этим со стороны, находит спасительное решение.

Итак, его внимание вновь вернулось к опасности, которая все увеличивалась.

– Как же мне взять власть над Тигром? Как, управляя его энергией, отвести эту агрессивную силу от себя?

Все так же безупречно внутренний экран давал ему советы голосом, похожим на тот, которым говорил с ним Проводник.

– Тигр любит и подчиняется силе, значит, тебе надо стать сильнее его, и тогда он смирит перед тобой свою ярость. Сила состоит в единстве.

Обопрись максимально на самого себя, и ты посмотришь, как эта грозная полосатая кошка, поджав хвост, послушно отойдет в сторону.

Стефан заметил, что центр его концентрации, очевидно, отвлекаясь на эмоциональные переживания, действительно несколько отклонился от оси.

В этом новом состоянии ему стало понятно, что данное положение, безусловно, ослабило его позицию, и защитный экран, уступая внешним атакам, теперь прогибался и вибрировал.

Вернув волей свое внимание в центр, и надежно его там зафиксировав, Стефан со стороны вновь критическим взглядом оглядел оболочку экрана.

Она не только, напружинившись, приняла четкую форму сфероида, но и было видно, как языки пламени, верные своим традициям, вначале бросались на жертву, пытаясь ее проглотить, а затем, отраженные какой-то более мощной силой, испуганно шарахались прочь.

И хотя огонь горел на пике своей активности, Стефану казалось, что внутри энергетического яйца было даже прохладно.

– Как будто я в комнате с кондиционером, – весело подумал Стефан.

Между тем жар, осознав свое бессилие, постепенно затухал. Огонь еще полностью не перешел к своей минимальной фазе горения, но, несмотря на это, Стефан почувствовал себя готовым двинуться в путь.

Тем более что он помнил о том, как все короче должны становиться паузы между вспышками. Определив направление к цели, он шагнул вперед.

Нескольких шагов было достаточно, чтобы он убедился в своей неуязвимости.

Вскоре, бодро и уверенно двигаясь, он настолько поверил в свою силу, что иногда позволял себе раздвигать руками некоторые, пока еще не слишком разросшиеся огненные "кусты", преграждавшие ему путь.

По всему чувствовалось, что он близок к завершению этого этапа испытаний.

Тропинка становилась все шире, а пламя явно затухало, как бы смиряясь под его взглядом.

Еще несколько изгибов, и перед ним открылся прямой отрезок тропы, где ему во всем величии предстало фантастическое зрелище.

Глава 7

Большой столб густого молочного света лился сверху вниз.

Создавалось ощущение, что Земля жадно пьет эту питательную для нее и, видимо, жизненно необходимую субстанцию.

– А я-то думал, что свет идет только из Земли, – вспомнил Стефан рассказ старика о колоннах крыши мира.

Но другая мысль, возникшая на мониторе его мысленного компьютера, вспучившись привычной для него волновой формой и раскрывшись, тут же выдала ответ.

– Жизненное проявление – это время волновых энергий, а они могут возникать только там, где существует обратная связь, как и в обычном электрическом токе. То, что тебе рассказывал старик, было одной половиной той связи. Теперь же ты видишь ее обратную сторону.

Информативный экскурс закончился. Стефан с еще большим интересом посмотрел на этот космический млечный поток.

Видно было (или, может быть, ему так только казалось), – часть "молока" не могла быть сразу впитана в землю. Поэтому она как бы разбрызгивалась, образуя круг шире светового пятна примерно на два-три метра.

Огонь создавал еще больший круг, беря в кольцо и охраняя этот процесс. Однако подступать ближе к потоку пламя не решалось.

Стефан почти вплотную подошел к столбу света и даже попытался коснуться его рукой, настолько материальным он казался.

Но чем ближе он подносил кисть руки к нему, тем мощнее ощущались не только вибрация, но и все нарастающий силовой барьер, который, хотя и ничем не угрожал, но и не позволял войти внутрь.

– Тебе нужно войти в белый свет, – вспомнил Стефан наставления Проводника, и пошел вокруг в надежде увидеть какой-нибудь вход.

Начав движение, как ему показалось, по кругу, он никак не мог понять, закончил ли он обход или нет, так как столб белого света был одинаков со всех сторон, а горящие вокруг огненные кусты, постоянно меняя свою конфигурацию, были совершенно бесполезными в его попытках сориентироваться.

Тогда он попытался сделать для себя метку из лежащих вокруг камней и, рассчитав нужное количество шагов, необходимых для того, чтобы завершить окружность, отправился на новый виток.

Однако ни через положенное количество шагов, ни в дальнейшем на его пути так и не попала та метка, которую он оставил. Вначале он недоумевал, но затем неожиданно пришедшая мысль осветила возникшую неясность.

– Скорее всего, – подумал он, – такая мощная энергетика не может оставлять пространство однородным, а должна обязательно его искривлять, воздействуя на силовые линии. Очевидно, я просто перехожу из одного временного пояса в другой.

Это было единственное логическое объяснение, которое он смог принять. Оно оказалось тем более убедительным, когда Стефан попытался пойти в обратном направлении.

Произошла странная вещь: он просто не смог этого сделать, как будто некая сила, управляя им, уже не давала возможности что-либо изменить.

– Как быть? – Стефан решил обратиться за разъяснением к своему внутреннему Советнику, который уже не раз выручал его.

Волна выдала короткий, но твердый ответ. Ничего не объясняя, Помощник лишь подтвердил, что предположение о природе этих явлений верное, и нужно просто идти вперед, имея в своем сознании только одну цель: войти.

Стефан, будто очнувшись, огляделся по сторонам. Молочно-белый столб был уже, как ему казалось, совсем рядом.

Но, в то же время, искривленная перспектива не могла дать четкого представления о действительном расстоянии. Чувство вибрации уже пропало, а

сопротивление ощущалось как легкое прикосновение прохладного ветерка.

Повернув голову в сторону огня, он совершенно четко отметил, что расстояние до огня возросло где-то до десяти метров. И Стефан, наконец, понял:

– Я, постепенно двигаясь по кругу, спиралеобразно вхожу в свет. Ну, конечно же, он меня бережет и дает время на подготовку и накопление силы!

Если бы я вдруг ворвался внутрь этого энергетического потока, то, скорее всего, тут же был бы просто испепелен, – и он ласково и даже с нежностью взглядом погладил это молочно-белое образование.

– Конечно, – отметил про себя путник, – раз оно существует достаточно длительное время и при этом может совершать какую-то работу, не противоречащую космической идее, значит, оно живое. Просто это другая форма жизни, пока мною непознанная.

Продолжая идти и размышлять таким образом, Стефан обратил внимание на то, что теперь он движется в белесом пространстве, как бы насыщенном туманом. И сама плотность окружающего его воздуха воспринималась им как густота, которая, однако, не только не мешала ему идти, но и давала некоторую легкость.

Горящий "сад" лишь угадывался по правую от него сторону. Его занимала теперь лишь одна цель, и оставленный сзади огонь был уже забыт. Стефан шел вперед, подчиняясь своей интуиции.

Еще несколько шагов, и он уже не понимал, где находится, куда все растворилось, и что с ним происходит.

Стефан вновь пережил чувство полного одиночества, когда у него исчезло даже ощущение тела. Остались только концентрированное внимание и сплошная, абсолютная белизна.

Двигаясь так еще некоторое время, Стефан все же сохранял само чувство движения. Но чем дальше он проникал вглубь белого марева, тем меньше им ощущалось продвижение вперед.

Наконец настал момент, когда он почувствовал неподвижность своего состояния, хотя в самом себе он

продолжал вызывать внутреннюю активность. Не принимая сигналы обратной связи, путник не мог также и ориентироваться.

Он потерял чувство, где верх, где низ, где право, лево... утратил ощущение времени – короче говоря, для него исчезло все.

И только окружающий и сжимающий его со всех сторон белоснежный туман времени напоминал о том, что путник все еще продолжает сохранять свою личность.

Прекрасно понимая, что это какая-то очередная ловушка и из нее все равно придется выбираться, Стефан стал искать ответ внутри самого себя. Объяснение происходящего было достаточно простым.

– Дело в том, – вещала волна, раскрывшись на экране мысленного поля, – что абсолютно белый свет обладает огромной силой, и поэтому поглощает любые энергетические проявления, попадающие на его пути. Однако у него есть достойный противник, который называется "черная дыра".

Эти противоположности между собой никогда не борются, так как для них это не имеет никакого смысла.

Баланс их сил распределен примерно поровну, и если бы они встретились в смертельной схватке, то победителя бы в этом бою не оказалось. Они просто уничтожили бы друг друга, то есть сами себя.

Хотя их отношения все же не находятся в состоянии полного равновесия, а имеют небольшое синусоидальное покачивание.

Когда вследствие этого происходит увеличение силы "черной дыры", свет немного отступает, оставляя на покинутой территории некоторое количество белизны, что не может предотвратить наступление мрака, но, в некоторой степени разжижая эту плотность, уменьшает ее активность.

Выдохнувшись за бросок, "черная дыра" не может удерживать свою власть на новых, расширенных рубежах, и под давлением белого света отползает к своим прежним границам, оставляя при этом на поле брани некоторое количество своих черных сил.

Белый свет, захватывая отвоеванную территорию, также теряет мощь, поглощая черную энергию, и, в

бессилии оттолкнувшись от границ вечного мрака, вновь откатывается назад, уступая место новому циклу.

Таким образом, поле боя – это некая промежуточная зона между двумя полярностями.

Так как власть, циклично меняясь на этом пространстве, устанавливает свои временные законы, то можно сказать, что процессы, происходящие в этой зоне, не белые и не черные, а, скажем, серые, причем эта серость, подчиняясь тактам борьбы, сама становится то темнее, то светлее.

Вот эти взаимоотношения и создали то, что теперь называется жизнью, которая своим много- и разнообразием окрашивает эту сферу в яркие, сочные цвета.

Поэтому тебе, оказавшемуся в потоке белого света, следует создать ему альтернативу. Вернее, тебе даже этого не надо делать. Она уже есть в тебе, так как ты сумел здесь сохранить свою целостность.

И если свет не смог тебя растворить в себе и ассимилировать, значит, у его противоположности достаточно мощности для того, чтобы начать взаимодействие со светом для зарождения жизни на вновь образованном пограничном участке.

С его помощью и через его пространство ты сумеешь пробиться к своей цели.

Стефан, внимательно слушая эту информацию, чуть не задохнулся от восторга при виде такой величественной картины мироздания.

Он почувствовал, что в нем начинает подниматься какая-то волна, наполняя его сознание силой духовного экстаза.

– Я - БОГ, я становлюсь БОГОМ! Через меня будут проходить силы, рождающие новый мир!

Это было чувство какой-то всеобъемлющей радости и любви. Достигнув вершины, эта волна, спадая, стала концентрироваться в центре его личности.

Втягиваясь и сжимаясь, она начала давать ему ощущение такой титанической силы, а также способности к ее могущественному проявлению, что Стефан, как-то вдруг сразу успокоившись и определив

направление своих дальнейших действий, приступил к воплощению своего замысла.

Первым делом нужно было эту коллапсирующую энергию преобразовать в пульсар.

– Для этого я должен получить власть над процессами, которые, взаимодействуя с энергией, сжимают ее до образования "черной дыры".

Стефан понимал, что черная она всего лишь потому, что работает на поглощение пространственного материала, но только в определенных диапазонах.

Какая-то часть энергии более тонкого уровня все равно возвращается обратно, просто это неуловимо на обычном уровне восприятия.

Сконцентрировавшись на сжатии, Стефан попытался волевым импульсом разогнать точку своего внимания до скорости, превышающей сжатие, как бы опережая его.

Так как он действовал в диапазоне легких и быстрых движений, то обогнать центростремительные силы ему не составило большого труда.

После выполнения первой части задуманного плана произошло нечто удивительное: он рассмотрел завитые спиралью нити, пучками выбрасывающие энергию наружу.

По всему было видно, что это излучение классом гораздо выше втягиваемого в центр.

Переключив свое внимание на радиально расходящиеся выбросы, Стефан тем самым передал им волевую направленность.

Почти сразу же он буквально увидел темное основание, где, собственно, он сам и находился. На некотором расстоянии от него была видна граница, четко обозначающая зону сферы, в которой уже действовали силы противостояния свету.

Накачивая энергией пограничную область и увеличивая ее объем, Стефан смог различить, как светлые и темные линии, сплетаясь и отталкиваясь друг от друга, заполняют своей активностью всю буферную зону.

Некоторые линии, расплываясь, образовывали полутона, как бы ретушируя пограничную область.

Постепенно скорость взаимодействия двух противоположностей возросла настолько, что все это многообразие движений перестало ощущаться в динамике, и представлялось как некая абстрактная, но живая и пульсирующая голограмма.

Продолжая всматриваться в новый пограничный мир, Стефан представил, что пространство закрыто от него какой-то матовой пеленой, очень похожей на стену из тумана.

Он понимал, что вот сейчас им, так обыденно и буднично, было сделано величайшее дело – сотворен, пусть пока виртуальный, но мир.

И если удастся удержать силовые линии этого вновь созданного энергетического поля достаточно длительное время, то за счет своего магнетизма, привлекающего инертные массы из окружающей среды, он может быть преобразован в мир реальный.

Увлеченный этой целью, Стефан продолжал удерживать концентрацию своего внимания в глубине черного "глаза", и вскоре убедился, насколько верно все то, что он предполагал ранее.

По мере того, как увеличивалось время вновь рожденного мира, все яснее (сквозь уже теперь редющий туман) стали проступать картины новой, пока еще неодушевленной жизни.

Нужно было, чтобы какое-либо сознание вдохнуло животворящую энергию, способную его одушевить. Стефан взял эту божественную миссию на себя, сделав сознательный прыжок сквозь тающие остатки клубящегося тумана.

Его поразило то, что он вновь почувствовал себя в теле. При этом у него было ощущение того, что он как будто спрыгнул с уступа находящейся сзади скалы на луг, поросший высокой и сочной зеленой травой.

Но, оглянувшись, Стефан сильно удивился – за ним никакой скалы не было. Он стоял в середине огромного луга.

– Откуда же я спрыгнул? – задался он вопросом.

И тут же ответил:

– Да ниоткуда. Вернее, оттуда, из другого мира, – приняв эту бессмыслицу как очевидный факт, Стефан решил отправиться на изучение местности.

Удивительно! Что бы он ни делал, какие бы действия ни совершал, как они тотчас же, оживая, откликались ему.

Так, подняв голову, путник увидел привычное синее небо, которое, впрочем, и ожидал там увидеть. Чуть ближе к горизонту, склоняясь к закату, плыло остывающее солнце.

А ведь по его представлениям оно именно там и должно было быть. Судя по всему, однажды создав этот мир, Стефан продолжал, дорисовывая недостающие детали, его совершенствовать.

Когда в основных чертах, по его мнению, эта работа была завершена, он отправился в глубь своей мечты.

*

Легко шагая по приятно хрустящей траве к виднеющемуся вдаль лесу (где надеялся обрести укрытие и ночлег), Стефан размышлял о том, что же еще ему предстоит испытать на пути к дому.

Вспомнились наставления Проводника, который что-то говорил о тени.

Уже не раз имея возможность убедиться в правоте слов, которыми его напутствовал Старец, он решил тут же попытаться обнаружить эту тень, вероятно, так необходимую для выживания...

Однако сколько он ни старался, его мыслям не за что было уцепиться. Он никак не мог понять, что такое тень:

– Ведь это просто темное пятно на земле, – как же мне в нем спрятаться? – тут было что-то не так.

Стефан адресовал этот вопрос самому себе, и то, что он услышал в ответ, было до такой степени элементарным, что он даже разозлился на себя за беспомощность.

– Вот смотри, – вещал внутренний голос, – сейчас ты стоишь прямо под лучами солнца.

Однако движущееся облачко спустя несколько мгновений закроет не только тебя – от солнца, но и солнце – от тебя.

Ты окончательно скроешься в тени облака, непроницаемого для прямых солнечных лучей, и солнце будет отграничено от твоего взгляда, не имеющего возможности проникнуть сквозь эту же самую преграду.

Вот тебе идея того, как спрятаться в тень.

– Так это же, – Стефан от растерянности даже заговорил вслух, – обозначает просто искусство прятаться!..

– Не совсем так, – продолжал с ним диалог Советник. – Просто прятаться в тени – это состояние пассивной защиты, и чаще всего оно не приводит к желаемому результату.

Ведь хоть противник и не видит тебя, но и ты также не видишь его, а значит, и не можешь предугадать дальнейшее действие, которое он предпринимает, разыскивая тебя.

Таким образом, вероятность того, что он проявится с неожиданной для тебя стороны, достаточно высока, а это дает ему добавочные шансы.

В тени же находиться означает стать невидимым для противника, а самому продолжать наблюдать за ним.

Это позволяет не только эффективно защищаться, избегая агрессивных выпадов, но и открывает богатые возможности для своевременной контратаки.

– Ладно, – согласился Стефан, – принцип я понял, но как быть с таким примером?

Если мне придется встать в тени камня, понятно, что я укрылся от "света" глаз противника, но как я буду следить за ним, если камень также непроницаем и для моего взгляда?

– Слушай внимательно, – терпеливо продолжал поучать голос, – разве ты получаешь информацию от внешнего мира только через глаза? Ведь у тебя есть и уши!

Звуки, которые производит твой враг в своих поисках, позволяют тебе иметь представление о происходящем.

Кроме этого, запахи, тепло и еще много того, что он излучает в процессе своей жизнедеятельности, даже по отдельности могут быть достаточными, не говоря уже о том, что будет, если ты сможешь принимать и интерпретировать комплексную информацию.

– Согласен, – парировал Стефан, – твой довод можно принять. Но как быть тогда, когда у человека наиболее информативны глаза, гораздо в меньшей степени – слух, а уж об остальном даже нечего и говорить, потому что они практически не развиты и не предназначены для сканирования пространства!

– Правильно! – Стефану даже показалось, что от радости достигнутого взаимопонимания его внутренний голос "захлопал в ладоши". – Правильно, – повторил он, – вот этот последний этап и научит тебя не только находиться в тени, но и работать через нее.

Из всего предыдущего опыта ты не раз мог сделать вывод относительно того, для чего служат и как работают образные построения. Вот ты говоришь: "спрятаться за камень".

И Стефану при этих словах тут же вспомнился эпизод, в котором Проводник продемонстрировал ему свое умение находиться в тени.

– Ведь камня никакого не было, – произнес Советник, – но раз Старец исчез, сказав при этом, что он спрятался за камень, значит, камень все-таки был?

– Не знаю, – проговорил Стефан, – камня я не видел.

– А его тебе и не надо видеть, – достаточно того, что его видел старик. И если он видел камень, следовательно, он чувствовал и тень, отбрасываемую им от твоего взгляда.

А раз так, то ему нужно было только зайти в эту тень, чтобы исчезнуть с твоих глаз.

Но это еще не все, – продолжал свою речь Советник, – есть тень, которая укрывает или защищает – это то, о чем мы с тобой говорили. Однако кроме этого есть и другая тень – атакующая.

– Как это? – удивился Стефан. – Каким образом тень может атаковать?

– А вот так, именно образом. Ведь в чем задача находящегося в тени?

– Стать невидимым для противника.

– Если так, получается, что тогда можно считать вопрос решенным, не так ли?

– Допустим, – принял и этот довод Стефан, – а все-таки – как?

– Для этого тебе достаточно создать более сильный раздражитель, находящийся в стороне от тебя.

Тогда твой противник автоматически переключает свое внимание на новый объект, и ты просто исчезаешь из поля его восприятия.

– Так мы будем этим заниматься?

– Конечно, – успокоил голос, – здесь и сейчас. Сначала ты научишься создавать концентрированные образы в своем сознании, а потом переносить их в противника.

Четкость и стойкость мысленных голограмм при определенных условиях даже способствует материализации этих образов.

– Ну да! – выдохнул Стефан. – Не может быть! Да и потом, что это за особые условия, о которых ты только что упомянул?

– Вот, вот, я так и думал, – вновь усмехнулся голос, – значит, не веришь?

– Нет.

– Вот поэтому и не можешь, ведь третьим условием как раз и является ВЕРА.

– Вера во что? – переспросил Стефан. – В то, что это в принципе возможно?

– Да нет, – прозвучало в ответ, – причем здесь какие-то принципы?! Здесь имеет значение только одна вера – ВЕРА в СЕБЯ! И в то, что именно ты сможешь это сделать!

Стефан задумался. В наступившей тишине он пытался разобраться и осмыслить затронутые идеи. Наконец, весь внутренне собравшись, он снова обратился к самому себе с вопросом:

– А я смогу это сделать? Способен ли я на это?

– Сможешь ли? – возразил голос. – Да ты уже делал это много раз, преодолевая трудности, неоднократно возникающие на твоём пути!

Если бы ты в себя не поверил, находясь на осыпающемся карнизе, или когда тебя затягивало водоворотом, разве сумел бы ты выйти из этих поединков победителем?

– Ну, это другое дело, – не согласился Стефан.

– Нет, не другое, – продолжал убеждать Советник. – Люди, не верящие в себя, в смертельно опасных

ситуациях (под воздействием энергетики внезапно развивающегося стресса) застывают и перестают сопротивляться, отдавая свою судьбу на волю случая.

Те же, кто продолжает бороться за себя, за свою жизнь, побеждают, преодолевая все опасности. Ты вышел победителем и до сих пор жив в том виде, в котором ты на данный момент представляешь свою личность, а значит, ты в себя верил. Так что же тебе может помешать продолжать верить и дальше?

Стефан был просто ошеломлен таким натиском своего "Второго Я". Действительно, его логика была безупречна и доводы вполне убедительны.

– В самом деле, почему бы и нет? – и молодой человек почувствовал, как уже знакомая ему волна радости заполняет его сознание.

А потом, схлынув и освежив его пенными брызгами счастья, уходя, она оставила после себя состояние крепости и решимость совершать только направленные действия.

Обращало на себя внимание то, что даже походка у него изменилась: стала плавней, но, вместе с тем, приобрела и целостность.

До леса, однако, было еще далеко, и, двигаясь под лучами заходящего, но все еще жаркого солнца, Стефан решил провести первый, пробный эксперимент с тенью.

– Неплохо было бы создать какое-либо укрытие.

И он тут же подумал о дереве. Представив в своем сознании развесистый клен, Стефан попытался удерживать этот образ без изменений.

И хотя сформировать это мысленное дерево было делом несложным, Стефану все же никак не удавалось получить от него тень. Он понимал, что его картине не хватает законченности, и потому образ не материализуется.

– В чем же дело? – стал размышлять Стефан, и тут же обратил внимание на то, что дерево какое-то неживое. Продолжая в него вглядываться, он сообразил:

– Я ведь создал статический образ, а живое всегда находится в движении. Значит, мое дерево должно задвигаться!

Подумав так, он увидел, как его голограмма послушно зашелестела листьями, а верхушка клена стала слегка покачиваться в такт порывам ветра.

Он даже заметил птичку, которая, сев на далеко отходящую в сторону ветвь и бойко прыгая вверх и вниз по ней, что-то там выискивала.

Такое видение его вдохновило, но тени по-прежнему не было.

– Да что ж это такое? – недоумевал Стефан.

Вдруг его взгляд отметил, что, выделив своим вниманием крону и даже находившуюся там птичку, он потерял из виду ствол дерева, а без него картина не могла быть целостной, и, следовательно, не могло быть и речи о какой бы-то ни было тени.

Исправляя свою ошибку и максимально сосредотачиваясь на нижней части дерева, Стефан понял, что теперь он теряет вершину...

Перебросив несколько раз свое внимание от одной крайности к другой, он убедился, что таким образом цели ему не достигнуть.

– Тогда, очевидно, мне надо сосредоточиться на средней части дерева.

Сказано – сделано. Вновь нарисованная голограмма довольно эффективно давала изображение средней части, однако верхушка и нижняя часть ствола теперь хоть и не исчезали из поля зрения, но были все же размытыми.

Тени никак не удавалось получить, невзирая на все его ухищрения.

– Тут должна быть какая-то разгадка. Только я почему-то никак не могу ее увидеть.

Обращаясь в очередной раз к внутреннему "Я" за советом, Стефан вдруг услышал, как раскрывшаяся волна разразилась внутри него громким и продолжительным смехом:

– Ну, ты меня удивляешь, – прозвучали слова Советника, с трудом втиснутые между раскатами хохота, – ты, первый раз взявшись за решение теневого вопроса, начал эту работу с такого сложного и многокомпонентного изображения, как дерево.

Да у тебя просто не хватило силы внимания, чтобы удержать в фокусе всю голограмму! Поэтому она и выглядела, как фотография, сделанная широкоугольным объективом с близкого расстояния. Вот и получилось, что фокус был выпучен, а периферия завернута и сглажена.

Нужно, чтобы ты смог удержать всю картину в трехмерном изображении. Только тогда она приобретет привычный для тебя вид и, стабилизировавшись, оживет.

Хотя сразу тебе не по силам создать такую сложную вещь. Давай начнем с чего-нибудь попроще.

Обретишь опыт, уверенность, получишь подтверждение своим возможностям, а уж потом начнешь усложнять и расширять свои композиционные построения.

Да, против такого довода трудно было возражать. И, согласившись, Стефан задумался над дилеммой – что или какой образ мог бы стать доступным для его возможностей. И вдруг всплыло, наверное, самое простое решение:

– Да это же просто зонтик!

Тот самый зонтик, кажется, китайского производства, которым Стефан обычно пользовался во время дождя.

Теперь все должно быть проще. И по памяти он попытался сначала вызвать образ знакомого ему предмета.

Общая картина возникла без труда. А главным было то, что новая голограмма полностью помещалась в фокусе его внимания.

Он успевал, прорисовывая детали, обойти всю конструкцию и, возвращаясь к началу, заставлял эти детали на месте. Память послушно удерживала голограммный образ.

Когда детализация была закончена и картинка прочно утвердилась в его сознании без изменений, ему, создавшему этот образ, даже стало казаться, что зонтик настоящий.

Особенно это ощущение усилилось после того, как он, отвернувшись в сторону и некоторое время глядя вдаль, постарался как бы забыть о том, что им было сейчас сделано.

О необходимости этого действия ему подсказало интуитивное чувство, и уже потом, осмысливая его, Стефан понял, в чем тут дело, хотя все было, конечно, и так предельно ясно.

Ведь как бы ни был совершенен его рисунок, Стефан все равно знал (себя ведь не обманешь), что им создано всего лишь изображение, а не вещь, и это могло быть непреодолимым барьером для достижения цели.

Отвернувшись и посмотрев вдаль, он отвлекся от того, чем был занят минуту назад. Когда же вновь глянул в первоначальном направлении, то увидел зонтик и воспринял его сразу как реальную вещь.

Тем более что в этот момент, находясь прямо перед ним, зонтик падал. И естественным, произвольным движением руки Стефан схватил его, ощутив в ладони прохладу и твердость пластиковой ручки.

Не задумываясь далее о том, откуда здесь взялся зонтик, он просто положил его на плечо таким образом, чтобы широко раскрытый купол стал преградой для солнечных лучей. И в тот же момент легкое дуновение прохлады освежило его лицо и грудь.

Да, это была тень, и Стефан был в ней. Но что больше всего поразило путника, так это то, что теперь он мог смотреть на свет солнца и видеть его сквозь заслон, образующий тень.

Создавалось впечатление, что эта преграда представляет собой какой-то световой фильтр, сквозь который ему даже было видно, что свет – это не однородный поток, а множество длинных светящихся нитей, которые, будучи сгруппированы пучками, расходятся во все стороны.

Пространство же между ними заполняется просто их отсветами.

– Как интересно, – подумал Стефан, – и, заняв такое положение, при котором бы его взгляд находился между этими пучками, он, продолжая смотреть на солнце, убрал в сторону зонт.

Да, получилось так, как он и предполагал. Спокойно и непринужденно его осознание проникало в глубь солнечного света, и эта яркость совершенно не тревожила Стефана.

Однако чувствовалось, что вместе с опускающимся солнцем перемещаются, меняя свое положение, и лучи. А когда один из них уже достаточно близко подошел к центру его взгляда, Стефан, вернув зонт в защитное положение, снова ощутил себя накрытым тенью.

Первый опыт был удачно завершен, и уверенность в своих силах ровным теплом растеклась по его сознанию.

В это время багряный край заходящего солнца, уже коснувшись линии горизонта, стал быстро заползать за него. Сумерки деловито захватывали пространство.

И тут Стефан почувствовал, что ему придется создавать новую тень, так как, откуда ни возьмись, на него набросились несметные полчища комаров.

Пытаясь избавиться от них размахиванием рук, он вскоре осознал бесполезность этих действий и решил спрятаться в тени запаха.

Ему вспомнилось, как приходилось спасаться от комаров по ночам, когда он со своими друзьями совершал походы по горным маршрутам Северного Кавказа.

Тогда они специально подбрасывали в костер хвойные ветки, которые давали много дыма и терпкого запаха, отпугивающих этих злобных насекомых.

Живо воспроизведя картину их ночного лагеря, Стефан не только сумел вспомнить ее, но и в его сознании ожили даже такие мельчайшие детали, которые в своем обычном состоянии сознания он не помнил.

Например, совершенно отчетливо Стефан увидел, как ночью, у подножия Фишта, когда в костер подбросили очередную еловую ветку, внутри пламени раздался сильный треск, и вверх взметнулся каскад искр.

А одна, выделившись из общего потока, довольно долго, опускаясь по дуге, висела в воздухе, пока, наконец, не погасла. Он еще подумал тогда:

– Как бы не наделать пожара.

И вот теперь этот кадр, почему-то заиклившись, вновь и вновь повторяя дугу летящей искры, прочно удерживал его сознание в прошлом.

Реальность происходящего увеличивало еще и то, что им явственно ощущался не только жар от костра, но и резкий смолянистый запах от горевших еловых лап.

Вторым вниманием, которое наблюдало эту сценку со стороны, Стефан увидел, что его образ действует безотказно, и комары действительно прекратили свои кровожадные атаки.

Но как только он вывел себя из прошлого, то, к своему большому разочарованию, вновь услышал приближающийся нудный писк.

Стало ясно, что образ действовал лишь тогда, когда его реально представляли. Тут Стефану пришла мысль о том, что можно создать и другую тень.

Тень холода. Ведь зимой комаров нет, потому что они боятся мороза, и откликаются своими жизнелюбивыми устремлениями лишь на тепло.

– Значит, если я стану в тень холода, комары не почувствуют моего живого тепла, а следовательно, я буду избавлен от их нахальных притязаний.

Ему не составило большого труда представить огромную ледяную глыбу. Шагнув в тень холода, Стефан реально ощутил себя так, как будто он зашел в морозильную камеру. Ему даже показалось, что его кожа мгновенно покрылась тонким слоем инея.

Передовые отряды комариной армии (этот момент Стефан выделил четко), как будто споткнулись или даже, можно сказать, ударились о какую-то невидимую преграду, непреодолимой стеной стоявшую на их пути.

Чувствовалось их замешательство: вот она, жертва, только что была здесь, прямо перед ними, - и вдруг исчезла.

Некоторые, видимо, особо настойчивые, все же проникли в глубь холодной зоны и, очевидно, по памяти сели на лицо застывшего человека.

Стефан с интересом наблюдал, что же будет дальше. Сработает или не сработает созданный им образ?

Комары, усевшись и тщательно изучив то, что привлекло их внимание, через некоторое время поднялись на крыло и улетели прочь из морозной тени.

Стефан ликовал: его образы (как солнечных лучей, так и нападающих комаров) были четко парированы тенями других, альтернативных образов.

Механизм действовал, а это означало главное: он - верил! И, что самое важное, верил не только самому себе, но и в себя, в свои силы и возможности.

Отбросив все созданные им образы и возвратившись на луг, Стефан с сожалением вынужден был признать, что пока он занимался опытами с тенью, ночь уже полностью вступила в свои права.

Путник стоял в полном одиночестве посреди голой степи. И только вдалеке, в слабом свете мерцающих звезд, угадывался контур лесного массива.

Однако это видимое осложнение не только не испугало Стефана, но и подзадорило, пробуждая в нем дух воина, стремящегося к преодолению новых препятствий, хотя бы и таивших в себе опасность.

Воин не боится одиночества, так как, владея своей волей, способен самостоятельно противостоять любым агрессивным притязаниям, будучи совершенно убежденным в том, что никто и никогда его не предаст.

С вызовом оглядевшись вокруг, Стефан уверенной и, одновременно, скользящей поступью направился в сторону леса.

Глава 8

Сделав не более десятка шагов, Стефан заметил, что справа от него в том же направлении движется какая-то тень.

Не придавая большого значения этому обстоятельству (тем более что она больше напоминала движение облака по линии горизонта) и, продолжая шагать, он размышлял.

Размышлял о том, как незаметно, в короткий промежуток времени, ему удалось достичь довольно высоких результатов в развитии не только своего сознания, но и, что было гораздо важнее, в способности высвобождать и направлять энергию для проявления личностной силы в борьбе за выживание.

Размышляя таким образом, он совсем забыл о движении, которое заметил справа от себя. Но боковое зрение вновь обратило его внимание на перемещающийся параллельно с ним силуэт. Присмотревшись, Стефан отметил, что тот стал к нему как будто ближе.

Двигаясь и наблюдая, он уверился в том, что, во-первых, это не туча, а какое-то странное, неизвестное ему ранее существо, и во-вторых, судя по всему, пути их должны были пересечься.

Принимая эту ситуацию как данность, Стефан решил не избегать возможной опасности, а, идя ей навстречу, попытаться ее преодолеть, используя свой значительно возросший багаж знаний и умения их реализовывать.

Действительно, через короткий промежуток времени уже отчетливо можно было различить громкий топот мощного животного. Следя за продвижением этого, вероятно, грозного противника, Стефан рассчитал то место, где их пути сойдутся.

Он даже наметил небольшой холм впереди, который как будто самой судьбой был создан здесь как веха, символизирующая собой точку отсчета нового испытания.

Стефан должен был подойти к месту встречи несколько раньше приближающегося чудовища, что было весьма кстати, так как это давало человеку время

подготовиться к возможному сражению. Все получилось так, как он и рассчитывал.

Прямо за холмом стала видна тропа, тянущаяся дальше, в низину. Скорее всего, это был путь к водопою, так как издали доносились звуки текущей воды русло которой скрывали деревья уже теперь отчетливо видного леса.

– Если зверь спешит к водопою, то помешать ему утолить жажду было бы худшим поводом для знакомства, – подумал он.

В ночном воздухе раздавался теперь уже не только устрашающий топот, но и хриплое, с присвистом, дыхание.

Стефан ожидал увидеть все, что угодно, но когда из-за холма появилась громадная диковинная голова, украшенная спереди мощным двойным рогом и пылающими красно-зелеными глазами, которые меняли свой цвет в зависимости от того, куда был направлен их взгляд, ему стало не по себе.

Это грозное сооружение держалось на не очень длинной, хотя сильной, с большим количеством свисающих складок, шеи. Передние лапы были короткими, но подвижными, с тремя на каждой лапе кривыми когтями.

Четвертый коготь, как большой палец у человека, был расположен острием вверх. В целом вся эта хватательная система создавала впечатление эдаких когтистых клещей.

Широкая и мускулистая грудь дополняла грозный вид и развеивала любую иллюзию относительно возможной слабости этого диковинного зверя.

Постепенно Стефан увидел и остальную часть туловища полностью вышедшего из-за холма животного.

Основной его вес приходился на две достаточно массивные, но, судя по той легкости, с которой они несли эту тушу, сильные ноги, оканчивающиеся внизу, как и передние лапы, когтями-крючками.

Живот не был большим и объемным, а производил впечатление даже некоторой поджарости.

Спина, слегка прогнутая в холке, затем круто выгибалась дугой. Плавно опускаясь вниз, она

заканчивалась длинным, несколько приплюснутым с боков, хвостом.

Всю длину выгнутой вверх спины украшал невысокий, но, скорее всего, опасный гребень, состоящий из серии костяных заостренных к верху пластин, соединенных между собой кожаными перепонками.

Продолжая разглядывать это так внезапно возникшее перед ним ископаемое чудо, Стефан как-то совсем забыл об опасности.

Когда же чудовище, повернув свою голову влево и обнаружив стоящее перед ним живое существо, издавая низкие kloкочущие звуки (вероятно, означающие рычание), начало открывать пасть, обнажив целый арсенал различных по величине зубов, Стефан понял: самое время прятаться в тень.

Однако шок его был столь силен, что в первый момент он просто ошелбенел, будучи неспособным ни к какому мыслительному процессу.

Дракон (а это, без сомнения, был именно он), обдавая жарким и зловонным дыханием намеченную жертву, уже сделал гигантский шаг по направлению к ней.

Только тут Стефана вывело из состояния прострации его собственное движение, которое он инстинктивно сделал навстречу опасности. Агрессор нес в самом себе и способ защиты.

– Тень, – уже определенная, сформировавшаяся мысль активизировала его действие.

И правда, громадная туша, горой надвигающаяся на человека, отбрасывала в сторону черную, имитирующую движения хозяина, тень.

Совершив немислимый прыжок прямо в эту черную массу, Стефан почувствовал, что буквально погружается в нее, как в воду.

Все произошло так, как он и рассчитывал. Зверь, потеряв жертву из поля своего зрения, грозно рыча, стал вертеть головой во все стороны, яростно размахивая при этом передними лапами, как будто желая разорвать в клочья исчезнувшего врага.

Стефану оставалось только внимательно следить за перемещениями гиганта, чтобы, находясь в тени, в то же

время не быть раздавленным его крюкообразными колоннами.

Зверь, ткнувшись несколько раз во все стороны и, очевидно, поняв бесполезность дальнейших поисков, а возможно и просто забыв первопричину своего беспокойства, вернулся на тропу, чтобы продолжить движение к водопою.

Не желая быть обнаруженным, Стефан был вынужден следовать рядом, скрываясь в его тени.

Через некоторое время он обратил внимание на то, что его шаги все больше и больше (подчиняясь теневым колебаниям) становятся похожими на походку дракона.

Тень стала как будто прилипать или налипать на Стефана, меняя его природную форму, при этом придавая все большее сходство с драконом.

Еще несколько штрихов, и можно было со стороны увидеть умильную картину. Большой и грозный дракон, спеша на водопой, ведет рядом с собой маленького дракончика.

Удивлению Стефана не было границ, когда покачивающаяся рядом с ним глыба, на ходу повернув к нему голову (и, как показалось Стефану, улыбнувшись!..), ласково лизнула его своим шершавым языком.

– Вот оно, сбылось! Я победил этого монстра, практически не прилагая никаких усилий.

У дракона, видимо, совершенно отсутствовало чувство времени, иначе никак нельзя было объяснить тот факт, что вновь появившийся возле него детеныш его не удивил.

Судя по всему, своим появлением он просто оживил в памяти недавно жившее рядом с ним потомство.

Следуя инстинкту, дракониха (а это была именно она) принялась учить так неожиданно возникшее из ее собственной тени чадо премудростям выживания.

Первое, что усвоил Стефан из "мамашиного" урока, было состояние постоянной демонстрации силы и мощи. Он и маманя просто проламывали встречающиеся на их пути преграды.

Если препятствие было достаточно мощным, дракониха, легко возбуждаясь, приводила себя в

состояние неистовой ярости, нанося громоподобные удары поворотом своего хвоста.

Но затем, когда преграда была сметена, она очень быстро возвращалась в состояние спокойствия и равновесия.

Когда же возникало на их пути что-то непреодолимое, мамаша просто обходила эту преграду совершенно равнодушно, никак на нее не реагируя.

Подойдя уже достаточно близко к реке, они начали спуск непосредственно к водою.

Вначале он был достаточно полог, но затем тропа, становясь все более и более каменистой, на этом участке спуска оказалась настолько крутой, что создавала определенную угрозу.

Дракониша, прекрасно понимая (а, может быть, инстинктивно чувствуя) опасность инерции, которую может развить столь большая масса ее тела, просто села на задние лапы, немного прижала вниз голову и...

Поехала, используя мощный хвост не только как тормозящее средство, наподобие якоря, но и как руль, которым она направляла свое движение, не позволяя себе слететь с тропинки.

Особое внимание было уделено самой нижней и крутой ее части, на очень опасном повороте огибающим весьма большой камень с острыми краями.

Невзирая на все эти трудности, маманя, легко преодолев их и повернувшись к своему потомству, приглашала его следовать за ней, смешно махая головой и призывно трубя.

Стефан был приятно удивлен собой, своей решимостью, когда тот маленький дракончик, в образе которого он сейчас находился, шагнул на тропу без тени колебаний (хотя и не безрассудно), сел и начал спуск.

Очевидно, в этом испытании ему было дано применить те характерные драконьи черты, которые он успел освоить хоть из короткого, но зато насыщенного смыслом урока.

Стефан вообще начал за собой замечать одну особенность, которой раньше у него не было.

Дело заключалось в том, что он стал быстро и легко учиться, воспринимая, впитывая информацию, на основе которой вырастало дерево его собственного знания.

Раньше все время возникали какие-то непредвиденные обстоятельства, которые своей мнимой актуальностью создавали либо барьеры на пути его ученичества, либо даже "непреодолимые" препятствия.

И для того, чтобы появилась возможность продолжать курс, должны были произойти естественные изменения, над которыми он не имел власти.

И лишь потом, когда путь освобождался, Стефан мог продолжать свои занятия. Легко можно было заметить, что такой способ достаточно непроизводителен, ведь топтание на месте иногда растягивалось на годы.

Но самое негативное во всем этом было то, что пока он добирался до сути, истина становилась устаревшей, и все приходилось начинать с начала.

Теперь же его новое состояние почему-то не создавало никаких внутренних препятствий ни для информационного потока, ни для его обработки.

Обучение шло играючи, и он чувствовал себя совершенно свободным, никем не принуждаемым в этом процессе.

Так же, как и мамаша, он напряг задние ноги и, сев на полную стопу, создал своеобразные лыжи. Присев, дракончик опустил центр тяжести, что придало ему дополнительную устойчивость.

Используя свой хвост, как руль и тормоз, Стефан уверенно и осторожно продолжал свое продвижение к крутому спуску.

И вдруг, неожиданно для себя, подметил, что его хвост выполняет еще одну функцию, которую ранее, наблюдая за спуском драконихи, он не замечал.

– Как интересно, – успело отметить этот факт его сознание, – я, оказывается, учусь, не только наблюдая за движениями оригинала, но и обучаюсь сам, в процессе своих действий.

Видно, и в животном мире необходима такая двойственность обучения, чтобы обеспечить виду стабильное существование.

Его внимание привлекло то, что он двигался вперед не за счет ног, а лишь посредством их.

Основным же генератором этого процесса, дающим по сути дела все: силу, твердость и даже технику – был его собственный хвост.

И даже не то, чтобы хвост, а весь его позвоночник.

Вся спина активизировала, направляла и координировала его действия. Заинтересовавшись этим, Стефан продолжал спускаться, наблюдая теперь за самим собой как бы со стороны.

Тут он отметил еще одну интересную деталь. Управление позвоночником имело два центра.

Один находился у основания шеи, а второй – ближе к хвосту.

Дальнейшее наблюдение показало, что, собственно, импульс начинался, зарождаясь в шейном отделе, а вот поясница, подхватывая двигательный заряд, выполняла все остальные функции.

Именно за счет этого спуск дракончика был быстрым, стремительным и совершенно безопасным.

И даже объезжая тот грозный валун, Стефан обладал таким уровнем свободы, что за короткий промежуток времени успел обратить внимание на целый ряд деталей, которыми изобиловал камень.

Спустившись вниз и оказавшись на берегу реки, тяжеловесный малыш повернул голову назад и окинул взглядом только что пройденный путь.

Стефан был поражен несоответствием увиденных им сложностей такого крутого спуска и той легкостью, с которой он его проделал.

Дракончик получил полноценный урок, размышляя над которым, Стефан определил еще одно положение в расстановке противоборствующих сил.

– Никогда не нужно пытаться оберегать себя пассивной защитой. Реально спасти может только активная позиция, в которой боец берет в свои руки бразды правления всем процессом.

Подчиняться, склонять голову перед превосходящими силами – это все равно, что рабство, пусть духовное или физическое – большой разницы нет.

Он как бы оппонировал самому себе, и в его сознании созрел, на первый взгляд, очень коварный вопрос:

– А как же быть, если силы врага все же настолько велики, что просто ничего невозможно сделать? Что же тогда, в отчаянном порыве, восхищая окружающих своей храбростью, ринуться грудью на амбразуру и героически погибнуть?

Стефан даже усмехнулся. Но не тому, что его восхитил вопрос, а тому, с какой легкостью в сознании тут же созрел ответ:

– Героически погибнуть очень просто, и в этом вряд ли может быть хоть какое-нибудь рациональное зерно. Ведь геройство для одних зачастую оборачивается латанием собственной жизнью дыр, проделанных глупостью других.

Подобные жертвы верных людей никогда не смогут полностью решить проблему. Если нет возможности преодолеть силу прямо или отклонить в сторону, нужно продолжать активные, целевые действия по силе, и тогда настойчивость и вера будут вознаграждены победой.

В памяти тут же всплыл его недавний трагический случай, когда он, падая из горевшего самолета с нераскрывшимся парашютом, в, казалось бы, безвыходной ситуации, продолжал бороться за свою жизнь и, судя по всему, кое-чего добился. Хотя тут же мелькнула еще одна мысль:

– Эта борьба не окончена, я продолжаю вести ее до сих пор.

Получив удовлетворение от такого внутреннего диалога, Стефан, смешно переваливаясь с ноги на ногу, подошел к самому краю быстро текущей воды и, склонившись, с удовольствием сделал несколько больших тягучих глотков.

Вода была удивительно приятной на вкус, а ее свежесть быстро восстановила потраченные силы. Усталости как не бывало.

Мама-дракон весело плескалась на середине реки с такой детской непосредственностью, что волны, возникающие от ее игривых движений, с шумом выплескивались на берег.

Всем своим видом она приглашала Стефана принять участие в этом развлечении.

– Как интересно, – продолжал он размышлять, глядя на это гигантское, смешно дрыгающееся и фыркающее существо, – вот что значит нахождение в тени.

До сих пор она видит во мне маленького динозаврика, а ведь, собственно говоря, я об этом и не думал.

И новая идея относительно работы с тенью, постепенно все четче проявляя свой узор, стала вырисовываться в его сознании.

– Нахождение в тени памяти. Да, работая с неодушевленными предметами, тень может быть сконцентрирована самим человеком в соответствии с его возможностями.

Но в работе с живым существом целесообразно генерировать только идею тени, позволив противнику самому дорисовать приемлемый для него образ.

И только затем, подхватив и стабилизировав, можно закреплять его в сознании. Именно тогда он будет действовать безупречно.

Стефан решил подвести итог своим знаниям, которые он усвоил в результате этой встречи.

Первым, на что сразу обратило его внимание и запало в душу, была сила здоровья, которым так и дышало гигантское тело животного.

Затем неизгладимое впечатление произвела на него физическая мощь. Это тело двигалось как огромная, постоянно сжимающаяся и разжимающаяся пружина.

Его мышцы, видимо, никогда не были знакомы с таким, столь известным для всех состоянием, как усталость.

Кроме того, он отметил напор и несгибаемость в достижении поставленной цели, а также обязательную доводку намеченного до конца, без потери интереса к нему в силу возникающих трудностей либо длительности пути.

Все это делало такое существо идеальной боевой машиной.

Образ завершала способность животного реально оценивать не только свои, но и внешние, противоборствующие силы, принимая компромиссные

решения в случае возникновения непреодолимого препятствия.

Например, это мог быть обход, без каких-либо отрицательных эмоций, - просто маневр.

Что еще привлекало в этом существе, так это быстрые переходы от активности к покою.

И было видно, что это не эмоциональная неуравновешенность, а вполне осознанное, волевое действие.

Поражало воображение и то, как быстро это огромное и тяжелое существо могло переходить не только от медлительных движений к стремительному, моментальному броску, но также и то, как легко оно меняло вектор направленной силы, будто на него по-иному действовали законы инерции.

Особенно путнику запомнился эпизод, возникший в момент встречи, когда дракон на полном ходу внезапно остановился, увидев Стефана.

Он просто застыл как изваяние, будто всегда здесь и находился, а затем так же свободно двинулся вперед. Да, этому надо было еще поучиться, хотя начало, в виде знания, уже было положено.

К тому времени мама-дракон, закончив плескаться, вышла на берег и, отряхиваясь, стала приводить в порядок свое тело. Завершив свои гигиенические процедуры, она направилась обратно, начиная подъем на уже известный нам склон.

Приблизившись к камню, за которым начиналась та самая крутизна, дракониха обернулась, трубно позвала своего детеныша, как-то махнула головой, приглашая того в обратный путь, и начала свой подъем.

Стефан стоял посреди реки в глубокой задумчивости, все еще находясь под впечатлением пережитого. Идти за драконом у него не было никакого желания, к тому же он уже начал выходить из образа детеныша, и его звал вперед собственный путь.

Мама, показавшись на самом верху и, видимо, уже успев забыть о существовании наследника ее опыта, как бы на прощание махнула хвостом и скрылась, увлекаемая повседневными заботами.

Стефан, перейдя вброд реку, уже к тому времени полностью вышел из созданной им самим тени.

Решив последовать примеру драконихи, он пошел дальше своей тропой, ведущей к находившимся вдали горам.

*

Двигаясь вперед вдоль русла реки и наслаждаясь красотой окружавшей его природы, человек, тем не менее, продолжал сохранять настороженность, внимательно оглядывая кусты, плотной массой прижимавшие тропинку, иногда к самой воде. Там могло быть все, что угодно.

Тайная, скрытая в глубине зарослей жизнь постоянно давала о себе знать внезапным шуршанием, писком, повизгиванием, а порой и довольно грозным рычанием, раздававшимся то сзади, то спереди.

Все это заставляло Стефана, соответственно с этими звуками, ускорять, но чаще всего замедлять шаг и сжиматься, готовясь к возможной схватке.

Продвигаясь таким образом, он в какой-то момент вдруг почувствовал страшный дискомфорт от своего испуганно-напряженного состояния.

Новая, незнакомая прежде ему волна поднялась и заполнила собою все его сознание. Стефан почувствовал себя гораздо сильнее, но, главное, совершенно исчез панический страх перед неизвестностью.

Его слух стал четко различать звуки, характерные для твердой, уверенной поступи какого-то мощного и, видимо, бесстрашного животного.

Пытаясь в этом разобраться, путник сделал ошеломляющее открытие. Оказывается, эти звуки издавало его собственное тело. Говоря иначе, он шел походкой дракона.

И, что самое важное, – Стефан явственно ощутил тишину, внезапно разлившуюся по только что рычащим и угрожающим ему зарослям. Да, сила и мощь дракона ожили в его сознании, и были преобразованы в походку силы.

Но прежняя рациональная часть сознания продолжала свою линию недоверчивости и сомнения. Стефан при

этом несколько раз оглянулся и даже потрогал рукою у себя за спиной:

– Нет ли там кого-нибудь сзади? Того, кто постоянно шепчет мне на ухо советы, содержащие рекомендации по осторожности и благоразумию?

Выслушивая Советника, Стефан от некоторых доводов брезгливо отмахивался, как от надоедливых мух. Но один, постоянно вращаясь, наконец не только заставил обратить на себя внимание, но и сумел доказать свою целесообразность.

Смысл его заключался в следующем:

– Любая сила, сколь велика бы она ни была, – это сила всего лишь одиночки, а следовательно, она конечна.

Значит, во-первых, транжирить мощь этой энергии на такие пустяки, как походка, грозный вид и прочие внешние атрибуты, безрассудно.

И, во-вторых, растратив таким образом большую часть своей силы на это так называемое представительство, что ты сумеешь противопоставить реальной угрозе, которая, возможно, ждет нас впереди?

Да, это было логично и достаточно убедительно. Стефан не мог с этим не согласиться. И едва он подумал о возможности разрешить эту, неожиданно возникшую проблему, как тот же голос напомнил ему то, что он и так давно знал.

– Ну да, конечно же! Это должна быть снова моя всемогущая тень! Верно – продвигаясь в тени, я не только увеличу уровень своей безопасности, но и без особых затрат сохраню большую часть своей энергии.

Однако одно дело – придумать, а другое – сделать. Стефану так и не удавалось создать форму тени. Прикидывая и так, и этак, он вновь и вновь отвергал предыдущие варианты. Время шло, а решение все не приходило.

– Наверное, я действую по одному шаблону. Должны же быть и другие варианты? Точно! – Стефан вспомнил, как голос однажды упоминал об агрессивной форме тени, когда она создается не за счет какого-то образа, а силой его множественности.

Эта идея показалась ему интересной, и Стефан решил вывести теневые образы драконов.

Верное и послушное его воле внимание немедленно создало шагающий рядом с оригиналом дубль, выведя его на некоторое расстояние вперед - как это обычно бывает, когда свет падает сзади.

Затем он создал второй образ, аналогичный первому, и теперь направил его следовать за собой, также соблюдая некоторую дистанцию.

Для второго дубликата тень была образована как бы светом, направленным спереди. Это было несложно придумать, так как подобное несколько раз ему уже доводилось видеть.

*

Наиболее четко память выдала сюжет, когда к ним в часть приезжал один известный бард-исполнитель, и, находясь на сцене в лучах четырех юпитеров, отбрасывал столько же теней.

Тогда внимание курсанта только отметило и зафиксировало в памяти этот, казалось бы, мало, что значащий факт. Но, очевидно, в нашей жизни нет ничего случайного или неважного. И вот теперь Стефан в очередной раз убедился в справедливости этой мысли.

Для удержания этого двойного образа ему, оказывается, было достаточно просто смотреть на самого себя одновременно с двух сторон.

И, словно следуя мановению волшебной палочки, впереди и позади него послушно, в такт оригиналу, стали идти два таких же, как и он сам, дракона.

Однако Стефану показалось, что этого заслона ему недостаточно, и было бы неплохо организовать круговую оборону, где справа и слева от него тоже шагали бы призванные защищать его союзники.

Исполнить это было уже гораздо сложнее. Образы послушно множились в длину. При желании он мог создать целый караван из шагающих друг за другом монстров.

Раздвоить внимание было легко, но вот "расчетверить" его казалось совершенно невыполнимой задачей.

Тогда Стефан подумал о том, что ведь и раздвоение – вещь достаточно условная. Его мысль, рисующая

переднего и заднего двойника, работает так стремительно, четко и насыщенно, что пока она создает второй, задний план, первый сохраняется, удерживая в себе даже мельчайшие детали.

И после того как мысль, нарисовав идущий сзади образ, снова вернулась к переднему, тот, сохранив свою четкость и реалистичность, уже не требовал для своего существования такого количества энергии, как в первый раз.

Когда такой цикл многократно повторялся, Стефану уже не было необходимости вновь выполнять сделанную ранее работу.

Теперь его концентрация, оставаясь в центре "круга", полемым вниманием всего лишь следила за жизненностью этих двойников, получивших исходный импульс от создателя плюс временную длительность своего существования, достаточную для того, чтобы образовать собственное центростремительное вращение личных силовых линий.

Посмотрев на этот процесс со стороны, Стефан понял, как надо действовать дальше. Высвободившаяся от первоначального раздвоения часть внимания теперь могла быть им использована для второго, поперечного деления.

И действительно, в принципе, все так и получалось. Единственной сложностью оказалось то, что пришлось выделить еще одну часть своей концентрации на поддержание дисциплины в этом сложном клубке крестообразных отношений.

Проблема была в том, что как только Стефан стал создавать вторую пару союзников, его внимание (очевидно, из-за стремления сделать это очень хорошо) стало привлекать к этому процессу слишком много энергии, что, безусловно, начало ослаблять контроль над первой парой.

Те дубли, не чувствуя к себе должного отношения, спустя некоторый промежуток времени стали рассеиваться, растаскиваемые агрессивными внешними силами.

Но, вовремя заметив эти нарушения, Стефан произвел необходимые действия, скорректировал и вновь закрепил сильно потускневший голограммный образ.

Хотя тут же, как на беду, стала разваливаться, с таким трудом собранная, его вторая пара.

Однако, как уже было сказано ранее, дисциплинарными санкциями (или, проще сказать, своей волей) Стефан организовал этот сложный процесс таким образом, чтобы каждая часть сознания отвечала за свой участок.

Вскоре ему удалось добиться того, что по тропинке, в едином ритме и монолитной группой, грозно шагали четыре устрашающих своей мощью дракона, спрятав в своей тени его самого.

Кроме того, Стефан заметил еще одну интересную деталь: чем дольше по времени ему удастся удерживать реальность своей группы, тем меньше энергии ему приходится на нее тратить.

Система начинала жить как единый, целостный организм, всего лишь поддерживаемый небольшой концентрацией со стороны организатора этого процесса.

По желанию, теперь уже без труда, он мог увеличивать свою группу практически бесконечно. Стоило только создать волевой импульс, и звери тут же начинали множиться, воспроизводя свой образ по принципу зеркального коридора.

Но если из поля внимания исчезал хотя бы один дракон, все построение начинало тускнеть и разваливаться. И путник пришел к выводу, что группа должна быть небольшой, мобильной и послушной.

Стефану нравилось то новое свойство, которое приобрело его сознание за время перехода.

Смысл этого новоприобретенного качества заключался в постоянной собранности и активности мыслительных процессов.

Его мысль можно было сравнить с динамичным полетом ракеты, а не с инерционно затухающим падением снаряда, как было раньше.

Немного попрактиковавшись, он установил численность своего боевого отряда в шесть единиц – по двое спереди и сзади, а также по одному с боков.

Неожиданно Стефану пришла мысль, что было бы неплохо, если бы они, шагая и поддерживая единую волну психического монолита, тем не менее, не просто отражали друг друга, а были бы способны к индивидуальным действиям.

Наверное, эта идея была подсказана ему все той же информационной волной, хотя в этот раз он этого и не почувствовал. Просто спонтанно возникшая мысль привлекла его внимание.

Продолжая углубляться в ее сутевую основу, Стефан понял, в чем заключался смысл подобного предложения.

– Ведь действительно, – подумалось Стефану, – когда человек просто идет, то он при этом действует: одновременно и синхронно; своими руками и ногами. Можно сказать, что в этом процессе участвует все тело.

Хотя части его действуют, используя свои собственные, индивидуальные движения, а не копируют друг друга. Значит, такая разнообразная система, работающая по единой схеме, на самом деле становится многофункциональной и эффективной.

Как будто на дисплее, он увидел в открывшемся окошке памяти кадры давно виденного им документального фильма о наследии Востока, в котором показывали поединок двух мастеров кунфу.

Еще тогда, будучи ребенком, Стефан был восхищен ловкостью и непринужденностью их боевых действий.

Движения противников были настолько быстрыми, четкими и самостоятельными... Казалось невозможным то, что это взаимодействуют люди.

И вот теперь, вспоминая те далекие кадры, Стефан решил попытаться использовать тот объединяющий принцип (который он подметил между героями фильма) в своей конструкции.

Он представил, что идущие с двух сторон звери – это его ноги, а идущие спереди и сзади – это его руки, вытянутые одна вперед, а другая, защищающая его, – назад. При этом два крайних зверя представлялись ему в виде подвижных кистей.

Чем глубже входил Стефан в этот образ, тем слаженнее работала его команда. Через какое-то время

он ощущал себя шагающим уже при помощи этих голограмм.

Так, боковые драконы, исполняющие роль ног, работали ритмично: когда один отставал, что-то изучая на своем пути, второй забежал вперед. Эта-то слаженность и давала достаточную опору, и даже такт действиям других бойцов.

Все происходящее удивляло, но главное заключалось в следующем: путник начал воспринимать окружающее его пространство глазами всей своей шестерки.

И поскольку каждый из них смотрел в свою сторону, Стефан, освободившись от необходимости тратить энергию непосредственно на движение и переложив эту заботу на своих союзников, получил возможность почувствовать себя чистым сознанием, осознающим вокруг все триста шестьдесят градусов.

А когда внимание его союзников привлекал к себе какой-либо объект, Стефан, видя его сразу с различных углов, мгновенно, за счет многократно возросшего информационного потока, легко принимал необходимые решения.

Необычность панорамного восприятия окружающего пространства в первое время даже несколько затрудняла способность Стефана оценивать информацию.

Насыщение сознания было столь плотным, что у него просто не хватало энергии для обработки воспринимаемого материала.

Тем не менее, очень скоро он научился работать с таким "всевидящим оком", и чувствовал себя уже довольно уверенно, оказавшись в центре контролируемого мира.

Именно контролируемого, так как панорамный способ видения обладал вполне конкретным энергетическим взаимодействием, и в зоне его внимания не было места каким-либо случайным обстоятельствам.

Когда, наконец, Стефан полностью понял всю необычность происходящего, волна восторга, своей вспенившийся энергией, мгновенно окатила его.

И, схлынув, она оставила уже столь понравившееся ему чувство мощности и уверенности.

Это состояние можно было назвать активированной силой воли.

Глава 9

Между тем, тропа стала понемногу отходить вправо от русла реки и, поднимаясь вверх по пологому склону, все круче и круче поворачивала к теперь уже близкому лесу.

Когда Стефан с эскортом подошел к первым деревьям лесного массива, то вынужден был остановиться, так как плотная и непроницаемая стена тумана застилала дальнейший путь.

И как он ни старался, ему так и не удавалось хоть что-нибудь разглядеть в этом царстве безмолвия и белесого мрака.

– Надо каким-то образом пройти сквозь этот заслон. Но что там, за ним? – на этот вопрос у Стефана не было ответа.

Время шло, а решение все не приходило. Проанализировав свое состояние, он понял, что эта рассеянная по округе хмарь сумела нарушить целостность его системы и внести туда некую толику беспокойства.

Чтобы сделать шаг в неизвестность, нужно иметь под собой твердую и устойчивую точку опоры. Но ее не было. Был скользкий и зыбкий страх, лишивший возможности развить энергию силы воли.

– Прыжок в неизвестность, – размышлял Стефан, – это бросок отчаяния. Отчаяния от неведения. Следовательно, он почти равен самоубийству, и надежда на какой-нибудь благоприятный случай ничтожна.

Главное – это поступок Воина, и поэтому таким способом как безумство храбрых мне никогда не разрешить эту проблему. А решать ее необходимо.

Летчик чувствовал, что время, отпущенное ему для перехода и разделенное на циклы, в этом случае уже истекает... И тут знакомая эмоциональная волна, только окрашенная теперь в цвета не восторга, а дикой ярости, стала заполнять его существо.

Особенно ему придало уверенности то, что этот неистовый эмоциональный всплеск совершенно не затронул и не разрушил четкости силовых линий сознания, а только увеличил яркость и силу луча его внимания, направленного туда, вперед, за стену.

Стефан осознал, что тот единый, симбиотический организм, сутью которого является он сам, как-то весь подобрался, сжимаясь, словно пружина.

Спина его образа стала круто выгибаться дугой, голова прижалась к самой земле, а хвост, наоборот, с вызовом изогнулся вверх. Он ощутил непонятно откуда возникшую во всем теле легкую дрожь.

И тут, неожиданно для себя самого, он стал издавать горлом какие-то необычные, kloкочущие звуки. Это было угрожающее, не предвещающее ничего хорошего рычание.

Дрожь нарастала синхронно с напряжением, которое чувствовалось во всем, наливающимся силой, теле. Еще немного, и Стефан был готов к прыжку.

Все голографические драконы единым существом замерли в ожидании приказа. Не хватало как будто мелочи, не дающей возможности активному осознанию спустить пружину действия.

– Я готов к прыжку. Но куда, куда прыгать? – задал он себе вопрос.

И тут же, словно подчиняясь напору его намерения, над лесом показался первый отблеск разливающегося света. То была заря - пробуждение нового дня в жизни борющегося за себя, за свою целостность, сознания.

И хотя света было немного, его оказалось достаточным для того, чтобы различить цель. За теперь уже проницаемой стеной тумана Стефан увидел гигантскую змею, притаившуюся в своей тени.

– Я высветил ее! – пронеслось в его сознании. – А значит, я уже одним этим стал сильнее змеи. Видимо, до этого, когда я метался перед стеной, она за мной наблюдала и ждала...

Теперь же ее вижу я! Но ждать и догонять – это последнее дело для Воина, – и, издав атакующий крик внутри себя (в то же время не проронив ни звука), Стефан прыгнул сквозь стену прямо на своего нового врага.

В первое мгновение полета ему почудилось, что стена тумана, сгущаясь, старается остановить прорыв.

Однако мощь его атаки оказалась настолько превосходящей, что Стефан всем своим существом не

только ощутил тот момент, когда тьма капитулировала, пропуская его вперед, но даже совершенно отчетливо различил сухой треск, подобный тому звуку, который издается разрываемой тканью.

Он словно влетел, ворвался в новое пространство.

Находясь еще в полете, он ясно видел то место, где в засаде свилась змея. Однако когда он коснулся земли, заканчивая свой прорыв, там было пусто. Его цель исчезла.

И только едва различимые шорохи говорили о том, что кто-то перемещается, скрываясь за пологом зеленых растений. Действительно, заросли были густыми, а трава - высокой.

Буквально в нескольких метрах растительность представляла собой глухую, непроницаемую стену, вставшую на смену белесому туману.

Пытаясь преследовать врага, Стефан первым делом решил использовать свой слух.

Но это оказалось совершенно неэффективным, так как звуки раздавались, казалось, одновременно со всех сторон, и никак не удавалось определить место, где находился их источник.

Тем не менее, он предпринял попытку двинуться в глубь леса, надеясь, что его движение создаст необходимые условия, при которых змея будет вынуждена ответными действиями проявить и обнаружить себя.

Однако стоило Стефану начать забираться в заросли, как плотный кустарник, разъединив целостность его группы, затруднил управление – была прервана четкость обратной связи.

Сохранившиеся части чувственного управления не давали ясного представления о происходящем. И вскоре Стефан, невзирая на ту мощь, которой обладали его драконы, вынужден был остановиться, сознавая свое бессилие перед новым, для него пока непонятным видом противодействующей энергии.

Создавалось впечатление, что она находилась повсюду, была непрерывна и текуча, тем самым не давая возможности ее зафиксировать. Это было проявлением максимального искусства маскировки.

Чтобы победить такого искусного врага, требовалось сосредоточить все силы в одном месте. Стефан решил отказаться от использования бесполезных теперь драконов с тем, чтобы аккумулировать высвободившуюся энергию в новом направлении.

Тем более что, как показала практика, индивидуальная мощь была абсолютно бессильна перед такой организацией поединка.

В самом деле – как только Стефан освободил голограмму образов от своего нацеленного внимания – и она стала таять, через мгновение исчезнув окончательно.

Лишь яркое световое пятно обозначало границы контролируемого пространства, в центре которого находился он сам.

Не давая световой области раствориться во внешнем силовом поле, Стефан, втянув ее в себя, почувствовал энергетическое насыщение огромной мощности.

Мысль о том, что так можно и лопнуть, не показалось ему смешной или нереальной. Его сознание буквально трещало под напором бушующих внутри энергетических страстей.

И вновь, уже в который раз, его выручила та часть личности, которую он называл Наблюдателем. Спокойно и бесстрастно она указала путь и направление действий.

Не подвергая сомнению предложенный метод и скрупулезно следуя указаниям Советника, Стефан в первую очередь занялся балансировкой сознания.

И удивительная вещь: как только он навел там порядок, и тишина воцарилась в его внутреннем мире, так в тот же миг исчезло ощущение распираania и неустойчивости. А возникшая гармония вернула ему уже знакомое состояние силы.

Стефан вновь ощутил себя самим собой. Это опять были его руки, ноги. Это было подвластное его воле человеческое тело.

С той лишь разницей, что внутри себя он ощутил незнакомое прежде чувство возросшей мощности. Как будто те драконы, сжавшись, влились в его мышцы.

Но, как это обычно бывает, ничто не дается просто так. И в этом Стефану пришлось сразу же убедиться, при попытке сделать самое элементарное движение. Его

мышцы, наполненные колоссальной статической энергией, с трудом подчинялись указаниям волевых импульсов.

Каждый шаг, каждый жест давался титаническими усилиями, так как приходилось преодолевать сопротивление мышц-антагонистов. Стефан чувствовал себя мощной, но малоподвижной глыбой.

Столкнувшись с таким, пока неразрешимым для себя вопросом, он обратился, как всегда делал в таких случаях, к своей всезнающей волне. И, как обычно, мгновенно последовал ответ:

– Внимательно смотри вокруг себя, наблюдай, учись, используй. Ты теперь не малыш-несмышлениш, нуждающийся в прямых ответах.

Ты можешь уже и сам находить ответы на те проблемы, которые ставит перед тобой жизнь. Сил и умения у тебя достаточно. Действуй! – и говорившая волна, закрывшись, исчезла.

У Стефана было такое чувство, что, в общем-то, так он и сам думал. Но какая-то неуверенность, робость перед ответственностью подталкивала его к желанию переложить ее на другого.

И хотя наш первопроходец отлично понимал, что никого другого тут быть не может, тем не менее, устаревший стиль мышления все еще давал о себе знать.

Все эти мысли мгновенно пронеслись в его сознании.

За то время, пока он перестраивался на новый режим, вжавшись для надежности в тень созданного воображением камня, Стефан получил уникальную возможность понаблюдать жизнь в ее естественных проявлениях, оставаясь абсолютно невидимым.

И тут же он вновь увидел совсем рядом застывшую, но, чувствовалось, готовую к броску, огромную гадину.

Было заметно, что так кстати случившаяся для человека перемена довольно сильно озадачила ее. Ведь буквально в двух шагах стоявшая жертва будто испарилась, просто растаяла в воздухе, оставив позади себя замшелый валун.

По всему было видно, что змея находилась в состоянии крайнего раздражения. Приподнятая и отклоненная назад верхняя часть туловища была резко

изогнута, агрессивно раскачиваясь из стороны в сторону, как будто ища намеченную добычу.

Упругие кольца плотного тела змеи, непрерывно сжимаясь и разжимаясь, тягуче перетекали с места на место.

Хвост нервно дергался, демонстрируя готовность к молниеносной атаке. Пасть была приоткрыта, и, вместе со злобным шипением, оттуда постоянно выскакивал и вновь втягивался длинный раздвоенный язык.

И только зеленеющие, с темно-серой дымкой глаза, до этого цепко схватившие взглядом обреченное на смерть существо, удивленно и даже обескуражено рыскали из стороны в сторону вместе с движениями головы в поисках исчезнувшей цели.

Между тем, непосредственная угроза жизни миновала.

Осознав реальность происходящего и ту опасность, которую путнику чудом удалось избежать, он, хотя и был надежно защищен тенью, все же не мог сдержать противной мелкой дрожи в конечностях.

Озноб, охвативший его сзади вдоль позвоночника, непроизвольно вызывал холодный липкий пот, крупными каплями стекающий с его лица.

И, даже невзирая на ту, казалось бы, огромную и несокрушимую силу, которую впитал он от своих союзников-драконов, его руки не имели возможности подняться, чтобы отереть с лица эти влажные признаки страха.

Он был просто обессилен, и это чувство тягостным грузом давило на него.

– Да что ж это такое? – недоумевал Стефан. – Где же она, моя сила? Куда делась? Почему я не могу ее проявить?

И снова, словно за кадром, прозвучал ответ волны:

– Наблюдай, изучай и используй!

Успокоившись, Стефан направил свое внимание на то, что совсем недавно вселило в него такой жуткий страх.

Чувство безопасности давало возможность не только просто сосредоточить всю энергию на объекте, но также предоставляло возможность, приближая, выделять необходимые для детального изучения участки.

Так Стефан, охватив полевым зрением сразу все существо, постарался сфокусировать свое внимание на той точке, с которой ему наиболее легко было удерживать целостный образ рептилии.

И как только ему удалось оказаться в центре этого энергетического клубка, чувства передали ему ощущения процессов, происходящих в этом сильном и гибком теле.

Стефан отчетливо осознал, что потоки текучей и подвижной, словно ртуть, энергии непрерывно перемещаются, сплетаясь многопрядным жгутом не только вдоль тела змеи, но и поперек ее, образуя сложные, спиралевидные узоры силовых линий.

Вначале Стефан никак не мог понять, для чего нужна такая изощренность. Продолжая проникать вглубь раскрывшейся темы, он стал понемногу постигать всю мудрость природы, вложенную в этот образец искусной работы.

На самом деле, сложность энергетических переплетений при ближайшем рассмотрении таковой не казалась. Наоборот, его восхитила простота, с которой змея управляла своим длинным и, на первый взгляд, неуклюжим телом.

Самым главным выводом было то, что ни в одном месте силовые линии не пересекались.

Следовательно, тело змеи (двигаясь посредством сложных узоров, составленных изгибами ее плоти), независимо от конфигурации и направления, потенциально всегда было нацелено на стремительное движение вперед.

Энергия в ней не боролась сама с собой, а подчинялась единому волевому устремлению, и, в ритме абсолютной синхронности, могла проявить физическую силу огромной мощности именно за счет концентрации целостного сознания на заданном действии.

И Стефану открылась, полная глубокого смысла, истина:

– Конечно, хорошо, когда ты обладаешь достаточно мощным запасом потенциальной энергии.

Но мощность – это еще не сила.

Сила – это то, что можно проявить в реальности, освободив ее от связывающего начала.

Ведь она нуждается в технически совершенном действии, а также в концентрации на нем достаточного количества энергии.

Это позволит реализовать скорость и точность усилия.

– Так что же, мощность совсем не важна? – он вновь задал себе вопрос, который не давал ему покоя с того самого момента, когда его драконы оплошали перед змеей.

Прозвучавший ответ все поставил на свои места, закончив понятийную картину этой проблемы:

– Мощность – это тот запас, который позволяет удерживать проявления силовых возможностей достаточно длительное время. Это можно назвать силовой или боевой выносливостью.

– Теперь ясно, чего мне не доставало! – с облегчением вздохнул Стефан. – Значит, сила дракона не так уж и плоха – просто мне не хватило умения управляться с нею.

– Да, – продолжал он спорить с собой, – но я ведь совсем недавно так ловко шагал с целой группой таких гигантов и, как мне казалось, достаточно уверенно справлялся с этим!

– Естественно, это так, но обрати внимание на две важные детали.

Первое – это то, что движения твоих союзников были довольно примитивными, однообразными и цикличными. Поэтому они не требовали больших координационных усилий.

А вторым и самым главным является то, что этими движениями управлял не ты, а некий автоматический механизм. Такие действия имеют довольно ограниченный диапазон.

Осознанное же движение позволяет не только увеличить координационную сложность, но и раздвинуть временные и пространственные границы.

– Но ты же меня сам учил, – пытался разобраться в этом вопросе Стефан, – что действовать посредством ума можно только в том случае, когда для этого есть достаточно времени.

Но когда его нет, а необходимо срочно принять ответственное решение, то ум, в силу своего несовершенства, дает рекомендации, далекие от идеала!

– Совершенно верно, но я и не призываю тебя умом опекать действия или принимать решения, требующие мгновенного исполнения. Я говорю лишь о том, что они должны быть осознанными.

– Ничего не понимаю, – продолжал недоумевать Стефан. – Что же тогда, по-твоему, должна означать осознанность?

– Ну, хорошо, – вновь продолжал звучать голос, – следи внимательно за моей логикой.

Работа ума – это череда мыслей, которые движутся во встречном направлении друг к другу. Сталкиваясь между собой, эти "за" и "против" образуют такую толкотню, что разобраться в этом гвалте порой бывает весьма непросто.

Скорее всего, это невозможно, потому что обязательно какая-то часть твоего ума все равно найдет причину, чтобы выразить свой протест.

А все потому, что ум, как небольшой фрагмент сознания, далек от совершенства. И эгоизм, тщеславие, лживость являются характерными его чертами, вовсе не стремящимися вывести тебя из лабиринта проблем.

Они лишь заняты тем, что, выпячивая себя, просто глушат своих оппонентов. Поэтому, когда через умственные рассуждения ты определяешь какую-либо позицию, то это, вероятно, результат выбора отчаяния, а не убежденности.

Но и это понятно. Время поджигает, ответа нет, и приходится действовать практически наобум.

– Скорее всего, ты прав, с этим трудно спорить, – согласился Стефан.

– Вот!

От такого резкого возгласа Стефан даже вздрогнул. И тут же спросил:

– Что "вот"?

– А то, – внутренний голос даже звенел от напряжения. – Только сейчас ты произнес следующую фразу: "Ты прав, с этим трудно спорить".

– Ну и что?

– Да ничего. Меня просто интересует ответ.

– Какой ответ?

– Ответ на то, КТО произнес эти слова?

От такого напора Стефан был совершенно сбит с толку и никак не мог понять смысла этих вопросов. Но голос, как будто специально стараясь загнать его в угол, напористо спрашивал:

– Так кто же, кто это сказал?

– Ну, кто, кто? Конечно, я.

– Это ясно, что ты. Но кто в тебе?

– Кто во мне?! – и Стефан понял, что он окончательно запутался. – Не знаю, кто, – и, задумавшись над этим, он снова задал этот вопрос, уже сам себе, – а действительно, кто?..

– Да уж наверняка, не ум, – в звуках раздавшегося голоса чувствовалась легкая усмешка:

– Твой ум начал бы тут же расставлять все по местам, анализировать, потом переставлять, полученное вновь рассматривать, и, как обычно, ты утонул бы в этом ворохе бюрократических сомнений.

Но твой ответ прозвучал четко, определенно и, главное, сразу, без раздумий. Понятно, что это был кто-то другой.

– Так кто же? – спросил Стефан.

– А тот, кто не знает сомнений. Тот, кто знает ответы. Тот, в ком нет внутреннего противоречия. Это тот, для кого единство, целостность являются главными жизненными принципами. Ну что, ты еще не понял, кто это?

– Нет, – выдохнул Стефан.

– Знаешь, просто с этой частью твоего сознания у тебя нет устойчивых связей. Ведь ты себя отождествляешь лишь с умом, то есть с проявленной зоной осознания.

Другая же, основная, скрыта от твоего внимания. Лишь иногда, в силу определенных причин, барьер ума ослабляется, и ты получаешь те сакральные знания, которые способны ответить на все твои вопросы.

Эту часть сознательного поля можно назвать интеллектом. Именно его энергетика определяет способность людей к обучению и творчеству.

Однако, как ты уже осознал, такие сюжеты носят эпизодический характер и не могут являться точками опоры.

Нет определенности. А в силу того, что это теневая часть, то она и остается невидимой и неслышимой.

– Так что же делать?

– А вот теперь мы и подошли к самому главному. Необходимо выстроить осознанный мостик между умом и интеллектом.

Именно тогда произойдет то, о чем уже говорилось ранее: "змея укусит себя за хвост", замкнув причинно-следственную связь развития ментала.

– Но что это мне даст?

– Это позволит тебе получить осознанный доступ в кладовые знания, и вследствие этого возникнет новое состояние твоего личностного сознания, которое можно назвать волей, ведущей к властности.

– Все это очень сложно, я никак не могу ухватить суть.

– Ну, конечно, все так. Сейчас и не стоит вопрос о том, чтобы ты во всем этом разобрался.

Тебе необходимо, прежде всего, принять мои слова на веру, а затем, опираясь на нее, приступить к исследованию этого вопроса.

И вот только тогда, на основе личного опыта, твоя вера превратится в убежденность, которая, служа тебе точкой опоры, позволит изменить себя, себе не изменяя.

Для тебя в этом вопросе слишком много белых пятен, препятствующих осмыслению того, о чем мы только что говорили.

Но постепенно, постигая суть этих процессов, ты сумеешь понять и оценить различия между двумя видами мыслительной деятельности.

– Что это за виды, формы, о которых я ничего не знаю?

– Я не сказал, что о них тебе ничего неизвестно.

Я говорю лишь о том, что впоследствии ты будешь способен самостоятельно увидеть принципиальное различие между тем, что мы называем рассуждением – это стиль ума, и мышлением – это стиль интеллекта.

Но есть и нечто, объединяющее их в единый, целостный механизм, функция которого заключается не в

противоборстве этих двух начал, а в их органично сбалансированном симбиозе, в результате которого возникает третья, пиковая составляющая сознания – разумность.

Вот только опираясь на эти три самостоятельные величины, связанные между собой узами веры, может быть проявлена четвертая точка – "Личностное Я" – вершина этой объемной трехгранной пирамиды.

Это будет означать, что она, освободившись от оков эгоистического ума, заняла природой предназначенное ей, тронное место.

Линии, соединяющие "царицу" вершины с тремя точками основания и образующие грани этой фигуры, будут выполнять функцию ума, интеллекта и разума.

Вера, воля и властность, образуют плоские экраны граней этой пирамиды сознательности.

Голограммы, возникающие на этих экранах, соответствуют каждая своим программам. Четвертая плоскость, занимающая основание пирамиды, проецирует своим экраном знание.

Все четыре экрана, делегируя свой информационный заряд внутрь пирамиды, сходятся, сплетаясь в центральную фокусную точку, которая, разворачиваясь, образует объемную голографическую картину, отражающую реальное течение времени в пространстве.

Она идеальна. Но, воспринимаясь "Личностным Я" через точку внимания, трактуется как субъективная картина мира.

Если ты понял, что я пытался тебе сейчас показать и объяснить, то, возможно, ты сумеешь, реально оценив себя и свое местонахождение в этой пирамиде на данный момент, определить свой дальнейший путь в этой системе развития.

– Мне кажется, я начинаю представлять эту пирамиду. Но есть один вопрос, который я хотел бы для себя разъяснить.

Ты сказал, что объемная голограмма, которую воспринимает моя личность, будет субъективной трактовкой. Сейчас же я слит со своим умом.

Однако и теперь я вижу мир. И ведь это тоже мое, субъективное восприятие! Так в чем же разница? И так ли она значительна?

– Вот теперь я за тебя спокоен, – произнес Советник.

– Если у тебя возник такой вопрос, значит, ты действительно стремишься к четкости понимания в этой теме.

Дело в том, что пространство внутри пирамиды должно быть растянутым. Только тогда голограмма, заполняющая собою этот объем, будет максимально соответствовать идеалу.

Если же какой-нибудь угол не зафиксирован, то пространство внутри пирамиды, постоянно меняя свою конфигурацию, искажает создаваемый образ.

Поэтому субъективное восприятие такой картины "Умственным Я" дает ему довольно отдаленное от истины видение.

И тем самым не только искажает объективную реальность, препятствуя пониманию жизненных процессов, но и, как следствие этого, приводит (за счет ошибочных действий) к печальным результатам.

Попробуй сам залезть в палатку, у которой не только не зафиксированы углы основания, но и не натянута вершина.

Точка, где, перекрещиваясь, лучи четырех экранов и трёх граней, дают голограммную картину мира, и является объективной точкой "сборки" внимания сознательности.

А субъективная точка внимания находится в стороне от истинной зоны внимания. В большинстве случаев она неподвижна и закреплена в зоне ума. И еще одно дополнение. Чем выше расположена точка внимания в объеме пирамиды, т.е. чем ближе она к вершине личности, тем ниже стоит сознание на эволюционной спирали развития.

– Я понял! – воскликнул Стефан. – Для чего нужно не только связать в прочные, сбалансированные отношения ум, интеллект и разум, закрепив основание, которое является знанием, но и, выделив "Я" в личностную, индивидуальную субстанцию, натянуть волей верхние

границ пирамиды, между которыми вспыхнут познавательные экраны.

Они, в свою очередь насыщая информацией внутреннее пространство пирамиды, расширяют её, образуя устойчивую, объемную и многоплановую голограммную картину реального мира, продвигая её нижнюю грань – личностное знание, всё ближе и ближе к знанию истинному.

И вот то осознание, которого достигает "Личностное Я", рассматривая это со своей, индивидуальной вершины, через точку внимания, конечно, хотя и будет продолжать оставаться субъективным, но при этом все же станет максимально приближенным к идеалу.

Естественно, в таком случае рекомендации сознания по тем или иным проблемам будут более полно отвечать необходимым требованиям.

– Ты все правильно осознал, – в звуках внутреннего Советника явно слышалась нотка удовлетворения, – но чтобы твое видение этой голограммы стало объективным, подумай, нет ли еще каких-либо деталей, о которых мы не говорили?

Стефан был ошарашен.

Ему-то ведь казалось, что он, видя на внутреннем экране грандиозную по своему масштабу картину и четко держа в сознании все обозначенные точки, экраны, а также взаимоотношения между ними, не упустил ничего.

Между тем, в его размышления вклинилось какое-то, пока еще непонятное, беспокойство. Что-то в нем никак не могло оформиться в ясную мысль.

Перемотав назад смысл только что обдуманного, он начал его просматривать более детально. И, почти закончив, Стефан вдруг понял.

– Ну конечно! Как же я не видел этого раньше! Ведь в пирамиде, кроме трех экранов познания, сходящихся в личностной точке, есть еще и четвертый, который лежит в основании всей системы, имея свой энергоинформационный луч! В чем же функция его луча?

– Молодец, ты попал в самую точку! – одобрительно загудел голос. – Действительно, треугольное основание, являясь по своей сути Абсолютным Знанием, из середины излучает вверх поток, который, достигая точки сборки

трех познавательных экранов, соединяется с ней и участвует в создании голограммного видения мира.

Поэтому правы те, кто говорят, что в каждом человеке находится Бог.

Но дело в том, что этот божественный поток реален до точки сборки, и личностную точку он достигает лишь виртуально. А, следовательно, человек осознает мир в искаженном (информацией верхних экранов) виде.

И, конечно же, зафиксированная воспитанием, привычками и стереотипами в какой-либо зоне пирамиды, точка внимания не может достигнуть истинного видения мира.

– Значит, возникает многократное искажение голограммы объективной реальности? – вставил Стефан.

– Совершенно верно! – подтвердил его предположение Советник. – Причем если у большинства людей точка внимания жестко зафиксирована, и человек, хоть и относительно, но все же стабильно воспринимает действительность, то у психически больных она, вибрируя, не позволяет им четко, без помех, осознавать мир.

– Так вот в чем дело! – произнес Стефан и после некоторой паузы добавил. – А как же достигнуть абсолютно истинного видения нашей реальности?

– Сделать то, о чем ты спрашиваешь, сложно. По сути, процесс эволюции и саморазвития сознания именно в этом и заключается. Слушай внимательно.

В жизни обычного человека точка внимания жестко зафиксирована и неподвижна. Но сама пирамида относительно внешнего пространства движется вместе с точкой.

В таком положении человеческое сознание, хоть и неосознанно, но эволюционирует. Очень медленно, можно сказать, со скрипом, но оно все же переходит на один слой вниз.

Так можно, по нахождению точки, определить уровень развития человека, который обычно всю жизнь находится в какой-либо зоне, вращаясь вместе с пирамидой на привычной орбите.

Но при осознанной работе все меняется.

Вначале точку внимания нужно, при необходимости стабилизировав и избавившись от навязанных неправильным воспитанием догматов, раскачать.

Следующим шагом будет обучение управлять движением волевых граней. И только затем можно выводить точку внимания из привычной зоны восприятия.

После этого следует замкнуть круг (по свойственному этому человеку диапазону), и начать плавное, спиралеобразное опускание вниз.

– А для чего ее нужно опускать? Я-то думал, что все как раз наоборот! Что ее нужно соединить с "Личностной точкой".

– В принципе, ты прав. В конечном счете, она сольется именно с вершиной, но "прежде чем прыгнуть вверх, надо присесть вниз". К тому же, для осознанного поднятия точки внимания необходим колоссальный запас энергии.

Слышал ли ты когда-нибудь выражение: "Знание – сила"? Именно в нем ключ к отгадке.

Ведь энергия – это и есть информация, а ее нужно долго и упорно накапливать.

Где же еще можно найти такой, по сути, бесконечный объем информации (а значит, и энергии), как не в треугольнике основания, находящемся в поле Абсолюта?

Итак, постепенно опускаясь вниз по слоям сознания (как будто аквалангист ко дну океана, где каждый пласт глубины имеет свой собственный микромир), точка внимания, ведомая волей, наконец-то достигает основы.

Там ее необходимо провести (так же, как и вверх) по периферическому кругу.

И только после этого появится возможность по концентрической спирали продвинуть точку непосредственно в центр основания, откуда бьет луч Абсолюта, а уже по нему дотянуть ее до точки сборки лучей всех экранов.

Объединенные вместе точки сборки и внимания можно будет поднять вверх, преобразовав этим движением виртуальный до этого отрезок потока абсолютного знания в реальный.

И наконец титаническая работа принесет свой долгожданный плод.

Две объединенные точки индивидуального внимания и абсолютного знания, сомкнувшись с "Личностной", станут одним целым. Вся система при этом стягивается в образованный при их слиянии тор, и человеческое сознание перестает быть таковым, переходя на следующий этап развития.

Все люди движутся по этой эволюционной спирали. Большинство – медленно, неосознанно, инерционно, не успевая за всю свою жизнь пройти и десятой части предназначенного им пути, оставаясь, по сути, в колыбели саморазвития.

При осознанной же работе человек способен в несколько раз увеличить течение своего психовремени относительно внешнего. Волевым импульсом стремительно продвигая точку внимания, он может за сравнительно небольшой промежуток времени в этом сильно преуспеть.

Тебе, оказавшемуся между жизнью и смертью, судьбою было предназначено измениться или умереть. Ты выбрал первое.

Все, что происходит с тобой после этого, уже является работой в этом направлении.

В дальнейшем у тебя еще будет время поразмышлять над этой темой, а сейчас хочу напомнить тебе, что:

"...Вечно так нельзя стоять,
Ждать, надеяться, мечтать,
Будто идол, вдаль смотреть,
Но для жизни – умереть...".

"Осилит путь идущий" – верно гласит восточная мудрость.

– Так в путь! – бодро и с каким-то новым приливом сил воодушевлено выдохнул Стефан и попытался подняться.

Но не тут-то было. Возникло ощущение, что все его тело застыло, и он не может не то, чтобы сделать шаг, но даже сомкнуть веки.

– Что за черт! – в сердцах выругался Стефан.

Углубившись в изучение пирамиды сознания, он совершенно не обращал внимания на происходившее с ним. Стефан осмотрел видимую часть себя.

– Как будто бы все нормально. Что же могло произойти?

Однако сколько он ни бился, ничего дельного ему так и не пришло в голову. Он вынужден был опять просить помощи у своего все ведающего внутреннего Советника.

– Да, в неприятную переделку ты попал, – посочувствовал моментально открывшийся на зов энергетический сгусток. – Однако виноват в этом только ты сам.

– Я? – опешил Стефан. – Да я же, как будто, все делал правильно!

– Значит, не все. Найти же ошибку ты должен будешь самостоятельно. Я лишь подскажу направление, в котором следует искать.

Итак, вспомни то время, когда ты уходил в тень камня, спасаясь от змеи. Именно там ищи ответ, – и с этими словами волна закрылась, более не отвечая на его призывы.

– Ничего не поделаешь, "взялся за гуж – не говори, что не дюж", – вздохнул Стефан и постарался мысленно вернуться в недавнее прошлое.

Он вспомнил, как вбирал в себя силу драконов, как затем работал над гармонизацией своей системы.

После тщательной проверки этих эпизодов Стефан мысленно стал вновь создавать тень камня, в которой он находился и сейчас.

– А если на мне так сказывается его воздействие?

Стефан постарался почувствовать, все ли в порядке с созданным им образом камня.

– Камень как камень – огромный, весь поросший мхом валун.

Рассматривая образ камня со всех сторон, он ничего необычного на своем внутреннем экране не увидел.

– Может быть, проблема в тени? – подумал путник. – Да нет, тень тоже самая обычная. Так в чем же дело?

Внутренний Советник упорно молчал, и Стефан решил для сравнения поискать в памяти ситуации, похожие на его собственную.

– Где же еще люди принимают образы других? Пожалуй, самым ярким примером являются актеры, игрой своих героев демонстрирующие множество характеров.

Он подумал, что действительно талантливый актер настолько полно перевоплощается, что даже физически ощущает нужное состояние своего героя.

– А не в этом ли ответ? – пронзила его догадка. – Я так же, как и они, вошел в образ, слился с ним, а значит, приобрел присущую камню неподвижность!

Но что же мне теперь делать? Может, разрушить защищающую меня голограмму?

Он взглянул на поляну. Змея по-прежнему неумоимо рыскала в поисках так внезапно исчезнувшей жертвы. Очевидно, что уничтожать тень в такой ситуации было подобно самоубийству.

– Где же выход?

Его внимание вновь привлек внутренний экран. Едва сосредоточившись на волне, Стефан увидел, как она с готовностью развернулась перед ним, и Советник подтвердил догадку сознания.

– Да, – прозвучал голос, – все дело именно в том, что ты, создавая образ камня, слился в панике с ним, испугавшись змеи. Вот почему ты стал неподвижен.

И ситуацию с актерами ты вспомнил верно.

Обычно актера называют талантливым, если он одержим страстным желанием слиться со сценическим героем. Того именуют гением сцены, кто, по сути, перестает быть самим собой, полностью вживаясь в роль, и не обращает внимания на то, что в этом состоянии он энтропически расходует личную энергию.

Вспыхнув яркой звездой, такие актеры быстро угасают. Необдуманно растратив свой энергетический потенциал, они, как правило, заканчивают свой творческий путь намного раньше отпущенного им времени. Недаром бытует такое выражение: "Хорошие актеры умирают на сцене".

Я же назвал бы истинно хорошими тех актеров, кто, входя в образ героя, в то же время сумел уберечь себя от его воздействия, оставаясь лишь наблюдателем.

Так, например, актер кукольного театра, сам находясь за кадром разыгрываемых на сцене событий, через куклу старается передать чувства героя.

Сосредотачиваясь на выражении характера марионетки, такой актер не отождествляется с ним. Так же можно создавать виртуального посредника между человеком и героем. Именно таким образом нужно поступить и тебе.

Создай внутри себя барьер, защищающий от воздействий камня. Воспользуйся его тенью, но не становись его сутью... Не привязывайся ни к кому и ни к чему, будь свободен!

Поблагодарив Советника, Стефан сосредоточился на образе камня и, установив буферную зону, мысленно отделился от него, продолжая удерживать его тень.

После того, как это было сделано, Стефан попробовал осторожно пошевелить рукой. И у него это получилось!

Воспрянув духом, он встал и пошел навстречу змее, решив, что уже готов встретиться лицом к лицу с опасностью. Его походка стала удивительно пластичной и согласованной.

Никогда раньше он не испытывал такого удовольствия от своих движений!.. Буквально выплывая из тени камня, он наблюдал, что змея, увидев его, остолбенела. Но через мгновение изменила свое, до этого агрессивное поведение, на миролюбивое.

– Это мой новый стиль двигаться! – внезапно осознал Стефан. – Наверное, она принимает меня за подобное себе существо.

Между тем опасная рептилия, вплотную приблизившись к нему, мягко коснулась головой его груди. После этого змея спокойно и грациозно уползла прочь от Стефана.

Он облегченно вздохнул: опасность миновала.

Однако ему потребовалось еще некоторое время, чтобы окончательно прийти в свое исходное состояние.

Размышляя о пережитом, Стефан непроизвольно анализировал знания, полученные им в результате последних событий.

Он еще раз ощутил в себе способность к развитию мощности дракона. Убедился в эффективности разделения этих сил на несколько составляющих.

Но, в то же время, вынужден был признать, что мощь не является определяющим аргументом в борьбе за жизненные приоритеты.

Вспоминая эпизоды своего противостояния со змеей, он еще раз осознал, что гибкость, текучесть, равновесие дают очень много для реализации уже имеющейся у него мощи.

Чувствуя, что его переход из пещеры еще не закончен, Стефан был готов к переживанию новых опытов, которые, вероятно, должны будут дать недостающие знания.

Удивительно, но в себе он отметил даже некоторый душевный подъем в предчувствии новых и, скорее всего, опасных, но, тем не менее, увлекательных и поучительных приключений.

Глава 10

Отдохнув и ощущая свежесть от притока новых сил, Стефан двинулся походкой, имитирующей пластику ползущей рептилии, в ту сторону, которую указала ему уползающая змея.

Он не смог бы объяснить, почему именно туда. Путник просто знал это и доверился интуитивному чувству правильного направления.

Чем дальше продвигался Стефан в глубь лесного массива, тем гуще и непроходимее становились заросли.

Земля настолько плотно заполонилась колючим кустарником, что, если бы не гибкость, приобретенная им в последней схватке, то вряд ли он вообще получил бы возможность продвигаться.

Очевидно, признав свое бессилие в попытке задержать неуклонно стремящееся к цели существо, лес, словно сдавшись под натиском человеческой воли, раскрылся солнечной и довольно обширной поляной.

Высокая и густая трава почти всю покрывала ее. И только примерно посередине, словно проплешина, располагалась небольшая площадка, где трава сильно примялась.

Что-то заставило Стефана замереть при выходе из леса и скрыться в тени рядом находящегося дерева. Поперек того места, где трава была смята, лежал давно упавший ствол дуба.

Пытаясь понять, что же его остановило, и не замечая ничего, что могло бы привлечь внимание, Стефан, тем не менее, чувствовал, что здесь и сейчас должно произойти событие, которое станет для него поучительным.

Замерев и полностью скрывшись в тени, он, как хищник, выслеживающий добычу, весь обратился в слух, в то же самое время взглядом как бы сканируя окружающее его пространство.

И его терпеливая настойчивость была вознаграждена. То, что он принимал за ответвление вывороченного из земли корня, неожиданно зашевелилось, и в повернувшейся в его сторону мордочке животного Стефан узнал обезьянку.

Судя по всему, она пыталась что-то достать. Может быть, какое-нибудь насекомое, которое пряталось под деревом.

Очевидно, это было не так просто, и обезьянка вынуждена была несколько раз перепрыгивать с места на место, стараясь дотянуться до лакомой добычи, скрывающейся под корнями.

Стефан даже чувствовал, как она пыхтит от напряжения и злится, не имея возможности схватить лакомство.

Иногда, насторожившись (возможно, предполагая какую-либо опасность) обезьянка прерывала свое занятие и, быстро поворачиваясь в разные стороны, зорко всматривалась в окружающую ее траву.

Конечно, увидеть что-либо в такой гуще не было никакой возможности, но верхушки травы и запах могли бы выдать подкрадывающегося хищника.

Судя по ее реакции, опасности не было, и она снова вернулась к своей охоте.

Временами обезьянка, поймав очередную добычу, с умильным выражением на мордочке смачно жевала, получая от этого огромное наслаждение, и, бросив несколько быстрых взглядов по сторонам, вновь "по уши" углублялась в свое приятное времяпрепровождение.

Как будто не было ничего особенного во всем происходящем, и все же Стефан знал: то, ради чего он здесь, еще не произошло, и надо терпеливо ждать.

В этот раз обезьянка, наверное, нашла настолько крупную и желанную добычу, что стала даже повизгивать от нетерпения.

Своими прыжками, возней и суетой она подняла такой шум, что Стефан даже ощутил вибрацию, идущую от нее.

Между тем, почти дотянувшись до цели, охотница, вся дрожа от возбуждения, стала с силой дергать за корень, и ствол поваленного дерева, невзирая на свой большой вес, начал раскачиваться из стороны в сторону.

Все больше входя в эмоциональный раж, обезьянка совсем потеряла чувство осторожности. Стефан обратил внимание на то, что уже довольно длительное время она ни разу не оглянулась.

Охотничья страсть, собрав всю энергию ее внимания в одно направление, оставила совершенно открытыми другие жизненно важные области. И расплата не заставила себя ждать.

Боковым зрением Стефан увидел, что справа от происходившего действия раздался легкий необычный шорох, и верхушки травы в этом месте стали раскачиваться в отличном от общего фона ритме. Медленно, но верно, что-то скрытое в гуще травы неуклонно приближалось к открытому месту на поляне.

А обезьянка, уже ничего не чувствуя в своем всепоглощающем желании добыть заветный приз, верещала так, что у Стефана непроизвольно возникла мысль: "Подойди я сейчас к ней сзади, схвати ее за хвост – все равно та не прекратит своего занятия".

К тому времени нечто вплотную подкралось к границе, очерчивающей середину поляны, замерло и, судя по всему, очень внимательно наблюдало за тем, что происходило между корнями лежащего дерева.

Вглядываясь в заросли и пытаясь увидеть того, кто так тщательно скрывался в траве, Стефан, пользуясь своей способностью входить в образ, стал перемещать точку внимания, используя теневые узоры для того, чтобы приблизиться к интересующему его месту. Предчувствие того, что это должен быть хищник, не обмануло его.

В причудливой игре светотеней Стефан с трудом сумел рассмотреть притаившегося и в любое мгновение готового к прыжку леопарда. Немигающий взгляд желто-зеленых глаз намертво захватил желанную цель активностью своего внимания.

Прижатая и вытянутая вперед широколобая голова, а также подобранные под упругое тело лапы красноречиво указывали на способность к выплеску во время атаки огромного энергетического потенциала.

Удивительно, насколько совершенно было искусство хищника скрывать тенью пульсирующую, готовую в любой миг освободиться энергию.

Даже Стефан, находясь в непосредственной близости, иногда терял облик зверя, невзирая на всю концентрацию своего внимания.

И лишь блестящие глаза да нервно подрагивающий кончик хвоста являлись точками, опираясь на которые, Стефан вновь смог увидеть эту мощную пятнистую кошку.

Полностью поглощенная только одной целью, обезьянка, не ощущая никакой опасности и, очевидно, надеясь вот-вот схватить добычу, забыла о всякой осторожности и почти полностью сунула голову под дерево.

Только торчащий и размахивающийся из стороны в сторону хвост говорил о титанических усилиях, предпринимаемых маленькой охотницей.

В какое-то мгновение Стефан вдруг начал видеть сразу не только эти два существа, но и четко осознал неотвратимую связь, образовавшуюся между ними в виде темной мерцающей линии, объединяющей их в одно судьбоносное решение.

Как только она возникла, леопард, будто следуя ее призыву, приподнял тело задними лапами и сделал прыжок, начало которого Стефан почему-то не заметил.

Но, очевидно, не зря эта черная нить была протянута, соединив два существа.

В тот миг, когда хищник уже завис над жертвой, обезьянка без звука, не поворачивая головы и даже не изменив позы, прямо из того положения, в котором она находилась, сделала немыслимый прыжок из-под корней в сторону.

И только затем, еще не приземлившись, она повернула голову, чтобы рассмотреть того, кто же это, напав на нее, сейчас, ломая корешки, падал точно на то место, где за мгновение до этого находилось ее тело.

Было совершенно немыслимым понять, каким образом обезьянка не только сумела мгновенно почувствовать нависшие над ней клыки, но и развить скорость, способную вырвать ее тело практически из-под самых когтей леопарда.

Стефан заметил, что и хищник обескуражен тем, что под ним никого не оказалось.

Осознание реальности для обоих заняло всего лишь миг. А затем, практически синхронно, одна бросилась прочь – второй устремился следом.

Но даже в тот небольшой отрезок времени Стефан понял, что у обезьянки практически нет шансов на спасение.

И точно - не сделав и трех прыжков, леопард догнал жертву и, передней лапой ловко подбив ее сзади, перевернул на спину. Дальнейшее происходило уже без каких-либо сюрпризов.

Прижав тело неудачливой охотницы к земле, леопард вонзил свои клыки в ее горло и, придушив (что было видно по тому, как перестали дергаться конечности и извиваться тельце жертвы), он потащил добычу обратно в гущу травы - в том самом направлении, откуда и пришел.

В первые мгновения Стефана пронзила боль сочувствия к погибшему животному.

Но затем он восстановил в памяти эпизод до мельчайших деталей, и его охватило раздражение по поводу того, как бездарно обезьянка потеряла свою жизнь, увлекшись охотой за каким-то насекомым. Пусть хотя бы и желанным, но не жизненно необходимым.

Ведь достаточно было быть повнимательнее, чтобы вовремя заметить грозившую ей опасность и таким образом, упредив ее, спастись. На самом деле, до желанного леса от того места, где ее настигли, было уже совсем недалеко. Не хватило именно тех метров, которые леопард покрыл одним роковым прыжком.

Однако вскоре Стефан уже с восхищением вспоминал об удивительной демонстрации силы, которую проявила обезьянка во время своих эмоциональных усилий, когда она, чтобы достать лакомство, раскачивая, смещала ствол лежащего дерева.

Кроме того, перед глазами у него все еще стоял тот эпизод, во время которого обезьянка буквально выскользнула из-под самых когтей падающего на нее хищника. Это было тем более удивительно, что в тот момент она его не видела.

– Значит, – снова вернулся он в своих рассуждениях к проблеме безрассудности, – функционировала в ней какая-то часть сознания, ответственная за это.

Но, вероятно, основная концентрация энергии была направлена совсем на другие цели, и только

непосредственная угроза дала возможность пробиться сигналу тревоги. Хотя этого оказалось, увы, все же недостаточно.

Размышляя таким образом, Стефан вышел на полянку и, направляясь к лежащему дубу, вдруг заметил, что совершенно произвольно проникает своим вниманием в окружающее пространство.

– Да, – внутренне усмехнулся он, – и этот урок для меня не прошел даром.

Подойдя к корням, он увидел большого красноватого жука, сидевшего на одном из корневых отростков.

– Вот она, судьба. Возможно, это то самое насекомое, из-за которого погибла обезьянка. Он жив, а она – нет.

Хотя почему из-за него? – пришла Стефану новая мысль. – Обезьянка погибла из-за себя, по вине своей неосторожности. А вот жук-то как раз нужную осмотрительность и выдержку продемонстрировал – и остался в живых!

Еще раз, но уже с уважением посмотрев на насекомое, Стефан направился к тому краю леса, куда стремилась, пытаясь спастись, обезьянка.

Едва оказавшись под пологом деревьев, первое, на что он обратил внимание, была тишина. Невидимое напряжение буквально насыщало все вокруг.

– В чем дело? Это что, мертвый лес?

И тут же понял. Не лес мертвый – просто он сам вышел на свет, а лес – спрятался. Все живое мгновенно увидело его и теперь изучало. Ощувив тысячу внимательных глаз, Стефану стало не по себе.

– Оказывается, быть объектом всеобщего внимания не очень-то приятно, особенно когда ты не видишь смотрящих на тебя глаз.

Внезапно раздавшийся голос, молчавший до сих пор, заставил Стефана от неожиданности вздрогнуть.

– Неприятно? Это что, проблема? Угроза в том, что сейчас ты подобен той самой обезьянке, жизненной трагедии которой ты только что был свидетелем.

Опять тебя видят все, а ты – никого! Где энергия твоего внимания? Находится под впечатлением только что пережитого! Но ведь это же прошлое, это уже

позади! А ты, шагая вперед, смотришь назад! Разве так можно делать?!

Этот эмоциональный всплеск обычно невозмутимого Советника, словно водой, окатил его разгоряченное сознание.

– Действительно, как глупо. Только что пережить чужую драму, и тут же повторять точно такую же ошибку!..

Стефан даже содрогнулся от мысли, что, возможно, где-то совсем рядом, в кустах, ловко маскируясь, замер перед атакой враг. Этого было достаточно, чтобы вернуться к состоянию готовности. Стефан мгновенно шагнул в тень и замаскировался.

Из своего нового укрытия наблюдая за окружением, он стал замечать, что, оказывается, лес-то не мертвый. Он полон жизни.

Вот прямо перед ним то, что виделось ему листом на ветке, неожиданно развернулось радугой красок и, вспорхнув, полетело бабочкой.

Словно по мановению волшебной палочки, все вокруг ожило, задвигалось. Лес вновь зазвучал привычными звуками жизни.

И когда Стефан мягко, следуя внутреннему ритму, двинулся дальше к своей цели, жизнь не прекратила своей активности, так как мелодия его движений органично влилась в общий ритм.

Ведь Стефан продолжал двигаться, оставаясь в тени, что давало ему определенные преимущества, позволяющие детально изучать окружавшую его хоть и фантастическую по своей насыщенности и необычности, но все же самую что ни на есть настоящую реальность.

*

Через некоторое время он обратил внимание на необычный шум, резкие выкрики, доносящиеся откуда-то сверху, прямо по ходу его движения.

Усилив свою внимательность и осторожность поступи, как бы сгустив укрывающую тень, Стефан стал пробираться к заинтересовавшему его месту.

Эта часть леса в основном состояла из манговых деревьев, и сейчас, вероятно, было время обеда, так как несколько десятков обезьян, ловко прыгая с ветки на

ветку, старались выбрать наиболее зрелые плоды и, наслаждаясь сочной мякотью, о чем-то звонко перекликались между собой.

На первый взгляд картина была довольно типичной, но что-то, пока еще непонятное, привлекало его внимание.

Продолжая свои наблюдения, Стефан заметил, что не все обезьяны заняты приемом пищи. Некоторая их часть (очевидно, в целях охраны находясь немного поодаль от основной массы пирующих) молча и внимательно оглядывалась по сторонам, зорко всматриваясь в зелень деревьев.

И лишь изредка обезьяны-охранники короткими щелкающими звуками сосредоточенно и напряженно информировали друг друга о замеченных и тревожащих их симптомах опасности.

Через некоторое время часть обезьян, отделяясь от общей массы, сменяла стоявших на посту сторожей, и те с довольным урчанием спешили присоединиться к основной пирующей братии.

Это было как раз то, чего так не хватало погибшей обезьянке.

– Но все же, – подумалось Стефану, – наверное, невозможно увязать воедино эмоциональный всплеск и чувство осторожности.

Ведь состояние высокой эмоциональной активности настолько энергоемко, что практически полностью расходует на себя весь имеющийся энергетический запас и, естественно, на другие функции его не хватает. Хотя на среднем уровне паритетное распределение энергии, скорее всего, возможно.

И ему вспомнились собственные опыты по разделению сознания на концентрированную, дискретную часть и полевую, континуальную. Но это были, как ему казалось, неэмоциональные проявления.

Научиться же разделять таким образом свое внимание в дальнейшем для него не составило никакого труда. И все-таки здесь было что-то для него непонятное, не осознанное им до конца, и его мысли вновь и вновь возвращали его к этому вопросу.

– Смотри и будь внимателен, – неожиданно дал о себе знать его внутренний Советник. – Опять ты спешишь с выводами, обобщая, возможно, несовместимые вещи. Ведь не всегда то, что похоже, является одинаковым по своей сути.

Стефан вновь погрузился в наблюдение за действиями этой дикой орды. Основная масса продолжала весело и беззаботно кутить, целиком полагаясь на систему охраны.

Он даже видел, как одна из обезьян, пытаясь схватить желанный своей сочностью плод, расположенный достаточно далеко и, скорее всего, оставшийся поэтому до сих пор не съеденным, стала раскачиваться, вцепившись всеми четырьмя конечностями в ветку, и при этом дико визжала.

Вдруг она неожиданно резко прыгнула.

Чувство координации, которым она обладала, делало ее прыжок поистине восхитительным. Его вполне можно было бы назвать полетом, настолько долго и грациозно она летела.

Сорвав налету лакомство, обезьянка, продолжая полет, ухватила за ветку на противоположной стороне дерева. Это было поразительно!..

А вся остальная часть зверьков, словно рукоплеща проказнице, наполнила воздух восторженными криками, в которых слышались нотки зависти и одобрения.

И вновь Стефан обратил особое внимание на то, что охранники совершенно никак не реагировали на эту головокружительную выходку. Но сейчас, будучи более сосредоточенным, он четко зафиксировал одну (видимо, очень важную) деталь – активность охранников усиливалась или снижалась синхронно, следуя напряжению общего эмоционального фона.

– Не здесь ли разгадка этого вопроса? Эмоциональность одной части необязательно должна забирать энергию у другой.

Возможна и иная комбинация, когда эмоция какого-то одного направления является лишь пусковым механизмом для усиления общего поля.

В этом случае энергетика получает дополнительный импульс для синхронного насыщения других функций.

Да, это совсем другой уровень, – продолжал размышлять путник. – Однако как же можно заставить такую сложную организацию, как стая обезьян, создавать гармонию целого равновесием ее частей?

Этой согласованностью обязательно должен кто-то управлять, иначе такие взаимоотношения между отдельными представителями сообщества невозможны.

Совершенно неожиданно для себя Стефан вдруг абсолютно отчетливо увидел систему целиком, сразу, всю и во всех деталях.

Его ошибка заключалась в том, что до этого ключевого момента он не воспринимал стаю как единый, цельный живой организм.

Сейчас, когда его внимание привлекла одна крупная и очень сильная обезьяна (по всей видимости, и являющаяся вожаком), Стефану стало ясно, почему так отлажено работает этот механизм.

Все дело в состоянии, которое генерировал этот "дирижер". Именно он, не участвуя ни в пиршестве, ни в охранной деятельности, и только наблюдая за тем и другим, просто держал в равновесии все энергетическое поле.

Поэтому, когда всплеск веселья насыщал пространство, охранники использовали эти волны для восстановления концентрации и придания ей более высокого уровня активности.

Когда же сторожа замечали какие-либо признаки опасности, их эмоции (насыщая то же пространство, но уже волнами иной полярности) мгновенно гасили пыл беззаботно веселящихся членов стаи.

И в том, и в другом случае это было просто общим подъемом, когда, зарождаясь в одном месте, эмоциональный всплеск не поглощает своими проявлениями общую энергетику, а, наоборот, увеличивает потенциал стаи за счет сохранения баланса.

Теперь многое прояснилось. Стефан четко осознал ведущую роль личностной силы вожака, которая, не подавляя энергетику частей, улучшает ее проявления властью гармонии или силой воли, тем самым делая стаю сплоченной и жизнеспособной.

– Да, это был урок.

И тем более замечательный, что тут же Стефану пришлось убедиться в том, как действовал такой организм в условии реальной опасности. Один из крайних часовых неожиданно издал звук, резко отличающийся от общего фона.

Два или три сторожа, находившихся неподалеку, тут же повернулись в сторону, откуда исходила угроза; присоединились к первому охраннику и усилили звук тревоги.

Они даже приподнялись на своих конечностях и, мгновенно оскалив пасти, медленно стали пятиться назад, к центру. При этом все остальные, прекратив есть, замерли на тех местах, где они в тот момент находились.

Состояние повышенного внимания, очевидно, было им необходимо для детального наблюдения за противником, изучения и прогнозирования его действий.

Стефан продолжал убеждаться в том, что все выводы относительно роли вожака, как дирижера, были абсолютно верными. Энергетическое поле стаи буквально вибрировало от напряжения.

Каждая особь без исключения не тянула в себя энергию, а, находясь в ней, продолжала насыщать ее силой своих эмоций.

Видно было, что стая, будто уступая натиску агрессора, отступала к центру, и своими расходящимися в стороны частями образовывала углубление, очень напоминающее, как почему-то подумалось Стефану, ловушку.

– Что же это за опасность, которая так испугала обезьян? – подумал он и посмотрел в ту сторону, куда теперь были направлены взгляды всей стаи.

То, что он увидел, непроизвольно вызвало в нем чувство отвращения и ужаса.

Медленно, тягуче; неуклонно стремясь к одному ему известной цели; своими кольцами обвивая ветки; снизу вверх поднимаясь по стволу дерева; полз огромный золотистый удав.

Его немигающий взгляд безжизненным выражением, казалось, замораживал все живое в зоне своего внимания.

Чувствуя эту гипнотическую силу, обезьяны пропускали ее, стараясь не оказаться на пути этого все подавляющего потока.

Особенно поразил Стефана один эпизод, когда одна, совсем еще молодая самочка, проявив нерасторопность, не сумела ускользнуть из зоны активности удава и, очевидно попав в ее фокус, застыла на месте.

А затем, дико крича и страшно вибрируя, медленно стала двигаться навстречу змее, которая к тому времени уже наполовину вползла на ветвь, ведущую к центру стаи.

То, что произошло потом, было удивительным и поучительным. Вожак, продолжая наблюдать и управлять действиями своих подопечных, вдруг резко и гортанно выкрикнул только им одним понятный приказ.

И тут же, словно очнувшись ото сна, находящийся неподалеку от визжащей в страхе самки охранник одним прыжком настиг уже совершенно безвольное существо.

Схватив зубами за холку и придерживая передней лапой, с видимым усилием он оторвал ее от ветки и таким же могучим прыжком выскочил из опасной зоны, даже не посмотрев в сторону питона.

Эта неудача несколько не обескуражила ползущее чудовище, которое продолжало проникать в гущу стаи. Однако обезьяны вовремя успевали расходиться в стороны, рассеиваясь по веткам находившихся вокруг деревьев.

И когда стая полностью расступилась перед удавом, тому некуда было продвигаться. К тому же мощная ветка под тяжестью огромного тела стала прогибаться, и внимание удава переключилось на необходимость изменить свою позицию.

Между тем обезьяны словно ожидали какого-то сигнала. В их действиях не было заметно паники - они переговаривались и оживленно жестикулировали друг с другом.

Вожак, почувствовав ослабление гипнотических чар и удостоверившись в слабости положения врага, издал длительный свистящий звук...

Мгновенно его команда перестроилась таким образом, что все мелкие особи оказались на внешней стороне, а

внутри, на боевой позиции, выстроились сильные и крупные самцы.

И только тут Стефан заметил: все они успели вооружиться обломками сучьев. Питон, словно чувствуя уязвимость своего положения, начал переползать на нижнюю ветку, чтобы иметь возможность вернуться назад, обратно к стволу.

Ощувив его слабость при выполнении этого маневра, вожак издал мощный, агрессивный рык, и вся его боевая дружина, крича на разные лады, стала швырять в удава запасенные для этой цели "снаряды".

Раздражение змеи было доведено до крайности. Но и это не мешало ей ориентироваться в том агрессивном для нее пространстве, в котором она оказалась.

Все же, невзирая на свою неудачу, удав сумел, сохраняя достоинство и еще раз с ненавистью взглянув на своих вечных врагов, вернуться к стволу дерева, и также неторопливо, словно по ступенькам, стал опускаться вниз, используя ветви и шероховатости ствола.

Едва питон исчез в гуще кустарника, которым была покрыта земля, стая внезапно замолкла. Наверное, это было необходимо для того, чтобы за время паузы восстановить энергетику этого виртуального организма.

Затем вожак издал несколько мягких звуков, которые, судя по всему, обозначали сбор, и самки с детенышами, а также молодые обезьянки вновь оказались, подчиняясь приказу, в центре.

Молодые самцы отошли назад, наиболее сильные из них расположились с боков и спереди, после чего вожак, удовлетворившись тем, как были выполнены его приказы, занял место во главе.

Легко, в едином порыве, следуя чувству воли, стая снялась с места стоянки и отправилась в одном ей известном направлении... Стефан еще некоторое время, глядя вслед удаляющимся животным, наблюдал за тем, как они двигались.

Сзади было отчетливо видно, что стая – это не просто группа несущихся куда-то, пусть даже в одном направлении, зверьков, а один мощный зверь, у которого можно было различить голову, лапы, тело и даже

несколько вытянутый, колеблющийся из стороны в сторону, хвост.

Ритмичные движения создавали полную иллюзию несущегося вскачь одного живого существа. Обезьяны уже скрылись из виду, а Стефан еще довольно долгое время продолжал зачарованно смотреть им вслед, осмысливая и закрепляя только что полученный урок.

Глава 11

Стоя так еще некоторое время и продолжая находиться под впечатлением того, что недавно наблюдал, Стефан, следуя какой-то силе, медленно поворачивался в сторону, противоположную той, куда умчались обезьяны.

У него был свой путь. Словно магнитом его неудержимо влекло к виднеющимся вдали пикам горных вершин.

Не задумываясь и не анализируя своего состояния, он, раздвигая нависшие над тропинкой ветви деревьев, а также заросли разнотравья, двинулся вперед.

Вскоре лес заметно поредел, и деревья, расступаясь в стороны, раздвинули пространство.

Но дикий кустарник и высокая трава еще создавали некоторые неудобства. И тут, как будто непроизвольно, Стефан начал не просто идти, а красться, к чему-то приглядываясь и прислушиваясь.

Еще небольшой отрезок тропы, и Стефан приблизился к прогалине, сразу за которой был виден неглубокий овраг.

Осторожно подойдя к обрыву, он уже хотел было сбежать по его откосу вниз, где, весело журча, протекал ручей. Но что-то остановило его. Стефану даже показалось, как кто-то сзади шепнул ему на ухо:

– Осторожно смотри вниз, и, возможно, ты станешь свидетелем удивительных событий.

Наш путник тут же сгруппировался, а затем и залег, укрывшись в тени небольшого, растущего на самом краю куста и, застыв там, стал внимательно изучать открывшуюся перед ним местность.

Однако ничего сколько-нибудь значимого не попадалось его взгляду. Как обычно в подобных местах, там можно было найти поломанные ветки. А торчащие и просто набросанные валуны создавали впечатление довольно угрюмой территории.

Правда, ниже по течению находилось весьма привлекательное местечко, поросшее травой и окруженное кустарниками. Возле самых зарослей, как

показалось Стефану, непримятая травка рыжего цвета покрывала невысокий бугорок.

Еще раз тщательно оглядев окрестности, следуя внутреннему позыву, он вновь обратил свой взор на это возвышение.

Продолжая всматриваться, Стефан заметил там некое подрагивание, которое тут же объяснил колебанием травы под действием легкого ветерка.

Но что-то не давало ему покоя. В этих колебаниях была некая ритмичная закономерность. И все же что это такое на самом деле, Стефан никак не мог определить.

Возможно, подкравшись ближе, он мог бы рассмотреть заинтересовавший его объект более детально, но нечто, пока необъяснимое, удерживало его на месте. По-прежнему периодически раздававшийся шепот, сдерживая исследовательский порыв, поучал:

– Лежи! Лежи и смотри! Смотри и наблюдай!

Подчиняясь внутренней силе, его внимание, сконцентрированное на этом непонятном предмете, вдруг напряглось. Стефан ощутил, как он весь подобрался в предчувствии опасности. И неожиданно рыжий бугорок вытянулся, и этим движением обрисовался контур тела лежащего на боку зверя.

Тот (очевидно, проснувшись) в сладкой истоме еще раз потянулся, растопырил лапищи, ударил несколько раз хвостом и поднял голову.

Зевнув и обнажив белоснежные клыки, он как-то вдруг резко сомкнул пасть, и Стефан отчетливо услышал, как стукнулись, смыкаясь, зубы хищной челюсти.

Животное приподнялось на передних лапах и внимательно осмотрелось вокруг. Теперь наблюдающему человеку стало четко видно мощное и гибкое тело тигра.

Зверь, сделав несколько шагов, остановился, прогнулся и, опять зевнув, стал принимать к запахам, доносившимся со всех сторон. Закончив процедуру обнюхивания, он подошел к ручью.

Аккуратно поставив лапы на камни, чтобы не замочить шерсть, эта большая кошка стала лакать воду, периодически прерываясь для контроля местности.

Напившись, тигр вернулся к месту недавнего отдыха. Постояв в глубоком раздумье, он как-то сразу, всем

телом, развернулся, и уверенно зашагал туда, куда подсказывал ему инстинкт охотника.

– Куда это он?! – непроизвольно воскликнул Стефан. – А как же я? И когда у меня с ним будет испытание, которое нужно преодолеть, доказав свое право на жизнь?

– А ты спроси у него, – иронично пропел Советник.

– Да как же я у него спрошу?

– Очень просто. Встречаясь со зверьми и наблюдая их жизнь, ты уже впитал в себя большинство из не достававших тебе в проявленности качеств. Ты понял, как эти дремлющие силы высвободить и брать под свое начало.

Так, от Дракона ты получил знание мощности.

От Змеи – текучести.

А Обезьяна наполнила тебя эмоциями.

Этого вполне достаточно, чтобы ты сумел организовать встречу и знакомство со своим четвертым союзником – Тигром.

– Но как это сделать? Я не знаю, с чего начать!

– Начни с изучения объекта, находясь в его тени. Ведь нечто подобное ты уже проделывал, и довольно успешно. Помнишь, как ловко тебе удалось приблизиться к Дракону?

– Да. Тогда я спрятался в его тени под видом детеныша.

– Правильно. Теперь же сделай еще один шаг в искусстве перевоплощения. Спрячься в тени самого тигра.

– А это возможно?

– Не только возможно, но и необходимо. Я тебе подскажу одну тонкость, воспользовавшись которой, ты сможешь достичь нужного результата. Тени бывают разные.

Тень может быть физической (и ты воспользовался ею, стоя возле камня и змеи), но может быть и психической. Когда ты спрячешься в тени характера объекта и станешь его частью, оставайся при этом наблюдателем.

– Разве характер имеет тень?

– Естественно. И если ты будешь достаточно сконцентрирован, то без труда это заметишь. Однако довольно разговоров, иначе потеряешь объект своего опыта.

И в самом деле, шедший вначале неторопливой походкой хищник, понемногу ускоряясь, уже поднялся из оврага на ровное место и готов был скрыться в чаще леса.

Повинуясь порыву следовать за союзником, Стефан удивился тем движениям, которые были им сделаны. Как будто дублируя только что виденный им процесс пробуждения, он легко поднялся, отряхнулся и, потянувшись, направился следом за зверем.

*

Находясь в состоянии наблюдения, сознание путника не только отмечало все нюансы в поведении тигра и видело само себя в образе человеческого тела, но и движущегося с мощью дракона, пластикой змеи и ловкостью обезьяны.

Этому движению не хватало личностной цели, но это компенсировалось тем, что Стефан следовал целенаправленным движениям своего полосатого лидера.

Продолжая идти за тигром, он все больше и больше проникался чувствами, которые источал, насыщая окружающее пространство, этот хищник.

Стефан начал улавливать вначале запах, а потом и его оттенки, меняющиеся в зависимости от того, что видел и чувствовал зверь.

Вибрации человеческого тела, синхронные колебаниям вожака, дали возможность не только приблизиться вплотную, но и позволили в какой-то момент осознать, что путник находится не то, чтобы сверху тигра, и не то, чтобы в нем.

Это было столь сложное ощущение, что Стефан никак не мог его сформулировать.

Это было необычное чувство двойного состояния, когда свое тело он ощущал как тигриное, а внутри продолжал оставаться самим собой, имея возможность наблюдать и даже контактировать с сознанием тигра.

Словом, он одновременно был и тигром, и человеком.

Это было тем более удивительно, что мир, в котором двигался зверь, воспринимался Стефаном не только через личное восприятие, но, в то же время, и через органы чувств его носителя.

Адаптировавшись к своему новому состоянию, Стефан неожиданно для самого себя обратился к тигру с коротким вопросом:

– Куда идем?

– Вперед, – последовал столь же лаконичный ответ.

Словно подхватывая эту словесную дуэль, Стефан задал ему очередной вопрос:

– Вперед куда?

– Никуда. Просто вперед.

– Если никуда, то почему вперед? – продолжал настаивать на своем Стефан.

– А потому что любое движение – это движение только вперед, – произнес тигр.

И, немного помолчав, продолжал:

– Назад вообще пути нет. Какой-то участок тропы может выглядеть, как движение назад, но это лишь виток спирали, продолжающийся раскручиваться в будущее.

Стефан был поражен таким ответом. Он ожидал все, что угодно, но только не это. Подумав, он переформулировал вопрос:

– Да нет, я хочу спросить: к какой цели мы движемся?

– О, целей много, и они различные.

– Но ведь есть же и ближайшая?

– Конечно, это же очевидно.

– И мы сейчас идем к ней?

– Совершенно верно.

– Так где же она?

– Не знаю, – как-то равнодушно ответил тигр и вновь смачно, протяжно зевнул.

– Но как же мы найдем что-то определенное, если идем неизвестно куда?

– Почему неизвестно? – Стефану даже показалось, что тигр хмыкнул. – Известно – вперед.

Стефан почувствовал, что теряет терпение. Предполагая, что все сказанное имело смысл и значение, тем не менее, он никак не мог понять, в чем тут дело.

– Но ведь, может быть, ты идешь совсем в другую сторону от того места, где сейчас находится твоя цель!

– Возможно, – все так же бесстрастно отвечал тигр, – но это все лучше, чем стоять на месте. Ты не понимаешь одного, – в ворчливости тигра слышались поучительные нотки, – что, стоя на месте, ты не контактируешь с внешней средой и не получаешь нужной информации о ней.

Начав движение в любую сторону, и вступив тем самым в общение, можно получить знания о тех или иных интересующих тебя вещах. Только тогда и можно определить, где находится твоя цель.

Но это еще не направление движения, – дополнил свое высказывание союзник, – потому что твой объект тоже движется, а, следовательно, его местонахождение не зафиксировано в пространстве.

Поэтому мне и нужно начать движение в любую сторону – туда, куда подсказывает мой инстинкт. А затем, пользуясь входящей информацией, я начинаю коррекцию своего движения, ведущего вперед, прямо к цели.

Стоя же на месте, я так бы и оставался в исходной точке, а значит, не постигнул бы истины.

– Я это понимаю, – задумчиво произнес Стефан. – Действительно, для того чтобы пройти путь, нужно просто начать идти. Однако это для меня как раз самое трудное. Я никак не могу начать это движение.

Хотя у меня и появляется желание что-нибудь сделать, возникающие тут же силы сомнения и следующая за ними неуверенность становятся настоящими препятствиями! Как мне преодолеть этот барьер, который, как я сам понимаю, мною же и создан?

– Да, это вопрос вопросов, – согласно кивнул головой тигр и, остановившись, начал сосредоточенно обнюхивать воздух, втягивая его с разных сторон своими вибрирующими ноздрями.

Удовлетворенно хмыкнув, он продолжал свой путь, при этом немного изменив направление движения.

– Это не простой вопрос, – продолжал он, – и ответить на него в двух словах будет очень сложно. Ведь

сомнения, бушевавшие тебя, особенно перед первым шагом, очень трудно развеять.

– Как же быть? – не мог понять Стефан.

– Спасти положение может только вера. Только она одна, и, прежде всего, вера в себя.

Если ты начнешь движение в таком состоянии, твой путь будет успешным, так как ты силой резонанса закрутишь инертные массы, находящиеся повсюду, и они начнут работать на тебя, на твои дела. Но стоит в твоём сердце зародиться хоть тени неверия, и создавшиеся взаимосвязи разрушатся. Помни об этом всегда!

Ну, а чтобы тебе легче было разобраться в самом процессе движения, я открою некоторые принципиальные позиции пути. Однако овладеть этим можно, только пройдя специальный курс обучения.

Дело вот в чем, – и, подойдя к дереву, тигр с огромным удовольствием стал тереться мордой о ствол, стараясь достать как можно выше.

Было очень интересно наблюдать, как эта огромная ярко-желтая в полоску кошка, словно маленький игривый котенок, выделяет какие-то сложные, непонятные пируэты.

Стефан через действия тигра сам ощущал волны удовольствия, растекающиеся в его сознании.

Затем тигр несколько раз обтерся боком о ствол. После чего, став задом к стволу, несколько раз сбрызнул его своей пахучей жидкостью. Улыбнувшись, тигр как-то виновато произнес:

– Извини, инстинкт, да и территорию надо метить, а то, знаешь ли, время, как говорится, "стирает все следы".

– Да, конечно, – согласно кивнул Стефан. – Но все-таки, – в его голосе звучало нетерпение, – расскажи мне о том, как начинать движение.

– Движение начинать просто, а вот действие... В общем, слушай внимательно и вникай в смысл того, что услышишь, каким бы удивительным и необычным это тебе ни казалось.

Ты должен знать, что человеческое существо представляет собой единство физического тела и

духовного начала. Так вот, если мы будем говорить о движении, то давай его суть обозначим, как "энергия".

А поскольку мы говорим о двух состояниях, физическом и духовном, то и энергий должно быть две. Вернее, две модификации: черная и белая.

Симбиоз и равновесие этих двух сил и дают возможность достаточно долго поддерживать существование человеческого тела в пространстве и времени, защищая его от разрушения.

Таким образом, соединившись, одно и другое создали третье. Это как раз то, что можно назвать "Личностным Я". То, кем ты себя осознаешь.

Вот эти три ключевые силы и образуют жизнь человека. Теперь внимательно следи за моей мыслью. В процессе жизнедеятельности он излучает энергию, несущую в себе, так сказать, формулы желаний.

– Что значит "формулы"?

– Понимаешь, говоря обычным языком об энергиях, составляющих сознание, очень трудно и, наверное, даже невозможно точно выразить мысль. Поэтому я буду говорить об этом своим языком, а ты должен из всех сил стараться это понять.

– Я постараюсь.

– Ну, хорошо, тогда слушай дальше. Я сказал "формулы", но это могло бы звучать и как определенная волновая характеристика, в частоте и длине волны которой как раз и находится та самая закодированная формула.

Именно она и дает энергетическому потоку, излучаемому телом, силу определенной направленности, по своей сути имеющей центробежные характеристики.

Другая составляющая, используя те же принципы построения, образует центростремительные линии. В этом взаимодействии рождается третья, "Личностная точка", которая имеет знак равновесия и всегда стремится к этому.

– Почему ты сказал "стремится"? – не понял Стефан.

– Потому что состояние жизни, которое возникает в результате этого триединства, может быть выражено как состояние устойчивого неравновесия.

Другими словами, "Я" всегда стремится к нему, но никогда не может его достичь. Меняются времена, формы, состояния... – кажется, тленно все. Неизменным и вечным является лишь путь к равновесию.

Теперь дальше.

Энергия тела, высвобождаясь и стремясь к безграничной свободе, в виде света пытается вырваться из цепких объятий энергии духовного сдерживания, которая за счет центростремительных сил приобретает вид тени, так как такое направление течения энергетики имеет тенденцию к сжатию.

Кроме того, как ты уже, наверное, и сам догадался, масса, стремящаяся к концентрации, более организована, чем та, которая имеет энтропические тенденции.

Стефана очень удивили научные термины и обороты, какими пользовался в своих объяснениях тигр. Ему даже на миг показалось, что тигр был чем-то похож на одного из профессоров, обучавших его в то время, когда он учился в летном училище.

Надо сказать, что этот преподаватель ему очень нравился своими новаторскими подходами к самому процессу обучения в целом, и непосредственно к изложению новых идей, в частности.

А его полосатый союзник продолжал:

– И вот, сталкиваясь, белый хаос и черный порядок создают поле, где светотени своим взаимопроникновением образуют пространство, которое является сознанием.

Однако если на это поле битвы не ввести рефери, то они могут уничтожить друг друга. А так судья, который уравнивает их шансы, в то же время побуждает их к динамике, периодически давая приоритет то одному, то другому.

То, "что" и "как" видит "Личностное Я" в этом пространстве, может быть названо голограммой сознания.

– Но каким образом в этом голографическом поле образуется свой, подходящий для каждой, конкретной ситуации, образ? – старался проникнуться идеей Стефан.

– Вначале возникает какое-либо желание. Оно может иметь физическое, физиологическое либо психическое происхождение. Например, удовлетворение чувства голода, жажды, боль или потребность встречи с кем-то, чем-то и так далее.

В формуле света, излучаемого телом, мгновенно происходят соответствующие изменения, на которые реагирует духовная составляющая человека, преобразовывая свои силовые линии в ответ на изменения, происходящие с его оппонентом.

Начинает создаваться смешанный рисунок голограммы желания. Причем желания сдерживаемого, так как без этого тело, переполняясь эмоциональными выплесками, просто взорвет собственную систему.

"Личностная точка" наблюдает за возникающим рисунком. Она стремится привести его к гармонии и целеустремленности. Поэтому в самом активном месте голограммы и образует фокус своего внимания, вокруг которого формируется смысловое поле, тем самым давая жизнь удовлетворению идеи желания.

Весь рисунок силовых линий начинает вращаться вокруг созданной точки в голограмме сознания, образуя структурированное поле, сердцем которого является "глаз тайфуна" с зарождающейся в нем мыслью.

Созданная мысль, вращая эту систему, постепенно обретает самодовлеющую силу, после чего, сформировавшись и набрав мощностъ, она стремится выйти за пределы поля к цели своего назначения. И только "Личностная точка", определив готовность мысли достичь результата, выпускает ее на волю.

Виртуальная часть идеи практически мгновенно достигает цели своего назначения, где бы она ни находилась. А материальная часть – мысль, всегда располагаясь на рубеже зоны видимости и осуществляя посреднические функции, исполняет роль проводника.

– Я не ослышался? Ты сказал, что виртуальная часть идеи достигает поставленной цели практически мгновенно? А если эта цель находится на другом конце Вселенной? Что, и тогда она достигнет пункта назначения так же мгновенно?

– Несомненно! Дело в том, что человеческое сознание, будучи оттиском внешнего пространства и, в то же время, его частью, контактирует с ним на различных уровнях энергетики. В той ее части, где она максимально тонка, и происходит наиболее полное информативное взаимодействие между ними.

Это явление можно назвать эффектом домино, так как за счет плотного расположения энергетических частиц того уровня любое событие, произошедшее в какой-либо части системы, тут же отражается в голограмме сознательного поля через экран потенциального знания.

Причем это отражение постоянно изменяется в соответствии с тем, что происходит вовне.

– Каким образом?

– Очень просто. Сознание, излучая энергию, получает с ее возвращением информацию о том, что происходило снаружи, во внешнем поле. Именно то пространство, куда энергия сознания возвращается, и является для нее домом.

– Ясно. Но что же происходит непосредственно в сознательном поле при зарождении мысли?

– Идея, возникшая как результат воздействия на сознание значимых для нее реальных силовых полей внешнего мира, преобразуется в желание и, при зарождении, прикрепляется к тому месту в голограмме, где обозначена цель.

Одновременно она проецируется в нужное место, находящееся во внешнем пространстве. А когда происходит энергетический выброс созревшей мысли, то ее виртуальная часть уже находится в заданной точке, где бы та ни была.

– Но каков механизм воздействия энергии мысли на движения тела? – не унимался Стефан.

– От ядра данного энергетического выброса вдоль силовых линий образуется шлейф, состоящий из мыслей-сателлитов.

Они служат для того, чтобы, побуждая тело к выполнению физических действий, соответствующих данной идее, человек тем самым продвигался к основному объекту, на который желание и нацелено.

– Но почему человеку сразу не заняться удовлетворением своей главной потребности? – удивился Стефан кажущейся нерациональности.

– Каким образом? Ведь цель далека, и ее одним махом не решить. Представь, что ты, испытывая жажду, сидишь за одним концом длинного стола, а на другом стоит высокий стакан, полный прохладной воды.

По запотевшим стенкам сосуда ты различаешь медленно стекающие капли влаги. Однако у тебя нет возможности подняться со стула, чтобы взять этот, столь желанный, предмет. Все, что у тебя есть, так это конец веревочки в руках, которая другим концом привязана к стакану.

Вот здесь-то и наступает самый ответственный момент. Если ты будешь непрерывно думать о стакане, подчиняясь эмоциям желания (а, еще хуже, потакать им, подкармливая их своим вожелением), то они, в конечном счете, разрастутся до такой степени, что станут совершенно неуправляемыми.

Это нарушит четкость выполняемых тобой действий. В результате все, что ты получишь, – перевернутый стакан и неудовлетворенную жажду.

Если же заняться выполнением конкретных действий, а именно – аккуратно, шаг за шагом, подтягивать нить, используя память о главной цели лишь для поддержания динамики действий, то ты и сам не заметишь, как стакан окажется у тебя в руках.

И лишь тогда, терпеливо пройдя весь путь, ты сможешь по праву насладиться желанным плодом своих усилий.

– Вот здорово! – выдохнул Стефан... и, немного подумав, добавил:

– Но я хочу вернуться к самому процессу продвижения той системы. Как все ее дискретные величины взаимодействуют друг с другом?

– Виртуальная часть прочно прикрепляется к цели, а материальная стремится соединиться со своей половиной. И как только мысль начинает движение за проводником, он синхронно приближается к виртуальной части.

В момент, когда цель оказывается в прямой видимости, ее виртуальная и материальная части сливаются, и происходит непосредственное подтягивание мысли к цели с удвоенной мощностью.

Вот представь себе, что по дорожке стадиона, наматывая круги, бежит стайер. Его финишная черта, существующая реально, находится еще далеко, вне прямой видимости. Но, пытаясь достичь свою виртуальную цель, бегун ставит перед собой этапную задачу, которую он помещает на границе закругления дорожки.

Это то, что можно назвать чувственным влечением, зовущим к достижению цели. Иногда ум не осознает сигналы, посылаемые чувственным проводником, и тогда бессознательная часть сознания выполняет его функцию, воспринимая эти импульсы. Такое определение направления к цели можно обозначить интуитивным видением пути.

Стремясь к рубежу, стайер тем самым двигает его вперед, приближая достижение желаемого результата. Таким образом, точка на его беговом горизонте служит генератором действия.

И когда спортсмен, завершая последний поворот и выходя на финишную прямую, видит желанную цель, она из виртуальной превращается в реальную - за счет слияния с этапной, скользящей точкой горизонта.

– А если цель за это время смещается?

– Если цель, смещаясь, изменяет свое место пребывания, то материальная часть идеи, получая об этом информацию от виртуальной части, соответственно меняет свое положение на линии горизонта, тем самым переориентируя мысленный импульс.

– Неужели все мысли достигают своих целей? – недоумевал Стефан.

– Конечно, не все. Бывают и осечки, возникающие из-за недостаточно чёткого формирования мысленных форм. В каждом отдельном случае сознание принимает подходящее решение.

Так, если погрешности значительны, а желание продолжает иметь силу, сознание втягивает в себя мысль обратно на доработку, после чего вновь ее выпускает.

Бывают случаи, когда мысли для достижения цели не хватает чуть-чуть, а времени для переформирования этого посыла нет.

Тогда "точка Я" посылает ей в помощь еще один энергетический протуберанец, - параллельно силовым линиям уже выброшенной мысли.

Примечательно, что их может быть столько, сколько потребуется для достижения цели.

– Теперь понятно. А что же происходит после объединения мысли и тела?

– Когда человек достигает поставленной цели, выполняя свое желание, он приобретает этим не только материальное, но и энергетическое удовлетворение, которое усиливает мощность поля сознания возвращением назад мысленного протуберанца, обогащенного энергией цели.

"Личностная точка" переключает свое внимание на другие задачи, в результате чего силовые линии данного рисунка распадаются, служа материалом для новых образований.

Остатки мысли (а вместе с ней и весь ее шлейф) растворяются в окружающем человека пространстве. Так протекает выполнение любого желания, испытываемого телом.

– Но ведь бывают случаи, когда цель так и не достигается. Почему же это происходит даже при столь упорядоченной и многоуровневой системе отношений?

– Потому что тело или не смогло ее достичь по объективным причинам, или за то время, пока тело продвигалось к ней, она потеряла для него актуальность.

В таком случае невостробованная мысль, объединяясь с другим мысленным протуберанцем, несущим задание ее переориентации, направляется к новой цели, и тело все равно получает удовлетворение, хотя оно и не исполнило свое первое желание.

Если бы этого не произошло, то тело, не имея возможности компенсировать свои энергетические затраты на создание мысленного протуберанца, истощало бы свои ресурсы.

Представь: ныряльщик в морской лагуне потянулся за красивой рыбкой. Но, уже завершая желаемое действие, он вдруг вспоминает, что та ядовита.

Тогда он, одергивая руку своим вторым желанием и не выполняя первого, вкладывает его энергию во второе, спасая этим действием свою жизнь.

– А что происходит в тех случаях, когда мысль уже сформирована и готова к действию, но "Личностное Я", по объективным причинам, не может дать ей свободу действия?

– Тогда "Я" должно иметь силу нейтрализовать желание и тем самым погасить мысль.

– А если раздражитель настолько силен, что управляющий центр не может справиться с этой задачей? Что происходит в таком случае? - допытывался Стефан.

– Тогда дело плохо. Нереализованная вовне энергия мысли всю свою мощь направляет против создавшей ее системы.

Внутриличностный конфликт нарушает баланс сознательного поля, и это может вылиться в психическую дисгармонию, что обычно влечет за собой физиологические нарушения.

– Как же быть? Есть ли тут выход и можно ли найти применение этой неиспользованной энергии мысли внутри сознания?

– Конечно, можно, - тигриный ус слегка дрогнул. - В принципе можно все, если у тебя хватит сил сделать задуманное до конца. Однако это уже вопрос мастерства, к которому нужно еще придти.

Основное же решение заключается в том, чтобы быть способным к законченному воплощению уже известного тебе принципа переориентации цели.

Сложность в том, что внутреннее изменение делать намного труднее, чем внешнее, потому что в обычном сознании "Личностное Я" не может выйти за кадр проблемы, чтобы увидеть ее со стороны.

– Кажется, здесь мне все ясно, но не хватает четкости образа. Не мог бы ты привести какой-нибудь пример?

– Ну хорошо. Вот представь себе, что между двумя личностями возник конфликт. Причем одна из них, по каким-либо причинам являясь зависимой от другой,

возбуждаясь, создает в своем сознании мысль-действие, но по объективным причинам не имеет возможности ее реализовать.

И, значит, чтобы мысль не стала энергией саморазрушения, ее следует направить на цель, находящуюся в самом себе. Она может быть как физиологической, так и психической.

Другими словами, используя эту энергию, можно лечить самого себя, а также, направляя энергию на какой-либо нейтральный объект, ее реализовать.

– Как это: на "нейтральный объект"?

– Это могло бы стать созданием картины или музыкальной композиции, другое конструирование. Именно конструирование.

Важно, чтобы этот процесс был созидательным, а не просто бессмысленным энергетическим выбросом, ведущим к энтропии.

Созданные таким способом произведения искусства и художественные образы становятся предметами силы, так как аккумулируют в себе энергию творчества.

– Неужели все искусство основано на выбросах энергии разрушения?

– Естественно, нет. Ведь гениями называют именно тех личностей, кто способен сознательно поднимать энергетику мыслей и использовать ее для создания своих творений в той области, к которой испытывает склонность.

Иногда энергетика мысли значительно выше обычного. Тогда гении говорят, что их посетило вдохновение.

*

Тигр и человек замолчали, ощущая некоторую опустошенность после столь длительной беседы.

Стефан заметил, что его спутник стал часто принюхиваться, вдыхая воздух своим влажным вибрирующим носом. После каждой такой процедуры тигр все больше забирал вправо. Было ясно, что он шел к какой-то, одной ему известной цели.

Между тем лес редел, и через некоторое время они уже пересекали поросшую невысоким кустарником местность. Вскоре, приблизившись к границе леса, тигр

молча остановился около куста, пригнул к земле голову и стал что-то внимательно рассматривать.

Стефан, чувствуя, что сейчас должно что-то произойти, с интересом посмотрел в том направлении, куда был обращен пронизывающий взгляд тигра.

Там, на поляне с сочной зеленой травой, спокойно паслось большое стадо черных антилоп. Хорошо было видно красивого, сильного вожака с двумя большими, изящно изогнутыми, саблевидными рогами. Он часто отрывался от трапезы и, нервно прядя ушами, прислушивался к звукам, оглядываясь по сторонам.

Несколько самцов помельче, располагаясь по краям стада, судя по всему, выполняли роль его помощников. Самки с детенышами и молодые особи спокойно паслись, находясь в середине. Стефан почувствовал, что все стадо излучало силу и уверенность.

Он даже заметил ауру, окутывающую все стадо. На ней совершенно отсутствовала вибрация тревоги. Путник посмотрел на своего товарища. Тигр стоял неподвижно. И только его хвост, нервно раскачиваясь, словно пульсируя, бил по земле.

Вглядываясь, Стефан увидел, как от тигра, удлиняясь в сторону спокойно пасущихся животных, стали тянуться бледно-светящиеся протуберанцы, постепенно подплывавшие к кокону стада, и, сканируя его, накрывали своей массой, продвигаясь по его окружности.

Вожак стада, явно что-то почувствовав, стал напряженно вглядываться в окружающие кусты, но, видимо, не заметив ничего подозрительного, продолжил щипать траву.

Волевая энергия тигра, накрыв мирно пасущихся травоядных животных, начала постепенно приобретать нацеленность своего концентрического движения и, слабо вибрируя, создала в ауре стада четко выраженную зону внимания.

Приглядевшись, Стефан понял причину образования этой зоны. Недалеко от края стада паслась молодая антилопа, на бедре у которой зияла глубокая гниющая рана. Очевидно, ее нанес какой-то хищник (возможно, крокодил, когда антилопы были на водопое).

Именно от этой заметно хромающей особи и тянулся энергетический шлейф болезни, образуя на силовом поле стада темное пятно. Теперь тигр смотрел только на эту антилопу. Его хвост еще яростнее бил по земле, а затем, вытянувшись, неожиданно замер.

Внезапно Стефан понял, что он движется вместе с охотником. И как он ни вспоминал, так и не смог воспроизвести то мгновение, когда они перешли от статической позы в плавное движение. В его сознании этот момент просто не запечатлелся.

Между тем тигр пошел быстрее, но не напрямую к стаду, как можно было бы предположить, а обходя его по окружности, как до этого действовала его воля, не нарушая границ силового поля антилоп.

Те, не видя тигра,двигающегося в тени деревьев, тоже начали синхронно перемещаться по кругу. Движения антилоп напоминали Стефану замедленное вращение листьев, кружащихся в водовороте.

Тщательно маскируясь, тигр обошел стадо и начал свое движение внутри силового поля антилоп, но теперь уже по центростремительной спирали. Стефан вдруг осознал, что его спутник сделал оборот вокруг добычи для того, чтобы своим вниманием полностью слиться с ней.

К тому же за это время прежнее расположение стада нарушилось, и теперь наиболее сильные животные, находясь во главе, двигались в направлении, которое, по их мнению, было наиболее безопасным, а старые и больные оказались в конце группы.

При слиянии энергетических полей тигра и антилоп хищник почувствовал свое превосходство над стадом, которое тут же ощутил и наблюдающий за охотой Стефан.

Но, несмотря на это, тигр выбрал самую слабую антилопу из соображения максимальной экономии сил и, теперь уже не таясь, кинулся на нее. Стадо, лишь сейчас обнаружив присутствие хищника, бросилось бежать. Но поздно - тигр уже был рядом с добычей.

Врезавшись в ряды бегущих антилоп, хищник совсем не обращал внимания ни на одно из находившихся рядом животных, так как он преследовал только свою жертву.

Тигр неуклонно гнался за хромоножкой, выбранной им с самого начала.

Стефан видел, словно в замедленной съемке, как из тучи пыли, поднятой антилопами, в последнем прыжке, преследуя жертву, показывается тигр и зависает над ее спиной. Но его когти поймали пустоту. Пока он падал, та успела выскочить из-под нависшего над ней охотника, однако это ее не спасло.

Едва коснувшись земли, тигр мощным движением сделал еще один длинный прыжок и успел вытянутой лапой ударить по задним конечностям антилопы, сбив ее с ног. Не давая той опомниться, он, продолжая движение, схватил ее за холку, грудью прижимая к земле. Все судорожные попытки жертвы спастись были безуспешными.

Хищник, напрягая свои мышцы, надежно удерживал ее. Стефан видел, как с каждым мгновением силы антилопы передавались тигру, а затем, после короткой паузы, наступившую тишину нарушил резкий хруст шейных позвонков, и голова антилопы безвольно упала на землю.

Все было кончено.

Остальная часть стада находилась уже далеко и вскоре полностью скрылась из виду. Тигр стал с жадностью поглощать свежее мясо добычи, разрывая плоть острыми, как бритва, когтями передних лап.

Стефан ожидал почувствовать какую-то тяжесть в душе из-за только что пережитого случая, свидетелем которого он стал. Но ее не было. Было только ощущение естественных природных процессов, своеобразно перераспределяющих свою энергию.

Насытившись, удачливый охотник неспешно, с заметно округлившимся животом, направился к протекающей вблизи реке. Тщательно выбрав безопасный участок берега, он стал грациозно, как и полагается любой кошке, пить прохладную воду.

Жмуря от удовольствия глаза и периодически отрываясь от этого занятия, он внимательно осматривал текущую перед ним реку, так как где-то рядом мог находиться его давний враг – гигантский крокодил. Но все было спокойно.

Напившись, тигр подошел к густому кустарнику, растущему неподалеку от оставшейся туши, и, скрывшись в его тени, улегся отдыхать. Раздавшийся вскоре мощный храп известил о том, что насытившийся охотник уснул.

Подлетевшая к тигру птичка тканг смело села прямо на морду зверя и принялась вытаскивать кусочки мяса, застрявшие в его зубах. Большой хищник, еле раскрывшимся глазом сонно посмотрев на пичужку, не стал ее прогонять, а, пошире приоткрыв пасть, так и заснул, позволяя птичке-зубочистке как следует потрудиться.

Тишина и покой, нарушаемые лишь сладким похрапыванием хищника, разморили и нашего путешественника. Ему казалось, что он за прошедшие здесь сутки прожил несколько лет своей обычной жизни – такими они оказались насыщенными.

Посмотрев по сторонам и не увидев ничего подозрительного, Стефан прилег возле своего товарища, и начал переосмысливать тот опыт, который он приобрел в общении с ним.

Путник сам не заметил, как легкая дрема соскользнула в глубокий и крепкий сон. Но даже в нем Стефан продолжал начатый наяву анализ, мысленно заново продвигаясь со своим союзником по ранее пройденному маршруту.

*

Первым, на что он обратил внимание, было то, что тигр с самого начала двигался к стаду, интуитивно его почувствовав и прикрепив к этой цели виртуальную часть идеи.

Те же небольшие зигзаги, которые делал он во время пути, были ни чем иным, как следованием за продвигающимся стадом. И только при подходе к цели тигр начал ощущать явные признаки того, что стадо находится близко – такие, как: запах, звук и, наконец, непосредственное видение травоядных.

Вторым запоминающимся уроком было то, как терпеливо охотник, несмотря на очевидный голод, искал в стаде самое слабое звено. Почему он так поступал,

было понятно и ребенку. Ведь во враждебной внешней среде нет месту слабому, обессиленному животному.

И тигр, будучи настоящим воином, следовал закону максимального сохранения своей энергии, не желая подвергать опасности себя и всю охоту, польстясь на крупную добычу. Вскоре жизнь показала, что он, в своей стратегии, действовал верно. Так, даже когда рядом с ним пробегала весьма тучная самка, он не переключился на нее.

Еще и еще раз прокручивая эту сценку, Стефан понял, почему. Тигр, выбрав заранее цель, неуклонно к ней следовал, не давая прорасти в себе алчности и жадности.

Летчик весьма кстати вспомнил народную поговорку своего народа: "за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь".

Прокручивая в памяти сцену охоты, Стефан еще раз отметил, что тигр переломил шею антилопы и убил ее только после того, как жертва полностью обессиленна и прекратила борьбу за свою жизнь.

Путник из этого эпизода сделал ценный вывод: только тот, кто признал свое поражение, проиграл. Если бы антилопа продолжала сопротивляться, у нее наверняка появился бы шанс. Пусть небольшой, но реальный.

Потому что нет безвыходных ситуаций, есть только неумение увидеть путь к спасению. И награда досталась в той схватке самому ловкому и целеустремленному, а именно – тигру.

*

Стефан вдруг услышал откуда-то издали рев своего раздосадованного друга. Очнувшись ото сна и вскочив, он увидел его, крадущегося к реке по кровавому следу своей пропавшей добычи.

Приблизившись, Стефан понял причину, которая так озлобила товарища. В самой середине заводи, между зарослями ряски, виднелись оставшаяся от охоты часть антилопы и вор – огромный крокодил, который с довольным видом поглощал большой кусок только что вырванного мяса.

Ярости тигра не было предела. С оглушительным, угрожающим рыком он бегал из стороны в сторону по берегу реки, не решаясь ступить на территорию врага.

Полосатый хищник, несмотря на силу ярости, отлично понимал, что в воде он будет в невыгодном положении, а значит, если пойдет на поводу у своего гнева, то, несомненно, проиграет.

Стефан заметил, как большая кошка, неожиданно быстро успокоившись, легла на расположенный неподалеку от реки пригорок, и с этого поста следила остановившимся взором за тем, как крокодил поглощал украденную добычу.

Прошло достаточно много времени.

Незаметно спала жара.

Видно было, что обидчик, наконец-то, насытился.

Медленно передвигаясь, он отплыл от остатков антилопы и залег на отмели.

В отблесках заката Стефан увидел, что его, до этого неподвижный друг, начал действовать. Найдя мелкое место на берегу, поросшее тростником, тигр, осторожно ступая, вошел в воду и тихо поплыл к виднеющемуся в заводи куску туши.

Крокодил, видя этот маневр большой кошки, вначале дернулся в сторону конкурента. Но затем, очевидно, ощущая сытость, передумал и остался на месте.

Тигр, старательно приподнимая голову над поверхностью воды, подплыл к мясу и, схватив его, потащил к берегу. Этого хозяин реки не вынес.

Развернувшись, он полностью погрузился в воду и стал быстро приближаться. К тому времени его соперник, достигнув берега, начал вытаскивать возвращенные остатки добычи.

Крокодил был уже рядом и, вцепившись в заднюю ногу антилопы, стал тянуть ее обратно в воду. Но тигра не так-то легко было заставить отступить. Извернувшись, он ударил ненавистного врага по глазу, а когда тот от боли выпустил добычу, быстро поволок ее наверх по склону.

Однако крокодил, не желая уступать, стал выползать на берег. Но теперь наземный хищник, будучи у себя дома, находился в выигрышном положении.

Бросив тушу, он резко развернулся в сторону врага и с угрожающим рычанием оскалил свою пасть, всем своим

видом давая понять, что готов биться за свою добычу до конца. Непримируемые враги замерли.

Первым не выдержал крокодил. Серией быстрых, коротких движений он сделал выпад в сторону тигра. Но тот, ловко увернувшись от огромной пасти, резко ударил когтистой лапой, целясь в глаз. Рептилия под таким мощным напором вынуждена была отступить, однако тут же попыталась сбить тигра ударом хвоста.

Тот, казалось, ожидал этого и в тот момент, когда мощный хвост почти настиг его, подпрыгнув вверх, вскочил на спину крокодилу. Вцепившись зубами в переднюю лапу врага, он попытался перевернуть его на спину, так как мощные шипы, покрывающие хребет крокодила, надежно защищали от любого нападения.

Отчаянно сопротивляясь, крокодил, изловчившись, захватил своей пастью переднюю лапу противника, норовя перекусить ее. Несмотря на тяжелое положение, тигр все же сумел ударить крокодила свободной лапой по глазу.

Судя по всему, на этот раз он попал в уязвимое место противника, и тот лапу выпустил. Воспользовавшись замешательством крокодила, большая кошка молниеносным движением перевернула обидчика на спину.

Не мешкая, тигр вспорол когтями горло и живот беспомощно дергающемуся из стороны в сторону врагу, который в этом положении не мог использовать в схватке свою пасть: ведь она открывалась у него не за счет нижней челюсти, а за счет верхней.

Но крокодил был слишком серьезным противником, чтобы так просто уступить. Продолжая защищать свою жизнь, он все же сумел сбросить с себя тигра. Оставляя кровавый след на песке, крокодил под конвоем победителя добрался до воды и уплыл прочь.

С довольным видом полосатый хищник подошел к отобранной добыче и обнюхал ее. Затачив оставшуюся часть антилопы на пригорок, он начал праздновать свою победу.

Стефан, видя, что тигру сейчас не до бесед с ним, оставил его в покое. Почувствовав необходимость идти

дальше, он застыл в ожидании знака, который смог бы показать ему направление дальнейшего пути.

Набежавший ветер, озорно тронув кончики травы, позвал его в сторону синеющих вдали гор. Удерживая возникшее чувство направления, он пошел сквозь высокую траву, покрывающую все пространство предгорья, стараясь по пути осмыслить только что им пережитое.

Глава 12

Вершины гор всегда манили его своей загадочностью. Еще в юности Стефан увлекался скалолазанием, с удовольствием проводя все каникулы в турпоходах.

И хотя где-то в потаенном уголке его сознания некоторая толика беспокойства от неизвестности все же присутствовала, он был полон решимости во что бы то ни стало пройти этот путь до конца.

Стефан быстро шел, неумоимо преодолевая холмы, овраги и небольшие, но бурные ручьи, еще хранящие в себе память о ледяных вершинах. Постепенно под ногами мягкая почва перешла в каменистую насыпь.

– Хорошо бы подойти к первым скалам еще до наступления темноты, – подумал он, – ведь там, безусловно, можно будет найти подходящую для ночлега пещеру.

Он часто слышал какие-то звуки вокруг себя, но чувства говорили ему, что они для него не опасны. Наверное, действовал тот собирательный образ из четырех зверей, в тени которого он находился.

Уверившись в своей абсолютной неуязвимости и предполагая, что его цель близка, Стефан расслабился и в таком приподнятом настроении наконец-то добрался до гор.

Однако, несмотря на тщательные поиски, он никак не мог отыскать в ближайших скалах нужного входа в пещеру. Те, что ему попадались, были расположены или слишком высоко, или не подходили по размеру.

Сумерки сгущались. Он уже с трудом видел неподалеку расположенные валуны. Обдумав складывающуюся ситуацию и надеясь на свою защищенность, он решил пойти в глубь горной гряды, чтобы поискать ночлег там.

Проворно взобравшись на откос, он заметил край ущелья и полез к нему, с гордостью отмечая ту мощь, пластику, ловкость и стремительность, которые ощущались во всех его движениях. Оказавшись в намеченной точке, он с радостью увидел предмет своих поисков.

Там, неподалеку, в возвышавшейся скале, в самом ее низу, был виден вход в пещеру. Правда, чтобы добраться туда, необходимо было пройти по карнизу, который нависал над зияющим провалом пропасти.

– Пустяки, – подумал Стефан, – я уже имею опыт такого характера. К тому же, этот выглядит гораздо прочнее и шире, да и никаких валунов сверху не наблюдается. Пройду!

Это даже хорошо, что до пещеры трудно добраться. Ночью можно будет не опасаться хищников: они туда просто побоятся залезть. А горные барсы живут гораздо выше и глубже в горах, так что можно и о них не беспокоиться.

Легко ступая по естественному карнизу, он уверенно шел к цели. Посмотрев на свою тень, из-за сумерек еле различимую на скалистой стене, он увидел, что она выглядит очень устрашающе.

– Еще несколько метров – и я у цели, – промелькнула мысль в сознании Стефана, с упованием рассматривавшего свои контуры.

Вдруг он увидел, как на скалу упала еще одна тень, стремительно приближающаяся к его собственной. Он быстро посмотрел в сторону атакующего существа.

Это был орел, да такой огромный, что Стефан сразу вспомнил его собрата из каменных туннелей, ведущих к гроту Проводника. Только этот орел был значительно больше.

С трудом увернувшись от когтистых лап, путник устремился к пещере, сожалея, что в отвесной скальной породе нет теперь спасительной ниши. Укрытие, казавшееся раньше таким близким, сейчас было почти недостижимо, потому что орел, быстро развернувшись, вновь летел на Стефана.

Вся бравада вмиг слетела с него. Он уже искренне сожалел, что поддался чувствам защищенности и гордыни, сыгравшими с ним такую злую шутку. Хищная птица имела гораздо больше шансов выиграть битву в этих условиях.

В наступившей темноте Стефан едва различал голову орла, намеренно атакующего со стороны пещеры, и не дающего незадачливому путешественнику в ней

укрыться. Создавалось впечатление, что птица знает, куда и зачем он идет, и препятствует ему в этом.

Уклоняясь от нацеленных на него когтей, Стефан, неожиданно поскользнувшись, потерял равновесие и, непроизвольно вскрикнув, стал падать в пропасть.

Однако, несмотря на трагическое положение, в котором он находился, испытываемый не стал прощаться с жизнью и ждать удара о камни. Сгруппировавшись, он сориентировался в своем падении. Внимание работало быстро и четко, отмечая даже небольшие детали на уходящей вверх скале.

Видимо, в результате концентрации внутреннее психовремя резко ускорилось, и создалось впечатление того, что время внешнего мира, соответственно, замедлилось. Он не падал, а как бы плавно опускался вниз.

Стабилизировав себя в пространстве, Стефан почувствовал, что теперь получил возможность спасти себя. И судьба неожиданно дала ему еще один шанс в виде небольшого, но крепкого деревца, каким-то чудом выросшего из трещины в скале. Именно на его верхушку наш путник и упал.

Однако ветка, за которую он ухватился, не выдержав силы удара падающего тела, треснула, и Стефан стал сползать вниз по кроне. Ветка, прогибаясь, продолжала трещать, и он, не успев схватиться за соседнюю, почувствовал, что бездна сейчас поглотит его. Еще немного – и весь кошмар должен был начаться вновь.

В этот момент он услышал, как сзади раздался какой-то шум, напоминающий шорох листьев, а затем, неизвестно откуда взявшаяся волна подхватила его и понесла прочь от этого гиблого места.

С трудом повернув голову, Стефан понял, что его схватил нападавший ранее орел. Гигантская птица (несмотря на то, что заметно отяжелела), круто взмыв вверх, полетела со своей добычей в сердце гор.

– Наверняка на забаву, а может, и на пропитание себе или птенцам, – обречено подумал Стефан.

Он больше не помышлял о сопротивлении, так как, разожми орел лапы на такой высоте, Стефан точно бы разбился о проносящиеся внизу острые пики скал.

Поэтому он решил временно отступить и подождать удобного для освобождения момента.

Несмотря на окружавшую их темноту, пернатый хищник отлично ориентировался в пространстве, нарушая тишину лишь мерными взмахами крыльев. Наконец он начал снижаться.

Тревожно вглядываясь вниз, Стефан увидел выступ в почти вертикально расположенной скале. Именно к этой площадке и летел орел. Очевидно, там у него было гнездо.

Шумно захлопав крыльями, птица действительно опустилась к сплетенному из веток гнезду, и осторожно положила в него Стефана, который почувствовал, что там еще кто-то есть.

Нащупав крыло с мягким пухом, он понял, что это птенец, который с явным интересом наблюдал за ним. В свете показавшейся луны стал отчетливо различим еще один птенец, находившийся в глубине гнезда.

Вскоре орлица стала отрыгивать из своего желудка наполовину переварившуюся пищу. Ее дети, поняв, что их будут кормить, быстро подскочили к матери и стали жадно выхватывать куски из ее приоткрытого клюва.

– Они сегодня точно насытятся, и меня, возможно, не тронут, – подумал человек.

Между тем громадина-мать, с трогательной нежностью подталкивая своих отпрысков, стала загонять их на ночлег к себе под крылья – по одному с каждого бока.

Неожиданно она своим клювом начала целенаправленно толкать к себе и Стефана – под левое крыло. Его вынужденным соседом оказался именно тот птенец, который с таким любопытством рассматривал путника с того момента, когда он появился в гнезде.

Орленок, подобравшись поближе к человеку, положил ему голову на плечо и затих. Только его темно-синий глаз, немигающим взором смотрящий на путешественника, блестел, а внутри переливался таинственным золотом.

Смотря в этот быстро увеличивающийся глаз, Стефан неожиданно для себя расслабился и, согретый теплом птиц, почувствовал, что засыпает. Постепенно глаз для

него преобразовался в образ вращающегося по спирали тоннеля, в который он, ощутив зов, мысленно вошел.

В то же мгновение к нему пришло ощущение, что его в этот энергетический тор затягивает, и вскоре он провалился в сон. Наступила тишина, которая, казалось, будет длиться вечно.

*

Однако любой идиллии рано или поздно приходит конец. Так, через некоторое время путник сквозь сон услышал звук, идущий откуда-то сверху.

Мягко и плавно, как будто всплывая на перышке, он поднялся на поверхность в дрему, и, еще немного повалившись с закрытыми глазами, но уже полностью проснувшись, вновь услышал звук, как две капли воды похожий на первый.

Наконец Стефан приоткрыл один глаз и увидел удивительную картину: он находился в огромном, выстланном мхом гнезде, по краю которого, как бы заложив за спину руки-крылья, из стороны в сторону ходила орлица, периодически посматривая на него и, как строгий учитель, нетерпеливо похмыкивая.

Сходство было настолько полным, что Стефан невольно улыбнулся, чем немедленно заслужил неодобрительный, будто бы сверлящий, взгляд большой птицы. Он оглянулся, ища двух птенцов – ее детей. Но увидел только одного.

– Неужели ночью второй выпал из гнезда? – огорченно подумал Стефан. – Жаль, ведь тот малыш мне понравился.

Птенец, очевидно, уже давно проснулся и теперь занимался тем, что перебирал у себя на крылышках едва показавшиеся перья, судя по всему, совершая утреннюю гигиеническую процедуру.

Путнику тоже захотелось привести себя в порядок. Он встряхнулся и поднес руку к глазам, намериваясь потереть их. Но руки не было. На ее месте оказалось такое же, как и у орленка, крыло, которое Стефан стал произвольно чистить.

Занимаясь этим серьезным делом, он обдумывал то сложное положение, в котором оказался. Вспомнив глаз

своего соседа по ночлегу и то, как он в него вошел, Стефан все понял.

Теперь орленок и человек – одно целое. В нем стали проявляться воспоминания, ему лично не принадлежащие. В его сознании периодически возникали картины событий, которые происходили в этом гнезде с тех пор, как в нем вылупились птенцы.

Дело в том, что когда родился тот птенец, в котором теперь находился ментал Стефана, в гнезде уже осваивался орленок. Как только первенец набрался сил, так сразу начал вытеснять своего брата из жизненного пространства, пользуясь отсутствием матери. Несколько раз младший был на краю гибели.

Однажды орлица, застав такую сцену (и, очевидно, поняв, что дни второго птенца сочтены), решила уравновесить их силы. Вскоре она улетела и вернулась, неся в когтях необычное, мягко светящееся существо, которое она уложила спать рядом с младшим орленком.

Стефан осознал все произошедшее до своего появления в гнезде. Проросшее в нем орлиное видение не только ему не мешало, а наоборот, активизировало ранее спящие характеристики.

И то, что он соединился со слабым орленком, было неслучайно. Это являлось прямым следствием того, что в нем орлиные качества были не проявлены. Так, несмотря на все свои перипетии, психически он еще был не взрослой птицей, а маленьким птенцом.

Тем временем новоиспеченный братец, закончив чистку, с важным видом стал (так же, как и мать) ходить из стороны в сторону. После этого он пошел в направлении Стефана и нахально (очевидно, по привычке) толкнул его со своего пути. Сжав клюв, младший брат решил, что теперь все будет по-другому. Не уступая, он, в ответ, толкнул обидчика.

Тот, не ожидая такого поворота событий, кинулся на него, стремясь подавить бунт в самом его зарождении. Но не тут-то было.

Хотя на них градом сыпались толчки, щипки и клевки, объединенные в одно целое Стефан и слабый птенец в мощном порыве, в котором нет места безысходности, не

обвиняя в своих неудачах судьбу, ведомые волей к жизни, стремительно атаквали агрессора.

В завязавшейся драке невозможно было разобрать, где чья лапа, крыло или голова. Однако вскоре один из птенцов отступил. Это был тот самый забияка – старший брат, который не раз пытался выкинуть слабого из гнезда.

Но теперь, несмотря на свое явное физическое превосходство, он проиграл битву. Уважительно взглянув на победителя и как бы признав его, он отступил и больше не делал попыток к нападению.

Стефан, весь взъерошенный, но довольный собой, потряс головой, приводя в порядок свои перья, а затем перевел взгляд на мать. Та, не вмешиваясь непосредственно в драку, внимательно наблюдала за ними.

Было заметно, что она вся светилась от счастья.

*

Огромный розовый диск солнца уже показался над самой большой вершиной, когда она прервала свое молчание:

– Запомните – то, что сейчас произошло, – ценный урок для вас обоих. И из него необходимо сделать четкие выводы. Почему стала возможна победа младшего брата?

Смысл ее заключается в том, что у нынешнего победителя сразу же сформировалось непреодолимое желание быть им. В душе, еще до начала схватки, он уже победил соперника. Сама же драка была лишь воплощением сформировавшегося образа.

Это был уже способ, при котором произошло проявление мыслеобраза. И сила желания была столь велика, что она, использовав пока еще неизвестные вам физические законы, сотворила это маленькое чудо.

Именно поэтому правы те, кто говорит, что если хочешь быть победителем, будь им заранее. Стань в душе таким и, понимая, что этого еще нет в окружающем тебя мире, ищи способы воплотить это, проращивай свое зерно – и оно при настойчивости обязательно даст росток, принесет обильный урожай. Это касается всего: и счастья, и богатства, и свободы.

– А если твою свободу ограничили, заключив пожизненно в одиночную камеру?– встрял Стефан.

– Даже если ты не видишь способа обрести свободу во внешнем, материальном мире, будь свободным во внутреннем – ведь для духа не существует тюремных решеток.

– Но это же будет всего лишь иллюзия! – воскликнул старший брат.

– Вовсе нет, – покачала головой орлица. – Ты будешь свободен. Ведь тело – лишь скорлупа, которая необходима тебе для того, чтобы жить в твоём мире. И ты заботаешься о ней, оберегаешь, как самую великую драгоценность, ведь она даёт тебе приют.

Но нельзя же бесконечно в ней находиться! Конечно, если ты ещё не готов покинуть её, то не стоит спешить. Ведь бродяге везде нерадостно. И если ты не нужен себе, то не нужен и другим.

Однако если тело лишается возможности передвигаться, не нужно держаться за него, тем самым превращая его в свою тюрьму.

– Это значит умереть? – не отставал со своими вопросами первенец.

– Зачем же убивать себя? – удивилась орлица. – Не ты дал себе жизнь, не тебе её и отбирать. Как правило, самоубийство – удел трусливых глупцов, стремящихся уйти от тягот жизни и не понимающих, что препятствия на их пути – это уроки, через которые люди получают стимул к самосовершенствованию.

К тому же, к их разочарованию, смерть не изменит их положения к лучшему, а, наоборот, – ухудшит. Выход же заключается в том, чтобы отправляться в путешествия, по своему информационному насыщению даже превосходящие опыт в мире физической материи.

– Это понятно, – согласился с доводами матери старший брат. – Однако я обратил внимание на явное противоречие: с одной стороны, ты говоришь, что если я захочу стать свободным, то при настойчивости и найдя способ, стану таким. Но, с другой, утверждаешь, что мы не вправе давать и отбирать у себя жизнь. Как ты эту дилемму разрешишь?

– Когда я говорила, что ты можешь стать свободным, я имела в виду не абсолютную свободу, а в рамках.

– В рамках? – взъерошился Стефан. – Мне это не нравится.

– Эти рамки естественны для тебя, пока ты – это ты. И принцип, о котором я тебе рассказала, универсален. Хочешь иметь еще большую свободу? Стань ее достоин, качественно изменись! В ином случае она, как любая из сил, тобой неуправляемых, обернется против тебя же!

*

Наступила пауза.

Стефан подошел к краю гнезда и заворожено окинул взглядом всю панораму открывающейся местности. За время их разговора утро по-хозяйски насыщало светом и величием горы. Казалось, каждый камешек, капелька воды, травинка – все живое радовалось солнцу.

Стефану пришла на ум мысль, что в своем путешествии он познал столько тайн природы, что теперь уже не сможет относиться к ней по-прежнему, лишь как потребитель.

Чувство глубокого уважения к миру охватило его. Стефан вспомнил, как в прошлом глупо и бездарно распоряжался теми великими дарами природы, которыми он владел с самого рождения.

Ведь зачастую человек, увы, действует во вред планете, породившей и питающей его. Он увидел свое полное сходство с тем двуногим существом, которое, сидя на суку дерева, пилит его от ствола.

Стефан влюблено посмотрел на мать-орлицу, являющуюся для него олицетворением всей природы. Чувство стыда и раскаяния, охватившее все его существо, подтолкнуло к тому, чтобы, упав перед ней лицом ниц, страстно просить прощение за свои прегрешения перед жизнью.

Вдруг, сквозь всхлипывания сотрясаемого в покаянии сознания, он услышал пронзительный орлиный клекот, заставивший его быстро вскинуть голову и посмотреть на мать, кажущуюся в отблесках солнца одной из окружавших их горных вершин-исполинов.

Еще большее сходство со снежными пиками придавал ее ярко блестящий глаз, устремленный прямо в него.

Она заговорила, и в ее негромком клекоте стали слышаться звуки, напоминавшие перекааты горных рек.

– Итак, осознав свои прежние ошибки, ты просишь у меня прощения? Однако прежде чем делать это, поговорим о самом принципе прощения, как таковом.

Давай возьмем в качестве примера преступника, который был осужден и посажен в тюрьму. Что может он чувствовать? Скорее всего, это будет или осознание сделанного или непризнание вины и состояние конфронтации.

Если человек все же признает свою вину, но учитывает какие-либо обстоятельства, то в нем раскаяния не наступает, на его месте – только озлобленность, так как причиной проступка ему видится лишь общество или кто-то еще... но не он.

В случае же признания вины и внутри, и снаружи, если он не перекладывает ее на другого, а только винит себя, наступает раскаяние. Это состояние – видение себя настоящего со стороны "Идеального Я". В результате этого возникает чувство тяжести, иногда очень болезненное, способное довести до суицида.

Желание снять с себя этот невыносимый груз приводит к покаянию как к процессу, способному дать прощение. А отпускают грехи люди авторитетные, как правило, считающиеся ниспосланными свыше вести паству к божественному, внушающие веру. Если покаяние происходит, то камень с души падает, и чувство облегчения позволяет принять себя таким, каков преступник есть.

Он прощен, очищен, за что же он продолжает нести бремя наказания? Теперь возникает чувство несправедливости, идет нарастание раздражения, даже злобы, и по освобождении возможно желание отомстить, способное вновь привести к подобному. Как говорится: "грешу и каюсь; каюсь... и грешу". Таким образом, мы приходим к выводу, что прощение спровоцировало новое преступление.

Нельзя ни просить прощения, ни прощать других, так как происходит либо унижение своей личности (и, как следствие, озлобленность, часто затаенная и растянутая во времени, что делает ее наиболее скрытной и

опасной), либо возвеличивание себя. Но задумайся, кто такой тот пастырь, чтобы прощать?

Ведь отпустить грехи может только Бог, и то только в последний момент жизни человека, потому что он не руководствуется моральными нормами: для него все то, что человек делал в своей жизни, только опыт. А вот тот, кто, взяв на себя божественную функцию, отпустил грех и тем самым подтолкнул человека к совершению нового проступка, сам нарушает законы природы.

Осознание своей вины и раскаяние должны быть личными переживаниями. Раскаяние, вызванное раздвоением личности, вследствие которого преступник получил возможность взглянуть на себя со стороны, должно таковым и остаться, то есть камень нельзя снимать с души, потому что именно он будет выполнять функцию активной памяти и не допустит новых преступлений.

– Но как жить с такой тяжестью внутри себя? – не выдержал Стефан.

– Чтобы данный груз не затруднял твоего дальнейшего пути, надо себя осознавать не тем, кто совершил проступок и теперь отбывает наказание (как внешнее, в виде изоляции, так и внутреннее, из-за состояния раскаяния и тяжести в душе), а другим. Тем, кто увидел это со стороны. Необходимо удержаться в этом состоянии сознания и, стабилизировав его, закрепиться в нем.

Это даст возможность одновременно чувствовать себя свободным от груза греха, но постоянная память, которую несет в себе тот ты, прошлый, тенью следующий за тобой повсюду до гробовой доски, не только предотвратит от новых нарушений, но и создаст импульс к развитию новых позитивных качеств сознания.

Тень тебя прошлого станет стимулом голограммы будущего, при сохранении личной силы воли и даже при некотором ее нарастании. И хотя тень может некоторое время находиться в заключении, освобожденный дух не испытывает никаких трудностей.

Возникает новое симбиотическое существо, в котором не тонкая субстанция следует за телом, а тело следует за ней, что сильно меняет самого человека.

О таких людях обычно говорят, как о просветленных. А дело всего лишь в том, чтобы в себе не тянуть груз прошлого, но всегда иметь его рядом в виде памяти, как бесценный опыт.

– Значит, нужно, находясь в состоянии наблюдения за самим собой, то есть в тени, использовать свой жизненный опыт, как урок?

– Да, именно в таком случае ты сможешь избежать двух крайностей, подстерегающих тебя в этом состоянии. Живи с памятью обо всех своих ошибках, не ища способа избавиться от их груза, а используя его.

*

И вообще, на будущее запомни, что для мага нет ничего неважного, ненужного, бесполезного. Даже из самой тяжелой ситуации он извлекает пользу. Именно в этом залог его успеха, – словно чеканила каждый слог орлица.

– Извини, что тебя перебиваю, но я услышал слово "маг". Мне, наверное, это послышалось? – осторожно уточнил Стефан.

– Отнюдь, именно маг.

– Честно говоря, это слово вызывает у меня негативные ассоциации, такие же, как и слова: колдун и шарлатан.

– Ты меня удивляешь, – мать-орлица разочарованно покачала головой, – ведь ты уже долго находишься в этом мире, и мог бы догадаться, что он весь, как солнечными лучами, пронизан магией. Посмотри – это пространство – явно не иллюзия.

А в материальном мире? Разве ты не наблюдал много необычного и интересного, наукой часто так до сих пор и не объясненного? Что же ты молчишь? Дело ведь не в слове, а в понимании идеи.

Люди используют символы для того, чтобы обозначить что-нибудь или кого-нибудь. Это непосредственно касается мира грубых энергий, а точнее, материального.

Но когда речь заходит о более тонких мирах, они зачастую умолкают после безуспешных попыток выразить то, что имели возможность познать. Мне нравится слово "магия". К тому же, по моим

представлениям, оно наиболее подходит для обозначения этой идеи.

– Ну, хорошо, согласен, слово не такое уж и плохое, – и после непродолжительной паузы Стефан добавил, – а какой смысл ты в него вкладываешь?

– Чтобы ответить на твой вопрос, я хочу показать тебе тему целиком. Это позволит тебе ее лучше понять.

– Буду только рад, – с готовностью откликнулся младший.

– Однако у меня сейчас нет необходимого для этого времени. Сейчас я должна лететь на охоту, а ты пока подумай над этой идеей, – и с этими словами она взмахнула своими мощными крыльями и, грациозно изогнув шею, взлетела.

Стефан подошел к краю гнезда и посмотрел вслед удалявшейся орлице. Ее голова, казалось, рассекала пространство, а кончики оперения вибрировали из-за соприкосновения с потоками воздуха.

– Что ж, придется подождать, – и он стал размышлять над заданной темой.

*

Несколько раз орлица прилетала с добычей и позволяла птенцам поест, после чего отдыхала. Стефан терпеливо и почтительно ждал, когда же она заговорит о таком интересном для него вопросе.

Не желая ей мешать, он подолгу слонялся подле нее в надежде, что она сама его окликнет, но безуспешно. Наконец, на закате, Стефан не выдержал и, отбросив скромность, сам подошел к ней и напомнил об обещании рассказать о магии.

– Я устала, поговорим об этом завтра, – ответила она.

Но сын настаивал, и орлица, в конце концов, уступила его напору.

– Ну, хорошо, давай поговорим об этом. Но сначала попробуй сам ответить на этот вопрос.

Стефан в ответ смог лишь что-то невразумительно промывать о сверхспособностях, а затем и вовсе замолчал.

– Ничего страшного нет в том, что ты не смог ответить на вопрос, – подбодрила его мать, – главное, что ты думал о нем и пытался сделать это.

Итак, маг – это прежде всего существо, осознанно использующее свои внутренние энергетические силы и возможности для достижения поставленных целей, которые согласуются с его верой и волей.

Это Личность, которая прошла долгий путь гармонизации своих характерных черт и обрела в итоге управляемый магнетизм обаяния прямого Знания.

Но ты должен знать, что, кроме магов, есть еще и другие существа, которые также могут направлять свою энергетику на ту либо иную цель.

Они отличаются от магов тем, что также пользуются принципами проявления внутренних способностей (как правило, проявляющихся спонтанно), но делающих это из иных соображений.

Об этом ты сможешь подробнее поговорить уже непосредственно со своим Учителем.

– Как, неужели это все, что ты хотела мне сказать? – недоуменно спросил Стефан.

– Да, я считаю, что урок завершен.

Но его цель была не в понимании сути магии – до этого ты еще не дорос, а в том, как ты добился моего ответа.

Именно при таком способе, атакуя Учителя, буквально отнимая, вытягивая из него каждую фразу, ты получишь желаемую информацию, которая в итоге способна стать личным знанием.

И дело не в том, что Наставнику жалко делиться своим опытом. Он создает препоны в обучении специально, чтобы ученик, как голодный птенец, буквально выхватывал науку, проявляя свою активную позицию.

Ученик должен сам идти по пути познания, а не быть инфантильным мешком на быстро стареющих от такого паразитизма плечах учителя. При магическом способе полученные трудом идеи хорошо путником усваиваются, ведь он учится активному мышлению.

А теперь пора спать, – и с этими словами она накрыла его своим теплым крылом. Через некоторое время оттуда послышалось тихое сопение – малыш уснул.

Окинув пронизывающим взглядом окрестности, орлица тоже закрыла глаза и уснула чутким, неглубоким сном. И лишь ветер, поющий извечную колыбельную на гранях

скал, давал о себе знать в том мире спокойствия, которое разлилось в царстве камней.

*

Постепенно орлята подрастали.

Пух на их тельцах превратился в жесткие перья. Особенно длинные из них украшали крылья, которые птенцы любили раскрывать и обмахиваться ими. Стефан возмужал, живя в этой строгой и гордой семье. Часто орлица-мать преподавала им уроки жизни.

Как-то раз он задумался о тех пяти зверях, с которыми он повстречался на пути испытаний. Все они были замечательными, но каждый – по-своему. Кто же лучше из них, чей стиль жизни наиболее эффективен? Вот с этим вопросом Стефан и обратился к матери.

– Хорошо, я отвечу тебе, но будь внимателен, так как, употребляя известные тебе термины, я буду вкладывать в них свое понимание их сути. Не запутайся!

Учись, используя слышимое, чувствовать то, что я хочу тебе сказать. И вначале давай посмотрим, какие группы характерных черт, напоминающие этих зверей, можно найти на спирали эволюции.

Итак, дракон, несмотря на свое огромное тело, весьма примитивен. Примером деятельности такого сознания может служить непроизвольное, судорожное сокращение мышц, вызванное внешним раздражителем и заложенное генным кодом в центральную нервную систему.

Дракон неспособен к более высоким по уровню развития движениям. Его вид мышления можно охарактеризовать, как реакционный.

Змея обладает организующей, не осознающей самой себя системой взаимоотношений. Например, человек, перемещаясь в пространстве, может находиться в состоянии беспамьтства (лунатик, зомби и т.д.). Подобную деятельность можно назвать рефлекторной.

Обезьяна напоминает поведение детей младшего возраста. Такой вид деятельности можно назвать инстинктивным, подразумевая, что движения детьми выполняются уже осознанно, но без учета опыта прошлого и перспектив будущего. Он основывается на ситуативном материале: здесь и сейчас.

Такая деятельность, а также движения, ее составляющие, не соответствуют идеалу и приводят зачастую к ошибкам. Характерной чертой таких действий может служить кажущаяся небрежность, неаккуратность, неточность, что является не причиной ошибки, а следствием. Используется не целевой подбор вариантов (наугад).

И хотя эта деятельность может выглядеть как сложно координационная, однако ее коэффициент полезного действия очень низок, а само движение часто бывает незаконченным, потому что не успевает за скоростью ситуационного времени, и сознание находится в состоянии постоянного цейтнота.

Следующим в этой иерархии располагает тигр. Он также неспособен к мгновенному действию в неожиданно развертывающейся ситуации. Тигр более склонен к философским рассуждениям, направленным на перспективные цели.

Такая сложно координационная деятельность выглядит мягко- плавно- медленно текущей. Характерными чертами являются пластичность и непрерывность логических связей, что позволяет охватить достаточно большой пласт выделенного для исследования материала.

Подобная детализация при изучении прошлого и будущего дает возможность довольно точно ориентироваться в настоящем.

Как уже было сказано, негативной чертой можно считать медлительность в принятии решений и низкую скорость движений, хотя точность и техническое исполнение достаточно высоки. Такой вид деятельности можно назвать ментальным.

Я, хотя и являюсь птицей, тоже принадлежу к животному миру и располагаюсь на его вершине. Основой моей деятельности является интуиция.

Примером может служить поведение человека в экстремальной ситуации, когда он полностью осознает свои действия, но не может объяснить, как у него получилось найти верный ход, когда времени на раздумывания не было.

Зачастую он говорит об этом так: "оно само произошло". То же относится и к тому, почему он поступил так, а не иначе. Поступок сознателен, но отсутствует объяснение логической цепи, легшей в его основу.

На самом деле, при интуитивном способе постижения реальности было все то, что соответствует ментальному способу мышления: анализ прошлого, прогноз будущего, логическая цепь настоящего и соответствующие им своевременность, метод, техника, сила действия и высокая эффективность в результате этих решений.

Но я отличаюсь от тигра тем, что скорость моих ментальных процессов столь высока, что находится за порогом осознанного восприятия. "Личностному Я" остается лишь констатировать уже свершившийся факт, который зачастую предстает настоящим феноменом.

Этот экстремальный способ мышления очень энергоемок, так как его процесс практически неконтролируем, а следовательно, он не может быть востребован постоянно.

Невзирая на его высокую эффективность, за него нужно платить достаточно высокую цену, потому что энергопотери могут достигать критических величин. Он может быть использован только как временная мера для форсирования событий.

– Получается, что ни один из существующих способов сознательной деятельности несовершенен, – подытожил Стефан. – И в чем же выход?

– В том, – пояснила орлица, – что из этой расстановки сил вытекает еще один способ мышления, находящийся пока для тебя в виртуальном измерении. Его можно назвать волевым. В нем гармонично сочетаются между собой все пять предыдущих состояний ментальности.

При таком способе мышления, объединенном властью одной силы – "Личностного Я", ведущие партии исполняют ментальная и интуитивная "скрипки", озвучивая мелодию в стиле переключки дуальностей, взаимного дополнения параллелей. Остальные же "инструменты" создают второй план. Дракон держит ритм, змея – фон, а обезьяна – втору.

– Я понял, – воскликнул Стефан, – это напоминает джазовую мелодию, где свободная импровизация выглядит как диалог двух ведущих инструментов: саксофон – труба, рояль – скрипка!

"Личностное Я" служит в этой гармонии идеей, вдохновением, насыщающим этот процесс энергией, вдыхающим саму жизнь в эту музыку, которая становится магической, так как обладает реальной силой влияния.

И такое волевое мышление сумело объединить в себе лучшие качества, присущие ментальному типу (текучесть, непрерывность, логичность, дискретно-континуальное видение процесса), присовокупив к нему скорость, а вернее, мгновенность, свойственную интуитивному способу.

– Да, ты прав, – поддержала его орлица, – именно объединение этих качеств под эгидой двух основных дало рождение третьему – волевому мышлению, где руководящая роль "Личностного Я" выражается в поддержании этого состояния сознания с такой продолжительностью, мощностью и направленностью самого процесса, с какой это необходимо.

*

– Меня заинтересовали союзники, – продолжал расспрашивать Стефан, – расскажи о каждом из них подробнее.

– Ты уже знаешь, что все, что существует в природе, имеет две полярности. Имеются две грани и у каждого зверя. К тому же заметь, что в каждом человеке эти психотипы проявлены неодинаково.

А учитывая то, какая именно грань в каждом звере доминирует, можно увидеть, что получается весьма сложный психический рисунок.

Если же к нему прибавить еще и личностные, духовные качества, то можно сказать, что нет двух одинаковых сознаний – такие разнообразные возможности открываются в сочетаниях различных составляющих человеческого сознания.

– Как же проявляется каждая крайность?

– Видишь ли, о психических явлениях можно рассказать только в образах, поэтому постарайся

увидеть, что стоит за моими, на первый взгляд, обычными словами.

Итак, дракон символизирует, с одной стороны, "камень", что, зашкаливая, проявляется в человеке как культ тела, всепоглощающая забота о биологическом здоровье.

А, с другой стороны, – "землю", придающую такие характерные черты, как стремление уйти в себя, отойти от общественной жизни, внешнего мира, впасть в аутизм.

Змея символизирует собой "воду" – уход в мечтания, инфантилизм, доверчивость, упрощенность, и "лед" – однообразие, консерватизм, недоверие ко всему новому, предубеждение.

Обезьяна проявляется, как "воздух" – легковесность в суждениях, не видение глубинных, базовых процессов. Или как "ветер" – прыжки от одного к другому, тенденция к не завершению действий, скоропалительность как в принятии решений, так и полном отказе от них.

Тигр дает человеку, в одной крайности, называемой "огнем", такие качества, как склонность к ярости, азартность, страстность, напор, необъективность, стремление идти напролом. А, в другой, – "холод", выражающийся уходом в самобичевание, самоистязание, тяжелое переживание неудач, стремление к суициду.

Орел ассоциируется со "светом" – уход в красоту, желание показать себя, держаться на расстоянии, красноречие, самовлюбленность. И с "тенью" – уход от ответственности, неспособность принять решение, пассивность, инертность, неучастие, тусклость.

Это те качества, которые проявляются в зверях психики. Твоя первостепенная задача будет состоять в том, чтобы в каждом из них найти золотую середину, сбалансировать характерные черты, а затем ты сможешь поработать и со своими личностными особенностями.

– Пожалуйста, – попросил Стефан, – расскажи и о них.

– Хорошо, – согласилась орлица.

– Первой из них является

"вера", содержащая две полярности:

"пространство" – это фанатизм всепрощения, нищенство духом, унижение, молитва/просьба о прощении, проповедование утопии о всеобщем равенстве, послушничество, аскетизм, и

"энергию" – это фанатизм мести, гипертрофированное чувство гордости, нетерпимость, ненависть к инакомыслящим, сладострастие, жестокость.

Вторая личностная особенность – это

"воля", включающая в себя

"время" – скорость, направленность, бескомпромиссность, способность к многомерности, цикличность, постоянство, и

"знание" – закодированная формула вечного в бесконечном, принцип самодостаточности, самообеспечения и воспроизводства.

Вершиной возникающей треугольной пирамиды является

"Я – личность". С одной стороны, это

"жизнь" – эмоции, переживания, вожделения, опыт, страдания, боль, радость, открытия, разочарования, бодрость, усталость.

С другой:

"смерть" – переосмысление, пересмотр и трансформация опыта в умение, расширение возможностей, переход на следующий эволюционный виток.

– Ты говоришь, что в каждом человеке существует своя, индивидуальная степень проявления выделенных категорий пяти зверей, создающих основу построенной системы.

Но ведь они все такие разные, и, несомненно, каждый из них стремится к наиболее полному проявлению себя. Поэтому мне трудно представить, как "Личностное Я" может руководить ими, на деле приводя психику к стабильному, уравновешенному состоянию.

– Да, без грамотного управления эти психические группы, являясь энергетическими силами, призванными способствовать жизнедеятельности сознания, обернутся против хозяина.

Ведь несмотря на то, что они – неотъемлемые спутники человека на всем его пути, тем не менее, ты должен

твердо запомнить: это союзники, подчиняющиеся тебе только до тех пор, пока ты силен и, следовательно, им с тобой идти выгодно.

Если же ты проявишь перед ними слабость, предстанешь жертвой, то они выйдут из подчинения, и возникнет состояние внутриличностного конфликта. Не властвуя над своими союзниками, из-за их междоусобиц ты будешь слишком слаб, чтобы добиться реального успеха на пути самосовершенствования.

Искусство властвования в своем психическом мире – это самое первое, чем тебе нужно овладеть. Именно поэтому мы с таким вниманием обсуждаем эту тему.

Итак, для того чтобы сладить с психотипами, тебе не нужно концентрировать свое внимание на каждом взбунтовавшемся союзнике.

Все, что тебе нужно, это держать сбалансированное энергетическое поле своего ментала, и звери сами установят в своих рядах иерархический порядок.

*

– А как они это делают? – поинтересовался молодой орел-первенец.

– Дело в том, что все они вместе создают одну взаимосвязанную систему. Каждый зверь имеет свою нишу, в которой постоянно находится.

Так, представь себе пятиконечную звезду, в левом нижнем углу которой располагается дракон. На него имеет прямое влияние змея, обитающая в правом верхнем углу. А теперь скажите мне, кто имеет непосредственное влияние на саму змею?

– Обезьяна! – в один голос ответили братья.

– Верно. Она располагается в верхнем левом углу звезды. В свою очередь, на нее влияет тигр, занимающий правый нижний угол. И венчает всю систему орел.

Причем вы должны знать, что взаимодействие психических зверей идет не только по прямым, но и по менее заметным, опосредованным связям.

– В какой же последовательности происходят такие отношения? – уточнил Стефан.

– Они влияют друг на друга по кругу, от угла к углу, по ходу часовой стрелки. Таким образом, тактика боя против каждого зверя – своя.

Если взбунтуется дракон, то усмирителем выступит змея, сама воздействуя как по прямой связи, так и по опосредованной, но уже через тигра.

Остальные звери будут ей только помогать, но в такой же последовательности.

Используя этот принцип, вы сами сможете понять, какая тактика боя создается для остальных групп психики. Однако есть еще одна особенность во всей этой системе.

– Как, еще одна? – поразился Стефан. – Честно говоря, я еле удерживаю в сознании предыдущие темы.

– Я понимаю, что это трудно, но постарайтесь сосредоточиться, так как для вас это очень важно. Это мой основной урок, который вам жизненно необходимо усвоить.

Итак, вы уже знаете, что каждый зверь имеет по две полярности. Но также вы должны знать, что и во взаимосвязях, в зависимости от того, какая это связь – прямая или косвенная, они выступают в двух разных формах.

Дракон в прямом воздействии – это воплощенная мощь, в косвенном – жесткость.

Змея в первом случае – текучесть, во втором – последовательность.

Обезьяна в прямом воздействии – ловка; в опосредованном – эмоциональна.

Тигр в материальной форме – это скорость, в психической – логика.

Орел непосредственно зорек, а косвенно обладает предвидением.

Чтобы вам легче было понять эти взаимосвязи, представьте, что вы на своем пути встречаете существо, в котором силен орел. Если вы проявите себя таким же, как и он, орлом, то еще неизвестно, кто из вас возьмет пальму первенства, возникни между вами бой.

Для победы необходимо вначале в виде самой сильной волны проявить физическую мощь дракона и психическую эмоциональность обезьяны, а затем, во второй волне, уступающей по интенсивности первой на один уровень, физически нужно поставить змеиную текучесть, а психически – драконовскую жесткость.

После этого, все также уменьшая напор, следует атаковать физически по-обезьяньи ловко, но, в то же время, использовать тигриную логику, а затем перевести нападение в физически скоростную волну (тигр), и психически последовательную (змея).

И когда враг уже измотан всеми остальными зверями, вы в образе орла самой слабой волной буквально тронете соперника своим зорким предвидением, и он падет.

Поймите, что это не просто интересный теоретический вопрос. Это формула выживания, которую вы постоянно будете использовать на практике, где бы вам ни пришлось оказаться, то ли в материальном мире, то ли в более "тонких" пространствах.

Потому что они все составлены из одной и той же космической энергии, находящейся просто в разных состояниях. А так как любое существо в мирах – и органических, и неорганических – питается чужой энергетикой (на этом ведь и основывается жизнь), то вам нужно знать, как не оказаться в роли пищи для кого-нибудь из их обитателей.

– Но при чем здесь звери? – спросил Стефан.

– Да притом, что они являются именно теми природными стихиями, из которых буквально соткана вселенная, и, научившись управлять ими, вы будете непобедимы.

А сейчас давайте проверим, как вы запомнили то, о чем мы говорили. Стефан, опиши, как ты будешь действовать, если на тебя нападет обезьяна.

– Вначале я буду действовать в скоростном и жестком режиме, затем сменю тактику на зоркую логичность, после этого атакую мощно и последовательно, а под конец применю текучесть и предвидение, если этот конфликт возник во мне.

Однако если этот бой разгорелся снаружи, то последним ударом, легким, как укол шпагой, повергну противника эмоциональной ловкостью.

– Ну что ж, ты справился с поставленной перед тобой задачей.

Теперь мысленно постройте все комбинации, которые возможны при использовании этой схемы. Это будет

ваше основное задание для самостоятельной работы, – и с этими словами она закончила урок.

*

После этого разговора орлица несколько дней не занималась их обучением. Но, внимательно наблюдая за своими учениками, она словно ждала какого-то знака, который мог бы иметь для нее определенный смысл.

Однажды прекрасным ясным днем, когда легкий ветерок задумчиво покачивал верхушки деревьев, росших далеко внизу, почти в самой долине, подросшие орлы, часто раскрывая и вновь складывая свои крылья, вместе подошли к краю гнезда и, как будто натолкнувшись на невидимую глазу стену, застыли, беспомощно переглядываясь друг с другом.

Неожиданно их окликнула мать, в глазах которой светилась скрытая гордость:

– Вот и настал тот долгожданный миг, когда вы готовы отправиться в самостоятельное путешествие. Это самый горький, но, в то же время, и самый радостный день. Теперь каждый из нас пойдет своей дорогой.

– Нет, не гони меня! – воскликнул Стефан, – я хочу жить с тобой всегда!

– Не говори так. Твоя позиция в корне неверна. Оставаясь со мной, ты остановишься в развитии. Ведь всему, что я знаю, я тебя уже научила.

Твоя ошибка в том, что ты воспринимаешь наше расставание с позиции участника, а не наблюдателя. Измени свой взгляд на жизнь, потому что он несовершенен.

Для меня же будет самой большой радостью знать, что вы пошли дальше меня, так как это будет означать, что я хорошо вас воспитала и многому обучила.

*

А перед тем как нам расстаться, я хотела бы вам дать еще один, уже последний урок. Вам предстоит первый раз самостоятельно взлететь, и для того чтобы вы успешно с этим справились, вы должны знать механизмы, посредством которых вы это сделаете.

Итак, любое материальное тело, падая с какой-либо высоты, подчиняется закону гравитации, что приводит к набору скорости за счет ускорения свободного падения. И чем больше масса этого тела, тем мощнее удар.

Однако если телу придать вращение и иметь возможность удержать его, то данное тело, планируя, будет падать медленнее. И чем выше скорость вращения, тем плавней тело будет опускаться.

Но такое решение в реальности не может быть использовано, потому что силы сопротивления начнут гасить скорость вращения, а для ее наращивания будет требоваться все больше энергии, и такой процесс станет вскоре бессмысленным.

В конце концов, был найден опосредованный способ принципа вращения для парения. Этим способом стало изменение формы тела. Так появилось крыло.

Но, несмотря на то, что вопрос парения был частично решен, проблема осталась, так как крыло имело ряд существенных недостатков и ограничений.

– Неужели это было единственное решение данного вопроса? – включился в разговор Стефан.

– Нет, не единственное. Именно это и произошло в твоем случае, когда ты падал с нераскрывшимся парашютом.

Во имя спасения тела, твое сознание сумело использовать единственный шанс, чтобы твое падение превратилось в полет, и плавно опускающаяся материя не была бы разрушена при ее контакте с землей.

– Что это за способ? Я ничего о нем не знаю, – удивленно спросил Стефан. – Тогда все происходило как бы само собой.

– Сейчас и узнаешь, – успокоила его орлица. – Дело в том, что любое тело обладает энергетическим полем. Энергию, выходящую за пределы объема тела, можно видеть как светящаяся аура.

Этой энергией пронизана вся материя предмета, но видимую ее часть мы воспринимаем, как ореол. Фактически это является сознательным полем предмета. Но поскольку мы говорим о жизни, то энергия, насыщающая это поле, находится в состоянии постоянного движения.

В обычных условиях она имеет хаотичный характер подвижности, в котором беспорядочность является лишь кажущейся; где видимый хаос, по сути, предстает формой высшего порядка.

Другими словами, силовые линии этих движений одновременно направлены во все стороны, поддерживая состояние устойчивого неравновесия.

Этот процесс можно назвать потенцией различных возможностей сознания. Иногда из этого хаоса образуются различные замкнутые фигуры. Одни разрушаются, другие приходят им на смену.

Так происходит мыслительная деятельность. Однако фигура может быть составлена целиком, всем полем сознания, и тогда энергетическое движение в нем становится концентрированным, стабильным и целенаправленным.

Такое вращающееся вокруг своей оси поле можно сравнить с движением веретена. А поскольку его энергетика является тонкой субстанцией, то набор скорости вращения не сопряжен с проблемами, которые могут возникнуть у тяжелого материального ротора, и следовательно, скорость такого вращения может быть сколь угодно велика, - естественно, в рамках данного пространства и времени.

Вращающееся энергетическое поле сознания является ротором относительно двух статических масс, одна из которых – тело, расположенное внутри энергетического ротора, питающего его, а также внешней среды, которая, будучи статором, отбирает выделяемую энергию. В результате образуется электромагнитное поле, обладающее собственными как гравитационными силами, так и силами отталкивания.

– А что происходит дальше? – затаив дыхание, спросил старший брат.

– А дальше все просто. Поле биоэнергетического солитона и поле Земли обладают одинаковым зарядом. Как известно тебе, Стефан, одноименные заряды отталкиваются, и планета не только не притягивает к себе падающую массу, но даже отталкивает ее.

Однако скоростью вращения можно регулировать напряжение, и опускающийся заряд, снижая свою активность, может управлять плавностью парения.

У некоторых этот механизм включается спонтанно, на других могут оказать воздействие внешние силы. Тебе повезло: тебя услышал Проводник. Он вытолкнул твое сознание наружу, чтобы оно не мешало системе автоматически среагировать на ситуацию.

Но у большинства этот механизм не включается из-за инертности и неповоротливости ума, и они разбиваются, так и не воспользовавшись тем шансом, который был в них заложен природой. Не будьте похожими на них.

– А зачем мне крылья, – спросил старший брат, – если можно летать и без них?

– Тот способ, о котором я говорила, может использовать только чистое сознание. Подобное произошло, когда Стефан смог амортизировать свое инертное тело, падающее после аварии самолета.

У тебя же есть крылья, за счет которых ты и полетишь. Конечно, ты также будешь использовать принцип отталкивания и притяжения, но воздействие это будет являться лишь дополнением к физическому полету.

Наступила пауза, которую прервал голос орлицы, прозвучавший твердо и властно:

– Теперь вам самостоятельно предстоит выполнить прыжок и не разбиться, а взлететь. Это самое ответственное испытание, которое вы должны совершить.

Стефан, тебя ждет твой Учитель. В скальном храме ты соединишься со своим виртуальным телом и продолжишь обучение. Пусть вам сопутствует удача!

Помните, что я мысленно всегда и везде с вами – меня вы сможете найти в самих себе! – и с этими словами она, замолчав, отошла в тень скальной ниши.

Стефан понял, что наконец-то настал тот ответственный момент, когда он окончил первый цикл своего обучения и теперь должен завершить его самостоятельным полетом.

В каком-то невыразимом восторге, вдохнув всей грудью, он развернул свои ярко блеснувшие на солнце крылья и после резкого выдоха мощным толчком лап от

края скалы, послав свое тело вперед и вверх, взлетел навстречу своей судьбе.

Стабилизировавшись в парении и через некоторое время оглянувшись в сторону гнезда, Стефан увидел орлицу, смотрящую ему вслед.

Затем она повернула голову, и он, проследив ее взгляд, увидел двух молодых орлов, летящих вдоль ущелья. Один из них плавно развернулся и прощально, как будто с благодарностью, махнул ему крылом.

– Значит, я уже не нахожусь в птице, я вновь стал чистым сознанием, – пронеслась в нем мысль.

Чувство свободы опьянило его. Как упругий воздушный поток, он лился между горами, проносясь над скалами то вздорным ураганом, то ласковым ветерком.

Вдруг он заметил, что линия горизонта стала быстро приближаться к нему и вскоре раскрылась огромным, похожим на человеческий глаз, тором, этакой энергетической воронкой.

Стефан понял, что это вход в другое измерение. Мощно взмахнув крыльями души, он уверенно влетел в тор, не испытывая страха упасть и разбиться о камни либо вообще исчезнуть в бескрайних просторах вечности.

Еще мгновение – и наш путник скрылся в серебристом тумане открывшегося для него пространственно-временного туннеля, который быстро за ним захлопнулся.

Через мгновение на том месте небо было чистым и ясным, как и прежде. Кажется, ничего не изменилось – только в том измерении не было Стефана.

ЧАСТЬ 2

"Человек - предполагает, а бог – располагает", - с этой проблемой люди регулярно встречаются в своей повседневности.

Все дело в том, что мы не видим целого, поэтому и делаем такие обычные, но зачастую трагические ошибки.

Однако иногда эти случаи (да и случаи ли они?) получают совершенно неожиданные продолжения, в которых судьба раскрывает перед нами свои гостеприимные объятия...

Но сможет ли человек при этом доказать свое право на жизнь, воспользовавшись дарованным ему шансом, покажет только время.

Глава 13

С ним разговаривала вечность...

Вслушиваясь в мягкий шепот пространства, Стефан был спокоен и уравновешен.

Этого человека ничего не заботило, и он ничего не помнил. Один лишь покой заполнял все его существо.

Неожиданно, при помощи активированного внутренним импульсом внимания, он ощутил, как ясность восприятия возвращается к нему.

Стефан увидел, что парит под сводом небольшого по объёму, но довольно высокого грота. Отовсюду, как лёгкая потайная подсветка, пробивался неясный свет, разливаясь в атмосфере ароматом таинственности.

Внизу, из-под скалы, рядом с которой находился этот грот, вытекала река, полная прозрачной голубоватой воды. Даже на такой значительной высоте можно было разглядеть мельчайшие камешки, лежащие на ее дне.

Посмотрев вдаль, Стефан заметил, что стены ущелья сужаются, замыкая пространство так, что не было видно оттуда никакого выхода.

– Но ведь вода должна куда-то течь? – подумал Стефан и, следуя за течением, двинулся вперед.

И действительно, сделав два изгиба, скалы настолько близко подошли друг к другу, что вода, прорываясь сквозь эти каменные клешни, пенясь металась, от одной стены к другой.

И, словно в награду за ее настойчивость и труд, стены ущелья вдруг разошлись в стороны, и перед его взором развернулась картина величественного водопада, низвергающегося отвесной стеной вниз.

Отдельные струи, ударяясь о скальные выступы, разбивались, рождая веселые изумрудные брызги, которые, разлетаясь повсюду, наполняли окружающее пространство свежестью и прохладой.

Каскад падающей водяной массы обрушивался в образовавшееся под ним озеро, из которого вновь плавно вытекала река.

Как показалось Стефану, он очутился в кольцеобразной горной гряде, которая своими вершинами как будто стремилась сомкнуться, создавая

огромное природное помещение, изолированное от внешнего мира.

В то же время, он отлично всё видел, потому что свет не только излучался стенами скал, но и имел свободный доступ через середину незавершённого природой свода куполообразного ущелья... И тут, на противоположной стороне реки, он увидел фигурки людей в темных одеждах,двигающихся непрерывным муравьиным потоком.

Он так долго был вне своего тела, что не то, чтобы привык к этому состоянию, но стал получать некоторое удовлетворение от легкости перемещения и других информационных обменов, производимых им без участия этого неуклюжего попутчика.

И верно, нахождение вне тела изменяло скорость мышления, да и сам процесс восприятия. Более глубокий и широкий спектр осознания действительности высвечивал совершенно иную картину мира.

К тому же сейчас Стефан не испытывал ни голода, ни жажды. У него ничего не болело, и ему казалось, что он не подвластен даже силам беспощадного времени.

Однако порой бередившая душу тоска по человеческому общению все же была в нем жива, и поэтому он стал с интересом за ними наблюдать. Любопытство заставило его приблизиться к людям.

Мгновенно исполнив желаемое, он понял, что перед ним монахи, приспособившие эту природную цепь гротов, уходящих вглубь горной гряды, под скальный храм.

Он заглянул в одну из пещер. Сталагмиты и сталактиты причудливыми наплывами и сосульками виднелись в отсветах пламени свечи. В них можно было рассмотреть лица и даже фигуры, узоры и рисунки.

Одни, сверху, как бы стекали с потолков, другие роскошными напольными вазами располагались внизу, а иные своими изгибами просто преображали скальное естество стен.

Между природными изваяниями виднелись небольшие, мастерски исполненные статуи из белого мрамора, а также из какого-то дерева, обладающего плотной древесиной. Деревянные скульптуры, тускло блестя,

были покрыты черным лаком, создавая впечатление его жизненности. Каждый образ животного либо человека был наполнен смыслом и ярко выражал вложенное в него состояние.

Однако даже открывшаяся взору Стефана красота, воплощенная в камень человеческим гением, теперь казалась ему чем-то далеким и чужим, - тем, что осталось далеко позади и теперь его не касается.

Продолжая наблюдать за происходящим, Стефан вернулся в основной комплекс. Все было также: река, свет и монахи в темных одеждах, с какими-то эмблемами на груди. Вдруг в поведении людей что-то неуловимо изменилось.

А вскоре он увидел, как внизу, через сквозное отверстие в скале, четыре монаха внесли тело какого-то человека, покоящегося на импровизированных носилках, сделанных из двух свежесрубленных стволов молодого бамбука и переплетенных ветками гибкого кустарника.

– Кого это они так бережно несут? – подумал Стефан.
– Быть может, это какая-то храмовая церемония, во время которой все должны поклоняться этому телу, словно древним мощам?

Между тем, повинуясь жесту Старца, стоящего на берегу реки в окружении пяти молодых послушников, монахи с носилками в руках направились к той части протекающей реки, где она была достаточно мелка и образовывала быстрые пенящиеся перекаты.

У него даже создалось впечатление, что он слышит озорные, игривые нотки, которыми переговаривались возникающие то там, то здесь водяные буруны, беззаботно искрящиеся в потоках редких солнечных лучей.

К носилкам с телом, которые держали четыре монаха, подошли еще несколько человек. Осторожно поставив импровизированное ложе на каменистый берег, они сняли с себя верхнюю одежду и легкую обувь.

Оставшись только в коротких штанах, отдаленно напоминающих шорты, монахи стали осторожно снимать с лежащего изодранный в клочья летный комбинезон.

Сняв с тела всю одежду, монахи (по трое с каждой стороны и по одному с изголовья и ног) взялись за

плотную ткань, на которой лежал человек, разом ее потянули вверх и, медленно ступая, по мелководью осторожно понесли его прямо к середине реки.

В месте, где они двигались, протока была столь мелка, что вода не доставала им даже до икр ног.

– Куда это они понесли тело? – подумал Стефан, и тут же увидел на самой середине реки большой, но невысокий черный камень, плоский и хорошо отполированный течением. Вода практически полностью покрывала его поверхность.

Лишь небольшой выступ рассекал поток реки. Монахи шли прямо к этому камню. Тело человека, которого они несли на руках, располагалось по своей продольной оси таким образом, чтобы голова неподвижного тела была постоянно направлена навстречу течению.

Подойдя к камню, монахи бережно опустили на него свою ношу, и вода тут же частично покрыла ее. Однако выступ валуна, похожий на естественную подушку, не позволил воде заливать голову, которая на нем лежала.

– Что же они будут делать? – заинтересовался Стефан и сосредоточил свой взгляд на лежащем в воде теле. Почти сразу же в нем возникло непонятное чувство тревоги.

– Что такое, почему? – беспокоила его мысль.

И вдруг Стефан обратил внимание на то, что тело лежащего на камне человека было белым. Этот контраст тем более бросался в глаза, что кожа стоящих рядом служителей храма была смуглой, с желтоватым оттенком.

В это время люди, несшие тело, присели на корточки и стали мягкими, плавными движениями омыwać его. Они делали это необыкновенно грациозно. Можно было подумать, глядя на эти движения, что они не моют, а красят его, настолько гибко и ритмично двигались их руки.

Затем пожилой монах, стоящий на берегу, произнес негромкий, но очень мелодичный короткий звук. Мойщики тут же прекратили свою работу и так же разом подняли тело белого человека из воды.

Прозвучала еще одна короткая, но четкая фраза, и служители, бережно поддерживая свою ношу, пошли в

направлении одной из пещер. Стефана очень заинтересовала эта процедура.

– Что же за этим последует? – подумал он и двинулся вслед за процессией.

Проникнув вслед за носильщиками в соседнее помещение, он оказался в овальной, довольно просторной пещере, в середине которой был расположен большой камень прямоугольной формы. К этому-то камню и направились монахи.

По своей структуре он очень напоминал то ложе, на котором только что омывали тело белого человека. Камень был совершенно черным, без каких-либо прожилок. На стенах, выше человеческого роста, по всему периметру горели факелы.

В их отсветах создавалось впечатление, что этот монолит мерцает каким-то таинственным фиолетовым свечением. Поверхность камня была так же отполирована, как и у его собрата, лежащего на середине реки. Но, в отличие от него, имела небольшое углубление как раз для того, чтобы в нем могло удобно расположиться тело взрослого человека.

Поднеся носилки к камню, монахи остановились, как бы чего-то ожидая. И действительно, из боковой ниши вышел тот же Старец, который руководил с берега деятельностью остальных. Он нес в руках большую корзину, наполненную травами.

Заполнив выемку на камне этими травами, Старик произнес несколько слов, и из той же самой ниши, вслед за ним, вышел молодой монах (очевидно, его помощник). В одной руке он нес свернутый коврик, а в другой – небольшую, но довольно тяжелую корзинку.

Поставив ее на один из концов камня, помощник стал развертывать скатанный коврик, покрывая им траву. Это была плотная циновка, искусно сплетенная из рисовой соломки. Образовалось довольно экзотическое ложе.

Переместившись поближе, сознание Стефана заметило, что по краям циновки были нанесены изображения пяти животных. Вверху находился рисунок орла, в углах ног – дракона и тигра, а по бокам – змеи и обезьяны.

В середине же был изображен мощный боевой слон, а на его спине находился стоящий на одной ноге журавль с широко расправленными крыльями и грациозно склоненной головой, украшенной красным, как шапочкой, хохолком. Казалось, все они были живы, и только делали вид, что нарисованы, очень внимательно наблюдая за происходящим.

Расстелив подстилку, помощник сделал шаг назад. И тут же восемь послушников, до сих пор стоявших неподвижно, повинаясь жесту Старца, переложили тело белого человека с упрощенных носилок на тщательно подготовленное ложе. После того как помощник сказал несколько слов, носильщики вышли из пещеры.

Пока молодой монах доставал из корзины, стоящей у изголовья, небольшие свертки, Старец обошел вокруг лежащего тела и осмотрел его.

Причем уделил большое внимание рваной ране на правом плече, которая хоть и не кровоточила, но выглядела весьма устрашающе.

Подойдя к изголовью, пожилой монах накрыл своими руками виски лежащего и, закрыв свои глаза, застыл в таком положении.

В это время помощник развернул один из свертков и достал оттуда небольшой кусок бамбука.

Он имел перепонку на одном из своих концов, и был заткнут пробкой с другого, срезанного конца и, по всей видимости, служил монахам сосудом.

Вытащив пробку, молодой человек подцепил пальцем светлую мазь, и стал ею тщательно смазывать все раны и царапины на теле.

После этого он, отложив использованное бамбуковое колено, развернул второй сверток, достав оттуда еще один бамбуковый стакан, немного меньше первого.

Подойдя к ногам летчика, помощник внимательно осмотрел их, после чего принялся старательно натирать опухшие суставы левой ноги какой-то темной, густой мазью.

Закончив, он, предварительно завернув полые палочки с лечебными составами, убрал оба свертка в корзину.

Взяв оттуда еще один сверточек, молодой человек извлек из него изящный ларец, сделанный из темно-красного дерева, и открыл его.

Стефан увидел, что там находилось много каких-то небольших и очень острых предметов, напоминающих иглы, но с утолщениями кверху.

Укрупнив картинку, он понял, что эти утолщения имеют посередине выемки.

– Что это? Для чего? – подумал Стефан.

И тут его осенило:

– Боже, да ведь это лечебные иглы, издавна применяющиеся на Востоке! Правда, они имеют весьма странную форму...

Он вспомнил, что когда-то давно вьетнамец, помогавший готовить его самолет к вылету, рассказывал о существовании таких игл, применяемых в древности для реанимации людей.

– Значит, это реанимационная палата, и сейчас будут пытаться вернуть к жизни это тело?

Тем временем старик, наклонясь к лицу лежащего человека, стал в него всматриваться. Как бы подчиняясь его движению, совершенно непроизвольно внимание Стефана тоже приблизилось.

Всматриваясь, он как будто бы стал чувствовать холодок в груди: ему показалось лежащее тело до боли знакомым. Да и вся эта ситуация, когда он старался узнать его, когда-то уже происходила.

И тут новая мысль молнией пробила его сознание:

– Да это же мое тело!

Мгновенно быстрой лентой перед его взором раскрылись картины прошлого. Он вспомнил все: и падение, и вход в пещеру, и его разговор с Проводником, и то озеро...

– Так вот где я! – понял Стефан.

Внезапно появившаяся тоска по прошлой жизни будто позвала его обратно в тело... Но, в то же время, другая сила, возникшая от нового состояния, удерживала от каких-либо действий в этом направлении.

И вновь извечный вопрос человечества встал перед ним со всей своей актуальностью: быть или не быть? Сознание зависло в нерешительности.

В это время старый монах, стоя у изголовья тела и как будто услышав эту внутреннюю борьбу двух желаний сознания и словно всё поняв, мягко и даже как-то удовлетворенно улыбнулся.

Сказав несколько слов своему помощнику, он встал с правой стороны от ложа и, беря по одной подаваемые учеником иглы, стал их вкалывать в тело с четко прослеживаемой закономерностью. Вскоре все оно, начиная с головы и заканчивая пятками, было утыкано иглами.

Окончив устанавливать иглы в нужной последовательности, старик вновь стал внимательно всматриваться в тело. А помощник, развернув еще один сверток, достал измельченную в порошок траву, и начал ее понемногу засыпать в выемки игл.

Затем монахи стали поджигать траву лучинами, зажигая их от факелов. Та же не загоралась, а только тлела. Однако, судя по удовлетворенному выражению лиц врачей, это был именно тот эффект, которого они и добивались.

В результате тления от травы поднимался голубоватосизый дымок. Стефану показалось, что он даже, по ассоциации, ощутил горьковатый запах полыни, который напомнил ему детство, когда он осенью на покосах жег сухую траву.

Дым постепенно образовывал облачко, от которого Стефан слегка опьянел. И хотя он понимал, что это невозможно из-за отсутствия органов чувств, все же сила ассоциативной памяти продолжала вызывать в нем знакомые и дорогие сердцу образы.

Находясь в таком умиротворенном состоянии, он увидел, как лицо Старца раздвоилось, будто бы с него сняли маску, и фантомный образ, постепенно увеличиваясь в объеме, подплыл к границам духа летчика.

У Стефана возникло ощущение, что он смотрит сквозь круглый аквариум на это старческое лицо. Их взгляды встретились. Глаза Старца лучились мудростью.

Улыбаясь, он что-то говорил – это было видно по его шевелящимся губам, однако Стефан не слышал ни единого звука.

– Необходимо сконцентрироваться, – осознал он.

И тут же услышал мелодичные звуки, словно сотканые из журчания весеннего ручейка, летнего щебета птиц, шелеста осенней листвы и шепота рождественского снегопада. Но о чем говорил Старец, ему было неведомо.

Однако духу летчика очень захотелось понять смысл этой певучей речи, и он сосредоточил на этой идее все свои ментальные силы. В ту же секунду у него как будто переключилось реле, в результате чего внутри себя он услышал слова:

– Пора домой, пора возвращаться в тело...

В сознании Стефана поднялась волна протеста:

– Не хочу, да и страшно!

– Почему страшно? – спросил старик.

– Смерти боюсь, – ответил Стефан. – Ведь это труп, и если я войду в него, мое сознание там умрет.

– Ну что ты, – увещевал Старец, – совсем необязательно. Посмотри... Видишь серебристую нить, которая тянется от тебя к его голове?

Это знак того, что ты с ним до сих пор соединен ею, а значит, вы оба живы. И не надо сознанию жить отдельно от тела. Ты просто выскочил от страха, а теперь от радости вернись.

Сознание Стефана в отчаянии завибрировало:

– Да, я хочу вновь обрести свой дом! Но если возвращаться, необходимо знать, как это сделать. А я даже не помню, как вышел из тела. Помоги! Покажи вход!

– Вот, – улыбка старика стала еще шире, – это совсем другое дело! Легко помогать тому, кто сам хочет добиться цели!

Смотри – видишь нить вашего соединения? На самом деле это спираль. Тебе нужно только начать движение – и, вращаясь по ее линиям, ты сможешь войти в себя.

После некоторой заминки сознание все же решило попробовать. Оно даже почувствовало некоторую тоску по прошлому. Да, ему захотелось домой, назад, обратно в тело, чтобы там жить...

С огромным напряжением в самом себе, возникшем от понимания важности происходящего, ментальное поле попыталось создать вращение, закрутиться вихрем.

Однако все его потуги были напрасны: ничего не выходило. И вновь чувство страха заполнило сознание. Но теперь это был другой страх – страх не вернуться.

Старик, улыбнувшись еще раз, ободрил:

– Не спеши, действуй без напряжения, ничего не бойся, и все получится. А я тем временем вернусь обратно к телу и открою у тебя на голове энергетическую точку, – и Стефан услышал незнакомое название, – "Бать-хой". Через нее, по этой спирали, ты и войдешь в свое тело.

Это было сказано так проникновенно, что Стефан, как-то сразу успокоившись, проникся изрядной долей уверенности. И поэтому, когда лицо Старца стало отплывать от него, удаляясь и опускаясь вниз, Стефан несколько этим не обеспокоился, а даже внутренне стал подгонять его:

– Давай, давай! Быстрее!

Лицо старика вернулось в естественное положение, как будто раздвоенная картинка воссоединилась в фокусе. Старец открыл глаза, повернул голову и гортанно что-то крикнул в проход-нишу.

Оттуда сразу же послышался ответ, а вслед за этим из нее показался человек с корзиной, в которой лежало что-то, завернутое в чистую белую холстину.

Быстрыми движениями старик откинул края ткани, и Стефан увидел, что там лежали лепешки горячего хлеба, как видно, только что из печи, потому что от них сразу же потянулся горячий пар.

Он не только физически ощутил колебания воздуха, но и тепло, идущее от лепешек. К своему удивлению, Стефану на ум пришла мысль о том, что он давно уже ничего не ел. И ему так захотелось назад, в тело, что от этой мысли у него закружилась голова.

– Вот оно, нужное мне вращение, – отметил Стефан и полностью отдался ему.

Мысль о еде подстегивала его. Ему даже показалось, что он проглотил слюну.

– Я уже начал чувствовать свое тело! – радость от предстоящей встречи торопила сознание.

В это время старик накрыл голову Стефана куском белого полотна и положил на ткань теплый хлеб. Центр лепешки пришелся прямо на макушку.

Затем он накрыл лепешку еще одним куском полотна, но уже гораздо более толстым. А помощник, взяв другую лепешку, проделал ту же процедуру со стопами лежащего.

Удивительно, но вращение ускорилося. Стефану почудилось, что он движется по краю гигантского водоворота, и его неумолимо затягивает в центр.

Всасывающая сила была настолько могуча и всепоглощающа, что сознание даже не имело возможности ни противодействовать, ни ускорять этот процесс.

По мере приближения к центру воронки скорость нарастала. Все яснее слышался какой-то грозный гул. Стефан полностью отдался этому движению. На душе у него было спокойно. Он верил – как Старец сказал, так и будет!..

Приблизившись вплотную к роковой черте, отделявшей его от ревушей бездны, он застыл на миг. И тут же ринулся внутрь энергетического тора, как будто бросившись головой в пропасть. Оглушающий звук достиг своего апогея, раздался резкий хлопок, и наступила абсолютная тишина.

Не было ничего: ни пещеры, ни старика, ни тела. Повсюду была только одна немыслимая черная пустота, поблескивающая яркими отсветами с радужными разводами.

Но постепенно и эти звездочки стали угасать, как бы удаляясь, а вскоре и совсем погасли. Пустота сжала Стефана мертвой хваткой. Все растворилось в небытие.

*

В тот самый момент, когда сознание было поглощено вечностью, на теле Стефана (вокруг тех мест, где стояли дымящиеся иглы) кожа стала принимать розоватый оттенок.

Изменились даже черты его лица: запавшие глазницы и резко очерченные, обтянутые кожей скулы получили

изнутри энергетическую подпитку. Тело наполнялось жизнью и выглядело гораздо приятнее, хотя сознание ничем себя не проявляло.

Обратив внимание на то, что происходит с его подопечным, Наставник позвал в пещеру еще нескольких молодых монахов (бывших, очевидно, его учениками).

Он отдал им несколько коротких указаний и отошел в сторону, продолжая наблюдать за состоянием своего подопечного. Двое юношей стали удалять костяные иглы, извлекая их легкими вращательными движениями.

Вторая пара находившихся в пещере служителей храма начала смазывать места, где были иглы, активными круговыми движениями массируя кожу.

Не было никакого сомнения: тело оживало. Сказав еще несколько фраз главному помощнику, Наставник вышел из реанимационной палаты.

Молодой монах с подвижным, выразительным лицом, с хорошо развитыми, но не гипертрофированными мышцами тела и с прекрасной осанкой, стал руководить возвращением к жизни бессознательного тела.

Лекари, подчиняясь указаниям Занга (так они его звали), продолжали действовать: четыре человека подошли к рукам и ногам лежащего на спине тела (по одному к каждой конечности).

Сделав несколько мазков по стопам и ладоням летчика черной, резко пахнущей мазью, они стали их активно растирать, периодически разминая его пальцы и делая легкие постукивающие движения по пяткам и основаниям ладоней. Занг постоянно подходил то к одному, то к другому массажисту, лично проверяя общее состояние тела.

Через некоторое время, удовлетворившись сделанным, он подал какой-то, одним им понятный знак, и те одновременно стали массировать запястья и щиколотки, постепенно передвигаясь к плечам и пояснице. Вскоре, в результате массажа, мышцы белого человека стали мягкими, а суставы - гибкими.

Очевидно, выполнив возложенную на него задачу, Занг позвал Учителя, находящегося в глубине скальной ниши. Тот медленно подошел к ложу, неся в одной руке

корзину, а в другой - искусной работы сосуд, наполненный какой-то светлой и горячей жидкостью.

Передав в руки помощника емкость с настоем, Учитель стал внимательно осматривать туловище и голову Стефана. При этом создавалось такое впечатление, что он смотрит не на тело, а будто сквозь него, видя или чувствуя процессы, идущие внутри исследуемого организма.

Едва заметная улыбка слегка тронула губы старика, и он удовлетворенно кивнул головой, как бы дав сигнал к дальнейшему действию. Четверо монахов, руководимых Зангом, следуя ритуалу, быстро подошли к старику и взяли из корзины небольшие салфетки.

Приблизившись к Зангу, держащему в руках кувшин, они по очереди окунули тряпочки в настой из горных трав. Слегка отжав салфетки, монахи подошли к телу и тщательно его обтерли.

После того как они это сделали, Наставник подозвал к себе Занга, который, отдав помощникам сосуд с остатками жидкости, подошел к Учителю и взял из его рук корзину.

На этот раз в ней была не обычная, а большая, толстая лепешка, которую Занг, завернув предварительно в холстину, положил прямо на живот пациента.

Сам же Наставник приказал одному из монахов снять с головы уже теперь остывшую лепешку, положить ее в корзину к ранее снятой с ног и, убрав со стола все лишнее, унести. Вскоре Занг со своим пожилым Учителем остались наедине с телом.

Посмотрев друг на друга, они вдруг в каком-то едином ритме начали делать бесконтактные движения над телом, причем каждый из них выполнял пассы руками над определенной частью тела. Занг – над животом, на котором лежал горячий хлеб, а Наставник – над, казалось, неподвижной грудью.

Движения обоих становились быстрее и ритмичнее, постепенно опускаясь все ниже и ниже. Затем старик произвел резкий, гортанный крик, и руки Занга упали на хлеб.

Он стал одновременно надавливать и совершать круговые движения при помощи лепешки. А пальцы Старика, с глухим стуком ударив по грудной клетке лежащего, стали выбивать на ней слышимую только для посвященных мелодию возвращения к жизни. Как опытный и знающий своё дело музыкант, он безошибочно, словно пианист на клавиши, нажимал на нужные и только ему известные точки.

Внезапно остановившись, старик обхватил тело и, подведя ладони под его лопатки, несколько раз резко его встряхнул. Судя по тому хрусту, который раздался вслед за этим рывком, усилие было значительным.

Процедура повторялась несколько раз. Вдруг Старец внезапно поднял руку ладонью вверх, и удивительный массаж мгновенно прекратился. Они внимательно прислушались...

В наступившей тишине они услышали практически неразличимый ритм бьющегося сердца. Грудная клетка также слегка поднималась и опускалась, хотя чувствовалось, что дыхание было еще слабым и прерывистым. Посмотрев друг на друга, Занг и его Наставник удовлетворенно улыбнулись друг другу.

Молодой монах, следуя жесту Учителя, снял лепешку с живота Стефана и несколько раз резко, по кругу, как бы встряхнул живот. Забрав с собой хлеб, Занг опять скрылся в пещерной нише.

Освобожденные от гнета мышцы живота могли теперь свободно перемещать диафрагму. Дыхание выровнялось.

Занг появился вновь, неся в одной руке веер причудливой формы, а в другой – небольшой плоский флакончик, очевидно, с весьма драгоценной жидкостью. Бережно передав Старцу емкость и встав у изголовья, он стал ждать дальнейших указаний.

Учитель, стоя справа, быстро открыл флакончик и резко провел им туда и обратно у самого носа Стефана.

Самым поразительным было то, какой силой обладала жидкость, находящаяся во флаконе. Можно было подумать, что к реанимируемому человеку подвели высокочастотный разряд электрического тока.

Тело вздрогнуло и резко выгнулось дугой вверх. Было видно, что оно опирается на ложе только затылком и

пятками. Руки, до этого сжатые в кулаках, были резко раскинuty в стороны.

Глаза сильно открылись и смотрели прямо вверх. Побыв доли секунды в таком состоянии, тело внезапно обмякло и снова заняло исходное положение.

Занг, переглянувшись с Учителем, стал плавно обмахивать веером лицо и голову лежащего перед ним человека. Кивнув головой, Старик, как бы сказав помощнику: "продолжай в том же духе", – мягко зажал пузырек в руке и пошел обратно в соседнее помещение.

Через некоторое время, посчитав обмахивание пациента достаточным, Учитель позвал к себе Занга.

В то же самое время в пещеру зашли пять молодых людей в рабочих одеждах, каждый из которых нес в руках по большой охапке веток.

На некотором отдалении от каменного ложа, по четко очерченному периметру, камнями были выложены пять ритуальных гнезд. И, судя по почерневшим камням, составляющим гнезда, это были места для костров.

Очаги располагались на равном расстоянии друг от друга, напоминая углы пятиконечной звезды, с вершиной за изголовьем.

Уложив дрова, каждый из послушников поджег свой костер снятым со стены факелом, и тут же вернул его на место.

Постояв какое-то время и убедившись, что огонь занялся ярко и устойчиво, монахи, один за другим, в той же последовательности, в которой они зашли в помещение, из него вышли.

Костры разгорались.

Пещера постепенно наполнялась теплом и приятным ароматом. Было ясно, что костры горели на особых дровах. Внутри каменной палаты становилось все светлее.

Сумрак отступал куда-то вверх, и на стенах теперь уже точно можно было рассмотреть изображения пяти зверей, символизирующих только им присущую силу.

Так, за костром, который горел у правой ноги находящегося на ложе человека, был изображен червеобразный дракон с большой косматой головой.

На стене у другой ноги был виден гордо стоящий на утесе тигр. Огонь, пылающий по правую руку, символизировал собой обезьяну, так как именно ее изображение находилось за ним.

Над костром у левой руки была нарисована змея. И во главе этой пентаграммы, прямо за головой Стефана, был изображен парящий над всеми остальными орел.

Характерным было и то, что все пять зверей были расположены не на одном уровне от пола, а по восходящей спирали, в указанном прежде порядке.

Также бросалась в глаза еще одна деталь. На всех четырех стенках каменного стола были нанесены изображения боевого слона, на спине которого располагался журавль с широко расправленными крыльями.

Между тем из ниши вышел худощавый монах, ранее не присутствовавший при ритуальной церемонии, неся в руке корзиночку. Он подошел к двум кострам, горящим возле ног, и, постелив между ними циновку, сел на нее, скрестив ноги в классической буддийской позе. Все его движения были размеренны и спокойны.

Достав из корзиночки сверток удлинненной формы, он стал его бережно разворачивать. Там лежал инструмент, похожий на флейту. Музыкант, настроившись, начал свою игру так мягко, что создалось впечатление, будто звук льется откуда-то сверху.

Но главным было ощущение того, что эти звуки не рождены "здесь и сейчас" человеком при помощи инструмента, а звучали здесь всегда. Казалось, никогда не прекратится этот поток чарующих звуков.

Сознание Стефана заполняла все та же густая тьма. Но где-то там, вдали, подчиняясь какой-то неведомой силе, едва блеснув, исчезла совсем крохотная светлая точка.

Однако через некоторое время она появилась вновь, но теперь ее свечение продолжалось уже значительно дольше. И вот, наконец, однажды появившись, она осталась.

С этого момента, как только свет точки стал постоянным, окружающая его чернота уже не казалась такой монолитной.

И вдруг она треснула, как стекло, и по ней во все стороны побежали зигзаги, через которые начали как будто вливаться потоки тонких ароматов, быстро насыщающих пещеру, и проникать та божественная мелодия, которая манила и звала к жизни.

Звуки трепетно коснулись его пробуждённых мыслей, успокаивая, расслабляя и организуя их в надлежащий порядок, тайна которого известна была только им. А на месте точки уже красовалась мерцающая звездочка.

Она стала приближаться и расти, своими лучами выталкивая остатки повергнутого мрака. Наконец свет полностью заполнил сознание Стефана, и он ощутил себя в теле. Перед его глазами стали проплывать, поочередно раскрываясь, картины детства.

После столь долгого отсутствия у себя дома, Стефан просто заснул. Музыкант, наблюдающий за состоянием своего подопечного, заметил изменения, произошедшие с лежащим перед ним человеком, дыхание которого сделалось прерывистым.

Было видно, как дрожали веки белого человека и двигались из стороны в сторону яблоки его глаз. Даже руки и ноги слегка поддегивались, - наверное, в такт каким-то движениям, совершаемым им во сне.

Монах заиграл быстро и ритмично. Звуки стали на порядок громче. Услышав изменение мелодии, из ниши вышел Старик. Внимательно посмотрев на Стефана, он дал знак музыканту прекратить игру и позвал своего основного помощника.

Занг вошел в пещеру, неся большой светлый сверток. Это оказалось одеяло. Им и накрыли лежащее на каменном ложе голое тело. Дав знак музыканту удалиться, Наставник сказал несколько слов Зангу, который подошел к ногам, очевидно, для наблюдения за больным. После этого Учитель вышел из пещеры.

Занг, стоя у изголовья, внимательно наблюдал за лежащим человеком, стараясь по ритму дыхания понять, что с тем происходит. Внезапно Стефан широко открыл глаза.

Его взгляд, казалось, видел то, что здесь не находилось, а зрачки напоминали Зангу бездонные

озера, в которых плескалось что-то неведомое и непознанное, - вероятно, даже их обладателю.

С трудом сглотнув, подопечный еле слышно прошептал какое-то слово на незнакомом языке. Зангу, наклонившемуся над Стефаном, почудилось, что тот просит пить.

Быстро подойдя к стоящему неподалеку столику, он взял с него маленький кувшин и наполнил пиалу густой жидкостью, которую приготовил из особых трав монастырский лекарь.

Намочив в ней салфетку, Занг промокнул ею сжатые губы больного. Видя, как тот с жадностью слизывает капельки лекарства, монах несколько раз смачивал губы пациента, продолжая это делать до тех пор, пока глаза у Стефана удовлетворенно не закрылись.

Через некоторое время послышалось тихое сопенье, означающее, что больной уснул. Поставив пиалу на место и плотно подоткнув одеяло со всех сторон тела Стефана, монах прошел в соседнюю, большую пещеру, где ожидал его Наставник.

Узнав, что их подопечный приходил в себя и немного попил, Старик облегченно вздохнул и сказал, что кризис миновал, и теперь больному необходим отдых. После этого они вышли из скального храма. Стефан остался в полном одиночестве.

Костры без подкладывания дров стали постепенно затухать. Сумерки вновь заняли прочную позицию в углах, и только причудливые изображения зверей будто оживали в слабых отблесках исчезающего огня.

От входа к каменному ложу потянуло предрассветной прохладой. Она предвосхищала рождение нового дня, новой жизни, нового человека.

Глава 14

Порывы лёгкого ветерка нежно касались верхушки векового баньяна.

Несмотря на свой почтенный возраст, исполин до сих пор радовал людей своим цветущим видом, давая приют тысячам живых существ, начиная от колоний насекомых и заканчивая стаями небольших обезьянок, живущих в его огромном дупле и целыми днями играющих под сводами тенистой кроны.

Один из самых уважаемых Учителей скального храма, наблюдая за птицей, сидящей на ближайшей к нему ветке дерева, наслаждался ее мелодичной трелью. Ощущая внутри себя тепло и покой, он прошел к огороженному садику, который состоял из маленьких деревьев, выращенных в стиле кэйкань, что по-вьетнамски означало "дерево на ладони". Хотя здесь были образцы неодинаковых размеров: начиная от крохотных, в несколько сантиметров, и заканчивая довольно большими экземплярами, стоявшими в глиняных кадках с замысловатым плетеным орнаментом.

Многие деревца росли между камней (символизирующих скалы), миниатюрных озер и домиков. Небольшой можжевельник жил прямо на оголенном валуне. Его крона-каскад свисала с камня, как с настоящего утеса. У всякого, кто бы ни посмотрел на эту композицию, возникало чувство, что деревце выросло не в этой своеобразной оранжерее, а в суровых горных условиях, наперекор всем противодействующим силам природы.

Седой монах задумчиво стоял среди гармонично расположенных растений, с удовольствием отмечая искусную, тонкую работу братьев. Его ученики, жившие в монастыре, были для него точно этот чудесный сад, о котором они постоянно заботились. А он – о них.

Вспомнив о повседневных делах, он нахмурился, и по его лбу, как тучки по ранее безоблачному небу, промелькнули отпечатки сегодняшних забот. Однако мрачное выражение было редким гостем на его лице, и вскоре Наставник словно наполнился лучами светлых мыслей.

Он прошел в самую любимую часть оранжереи, где был сооружен маленький водопад, утопающий в тенистой зелени миниатюрного парка. Вода журчащими струями падала в озерцо, вытекая из него извилистой речушкой, которая своей упоительной прохладой наполняла весь сад.

Присев на лакированную скамеечку, на спинке которой были вырезаны играющие с рыбками драконы, Старец подумал о том, что, похоже, в его саду зарождается новое дерево. Конечно же, он вспомнил о Стефанае, который вот уже вторые сутки, хоть и медленно, но верно возвращался из столь долгого пребывания в небытие.

Солнце уже полностью отделилось от линии горизонта, когда старик вышел из своих медитативных размышлений, очевидно, придя к верному решению. Словно очнувшись ото сна, он оглянулся на раздавшийся негромкий звук, похожий на хруст гальки под чьей-то легкой ногой. В дальнем уголке сада он увидел мальчика лет семи, который, ловко орудуя бамбуковыми граблями, собирал обломившиеся ветки и листву.

Недалеко от мальчугана стояла уже наполовину заполненная корзина. Улыбка тронула мужественное лицо Наставника, а взгляд наполнился теплом. Ребенок, будто что-то почувствовав, повернул голову в его сторону, и тут же его лицо озарилось ответной улыбкой.

– Какой же он все-таки молодец, – подумал Старец о мальчике. – Ведь он еще даже не послушник, а просто живет здесь, но, как всегда, старателен и сосредоточен. Да, из него выйдет толк. Нужно будет подобрать для него хорошего Учителя, Старшего брата, – и старик тут же подумал о Занге. – Вот, кстати, сейчас их и соединю, – принял решение Наставник и махнул парнишке рукой.

Тот, поняв, что его позвали, быстро и аккуратно положил грабли на землю. Подбежав, мальчик остановился на почтительном расстоянии, склонившись в традиционном для их монастыря поклоне.

– Подойди ко мне, – произнес Старец, и, погладив склоненную голову мальчика, сказал, – пойдешь на тренировочную площадку, где занимается Занг, и передай ему, что его хочет видеть Учитель.

– Я мигом, – звонко ответил мальчуган и, подпрыгивая, вскоре скрылся из виду.

Прошло всего несколько минут, и перед Наставником уже стоял его любимый ученик, обнимая за плечи ребенка, голова которого едва доставала ему до локтя.

– Учитель, Вы меня звали? – спросил Занг.

– Да. Я подумал о том, что тебе уже пора иметь своего ученика – Младшего брата.

Уверен, что Тхао – так звали мальчика – будет способным и прилежным учеником. С этого момента ты станешь учить и опекать его, оттачивая при этом свое собственное учительское мастерство.

О методике, по которой ты начнешь с ним заниматься, мы поговорим отдельно. А сейчас, – Наставник плавным жестом отправил светящегося счастьем Тхао к его прежнему занятию, – я хочу поговорить с тобой вот о чем, – и, встав со скамьи, он пошел по аллее, приглашая ученика следовать за ним.

Занг, идя почти рядом, следуя за Наставником, сконцентрировался, приготовившись слушать.

– Что ты думаешь о нашем подопечном? – старик повернулся к ученику и внимательно взглянул на него.

– Об этом белом человеке? – переспросил Занг.

– Да, да, именно о нем, – утвердительно кивнул Старец.

– Я думаю, что это хороший человек, смелый и честный, – отвечал Занг, вспоминая лицо Стефана. – Я видел его душу, когда он открывал глаза. Хорошо, что мы сумели вернуть летчика к жизни. Тем более сама судьба распорядилась так, чтобы он остался целым, упав с большой высоты.

– Верно, это была рука судьбы, – усмехнулся Наставник, – мало того, эта рука имеет конкретное имя.

– Имя? – удивился Занг. – Что ж это за имя?

– Это имя моего Старшего брата.

– Настоятеля Биня? – переспросил Занг. – Но ведь он же...

– Да, ушел, – закончил за ученика Старец, – но, уходя, он остался, своей духовной силой оберегая и защищая нас.

– Так это он спас белого человека?

– Да, он так решил, и поэтому мы обязаны завершить начатое им дело.

– Как это здорово! – воскликнул Занг. – Значит, Учитель Бин сохранил свою сознательность, – и глаза молодого монаха заметно увлажнились.

– И все-таки, – продолжал Учитель, – как ты видишь дальнейшую судьбу нашего подопечного?

– Я?

– Да, ты.

– Ну, прежде всего его надо как следует подлечить, а затем помочь вернуться обратно в родной для него мир, ведь там у него друзья, там его корни.

– Конечно, в этом ты прав, – ободряюще кивнул Наставник, – он – человек другой расы, живет в другой стране, и можно смело утверждать, что у нас с ним больше различий, чем сходства. Но, невзирая на это, мы видим, что он оставил дома все свои личные дела, пришел в нашу страну и протянул руку помощи в тяжелое для Вьетнама время.

– Все верно, – подтвердил Занг, – я же об этом и говорю.

– Нет, – мягко, но решительно остановил его Учитель, – ты говоришь не о том. Смысл твоих слов сводится к тому, что пострадавшему человеку нужно оказать помощь. Правильно, это так, но я говорю немного о другом.

Я говорю о том, что человек издалека, с другой части Земли, бросив личные дела и примчавшись к нам, рискуя жизнью, стал оказывать посильную помощь. Как ты думаешь, это благородно или нет?

– Естественно, да, – согласился Занг. – Однако я никак не могу понять, что мы еще можем для него сделать?

– Поставить его на ноги и помочь вернуться в родной мир – это наш долг, как монахов, перед любым человеком, попавшим в беду. Но во имя того, что Стефан пришел на нашу землю с желанием помочь, мы обязаны отблагодарить его, познакомив с нашей культурой, обычаями и философией. Однако даже это еще не все. Мы передадим ему наши секреты мастерства жизни.

– Но Вы же сами сказали, что они секретные. Как же мы будем их ему открывать, если он - человек из другого мира, других жизненных понятий? Ведь даже в нашем народе в них посвящают лишь избранных.

– Вот мы и посвятим его, потому что Стефан, преодолевая возникавшие на его пути препятствия, показал себя человеком высоких духовных качеств. Те же разъединяющие нас характеристики, перечисленные тобой ранее, да и подобные им, можно обозначить более кратко.

Все они образуют кастовые и расовые градации, характеризующиеся стереотипным представлением о человеке с другой кожей, политическими или религиозными предпочтениями, да и просто принадлежностью к другому социальному слою.

Я не думаю, что именно такие чувства ты испытывал, когда говорил о различиях между нами и Стефаном, но ты правильно затронул очень серьезную проблему, которая является причиной многих разногласий, буквально сотрясающих человечество. Предлагаю тебе посмотреть на этот вопрос с другой точки зрения.

Ведь все различия, о которых мы с тобой говорили, принадлежат к телесному, нижнему слою человечества, как вида, а в духе мы все подобны. Поэтому человека нужно оценивать не по тому, какого цвета его кожа или в какой стране он родился, а по тому, к чему тяготеет его "Личностное Я".

И если оно, как, например, у Стефана, стремится к высшему, не обращая внимания на различия, то этот человек – твой брат по духу, а значит, передать ему знания – наша святая обязанность и необходимость.

– Но почему же именно обязанность и необходимость?
– не мог понять Занг.

– Да потому что, на данном этапе развития землян, они между собой делятся, увы, не по душевным качествам и уму, а по расовой и кастовой принадлежности, что является причиной многих конфликтов.

Еще довольно долго люди будут жить по разные стороны баррикады, называемой стереотипным

восприятием. Эти шоры мешают им понять, что в духе все человечество – едино.

Следовательно, знания об этом должны проникать в сознание человечества, для того чтобы начался процесс изменения взглядов на этот вопрос. Это будет происходить не сразу, не за один год.

И до тех пор, пока существуют такие графы социальных слоев, как раса, кастовость, национальность, вероисповедание, а также элитарность, – они будут являться незыблемыми основами раздоров и притеснений. Вот почему очень важно начать расшатывать этого монолитного монстра в сознании землян, а это лучше всего делать с верхушки создавшейся иерархии.

– С чего же начинать, с какого постулата? – старался разобраться Занг.

– Когда люди поймут и проникнутся идеей, что не кастовость определяет прогресс, не то, в какой семье кто родился, – говорил Наставник, – а какое сознание у человека, тогда рухнет первый бастион разобщенности человеческой популяции. Нарушив кастовый принцип, люди займут достойные их возможностей жизненные ячейки.

Когда они будут способны смешивать свои генотипы, невзирая на национальную принадлежность, сможет рухнуть и второй бастион. В стране будет спокойно жить не представитель какой-либо национальности, а просто ее гражданин.

Третий же бастион разъединения исчезнет после того, как падет препятствие в виде политических предпочтений.

Четвертый – когда люди будут способны расширить свою генетическую базу за счет отмены деления групп по религиозному принципу.

И только после всех этих изменений разрушится последний, пятый, самый мощный камень преткновения. Это произойдет тогда, когда люди сумеют полностью интегрироваться, невзирая на расовую принадлежность.

И после всех этих метаморфоз они наконец-то смогут жить единым духом – тогда установится на Земле мир и настанет "Золотой век" человечества. Все люди будут

представителями одной популяции – землянами или даже гражданами Вселенной.

– Да, – вздохнул Занг, – можно смело позавидовать тому поколению людей, которому незачем будет вести войны. Всю свою энергию они смогут направить на саморазвитие. Но невольно на ум приходит мысль о том, что заставить людей это сделать – почти непосильная задача.

– А кто сказал, что людей нужно к чему-то принуждать? – быстро уточнил Учитель.

– Ну а как можно по-иному изменить стереотип их мышления, который является причиной кровавых войн и необоснованных конфликтов между разными группами людей? – удивился Занг. – Запомни: при решении проблем нежелательно использовать насилие! Даже в борьбе со злом. Ведь, пользуясь таким методом, ты сам порождаешь зло, которое уже обоснованно требует мщения. Действовать необходимо по воле, и только по ней. Именно в этом залог успеха всего дела.

– Я понимаю, – сказал ученик, – что волевое действие по своей эффективности намного превышает насильственное, но в вопросе с преодолением стереотипов всего человечества мне трудно понять, как можно это сделать, если не бить "по рукам" людей, не разрешая им проявлять свою неумную агрессивность?!

– И, тем не менее, это возможно. Твоя ошибка заключается в том, что ты эту болезнь человечества стремишься вылечить оперативным вмешательством. А ведь давно известно, что лучше не лечить болезнь, а не позволять ей возникнуть.

– Но она уже существует!!! Именно по ее вине каждый день гибнут люди!

– В этом ты прав. Однако взгляни на этот вопрос с иной позиции. Ведь каждый день рождаются дети, у которых нет подобного деления. Они приходят в мир с чистыми, как белый лист, сознаниями. Это потом, в процессе неправильного воспитания, они заражаются стереотипным отношением друг к другу – изначально же у них нет предубеждений.

Ответ на поставленный мною вопрос кроется в том, что необходимо изменить идеи воспитания. И делать это

нужно с самого верха общественной пирамиды. Там, в политической элите реформаторов, должна раскрыться и утвердиться такая идея.

И она должна носить глобальный характер, так как в ином случае будут возникать конфликты между теми, кто уже принял новую концепцию, и теми, кто еще находится под гнетом старого уклада жизни.

С самого раннего детства необходимо провозглашать то, что неважно, к какой из социальных групп относятся родители, белой ли они кости либо неприкасаемые, а важно, что собой представляет ребенок, какие у него задатки.

Если он в потенциале гениален, то ему необходимо сразу же предоставить прямую дорогу наверх – к тому делу, к которому у него наблюдаются склонности, – и такой подход должен стать законом. Причем "наверх" не должно означать, что он будет принадлежать к сливкам общества.

Главное, чтобы человек полностью справлялся с делом, был мастером. Именно мастерство станет критерием оценки. Не должно иметь значения, родился ли человек арабом или африканцем, в католической семье, протестантской или мусульманской – различать людей необходимо по их личным качествам.

Еще в детстве психологам, в ходе бесед, нужно выявлять предрасположенность каждого ребенка к определенному роду занятий, и грамотно подвести к мысли о том, что жить правильно – значит заниматься тем делом, к которому имеется призвание. И такая диагностика должна проводиться в творческом, нестандартном, индивидуальном подходе к каждому ребенку.

– А если при таком изучении характера в нем четко прослеживается авантюрное начало? – спросил ученик. – Где можно найти ему применение?

– Детей, рождающихся со склонностью к риску, опасностям, частой перемены места жительства, не так уж и много, и для них существует достаточное количество лояльных к закону профессий. В них люди с такими качествами просто необходимы, будь-то

спасатель в горах либо исследователь саванны; геолог или журналист.

Но вернемся к обсуждению основной темы нашего разговора. Итак, в обществе не должно быть различий: мастер-купец этот человек или мастер-плотник. Должна быть одна элита мастеров кунфу. Хочешь быть в ней? Пожалуйста: учись, старайся, занимайся тем делом, к которому у тебя есть способности, и жизнь твоя будет обеспечена.

– Простите, Учитель, что я Вас опять перебиваю, – извинился Занг, – но мне непонятно, как же можно сравнивать благосостояние плотника и зажиточного дельца? Ведь они оперируют разными денежными суммами, и, возможно, плотнику за всю свою жизнь не заработать столько денег, сколько торговец оборачивает в день.

– Хорошо, что ты увидел и эту сторону вопроса, – довольно отметил Наставник. – Конечно, суммы, с которыми каждый имеет дело, различны, но подумай о том, что человеку необходимо для жизни не так уж и много. И мастер должен иметь возможность удовлетворять свои потребности достойно своему труду.

Естественно, купец может приобрести десять домов, но дело в том, что для жизни ему необходим только один. Всю остальную наличность он, как правило, пускает в оборот для того, чтобы деньги работали.

Постепенно в сознании всех землян необходимо прорастить желание заниматься любимым делом, самосовершенствоваться через него. Людям незачем отвлекаться на те внешние различия, которые для общего ментального развития несущественны. Главное, чтобы в духовном мире каждый мог свободно расти, соразмеряясь с индивидуальными предпочтениями.

При таком отношении поэтапно разрушатся все бастионы, о которых мы с тобой говорили ранее, и появится возможность для удовлетворения высших, духовных потребностей человека. Потому что настоящий мастер – это творец жизни, маг, который превращает все свои действия в совершенный жизненный поток, насколько это возможно на Земле.

Именно это состояние параллельности, в котором расправляет свои крылья духовная сила магичности, и станет единственной общечеловеческой ценностью, венчающей все остальные устремления и чаяния.

– Вот здорово! – воскликнул ученик. – Жаль, что это произойдет не скоро, – и уже грустно добавил, – ох, как не скоро...

– Верно, это достижение не завтрашнего дня и даже не ближайшего века, предстоит долгий и суровый путь, но двигаться в этом направлении необходимо уже сегодня.

Вернемся теперь к нашему гостю. Он человек из другого, во многом непонятного для нас слоя времени. И поэтому, через цепь испытаний придя в наш монастырь для восстановления сил и возврата жизненности, Стефан должен будет впоследствии вернуться назад, в свой мир.

Но не таким, каким он пришел из него к нам, а с качественно иным сознанием, неся в себе знания, которые, я уверен, он будет способен не только понять и оценить, но и полноценно передать тем, кто окажется достоин такой чести.

Конечно, определяющее значение будет иметь его согласие, но с нашей стороны он не встретит препятствий – это решено уже сейчас. А теперь – после всего, о чем мы с тобой говорили – как ты думаешь, ради этого стоит дать ему те сведения, которые обычно держатся в тайне?

– Да, несомненно! – от величия нарисованной картины у Занга захватило дух, и он с восхищением посмотрел на своего убеленного сединой Учителя.

Внимательно наблюдая за состоянием ученика, старик, усмехнувшись в усы, сказал:

– Однако и это еще не все. В будущем, когда активизируется процесс интеграции и объединения, каждый народ в новом обществе займет равноценное его вкладу место.

Поэтому очень важно, чтобы люди увидели тот довольно мощный пласт психофизических и духовных знаний, которые уже теперь имеет Восток и которых не хватает и ещё долго не будет хватать западному

обществу, с его мощно развитой промышленно-технической базой.

– Я и не думал, что этот случай, занесший Стефана к нам в гости, может иметь столь значимое продолжение, – тихо произнес Занг.

– И все же это так. Кроме того, существует еще одна важная проблема. Дело в том, что люди, давно живя на Земле, накопили огромный запас опыта, но, к сожалению, он передается только в виде произведений искусств, сказаний, обычаев... Давай разберемся, как это происходит.

Человек, воспринимая что-либо, осознает это и тем самым вносит в получаемую информацию свой, субъективный взгляд, то есть искажает ее. Затем он старается воплотить свое понимание воспринятых явлений в скульптуру, стих, картину...

После этого созданное им произведение если и просуществует достаточно долго, чтобы стать интересным для потомков своей древностью, оно, как правило, побывает в руках реставраторов. А если это устное творение, то оно неизбежно исказится в устах тысяч людей (которые частенько ради своей выгоды умышленно изменяют даже смысл, стержневую идею шедевра).

И, наконец, через сотни лет человек, который будет изучать это произведение, с иной культурой и уже иным языком, также сделает это сквозь призму субъективного восприятия. Таким образом, информация из глубины веков, дошедшая до конкретного настоящего, оказывается настолько искаженной, что в какой-то степени ее можно считать ложной, а древнюю вещь – наполовину копией.

– Как же так! Ведь в структуре передачи духовных знаний важно все! И если даже каким-то чудом будет сохранена буква, но утратится дух творения, то справедливо можно будет считать, что все пропало! Неужели нельзя придумать какой-нибудь способ, при котором можно было бы избежать искажения бесценных знаний? – обескуражено спросил Занг.

– Что касается субъективности человеческого восприятия, то нет. Оно всегда будет присутствовать в

той или иной степени до тех пор, пока будет существовать сам человек.

Относительно же временных искажений, то здесь положение дел более обнадеживающее. Разгадка заключается в том, чтобы выработать в сознании способность построения тоннеля, напрямую соединяющего прошлое и настоящее, тем самым имея возможность узнать истинное положение дел интересующего временного пласта.

– Я помню, – воскликнул Занг, – что мы об этом говорили, но я никогда не сталкивался с реально происходящими явлениями такого характера.

– Ну что ж, теперь это произошло. Ведь этот белый человек – из будущего, и он прошел к нам именно через подобный тоннель.

– А мы, кто для него мы?

– Мы для него – лики прошлого. Ведь сейчас по западному летоисчислению у нас только начинается семнадцатый век, а в его мире уже недалеко до конца двадцатого.

Очень важно, чтобы он, научившись здесь истинным знаниям, затем сумел бы передать их в то время, где потомки смогут познавать историю напрямую.

Приобретенный таким образом опыт даст возможность в начале следующей эры сделать мощный скачок в развитии человечества – к тому времени качество сознательности людей будет гораздо выше, и зерна лягут в готовую к плодородию почву.

– А разве знания о способе вхождения в иное время нельзя передать обычным путем, из поколения в поколение?

– К сожалению, эти знания намного опережают способность большинства наших современников их воспринимать. Более того, в будущем ожидаются великие катаклизмы и войны, в которых эти познания могут просто исчезнуть.

Тот пласт времени, откуда прибыл Стефан, и является подготовительным к тому качественному подъему, когда необходимость в магических познаниях будет ощущаться так остро, как никогда прежде...

После некоторого молчания Наставник спросил:

- Ты понял все то, о чем мы с тобой говорили?
- Да, – уверенно и твердо ответил ученик.
- Хорошо. Теперь можешь идти отдыхать, а также поразмыслить обо всем этом еще раз, стараясь проникнуть в глубину затронутых вопросов, – закончил беседу Учитель. Сердечно попрощавшись, он пошел в сторону скального храма. Занг же, развернувшись, мерной походкой зашагал вглубь сада.

Глава 15

Лежа в гроте, Стефан чувствовал себя находящимся на нейтральной территории, расположенной между двумя, затягивающими его внимание, пространствами. Не ведая, сколько времени находится в таком уравновешенном состоянии, он неуклонно стремился к одной цели – выжить.

Видения сменяли друг друга, не принося облегчения. Однажды, продираясь сквозь мучавшие его кошмары, Стефан вдруг очутился во сне, в котором шел по огромному лугу, поросшему душистым разнотравьем. Тысячи головок цветов, источая прекрасную симфонию запахов, были развернуты к всплывающему диску солнца.

Справа от путешественника несла свои воды могучая река, и, следуя поднымавшемуся из подсознания порыву, Стефан двинулся вверх по ее течению. Вскоре он понял, что его темп движения ускоряется... Сознание проносилось мимо лесов, оврагов и лугов, подобно свету.

Казалось, прошло совсем немного времени, а оно уже витало над озером, созданным бешено ревущим потоком, который срывался с головокружительной высоты и, наверное, уже бессчетное количество веков выбивал звонкие мелодии, создавая это поразительно красивое место.

Мириады водных брызг образовывали возле водопада облако, которое насыщало всю округу спасительной прохладой. Солнечный свет, проникая в самую гущу облака, преломлялся там многократно, преобразуясь в мягкое разноцветное свечение, распространявшееся в пространстве волнами утонченной загадочности.

Стефану тоже захотелось окунуться в эту чудесную дымку. Используя световой поток, он проник в тучу, и, находясь внутри этого радужного скопления, с удовольствием стал вдыхать терпкий запах свежести, чувствуя, что эти пары очищают все его существо.

Посмотрев на свое виртуальное тело, Стефан отметил, как быстро заживают его раны. И понял, что это происходит не только на теле психики, но и в его душе. Остались лишь светлые ниточки шрамов-памяток.

Взглянув вверх, он понял, что прямо над его головой стала образовываться широкая радуга. Легко воспарив и нырнув в нее, Стефан закружился в изящных завихрениях частиц, ощущая полную раскованность и свободу, которая длилась миг или вечность – кто знает?

*

Стефан осознал себя лежащим на чем-то твердом и теплом. С трудом разлепив веки, он увидел, что находится в довольно просторной пещере, на стенах которой были изображены ставшие близкими его сердцу пять зверей. Повернув голову, летчик заметил, что рядом с его постелью сидит молодой вьетнамец.

Взгляд незнакомца был направлен на пламя стоявшей на небольшом столике свечи. Казалось, его мысли витали далеко отсюда, но стоило Стефану пошевелиться, чтобы лечь удобнее, как тот немедленно повернулся и, улыбнувшись, быстро подошел к своему подопечному. Наклонившись к Стефану, Занг что-то мелодично произнес, но русский не понял ни слова.

Очевидно, это несколько не обескуражило монаха, и он стал знаками показывать, что необходимо встать с постели. Летчик с трудом сообразил, в какой очередности ему необходимо двигать телом, чтобы выполнить требуемое действие. На удивление, у него ничего не болело, и он с завидным проворством сел, опустив ноги.

Воодушевленный успехом, Стефан, поддерживаемый Зангом, осторожно встал со своего каменного ложа и сделал несколько шагов. Поняв, что его подопечный уже способен идти самостоятельно, монах взял свечу и пошел вперед, показывая дорогу. Он не оказывал больше помощи Стефану, которому ничего не оставалось, как поспешить за медленно удаляющимся ответом. Вскоре молодые люди вышли во двор.

Яркое послеобеденное солнце ослепило привыкшие к темноте глаза летчика, и он даже покачнулся от внезапно накатившей слабости. Однако вскоре состояние болезненности прошло, и в проступившей четкости восприятия Стефан увидел просторный двор, огороженный высоким каменным забором, а также

небольшую площадку, выложенную мраморными плитами замысловатым узором.

От нее во все стороны расходились дорожки, а между ними росли разнообразные деревья, создавая ощущение уюта и размеренности бытия. Повсюду виднелись деревянные скамеечки, как будто приглашающие путника уединиться и подумать о вечном.

Занг показал на ближайшую скамью, очевидно, предлагая летчику сесть. Удобно расположившись на ней в тени сливы, Стефан попытался заговорить с вьетнамцем, но после нескольких безуспешных попыток замолк.

В наступившей паузе они растерянно смотрели друг на друга, сознавая, что между ними – бездонный языковой барьер, и они не могут найти быстрый способ преодолеть его.

Их затянувшееся молчание нарушил голос пожилого монаха, который подошел к ним с приветствием. И, как ни странно, оба сразу же поняли его. Стефан, ответив, после небольшой паузы спросил присевшего рядом с ними Старца (которого помнил еще со времени реанимации):

– Почему, не зная вьетнамского языка, я легко понимаю произносимое Вами, хотя при общении с молодым монахом я убедился, что языковой барьер между нами существует?

– Дело в том, что у каждого народа есть своя система знаков, при помощи которых происходит общение, и разобраться в чужом языке, а тем более думать на нем – задача не из легких.

У тебя, Стефан, нет времени на этот долгий путь, поэтому постарайся овладеть другим, прямым способом, который поможет тебе жить и взаимодействовать в нашем мире.

– Другой способ общения? – удивился Стефан. – Я никогда ни о чем подобном не слышал.

– И, тем не менее, он существует. Постарайся понять, что (хотя у каждого народа есть свой язык) все люди входят в одну популяцию – человеческую, а значит, они подобны друг другу по сути. Из этого следует, что принципиальные процессы протекают у них идентично.

Так, любой нормальный человек имеет органы чувств и получает с их помощью информацию о происходящем вокруг в виде различных волн, на базе которых его мышление и создает образ. Именно на данном принципе и основывается способ общения, которому я буду вас обучать.

– Извините, – прервал его рассказ Стефан, – но мне все же непонятно, как возможно такое общение. Даже если у каждого из нас процесс осознания мира происходит при помощи одинаковых образов, ведь выражают-то их люди по-разному! Нельзя же увидеть, что делается у другого человека в голове!!!

– А между тем ты почти ответил на интересующий нас вопрос – хотя, конечно, создаваемые образы не ютятся в голове, а обитают в поле сознания.

Но вернемся к нашей непосредственной теме: именно при помощи образов нужно вести разговор, а не за счет звуков. При таком общении каждый говорит на своем языке, в то же самое время прекрасно понимая, о чем говорит собеседник.

– Но тогда зачем произносить слова, – спросил Стефан, – если общение происходит на более глубоком уровне?

– На начальном этапе такой прием необходим, так как помогает практикующему этот способ удерживать в своем сознании ясный и четкий образ достаточно длительное время.

Представьте, что вы смотрите сквозь поверхностную рябь в глубь озера, и видите на его дне камни. Или что, читая книгу, начинаете ощущать, будто получаете информацию между строк.

Наверняка каждый помнит происходившее с ним нечто подобное. Вспомните испытываемые вами тогда чувства, проникнитесь состоянием, в котором находились. Итак, Стефан, постарайся понять, о чем я сейчас буду тебе говорить.

Наставник стал плавно произносить слова, а русский, сосредоточившись, смотрел на Старца, пытаясь распознать смысл произносимого. И вдруг в его сознании четко, словно отпечатывая каждый звук, проступили слова на его родном языке.

Это было удивительно и восхищало не меньше, чем недавно пережитое им в сияющем облаке!.. Неожиданно слова потускнели, их звуки стали удаляться и затухать, хотя Учитель не прерывал свою речь. В недоумении посмотрев на старого монаха, Стефан вскоре услышал внутри себя:

– Постарайся осознать разницу между словами, произносимыми мной, и теми мыслями, что я, с помощью энергетических посылов, проявляю в твоём сознании.

Настроившись на исходящие от старика ментальные флюиды, Стефан вначале ничего не ощущал, но, не оставляя своих попыток, он через некоторое время увидел, как монах то прячет свои мысли за звуковую завесу, то, наоборот, показывает их.

Несколько раз переключая свое внимание с одного режима осознания на другой, летчик почувствовал, что вполне овладел им, и с восторгом стал рассказывать своим новым друзьям, Зангу и пожилому монаху, о тех впечатлениях, которые у него возникли в процессе обучения телепатическому способу общения.

Тепло улыбаясь, старик добавил:

– Этот же механизм нужен людям не только для преодоления языкового барьера, но и для взаимопонимания представителей человечества, использующих одну знаковую систему, так как звуковая завеса в сознании мешает постичь слушателю смысл, вкладываемый собеседником в свою речь.

Отсутствие четкого понимания сути обсуждаемого вопроса сводит возможный диалог к двум монологам, вследствие чего каждый совершает ошибочные поступки, руководствуясь искаженной информацией, а это неизбежно ведет к проблемам и конфликтам.

Умение слышать мысли, а не только слова, видеть за поступками глубинные мотивы позволяет правильно оценивать те проявления, которыми буквально насыщено внешнее пространство.

Полученные в итоге знания позволяют точно и вовремя совершать соответствующие обстоятельствам действия. Однако все это верно не только во внешних взаимоотношениях, но приводит еще и к более глубокому пониманию своего собственного внутреннего мира,

помогает сохранять психическое спокойствие и равновесие.

Людам, освоившим этот метод, легко понять, что означает находиться в тени либо на свету, а также во время наблюдения. Несомненно, можно утверждать: все состояния, о которых мы сейчас говорили, ведут человека к гармонии, причем как в самом себе, так и с окружающим миром.

– Да, действительно, – подтвердил Стефан, – сейчас я ощущаю внутри себя четкость и насыщенность осознания окружающей действительности. Теперь постараюсь постоянно использовать этот метод общения.

– Ну что ж, – заключил Старец, – похоже, твои первые шаги в нашем временном пространстве складываются удачно.

– Как? Как это может быть? Что это значит? – удивленно спросил Стефан.

– А так, – заметил Старец. – Ты думаешь, какой год идет по вашему летоисчислению?

– Чего же тут думать – 1972.

– Ты ошибаешься почти на 350 лет, – спокойно произнес пожилой монах.

– Не может быть, – ум летчика отказывался понимать происходящее.

– Оглянись вокруг, посмотри на нас, на этот монастырь. Услышь тишину, которую не нарушает ни гул самолетов, ни канонада взрывов.

– Мне что-то говорил об этом Проводник, – вспомнил Стефан, – но я думал, что все мои недавние приключения были просто сном.

– Да нет, тот сон был реальностью, – не соглашался старик.

– Как же так? Мне непонятна сама формулировка ваших слов, – вконец запутался Стефан, – например, когда я сплю в постели, это тоже реальность?

– Несомненно, – подтвердил Учитель, – ведь это реальность сна.

– А! – воскликнул молодой человек, – просто вы меня неверно поняли. Ведь я имею в виду то, что сон – это иллюзия, которая мне просто кажется.

– Вовсе нет, сон – это тоже реальность. Дело в том, что нереальности нет. Если что-то есть, то оно существует, только в ином режиме восприятия.

– Это ясно, но я не то хотел сказать, – попытался объяснить Стефан, – если, к примеру, во сне на меня нападет тигр и поранит руку, то, проснувшись, я увижу, что она будет целой и невредимой. Даже если он меня там загрызет, здесь на мне не будет ни царапины.

– Тигр, конечно, не загрызет. Но то, что ты там видел, это всего лишь образ существа, которое твое сознание увидело как тигра, потому что этот зверь для тебя наиболее подходил под характеристики нападавшего. Однако я не взялся бы утверждать, что это нападение не могло принести повреждений.

Если бы ты находился в состоянии измененной реальности, когда с внешней средой того мира образовалась бы обратная связь, а также если бы ты осознавал самого себя, то повреждения, как результат атаки, были бы и после того, как ты проснулся.

Ведь когда образуется связь, то измененная реальность практически ничем не отличается от бодрствования, а порой воспринимается гораздо динамичнее и насыщеннее. Интересно, как ты думаешь, этот мир и ты сам в нем реален?

Стефан в замешательстве молчал. Только через несколько минут он смог выговорить:

– Я даже не знаю, что и сказать.

– А ты посмотри вокруг, вдаль, вблизи, – пришел ему на выручку Наставник. – Посмотри на свои руки, ноги – ты их видишь, узнаешь? – и, увидев утвердительный кивок, продолжал:

– Крикни – послушай свой голос. Ощупай себя руками. Подойди к воде, посмотри на свое отражение. Наклонись к цветку, понюхай его. Сорви с ветки сливу, съешь ее, ощути вкус, и потом скажешь, реальность это или нет. И если чувства тебе скажут "да" – значит, это самая настоящая, объективная реальность, и ты находишься в ней.

– Но ведь вы же сами сказали, что это другое время. Так какое из них реально: то или это? Прошое или будущее?

– Объективной реальностью для тебя является то время и пространство, – продолжал Учитель, – которое ты осознаешь и в котором себя ощущаешь.

– Мне очень трудно это понять до конца, – смутился ученик.

– Ничего страшного, – поддержал его Старец, – у тебя здесь будет достаточно времени, чтобы разобраться как в этом, так и в других вопросах.

И Учитель, помолчав немного, продолжал:

– Мы знаем, кто ты и откуда. Знаем, почему и зачем ты приехал в нашу страну. И неважно, насколько ощутимой и значимой была твоя помощь. Главное, что она была сделана от души, и мы также искренне, из другого времени, протянули руку помощи тогда, когда ты попал в беду.

Потому что в истинных отношениях всего сущего нет прошлого и будущего, есть только одно настоящее, живущее просто в разных временных режимах, – и Старец, заметив, что Стефан наморщил лоб, ободрительно похлопал его по плечу:

– Пока хватит, не будем продолжать эту тему, – и, повернувшись, он указал ученику рукой на Занга, – отныне этот молодой монах станет для тебя названным братом, который будет помогать осваиваться здесь. Кроме того, вы будете, занимаясь науками в нашем монастыре, стремиться помочь друг другу преодолевать трудности обучения.

У нас есть правило, по которому Старшие обязаны не только старательно усваивать знания сами, но и быть учителями для Младших учеников. У вас будет один ученик. Занг, – Наставник показал на сверстника Стефана, – уже знает, о ком я говорю, и покажет его тебе.

Кстати, именно сейчас будет проходить ритуал посвящения детей в Младшие ученики. Однако чтобы они стали настоящими послушниками, им предстоит выдержать одно испытание, которое для тебя, Стефан, наверное, покажется необычным и станет поучительным.

Вот вы там и сможете увидеть, как ваш будущий ученик Тхао будет преодолевать его, – и с этими словами

он встал и пошел по дорожке, удаляясь от пещер скального храма.

Молодые люди, улыбаясь, но, в тоже время, и оценивающее поглядывая друг на друга, поспешили за Старцем.

*

Идя по тщательно уложенным плиткам, Стефан обратил внимание на то, что их путь пролегал по просторной аллее, состоявшей из поражающих своими размерами деревьев.

Занг, заметив зачарованный взгляд новенького, показал рукой на одно из них и сказал, что такие деревья, называемые баньянами, могут жить целое тысячелетие. Немного помолчав, он добавил, что эти долгожители – гордость всего монастыря, и за ними тщательно ухаживают.

Между тем они вышли из хорошо укрепленных, но сейчас распахнутых настежь ворот и, пройдя по мостику, перекинутому через широкий ров с водой, вся поверхность которого была заполнена цветущими лотосами, направились к поляне.

На ней находилось около двадцати мальчиков примерно от семи до десяти лет. Их худощавые тельца покрывали только набедренные повязки. Почти все дети держались вместе шумной ватагой, и только несколько мальчиков располагалось поодиночке в полном молчании.

Взору открывалась лишь половина поляны, так как всю лужайку перегораживало плотное бамбуковое ограждение. Обойдя преграду вслед за учителем, Занг и его спутник вышли к яме шириной около двух метров и метра три в глубину, а ее длина равнялась шести метрам.

Все дно, как в ловушке для зверей, было плотно утыкано заостренными бамбуковыми кольями. Понятно, что любой, кто упал бы в нее, неминуемо бы погиб, распоротый этим смертоносным частоколом. Недалеко от противоположного конца ямы сидело трое пожилых монахов.

Учтиво им поклонившись, старик с молодыми людьми вернулся на ту часть поляны, где в полном неведении того, что их ожидает, находились претенденты в

послушники. Наставник взглядом указал на ребенка лет семи, который сидел недалеко от забора в позе лотоса и сосредоточенно смотрел прямо перед собой:

– Это ваш будущий ученик, – тихо произнес Старец. – Вот, кстати, вы и посмотрите на него, оцените, сумеет ли он выдержать испытание. А если нет, то останется, как и прежде, просто мальчиком, живущим при монастыре, мирянином.

Они встали так, чтобы было видно обе половины поляны, и приготовились наблюдать за развитием событий. Со стороны монастыря подошел высокий монах крепкого телосложения и, поклонившись присутствующим учителям, встал у противоположного края ямы.

Получив знак, разрешающий начало испытаний, он выкрикнул первое имя, и из группы мальчиков отделился один. Обойдя бамбуковую изгородь, ребенок подошел к экзаменатору.

Стефану не было слышно даже звука голоса высокого вьетнамца, потому что тот говорил тихо, буквально шепча на ухо мальчику, периодически показывая на яму и на другую сторону, где сидел настоятель монастыря со своими помощниками. К своему удивлению, Стефан убедился, что он продолжал прекрасно понимать смысл произносимых экзаменатором слов.

Суть их заключалась в том, что тот предлагал испытуемому совершенно непосильную на первый взгляд задачу – мальчик должен был перепрыгнуть яму в длину. Монах добавил, что ребенок тут же будет посвящен в Младшие ученики, если поверит в то, что сможет это сделать, и прыгнет.

Было видно, как ребенок мгновенно покрылся гусиной кожей и побледнел, но, все же решившись, стиснул зубы и сделал несколько шагов назад для разгона. Сжавшись от страха в комочек, он побежал мелкими шажками к яме. Почти достигнув ее края, мальчик глянул вниз... Словно загипнотизированный частыми рядами кольев, он больше не смог сделать и шага.

Высокий монах, стоявший рядом, неожиданно мягким движением коснувшись плеча ребенка, сказал, что тот не выдержал испытания, и ему в следующем году будет

предоставлена еще одна возможность прыгнуть. Показав в сторону монастыря, он приказал мальчику идти туда.

Вызвали еще одного претендента - лет десяти. Рослый, с широко развернутыми плечами, он производил впечатление всегда побеждающего ребенка. В его взгляде читались честолюбие прирожденного лидера и осознание своего превосходства над другими.

Однако после того как ему было объяснено задание, бравады в нем поубавилось. Хотя, очевидно, не настолько, чтобы отступить. Приближаясь к яме, мальчик с каждым шагом замедлял свой бег и у самого края практически остановился. Но сила инерции неумолимо потащила его вниз, и ребенок стал падать прямо на острия бамбуковых кольев.

Стефан в волнении подался вперед, понимая, что не успеет помочь мальчику и сейчас произойдет непоправимое. Но экзаменатор не зря стоял так близко от края ямы. Молниеносным движением руки он поймал мальчика и, как котенка, отшвырнул в сторону.

И второй испытуемый остался лишь приближенным к монастырю, а не в него принятым. Размазывая слезы по некогда заносчивому лицу, он с опущенной от стыда головой побрел, спотыкаясь, прочь.

Третьим экзаменатор вызвал Тхао.

Стефан с замиранием в сердце смотрел, как малыш медленно поднимается и, секунду постояв в полной неподвижности, решительно идет за бамбуковую ограду.

Хорошо было видно, как вздрогнул мальчик от страха, когда монах объяснил, в чем состоит испытание. Однако, ни единым жестом не выдав своего состояния, он продолжал слушать. И после того, как тот закончил говорить, ребенок сложил руки перед грудью и поклонился, давая знать, что он понял.

Произнеся еще несколько слов, экзаменатор показал Тхао место у забора, откуда тот должен начинать свой разбег, а сам сделал шаг назад и в сторону, освобождая позицию для прыжка.

Мальчик, медленно подойдя к ограждению почти вплотную, с легкостью развернулся, и Стефан с удивлением отметил, что теперь не замечает на лице

испытуемого ни тени страха. Оно было спокойно, как лицо маленького Будды.

Затем произошло самое удивительное. Стефану показалось, что малыш, слегка вздрогнув, начал вибрировать, и его тело стало излучать голубоватое свечение. Возникло такое впечатление, что тень испытуемого стала больше, объемнее и чем-то напоминала тень слоненка, когда тот устремляется к желанной цели.

В этот момент неуловимым движением, подобным порыву ветра, Тхао начал свой разбег. В отличие от других, он не замедлял скорости своего движения при приближении к краю ямы, а, наоборот, с каждым шагом наращивал ее.

И при последнем толчке все его тело настолько вибрировало от энергетической насыщенности, что, когда он начал свой полет, распростертые руки малыша стали казаться крыльями парящего орла.

– Но ведь этого же явно недостаточно для того, чтобы ребенку перепрыгнуть яму такой длины, – пронеслось в сознании Стефана.

Казалось, ужасная развязка неминуема. И вдруг, словно услышав мысли летчика, экзаменатор, стоявший у края ямы, несильно, но нацелено шлепнул прыгнувшего мальчика чуть ниже поясицы, исполнив роль катапульты.

Тот не только сумел перелететь через все бамбуковые колья, но и оказался в метрах двух от смертоносной черты, кубарем подкатившись к ногам учителей. Глядя на них, можно было видеть, как засветились их лица от того, что родился еще один ученик.

Быстро вскочив, Тхао еще некоторое время не верил, что испытание пройдено, а затем, как дети всего мира, подскочил на месте и захлопал от счастья в ладоши. Монахи, присутствующие при этом эмоциональном выплеске, понимающе закивали.

После всех переживаний, выпавших на его долю, мальчик держался на удивление стойко, и, когда его подозвал к себе сидевший с края монах, малыш уверенно подошел и гордо посмотрел тому прямо в глаза.

Торжественно, под одобрительные взгляды остальных, старик повел мальчика через главные ворота в храм - с этого момента Тхао стал Младшим братом.

Испытания шли своим чередом. Все дети ставились в одинаковые условия, но каждый из них вел себя соответственно имевшемуся характеру и духовному настрою.

Было даже несколько человек, которые сразу же отказывались, предпочитая навсегда уйти из монастыря.

В итоге из двадцати ребят, участвовавших в испытаниях, на следующую ступень прошло лишь трое, в числе которых был и состоявшийся ученик Занга и Стефана.

После того, как церемония посвящения закончилась, Учитель со своими молодыми спутниками решил пройти дальше по лугу, который постепенно спускался к реке. Стефан, все еще находясь под впечатлением увиденного, не смог сдержать вопроса, вертевшегося на его языке с самого начала испытаний.

– Скажите, Учитель, – начал он, – сколько было несчастных случаев в результате того, что экзаменатор не успевал подхватить ребенка, и тот падал на колья?

– Такой вид посвящения в Младшие ученики практикуется уже довольно долго, – отвечал Старец, – но не было ни единого случая, чтобы прыгавший ребенок упал на колья.

И, видя, что Стефан продолжает находиться в полном недоумении от только что услышанного, он дополнил свою мысль:

– Это происходит потому, что экзаменатор с самого начала разбега внимательно наблюдает за ребенком и видит, в каком состоянии находится испытуемый перед прыжком. Настраиваясь на него, он буквально сливается с его психикой, следуя за каждым движением тела претендента.

В то время они духовно представляют собой одно целое. Причем монах, не вмешиваясь в личностные процессы, занят тем, что наблюдает за движениями мальчика. Естественно, что при этом он не может промахнуться, получая прямую информацию от первоисточника.

К тому же чувство ответственности за жизнь ребенка не позволит экзаменатору сделать ошибку, упустив какую-нибудь деталь. Он, каждый раз подбрасывая испытуемого, относится к этому так, как будто от этого зависит его собственная жизнь.

– Теперь это чудо становится понятным, – задумчиво протянул Стефан. – Но я хотел бы узнать вот еще что: почему для посвящения было выбрано именно такое испытание?

– Все очень просто, – с улыбкой произнес Наставник. – Дело в том, что для успешного обучения в нашем храме, прежде всего, требуется вера. Именно она является основой всех грядущих преобразований в сознании того, кто становится на путь развития духовности.

Тот, кто верит словам своих учителей, не подвергая их сомнению, несмотря даже на угрозу неминуемой смерти, таящейся в яме; тот, кто решается и внутренне прыгает – только тот может быть удостоен высокого звания ученика. Экзаменатор же лишь помогает ему реализовать этот прыжок в материальном мире, так как ясно, что ребенок физически на это неспособен.

В момент посвящения, доверяя Учителю самое ценное, что у них есть, а именно жизнь, и в результате этого прыгая, они становятся совершенно другими людьми, духовно перерождаясь под воздействием своего волевого прыжка.

– Но почему именно прыжка волевого? – заинтересовался Стефан.

– Да потому что только в случае, когда человек всем своим существом стремится к прыжку, в испытуемом нет места для внутреннего конфликта. Его тело не дрожит и не трясется, чувства уравновешены, ум принимает неизбежность прыжка, и, не сосредотачиваясь на какой-либо детали происходящего, он воспринимает весь спектр окружающего пространства.

Но самое главное: в нем нет сомнения, как наиболее громоздкого камня преткновения, – только при наличии всех перечисленных составляющих его прыжок увенчается успехом.

Запомни: никогда не начинай решительных действий без тщательного обдумывания, но, решив, действуй целеустремленно и без колебаний. Именно тогда ты сможешь почувствовать, как поднимается всесокрушающая волна, и осознаешь, что самая большая опасность находится не в яме, а в тебе самом.

– Мне непонятно, – произнес Стефан, – о какой опасности Вы говорите?

– Чтобы осветить этот вопрос, я воспользуюсь следующим примером, – продолжал свою речь наставник. – Представь себе, что на земле лежит доска достаточной ширины и толщины, чтобы по ней можно было легко пройти. Если предложить тебе это сделать, ты справишься с этой задачей?

– Да, без особого труда, – уверенно ответил Стефан, не понимая, к чему Старец клонит.

– А теперь представь, что доску подняли на высоту человеческого роста – ты также легко сможешь по ней пройти?

– Я пройду, хотя сделать мне это, конечно, будет труднее.

– А что изменилось?! – воскликнул Учитель. – Ведь доска одна и та же!

– Доска-то та же, однако появился страх, – медленно произнес Стефан.

– Вот именно, страх. А если еще усложнить задачу и перекинуть доску через пропасть? Хотя края ее будут надежно закреплены, переход через нее будет во сто крат сложнее, чем в первом случае.

– Но где же выход? – старался понять новоиспеченный ученик.

– Как у опытного эквилибриста для сохранения баланса всегда есть палка в руках (пусть материальная либо мысленная), – отвечал Старец, – так и у тебя при таком переходе все должно быть согласованно.

Например, в работающем механизме, в котором имеется множество деталей, попробуй убрать одну, даже самую маленькую, как агрегат тут же утратит согласованность своих движений, что его, в конце концов, и приведет к неминуемой остановке.

Так и при переходе по доске через пропасть неверный шаг может обернуться падением. У тебя не будет права на ошибку. Именно поэтому преодолевать любую трудность необходимо в волевом состоянии сознания.

Помнишь, как дети вели себя при посвящении? Ведь это испытание предназначалось для того, чтобы оценить их способность к преодолению препятствий.

Людей, склонных к таким изменениям, к сожалению, очень мало. Это буквально единицы среди населения любого народа. Ведь самый большой прыжок, который ученику предстоит сделать, это прыгнуть в самом себе.

Тут уж Стефан совсем перестал понимать:

– Как в себе можно прыгнуть?

– Кроме внешнего мира, в котором ты живешь, существует еще один – внутренний. В нас самих есть пространство, в котором мы обитаем своим осознанием, где также движемся и также способны прыгать.

Отличительная черта между этими мирами заключается в том, что все в нас, состоящее из более тонких материй, чем физическое тело, движется автоматически, без нашего участия.

– А где же нахожусь я? – не мог определиться Стефан.

– Ты занят рассуждениями, обдумыванием, ты весь находишься в секторе ума, – пояснил Старец. – Люди отличаются от животных наличием этого сектора. Но, приобретая его, они напрочь забыли, что ум – это лишь часть от целого.

Образно можно сказать, что человек, рожденный властителем мира, правит захолустным городком. Однако и там зачастую нет должного порядка, так как он не воспринимает всю панораму происходящего.

В таком состоянии человек напоминает лошадь, взгляд которой ограничен шорами, и поэтому она видит лишь часть пространства, расположенного впереди. И если перед человеком, находящимся в таком состоянии, положить круглый в сечении и удлиненный предмет, то, не видя его концов, он решит, что это палка.

Хотя без шор, расширенным спектром своего видения, он смог бы воспринять этот предмет по-другому. В результате этого концы палки, попав в зону внимания, распознавались бы им, как голова и хвост змеи. Таким

образом, "палка" стала бы видаться ему в истинном свете.

Как ты, думаю, и сам понимаешь, ошибка в анализе поступающей информации заключается в том, что человек берется судить о целом, опираясь на восприятие лишь части. Осознать же происходящее во всем его объеме можно только в том случае, если увидеть целое. Но ведь, используя лишь один фрагмент, нельзя этого сделать.

Поэтому тебе предстоит осознать все части внутреннего мира поэтапно. Это позволит объединить их под эгидой разумности "Личностного Я". И только когда шоры твоего внимания падут, ты сможешь достичь состояния полноты восприятия, развив в себе идею параллельности.

Тогда ты поймешь, что настоящая действительность организована двумя и более реальностями, которые, взаимодействуя между собой, создают единый, жизненный процесс. Тебе же требуется только одно - встать во главе данного процесса, став властителем личного пути.

Глава 16

Старик и два его ученика медленно продвигались по одному из берегов реки, вытекавшей из скального комплекса, через который Стефан вышел в мир прошлого. Занг молча шел рядом с ним, внимательно вслушиваясь в слова Учителя.

Они подошли к храму с другой стороны. Здесь так же, как и у других ворот, был перекинут мостик, и так же под ногами простирался бело-розовый ковер цветков лотоса. Пройдя по качающемуся мосту, люди взяли немного вправо и открыли потайную дверцу в ограде, войдя внутрь монастырского двора.

Величественная панорама открывалась взгляду входящего. Прежде всего, внимание привлекал изящный пятиярусный храм, каждый этаж которого был выделен своим собственным ободком крыши и только самую верхнюю из них украшал острый шпиль.

Первый этаж выделялся тем, что включал в себя большие проемы, образованные восьмью столбами. Две колонны, стоящие по обе стороны от входа, были украшены вырезанными на них спиралеобразными драконами. Большое манговое дерево раскинуло свои ветви рядом с храмом, составляя с ним единый ансамбль.

Повсюду виднелись небольшие домики на сваях, которые помимо лесенок, спущенных на землю, имели еще и соединения между собой бамбуковыми настилами. Покрытые черепицей, дома чем-то напоминали огромный улей, в котором вместо пчел жили послушники. Концы каждой крыши были высоко подняты и изображали смотрящих вверх драконов.

Учитель показал на домики и сказал, что в них спят и отдыхают ученики школы. Наставники же предпочитают жить в уединенных кельях скального храма. Пройдя половину пути, который вел к пятиярусной пагоде, люди подошли к растущему недалеко от тропинки дереву-исполину. Оно выглядело хозяином в монастырском саду. Показав на дерево, старик произнес:

– Это самый древний баньян, растущий у нас. Он – воплощение духа монастыря.

– А почему для такой почетной роли была выбрана именно разновидность манговых? – заинтересовался ученик.

– В легендах говорится, что фикус, которым является и баньян, давал приют Будде, когда его посетило озарение. К тому же этот вид – долгожитель. Однако это дерево представляет не только историческую ценность, но и практическую. Здесь проходят занятия, направленные на постижение тени, живущей в кроне этого дерева.

– Я что-то припоминаю о подобной работе, – задумчиво произнес Стефан. – У меня такое впечатление, что это происходило со мной уже когда-то. В каком-то далеком сне, в котором основные события я помню, но детали скрыты туманом. Хотя я точно знаю, что это было.

– Конечно, то, о чем ты вспоминаешь, с тобой происходило в действительности, но в другом временном измерении, в которое ты попал в результате катастрофы. Нахождение в нем позволило тебе осознать некоторые возможности, что в обычном состоянии сознания сделать было бы практически невозможно.

Те способности, которые ты демонстрировал при прохождении испытаний, проявлялись спонтанно. Здесь, в этом измерении, ты научишься выявлять и управлять потенциальными возможностями посредством своей силы воли.

Изучишь и поймешь глубину такого состояния и еще много того, что с ним связано. Научишься жить с этим, и оно будет для тебя таким же естественным, как спать, есть, дышать. Вернувшись же в свой родной мир, ты сможешь использовать свои силы, высвободившиеся из тисков доминирующего в сознании ума, в жизненной практике материального мира.

– Пользоваться ими? – уточнил Стефан.

– Нет, эти силы нужно использовать, а не пользоваться ими. Об этом принципиальном различии у нас еще будет возможность поговорить, а сейчас попробуй найти место, с которого тебе будет удобно наблюдать за тенью.

Стефан, внимательно осмотревшись и для верности даже обойдя дерево, нашел небольшой пригорок, поросший шелковистой травой и усыпанный желтенькими цветами. В таком благолепии, несомненно, было бы уютно расположиться, и он уверенно указал на него Учителю:

– Да, на этом месте удобно будет находиться во время работы, – произнес летчик вслух.

– Ты нашел место, где будет удобно сидеть. Но скажи мне, для этого ли ты пришел сюда?

– Нет, мне нужно найти место для работы.

– Вот именно! Заметь, что с выбранного тобой места не видно всей кроны, как это необходимо. Вначале нужно выбрать направление, удобный ракурс для наблюдения, и лишь после этого заботиться об удобстве места. Конечно, оба эти параметра должны совмещаться, но приоритет все же остается за первым, – заметил Старец и пошел дальше.

Они, подойдя к реке, остановились на высоком пригорке, и Наставник попросил Стефана понаблюдать за водой. Через некоторое время он спросил:

– Ты наблюдаешь?

– Да.

– А как?

– За течением. Однако трудность в том, что какой-то странный туман все время уносит мою концентрацию, и мне приходится начинать упражнение с начала.

– Чтобы этого не происходило, необходимо слиться осознанием со скоростью потока реки, и тогда движение остановится. Как только это произойдет, вода начнет открываться.

Ты осознаешь, что ее энергетические двойники текут и по берегам, и внизу. Вверху тоже течет энергетическая река. Именно ее ты видишь, как туман, работа с которым тебе еще предстоит. Теперь давайте пройдем еще на одно место, где Старшие ученики работают над чувством ветра.

Следуя за Учителем и Зангом, Стефан прошел на противоположный берег реки через крытый каменный мостик и оказался на краю рисового чека. Нежные стебли растений полностью покрывали водное

пространство, создавая ощущение целостного зеленого покрова.

Неподалеку от их наблюдательного поста сидел юноша в позе лотоса и смотрел на этот покров. Стефан попытался понять, что же такого загадочного тот видит.

Однако все было довольно обыденно. Вдруг легкий ветерок тронул край рисового поля, а затем понесся по нему, заставляя верхушки растений качаться в такт его движению, мягко вздымаясь и опадая небольшими волнами.

– Я понял! – восторженно прошептал Стефан. – По движению этих волн можно изучать ветер, который глазами почти невозможно увидеть, тем более такой слабый!

– Правильно, ты все верно понял – молодец. Теперь же идите в столовую, ведь настало время ужина, о чем оповещает большой монастырский колокол. А как поедите, придите к нашим рабочим цехам, – мне нужно еще поговорить со Стефаном.

После этого они расстались.

Занг повел новенького в общую столовую, располагавшуюся в длинном строении, состоящем из нескольких секций и большой, крытой тростником, крыши. Находясь на сваях, столовая имела около десятка лестниц, каждая из которых была вырезана из цельного куска дерева. По одним из них, оживленно беседуя между собой, поднимались монахи; по другим спускались уже поужинавшие.

Занг, ловко поднявшись по одной из лесенок, помог Стефану, после чего стал знакомить новичка с другими монахами, со смехом поясняя, что тот упал на территорию Скального храма с неба. Затем, заметно успокоившись, он более подробно рассказал предшествующую появлению русского летчика историю.

Несмотря на то, что он повстречал этих людей впервые, Стефан проникся к ним чувством глубокого доверия. Видя, как тепло и с большим пониманием они смотрят на него, он ощутил, что оказался среди родных по духу ему людей. Такого он не испытывал, даже находясь в кругу своей единокровной семьи, хотя он не мог сказать, что от пережитого у него поблекла любовь к

близким – переполнявшее его чувство было совсем иного характера.

Быстро был принесен еще один прибор, и соученики, радостно потеснившись, освободили для него место на длинной скамье. Он оказался рядом с Зангом, который с удовольствием принялся учить своего напарника искусству еды палочками.

На середину стола были поставлены большие чаши, наполненные рассыпчатым рисом, а вокруг – миски значительно меньшего размера с различной восточной снедью, состоящей в основном из овощей. Занг разъяснил Стефану, что каждый, беря за основу рис, выбирает из остальных блюд что-нибудь по собственному вкусу, составляя для себя индивидуальное кушанье.

Стефан, попробовав понемногу все рядом стоящие блюда, с аппетитом стал поглощать кусочки мяса с имеющимися внутри них хрящиками. Ничего более вкусного он никогда не пробовал. Захватив кусочек побольше и обмакнув его в соевый соус, он спросил у названного брата, какого зверя это мясо. И каково же было его удивление, когда он узнал, что оно змеиное.

Летчик обратил внимание на то, что, кроме него, этот деликатес никто не ел. Спросив об этом, он узнал, что жители монастыря, хотя и не придерживаются строгой вегетарианской диеты, все же предпочитают есть в основном злаки, овощи и фрукты, особенно вечером. Однако это не должно смущать его, потому что выбор рациона не имеет определяющего значения для пути развития. Главное, чтобы человек по нему шел.

– Постепенно ты сам определишься с тем, что и сколько тебе необходимо есть, выработав чувство меры, – подбодрил его Занг, взял и передал ему пиалу с мясом, которая с благодарностью была принята.

После ужина им принесли маленькие подносы с чайничками. С недоумением повертев в руках еще меньшие кружечки, Стефан попросил более вместительную емкость, объяснив это русским обычаем.

Вскоре его просьба была выполнена, однако налили в большой деревянный стакан ровно столько, сколько и в похожие на наперстки кружечки братьев, попросив

сначала выпить, а затем уж начинать разговор о добавке.

Отхлебнув из стакана, летчик ощутил во рту приятный терпкий вкус, лишь отдаленно напоминавший ему чай, который ему доводилось пить в России, и почувствовал, как его тело буквально наливается силой. Ему казалось, что он с легкостью может вырвать дерево с корнем, хотя в голове было ясно и он не чувствовал алкогольного опьянения. С удивлением он спросил у Занга, что это за напиток.

Тот ответил, что это чай, который вырастили монахи на плантации, расположенной недалеко от монастыря в горах. Однако обработан он был по-особому: лошадь перед тем, как зарезать, в течение трех дней кормили особыми травами.

Затем, накормив ее листьями чая, через некоторое время резали, а желудок с чаем закапывали в землю. Там чай изменял свои свойства, приобретая качества, придающие вкушающему его энергетическую насыщенность и подъем психических сил.

– Он действует наподобие опиума? – осторожно уточнил Стефан.

– Конечно, нет. Опиум, как и другие наркотики, действительно позволяют человеку попасть в измененные состояния сознания. Но так как наркоман делает это не посредством волевых посылов, а с помощью посторонних организму веществ, то он не способен этим управлять. Значит, эти состояния несут прямую угрозу его психике, что может привести к сумасшествию.

Только когда человек сам, своими волевыми усилиями, вводит себя в измененную реальность и способен управлять своими действиями в том мире, можно говорить о полезности этого опыта. Чай же, который ты выпил, несет в себе лишь свойство пробуждать естественные силы бодрствующего состояния сознания.

После ужина они прошли пещерный лабиринт скального храма, выйдя в его внутренний дворик, половина которого была заполнена хозяйственными постройками. Вторую его часть занимало несколько

площадок, на которых (как Стефан узнал от брата) монахи тренировались, а также, во время праздников, проводили показательные состязания и игры.

Площадки окружали деревянные манекены и другие тренажерные приспособления. Заметив, что летчик внимательно смотрит на них, Занг пояснил, что все это предназначено для отработки специальных движений и особых ударов, технику которых Стефан изучит непосредственно во время тренировок по внешней работе.

Пройдя к одному из хозяйственных строений, они увидели своего Наставника, перед которым была расположена черная доска размером с небольшой холст. Его тонкая кисть стремительно и точно выводила красивый пейзаж, периодически обмакиваясь в красновато-золотистые цвета.

Почувствовав их приближение, Учитель приостановил полет своей кисти и, повернувшись к ним, ответил на приветствие. После непродолжительного молчания он сказал, что Стефану нужно выбрать какую-либо работу по душе, которую тот будет выполнять, живя в монастыре. Ведь их община, по сути, является маленьким государством, жители которого сами себя и обеспечивают.

Чтобы ознакомить Стефана с тем, чем занимаются монахи, он повел учеников по различным цехам, показывая мастерские для изготовления керамических изделий, холста,ковки железа, плетения циновок, окрашивания полотна... и в еще множество других домиков, где каждый из братьев мог бы заниматься тем, к чему испытывал предрасположенность.

Особо заинтересовала Стефана мастерская, предназначенная для резьбы по дереву, потому что еще в раннем детстве он любил вырезать на досках незатейливые узоры. Даже в художественной школе, в которой он затем учился, ему больше всего нравились не сами предметы творчества, а тот процесс, посредством которого он мог бы увидеть и изучить различные технические приемы, применяемые в резьбе.

Рассказав о своем желании заниматься именно этим промыслом, он получил одобрение со стороны Учителя.

Определившись в выборе, Стефан с Наставником и Зангом вернулись в мастерскую, где они подошли к пожилому монаху, аккуратно полирующего статуэтку слоника, изображавшегося в смешной позе и с игриво вскинутым хоботом.

Поняв, по какому поводу к нему пришли гости, он с улыбкой запросто представился Нгуеном и согласился обучать молодого человека тайнам работы с деревом, добавив, что Стефан может приходить к нему на занятия хоть с завтрашнего дня. Получив принципиальное согласие, они вышли и у дверей мастерской расстались.

На дворе стоял уже глубокий вечер, и Учитель отослал учеников отдыхать. Занг с братом вернулись к домикам на главном дворе и поднялись в один из них. В доме, на деревянном полу, были расставлены плетеные перегородки, разделяющие спальные места. Почетный угол занимал небольшой алтарь, где на особой полочке находился миниатюрный садик камней.

Показав новенькому свободное место, Занг лег по соседству, и вскоре за перегородкой послышалось ровное и глубокое дыхание. Через некоторое время и Стефан, расслабившись, стал переосмысливать накопленный опыт прожитого дня и строить голограммы будущих действий. Незаметно он поплыл в сознании и заснул.

Глава 17

Совершая вместе со своим Учителем экскурсию по монастырю и знакомясь с его жизнью, Стефан обратил внимание на то, что ему часто встречались изображения растений и животных, явно символизирующие собой какие-то принципиальные понятия.

Некоторые рисунки были ему уже знакомы, другие видел впервые, но чувствовалось, что между ними существует непосредственная связь, создающая единую систему смыслов.

Однажды они подошли к главному алтарю, за которым, во всю ширь, была расположена шелковая драпировка с искусно вышитой на ней веткой, в своем основании имеющей небольшое утолщение, очевидно обозначающее корень.

Розетка из двух, гармонирующих в цвете листочков, опоясывала ветвь, другой конец которой заканчивался раскрытым пяти-лепестковым цветком, по своим очертаниям напоминающим сливовый.

Подойдя ближе, он увидел, что на каждом из лепестков, а также в его середине, были вышиты уже знакомые ему изображения животных: дракона, змеи, обезьяны, тигра и орла – на лепестках – и журавля с боевым слоном в центре. От этого произведения искусства веяло неведомой для него энергетикой, и один лишь взгляд на цветок навевал думы о чем-то запредельном и недоступном простому взгляду.

Выйдя из храма, Стефан спросил Учителя о смысле символа, который был вышит на той драпировке, а в стилизованном виде служил знаком отличия темным одеждам монахов. Старик внимательно посмотрел на ученика и не улыбнулся, как обычно, а замолчал. Некоторое время они шли, не разговаривая. Подойдя к стоящей возле сливы скамейке, старик присел на нее и жестом показал Стефану сделать то же самое.

– То, о чем ты спрашиваешь, – неожиданно тихим голосом произнес Учитель, – является эмблемой, включающей в себя основные положения нашего видения жизни. Думаю, ты уже готов выслушать меня, и поэтому я открою некоторые знания, заключенные в этом

символе. Они помогут увидеть целое, и тогда будет легче идти по ступеням познания, которые уже давно ждут твоего следа.

Слушай внимательно, – продолжал начатую речь Наставник, – и прими сказанное как нечто единое, целое, без деталей. Пусть пройдет некоторое время, за которое ты сумеешь обдумать и осознать сказанное мною, и только затем мы вернемся к обсуждению отдельных частей этого вопроса.

Учитель некоторое время пристально смотрел вдаль, хотя у Стефана возникло отчетливое чувство, что смотрят как раз в него. Причем этого специально не скрывают, предоставляя возможность и ему самому удостовериться, что он понимает важность момента и находится в состоянии повышенной концентрации, где нет места напряжению, но, в то же время все силы отданы погружению в интересующую тему.

Стефан не просто ощущал энергию этого взгляда, – он буквально чувствовал, как невидимые, но мощные лучи, исходящие от Наставника, непостижимым образом входили в его сознание. Однако ни страха, ни беспокойства он не испытывал. Неожиданно он услышал внутри себя легкий щелчок, и его внимание удивительным способом поменяло свою фокусировку. Все было тем же, и в то же время что-то незаметно изменилось.

– Изменилось состояние твоего сознания, а вместе с этим, и его восприятия. Оно стало концентрированнее, и, следовательно, качественнее, – откуда-то изнутри прозвучал голос Учителя.

– Как интересно! – восхитился Стефан тем переменам, которые в нем произошли.

Он отчетливо видел сидящего рядом с ним старика, видел, как шевелятся его губы, а вот голос звучал внутри сознания ученика. Прислушиваясь к звучанию слов, он почувствовал, что они по своей мощности все больше напоминают звуки огромного колокола, который сейчас находился внутри него самого.

– Перенеси свое внимание в центр, – раздался повелительный голос Учителя, и Стефан понял, что он

действительно находится на периферии этого звона, и в силу этого волны били его тяжело и нещадно.

В сознании ученика тут же сформировались вопросы:

– Как же я туда попаду? Что мне для этого нужно сделать?

И вновь тяжелым, давящим гулом, который способен был разорвать голову на части, прозвучали слова старика:

– Создай намерение! Захоти этого! – били его слова, словно прибой о скалы.

– Но как, как это сделать?! – вскричал Стефан, и в этот миг гул стал настолько мощным, что он буквально ощутил, как вся его голова стала колоколом, который вибрировал и уже не гудел, а буквально ревел во всю свою мощь. – Еще немного, и мне конец, – мелькнула мысль, и он отчаянно ринулся туда, куда влекли его внутренние силы, спасающие от разрушения.

В наступившей оглушительной тишине Стефан ощутил себя вместе с окружающим миром таким же, как и прежде. Сидящий рядом Учитель спокойно и мягко обратился к нему, предлагая послушать, а затем вслушаться в шорох листьев, в полет птицы, в движения паука, плетущего свою паутину. Удивительным было то, что слова Наставника опять исходили из его уст, снаружи. Все было так же... и не так. Мир неуловимо изменился в его восприятии.

– Смотри, смотри, сейчас поймешь. Я предлагал тебе слушать и вслушиваться, смотреть и вглядываться, думать и вникать. В этих словах и заключен тот главный смысл, через который ты поймешь изменения, произошедшие в тебе. Вон на том дереве по стволу вверх ползет бабочка. Ты ее видишь?

– Нет, ничего не вижу, – ответил ученик. – Разве можно увидеть маленькое насекомое на таком расстоянии?

– Можно, – улыбнулся Учитель, – ведь я вижу.

– Так это Вы!..

– Да, это я. Однако это же самое можешь и ты.

Стефан недоверчиво покосился на Учителя, затем посмотрел на ствол дерева и ответил:

– Нет, не вижу.

– Хорошо, – продолжал старик, – но мне-то ты веришь, что ты тоже способен на это, как и я, как и любой другой человек?

Стефан хотел по своей привычке возразить, пытаясь оправдаться, но внутри, в самой середине груди, что-то сжалось, как будто чья-то властная рука схватила его такое родное и драгоценное, бешено содрогающееся сердце. Волна тоски и жалости хлынула в сознание Стефана, и слезы уже навернулись на его глаза. Однако, пересилив себя и успокоившись, он вновь ощутил равновесие и произнес, будто выдохнул:

– Верю!

И в тот же момент почувствовал, что действительно он верит этому убеленному сединой Наставнику. Ассоциативно в памяти всплыл образ прыгающего через яму Тхао, и ему стало стыдно за свою минутную слабость. Уже твердо и осознанно он выговорил:

– Верю!

– Ну, вот и отлично, – произнес Старец, и его внимательный взгляд скользнул по ученику, – а теперь давай перейдем ко второй части нашего урока. Ты должен захотеть увидеть эту бабочку. Для этого тебе необходимо проявить волю.

– Волю?

– Да, именно ее. Это такое состояние сознания, когда все силы в человеке, не сдерживаемые и не связанные страхами и сомнениями, единым порывом направлены точно в заданную цель. Давай, – ободряюще кивнул головой Наставник, – попробуй, попытайся это сделать.

Стефан, изо всех сил таращась на стоящее от него в метрах пятнадцати дерево, старался на его стволе рассмотреть насекомое, но тщетно. У него даже слезы пошли из глаз, однако и это не помогло, а, скорее, наоборот, мешало: слезы, застилая глаза, размазывали спектр воспринимаемого пространства.

– Что, не получается? – хитро улыбаясь, спросил у него Учитель.

– Нет, – разочарованно протянул Стефан.

– Правильно, так и не получится, потому что ты просто смотришь, хотя и с усилием. Я же хочу, чтобы ты вгляделся.

– Но как я узнаю, что я вглядываюсь? – продолжал спорить Стефан.

– Вот, – произнес Старец, – для этого вначале необходимо стать Наблюдателем. Определи дерево центром своего полевого внимания, а когда почувствуешь целостность состояния и беспристрастность, на этом фоне выдели нужную тебе точку, тем более что на возникшем контрасте сделать это будет нетрудно, и тогда ты согласишься, что произойдет.

Стефану показалось, что он понял, и, выпрямив спину, расслабившись, стал смотреть в сторону нужного дерева.

– Удивительно, как много можно увидеть вокруг, если не ограничивать обзор сиюминутными задачами, – заметил ученик, обозревая своим континуальным вниманием довольно широкий спектр окружающего пространства.

Наблюдая панорамным зрением, Стефан сосредоточился на центре воображаемой окружности, которую он поместил точно посередине ствола. Вначале этот маленький круг казался черной точкой.

Развивая возникшее состояние двойного внимания и насыщая его энергией воли, Стефан заметил, что центральная точка из плоской превратилась во вздувшийся пузырь, заметно посветлевший, а, затем, и вовсе отделившийся от ствола. Постепенно он трансформировался в светлый шарик, зависший на некотором расстоянии от дерева.

Это было поразительно. Концентрируя усилие на этом состоянии, он заметил, что наблюдаемое им поле продолжало сохранять четкость, хотя общий фон заметно потемнел. А вот центр, шарик, наоборот, с каждым мгновением светлел и становился матовым.

Через некоторое время Стефан увидел, что эта матовость стала напоминать туман, который движется, подчиняясь каким-то внутренним силам. Постепенно (очевидно, под влиянием все той же волевой энергии) он стал замечать, что туман рассеивается, исчезает в пространстве шара.

И тут произошло совершенно невероятное явление: полностью очистившись от тумана, шар предстал в виде кристалла чистой воды. Затем он начал

преобразовываться в своеобразное увеличительное стекло, через которое ученик совершенно отчетливо увидел кусок глубоко потрескавшейся коры и сидящую на ней бабочку, причем в мельчайших деталях. Он даже заметил крупинки пыльцы, которой были усыпаны ее, хотя и неброско, но затейливо украшенные крылышки.

– Очень хорошо, – как будто издали прозвучал голос Наставника, – а теперь вслушайся в то, что ты видишь.

Ученик, сделав это, с удивлением услышал четкие, ритмичные звуки, возникавшие оттого, что бабочка шевелила усиками. Ему даже захотелось прочистить уши, настолько полным возникало впечатление шуршания в них.

– Восхитительно, – попытлся произнести Стефан, но осознал, что он лишь что-то нечленораздельно промычал сквозь крепко сжатые губы.

– Вижу, что на первый раз достаточно, – заканчивал свой урок Учитель, – а сейчас постепенно возвращайся обратно тем же путем, которым ты туда и вошел. Для этого отключи вначале свое дискретное внимание и полностью перейди в континуальное, а затем вернись в состояние обычного восприятия.

Стефан попытался сделать требуемое, но не тут-то было. Магический шар не хотел его отпускать.

– Я не могу, – судорожно разжав губы, с ужасом выдавил из себя Стефан.

– Можешь, – вновь усмехнулся Учитель, – просто создай устремленность воли, для реализации чего прекрати энергетическую накачку процесса восприятия.

Оказывается, сделать это было не менее трудно, чем сконцентрироваться. Для выполнения этого маневра потребовалось еще большее усилие. Это походило на судорогу, когда сжать-то руку несложно, а вот разжать ее не так уж и просто.

Воля продолжала качать энергию в центр внимания. Тогда Стефан стал растягивать свое осознание, давая приоритет полевому зрению. Вскоре его усилия увенчались успехом, и окружающее пространство стало светлеть.

Наконец оно наполнилось светом, а центральный шар, потемнев и закрывшись, трансформировался в черное

пятно. После этого Стефан уже без особого труда смог перевести свое восприятие в обычный режим. Легкий щелчок, раздавшийся в ушах, подтвердил его ощущения. Прошло еще довольно много времени, прежде чем ученик окончательно пришел в себя.

– Это невероятно, – смог произнести он, в конце концов разлепив губы.

– И, тем не менее, это произошло, у тебя получилось. Помнишь, я сказал, что ты сможешь? Ты поверил – и сделал.

– Да, – откликнулся Стефан, – но я все еще не могу понять идею этого урока, ведь я спрашивал Вас о цветущей ветке.

– Верно, все так, но это была не просто ветка, а ветка с цветком сливы. Знания, которые хранит он в своей структуре, дают человеку могучие силы, открывая перед ним магические просторы.

Сейчас ты пережил один из принципов, составляющих это знание, а также получил о нем общее представление, и я думаю, что тебе необходим отдых.

Давай сегодня наш урок закончим и продолжим обучение в следующий раз, – и они расстались.

*

Разговаривая ежедневно с Учителем, Стефан стал постепенно проникаться тем мировоззрением, которое исповедовали жители скального храма.

Особенно ему понравилось, что обучение шло не в виде зазубривания догматов, а в свободном общении на любую достойную внимания тему. И собственное видение Наставником только поощрялось. Хотя надо было обязательно развернуть свою версию ответа на возникший вопрос с тем, чтобы обосновать его правильность.

Конечно, в своих беседах они затрагивали и такие знания, которые были пока недоступны ученику. И у него был выбор или принять на веру то, что открывал ему Старец, либо отложить размышления на определенную тему до тех времен, когда непонятое сегодня откроется ему само, в результате его

личностного роста. Но этот выбор был всегда за учеником.

Однажды ранним утром, когда монахи только начали подниматься, еще находящегося в дреме Стефана окликнул мальчуган-послушник, поднявшийся к ним в домик. Он сообщил, что летчика зовет Наставник, поручивший привести его к внешнему, пяти-струйному водопаду.

Быстро собравшись, Стефан вслед за худеньким, но подвижным мальчиком прошел мимо ринга, где уже начали тренироваться некоторые монахи, и, обойдя скалу-храм справа, вышел к тому самому месту, которое нашло сознание летчика во время своих бестелесных поисков людей.

Тот же восторг, который потряс его тогда, и сейчас пленил его чувства. Величественный водопад, делящийся на пять разноцветных струй, был все тем же. Однако местность вокруг, когда-то безлюдная, теперь была преображена присутствием жителей монастыря.

Стефан сразу заметил Старца, стоящего на берегу озера и задумчиво смотрящего поверх воды. Подойдя к Учителю и произнеся слова приветствия, ученик стал ожидать дальнейшего развертывания событий.

Наставник, с каким-то юношеским блеском в глазах посмотрев на ученика, указал на нескольких монахов, которые, стоя на берегу озера в зоне досягаемости брызг от водопада, делали плавные, скользящие движения, как будто исполняя загадочный танец. На вопрос Стефана о том, что они делают, Старец ответил:

– Они выполняют утреннюю дыхательную гимнастику, которая называется "Полет журавля".

Приглядевшись, Стефан обнаружил, что исполнявшие эту гимнастику симметрично двигали в обе стороны руками, напоминая раскрытия крыльев этой грациозной птицы.

Затем Учитель показал на другую группу, которая, стоя на поляне соснового бора, находившегося неподалеку, делала сложные пассы. Стефан отметил, что эта гимнастика состоит из четырех частей, в каждой из которых совершались одни и те же движения, но в разные стороны.

Монахи как будто рисовали розу ветров, в конце упражнения оказываясь на том самом месте, с которого начинали ее делать. А один пожилой монах выполнял гимнастику в непроницаемой маске, ориентируясь в пространстве без помощи глаз.

Учитель пояснил:

– Данная гимнастика – "Распределительная", и призвана гармонизировать энергетику человека.

После этого Стефан увидел, как монах плотного телосложения, который был экзаменатором на посвящении послушников, подошел к озеру. Аккуратно сняв одежду и оставшись в одних коротких штанах, он вошел в воду и встал под самую сильную струю водопада, позволяя ей свободно бить прямо по голове.

– Что он делает?! – встревожено вскрикнул Стефан, боясь, что сейчас случится беда.

– Не волнуйся, – успокаивающе похлопал его по плечу старик, – это тренировка, а не истязание, ведь она направлена на развитие уже имеющихся сил. Все будет хорошо.

И действительно, монах, не имея возможности дышать, тем не менее, стоял, как ни в чем не бывало под секущим потоком, и вдруг стал совершать быстрые движения всем телом, как будто передвигая сквозь себя большой невидимый шар.

От Учителя Стефан узнал, что этот комплекс движений делается на задержке дыхания и имеет название "Гимнастика натяжения". Указав на нескольких детей, покачивающих в разные стороны невидимые шарики на противоположном берегу озера, Наставник добавил:

– Эти начальные упражнения являются подготовительными к более сложным, и ты постепенно сможешь научиться всем этим видам гимнастик, направленных на оздоровление тела и приведения психики к гармонии. А дыхание в них используя, как отправной принцип.

– А что будет делать вон та команда, которая сейчас уже почти достигла вершины утеса, нависающего над песчаным пляжем противоположного берега и водой озера?

– Смотри внимательно, – отвечал Старец, – и ты все сам увидишь.

Наблюдая, Стефан отметил, что на самой вершине, на которую уже поднялся отряд примерно из десяти монахов, есть узкая, но довольно длинная природная площадка, тянущаяся над озером и почти достигавшая правой струи водопада. На левый край площадки (над местом, где еще находился песок) встал один из взошедших.

Немного постояв, как бы настраиваясь, он присел, нагнув голову и вытянув руки, как крылья, назад и вверх. Стремительно подпрыгнув, монах раскрылся дугой в полете.

Да - он, несомненно, парил, медленно приближаясь к земле. Однако чем ближе человек был к ней, тем все большее ускорение приобретало его тело, и в момент приземления удар о песок был достаточно ощутим, - хотя и не настолько, как ожидалось.

– Как у него это получилось? – не мог понять Стефан.
– Ведь тело, обладая массой, причем ускоряясь в падении, неминуемо должно было разбиться.

– Какой же ты еще глупый и инертный, – огорченно покачал головой Старец. – Ты уже столько раз был свидетелем необычных явлений...

Более того, сам являлся исполнителем некоторых из них, а до сих пор не можешь понять, что силе концентрированного сознания подвластно очень многое, включая законы гравитации.

Но об этом мы успеем еще поговорить, а сейчас смотри и постарайся проникнуться тем состоянием, в котором прыгают твои братья по школе. А посмотреть было на что. Один за другим, монахи прыгали по диагонали вверх, наслаждаясь свободой парения.

Возникало ощущение, что они, разведя в стороны руки и ноги, как рейки у воздушных змеев, над телами имели прозрачные полотнища, которые и создавали эффект парения... Хотя отчетливо было видно, что ничего материального у монахов, кроме коротких брюк, не было.

После того как весь отряд оказался на земле, на гору поднялся еще один, состоящий из совсем еще молодых

пареньков. Этот, в отличие от прежнего, прошел по площадке дальше и остановился над водой озера.

Поочередно юноши прыгали в воду. Причем некоторые выбирали места с явно большой глубиной озера, а несколько человек уверенно прыгали на мелководье, рискуя в случае неудачи разбиться. Однако и на этот раз никаких трагических происшествий не было.

Постепенно монахи закончили утренние процедуры и разошлись, а Стефан вслед за Учителем пошел по аллее, ведущей к скальному храму, чувствуя, что их разговор еще не окончен.

Глава 18

Идя по каменным плитам аллеи, они молчали. Затянувшуюся паузу нарушил ученик. Набравшись храбрости, он попросил Старца:

– Объясните, пожалуйста, как трактует наша школа такое неоднозначное понятие, как магия.

– Магия, – незамедлительно, как будто уже давно ожидая этой просьбы, отвечал Наставник, – это вымысел, воплощенный в реальность.

И, видя на лице ученика непонимание, пояснил:

– Дело в том, что основная часть человечества, продвигаясь по спирали развития небольшими шажками, следует очень медленным путем эволюции.

Но есть и альтернативный путь развития, предложенный природой для тех, кто уже готов не просто проживать отмеренный срок, но и неустанно духовно трудиться. И делать это системно, укрепляя свой разум, расширяя границы и перспективы его ментального охвата.

Человек, активизирующий в себе магические возможности; двигаясь в общем потоке и используя такую малую скорость за точку опоры, расширяет свое восприятие на все доступное ему поле осознания. А затем, пройдя в субъективном времени эту дистанцию, делает один качественный прыжок, равный нескольким обычным шагам.

Естественно, за одно и то же время жизни человек, используя магический путь саморазвития, проходит в несколько раз больше витков эволюционной спирали. И делает это гораздо лучше, чем при обычном способе, когда человек духовно возвышается не от внутреннего побуждения, а от пережитых страданий, которые были спровоцированы его заблуждениями.

– То, о чем Вы говорите, интересно и наводит на размышления, – промолвил Стефан, – но, если честно, все это как-то не вяжется с моей концепцией мироздания.

– Не смущайся – это нормально. Главное, чтобы ты стремился понять мир во всем его многообразии и не останавливался на достигнутом. Потому что магия – это и

есть реальная система постижения мироздания. В ней все подчинено внутренней дисциплине, и если ты в себе будешь ее культивировать, то станешь ей синхронен, и она раскроет в тебе личную силу.

Магу, как носителю сакрального знания, претит расхлябанность ума и жизнь ради удовлетворения стандартных потребностей. В проявлении своего умения он напоминает сапера.

Внимание мага настолько ответственно, что не может позволить никакого отвлечения. Иначе он тут же получает возмездие судьбы за свою ошибку. Возможно, не столь радикальное, как это случается у сапера, но, тем не менее, всегда ощутимое.

Ведь жизнь подобна минному полю, и маг, обучаясь у нее, постоянно практикует направленную силу воли; ценя каждый миг нахождения на своем судьбоносном пути; вырабатывая личную потенцию по максимуму - отсюда и результат. Его дисциплинированное внимание контролирует не только жизнь - вплоть до ее последней секунды, но и то, что находится за гранью общедоступной формы существования.

Примечательно, что дисциплина может влиять на свободное проявление силы действия лишь в том случае, если она зародилась в глубине этого сознания, кристаллизуясь в тайниках души. Она не может быть проявлена в результате навязывания снаружи догм в виде кем-то придуманных распорядков дня, диет, правил и режимов.

В жизни нет ничего неважного, поэтому для мага не существует мелочей. Подобно киту, он ежесекундно фильтрует огромные временные потоки, используя добытую таким образом информацию для корректировки вектора своего пути. Ведь чаще всего "мелкие" происшествия дают ответы на глобальные вопросы именно в силу своего "чуть-чуть".

Чуть темнее – ночь, чуть светлее – день. И чтобы достичь чего-либо, порой не хватает последней капли. Хотя и ошибиться можно, чуть-чуть не рассчитав свои силы; не придав значения "мелочи" - вещему знаку судьбы.

Не удосужившись на миг остановиться и расшифровать ее послание прежде, чем действовать по намеченному ранее плану. А ведь у каждого, кто так или иначе делал свой роковой шаг, было предчувствие беды и время для его коррекции.

И все же многие его делают - по инерции, бездумно либо под давлением внешних обстоятельств, хотя могли бы проявить свободу воли и выйти из-под кармического удара. Вот почему дисциплина должна быть личностной силой, а не подделкой, диктаторски навязанной извне, несущей лишь унижение и разрушение.

– И как только Вы вмещаете в себе столько мудрости!
– восхищенно воскликнул ученик.

В ответ старик легко и свободно рассмеялся, а затем, после такой эмоциональной разрядки, произнес:

– Дело в том, что я не держу все знания жизни в себе. Это было бы нерационально, да и совершенно бессмысленно. Ведь каждую секунду мир вокруг изменяется, а значит, все ранее высказанные в прошлом истины утрачивают свою актуальность для настоящего.

Зачем мне их копить в себе? Пусть эти знания находятся на своих местах и развиваются с течением общего времени. Моя же задача заключается в том, чтобы, наблюдая, быть способным использовать их силу в каждый миг своей жизни.

– Так значит, вечных и неизменных истин нет? – разочарованно протянул Стефан.

– Ах, эта извечная тяга людей к шаблонному мышлению! Раз потрудился, сделал над собой усилие, и живи потом по устоявшимся стереотипам, более не утруждая свой разум изучением высоких материй, – вновь улыбнулся Наставник, – но ведь прогрессивная динамика возможна лишь при осознанном развитии ментала, и как только духовное восхождение останавливается, начинается медленное, но неуклонное сползание разумности.

Пойми, в материальном мире абсолютной истины не существует, потому что в нем нет и не может быть совершенства. Есть истина, соответствующая моменту. Поэтому я и отвечаю на вопросы, не вспоминая умом ранее высказанные идеи, а, работая в магической

системе, непосредственно постигаю информацию, буквально насыщающую окружающее пространство.

– Можно об этом подробнее?

– Конечно, можно. Видишь ли, существует настолько тонкий вид энергии, что он пронизывает весь космос. "Впечатывая" в самого себя слепки картин жизни, он вечно хранит всю информацию о происходящем.

И человек, в состоянии направленной и управляемой воли, своим осознанием может проникнуть в эту память времен, тем самым обретая способность считывать любые знания, находящиеся там. Соответственно он, располагая абсолютно точными сведениями, может ответить на любой вопрос в зоне влияния этой силы.

Данный вид всепроницающей энергии у каждого народа обозначается по-своему: Господом Богом, Аллахом... Я называю его Абсолютом, потому что этот термин для меня наиболее полно отражает виденное.

Однако ты должен знать, что соприкосновение с этой сущностью требует от человека наивысшей крепости сознания, рожденной строжайшей дисциплиной внимания и систематическими тренировками ума.

– Но почему люди вынуждены ощущать духовную энергию природы столь неоднозначно? – заинтересовался ученик.

– Все очень просто. Несмотря на свои различия, люди обладают одним общим свойством – субъективностью. В силу этого в каждом живет свое, личное понимание этой абсолютной сути.

– Но разве возможно обучение какой-либо системе развития, если она, созданная другой личностью, не подходит полностью к данному ученику? – удивился Стефан.

– На начальном этапе ученичества это не имеет решающего значения. Как маленьких детей приспособливают к условиям окружающего мира, так и начинающих учеников обучают элементарным магическим законам жизни в мире энергий.

Однако наш подход культивирования духовности далек как от религиозного метода, так и от сектантского. В нашей системе ученик, по вполне объективным причинам вначале не имея собственного устойчивого

видения реальности, действительно вбирает в себя то, что предлагает ему учитель, посвящая ученика в принципы школы.

Но делает он это не для того, чтобы, внедряя новую информационную программу, заменить ею изначальную базу, вытеснив прежнее мировосприятие. А чтобы при помощи магического системного влияния ученик сам бы начал себя постепенно перевоспитывать, возвращая и по-иному ограняя свой кристалл сознания.

Адепт магической школы не ломает одно (переделывая индивидуальность), чтобы затем, на ментальной пустоши, выстроить другое. Ведь даже если привнесенное искусственное светило будет во стократ ярче прежнего огонька, оно так и останется чуждым индивидуальному духу личности, лишь опалив его обжигающим холодом.

Ученик "Встречного ветра" поэтапно, принимая имеющееся в нем строение за данность, конструирует на его основе храм своей личности, которая удивительно пластична в "руках" исконного хозяина, но мгновенно дает трещины, если в нее вторгнется внешняя сила.

И для того чтобы не допустить этого, адепт магической системы, анализируя и корректируя входящую информацию, самостоятельно и многократно делает переоценку индивидуальных ценностей. Действуя таким образом, он не зазубривает то, что ему подается, а учится учиться, подходя к информационному материалу творчески.

Так, осваивая ступеньку за ступенькой этапы личных решений и выборов, он овладевает техникой медитативного погружения и полноценного раскрытия любой из заинтересовавшей его разум темы.

Со временем, приобретая индивидуальный опыт, ученик начинает действовать без опоры на систему и учителя, тем самым выходя в автономное плавание по океану вечного знания.

И эта вздымающаяся энергетическими валами безбрежность более его не пугает, так как он, освоив учебную программу школы, теперь способен не только грамотно проложить курс, но и удержаться на нем, что немаловажно.

Да, такой способ опосредованного влияния гораздо дольше непосредственного воздействия на психику, производимого через навязывание догм и канонов. Однако он является выразителем непреходящих ценностей - настоящего, истинного, а не показного гуманизма и безукоризненной надежности.

Ведь психика неизбежно отторгнет все привнесенное, оставив на своем теле, как память о прошлом, лишь шрамы цинизма и лицемерного притворства. Внушенное кем-то в порывах объективности развеется.

Даже если человек сам запрограммирует себя через цикличное повторение каких-либо текстов, это не принесет ему счастья духовного роста, так как он тем самым закроет личный канал прямого интеллектуального познания.

И только самостоятельно, но обязательно под руководством знающего наставника, гармонично выращенный учеником магический кристалл способен обеспечить его ровным, теплым и ясным светом истинного видения.

Именно оно позволит ему не оступиться и не сбиться с личного пути, исполнив тем самым то предназначение, с которым каждый приходит в этот мир, но далеко не каждый реализует свою жизненную задачу.

Чтобы этого все же достичь, и нужны обучающие магии школы. Так, настоящие магические системы – это те, которые постоянно, с каждым учителем обновляются, органично вплетаясь в веяния новых времен. За счет этого они живут и успешно развиваются параллельно с учениками.

– А разве существуют ложные магические школы? – заинтересовался Стефан.

– Ложной магии быть не может, – с улыбкой заметил Старец. – Она или есть либо ее нет. Но в мире людей существует множество подделок, а стразов гораздо больше, чем драгоценных камней. И ты должен знать, что после возвращения в свое время, тебе доведется стать свидетелем мощного взрыва интереса к магии, потому что наступит период для качественного скачка в сознании людей.

А там, где есть спрос, всегда найдется предложение, и это будут в основном не серьезные системы, а всего лишь надуманные построения шарлатанов, не несущих людям истинных знаний о пути самосовершенствования.

– Скажите, а это может причинить вред тем, кто станет заниматься в таких «школах»?

– Да, и не только им одним, – ответил Наставник. – Как я уже говорил, магический путь не допускает ошибок, и чтобы благополучно по нему идти, раскрывая свои потенциальные возможности, необходимо иметь проводника, ведущего, который уже прошел данный этап.

Хорошо, что у многих людей существует природный внутренний страж, который интуитивно вызывает в сознании человека потерю интереса к ложной тропе. Но бывают и просчеты.

Это касается людей, у которых данный психический иммунитет ослаблен и поэтому не функционирует должным образом, а также тех, кто болен либо предрасположен к патологиям сознания.

Еще одна опасность ложных систем в том, что зачастую, собирая вокруг себя фанатиков, они противопоставляют себя обществу, тем самым бросая тень подозрений и на настоящие школы магии, без сомнения несущие пользу людям.

– А каждый ли человек способен идти магическим путем?

– В принципе, да, потому что каждый в потенциале – маг, несущий в себе зерно Абсолюта, о чем мы с тобой недавно говорили. Но все же в людях прослеживается расслоение сознательности по характеристикам выраженного ими качества этой сознательности.

Возникающая иерархия социальных психических сил содержит в каждом слое по два представителя, из которых верхний – Учитель, а нижний – ученик. Таких качественных слоев в человеческом обществе несколько, и каждый ученик является учителем для нижнего, а учитель нижнего – учеником у представителей верхнего слоя.

Таким образом, в цепи развития люди учат и одновременно учатся друг у друга. Для ученика учитель

– это будущее, и, соответственно, – наоборот. Так происходит эволюция человеческого знания, – произнес Учитель, и после некоторой паузы продолжил свой рассказ:

– Если поискать в нашем материальном мире аналогию таких величин, как прошлое, будущее и настоящее, а также законов взаимоотношений между ними, то я нашел бы ее в дереве. Действительно, корень дерева является его прошлым.

Тот потенциал, который был развернут из семени в энергетическую голограмму, дающую возможность дереву воспроизводить себя, – это его будущее. А вот то, что между этими величинами, – настоящее. Однако все эти три состояния времени не обособлены одно от другого, а находятся в постоянной причинно-следственной связи, составляющей единый пространственно-временной континуум.

Просто точка жизни, перемещаясь по синусоиде настоящего, преобразует процентное соотношение прошлого и будущего, существующих одновременно. В настоящем всегда имеется реальное прошлое и виртуальное будущее. Их симбиоз, по сути, и создает настоящее, которое не может жить от них отдельно, как самостоятельная величина.

К этому времени Стефан с Учителем подошли к скальному храму и вступили под вековую прохладу его величественных стен. Вдыхая приятные запахи ароматических палочек, курящихся повсюду, Стефан услышал продолжение объяснения затронутой им темы.

– Человек обладает пятью характеристиками, способными, в едином порыве, проявить силу резонанса, – заметил Наставник. – Но развить подобную силу мало. Вернее, явно недостаточно, так как ее необходимо еще направить вовремя в нужное место.

Это очень важный момент, так как силовая волна сознательности, выделенная в пространство без целевого посыла, отражаясь от внешней энергетики, распространенной вокруг, по сфере возвращается к породившему ее центру, уже преобразуясь в силу, имеющую концентрационную мощь. И, как закономерное

следствие, она разрушает или повреждает создавшие ее основы.

– А если резонансная волна имеет цель, что произойдет в таком случае? – спросил Стефан.

И тут же услышал ответ:

– Если резонанс имеет целевую пространственно-временную направленность, то частично отраженная волна (что неизбежно), после реализации, уже имеет энтропическую составляющую, и никак не может повредить источник, в тоже время служа информатором произошедшего.

Поэтому пять союзников выступают силами, создающими только резонансную энергию, способную жить во времени и пространстве. А вот сформировать целевую линию и удержать на ней эту пульсирующую мощь (посредством двух помощников, слона и журавля, представляющих собой полярные противоположности - "воин и мудрец"), может лишь личностная сила "Я".

Они прошли в левую часть храма и, зайдя в тот самый грот, где недавно реанимировали Стефана, сели на камень, ранее служивший больному ложем. Воспоминания горячей волной нахлынули на летчика, и он в своем сознании отчетливо воспроизвел свой первый разговор с Проводником, когда тот говорил ему о необходимости нести людям истинный свет знаний.

Но как ему сделать это, молодой человек не мог понять до сих пор. Объяснив Учителю причину возникшего затруднения, он добавил, что основную трудность видит в том, что мир погряз во зле, которое постоянно толкает человека на совершение преступлений.

– В мире истинных ценностей и отношений нет места для таких субъективных понятий, как добро и зло, хорошее и плохое, – заметил Старец. – Конечно, можно утверждать, что хорошее – от Бога, а вот плохое – от дьявола.

Но ведь если Бог таков, каким его изображают, тогда почему же, вопреки его воле, существует и действует дьявол? Или Бог не так силен либо так оно и задумано, т.е. каждому своё время и место.

Судя по законам мироздания, совершенство Абсолюта вне сомнения, следовательно, верно второе, а именно: добро и зло – все от него, иначе нет ни того, ни другого. Все едино... Просто жизнь. А вот наш субъективизм делит ее на одно и другое.

– Ясно. Но если все эти разделения - реальность, то как с ними жить? Бороться или, приняв за данность, смириться? – вставил свой вопрос ученик.

– Борясь со злом напрямую, мы еще большие высвобождаем его мощь, и такой процесс становится бессмысленным. Сколько бы общество ни строило тюрем, людей там с каждым годом не уменьшается.

Однако возможно иное решение данной проблемы. Что, если этот вопрос перевести из сферы морали в реальную, жизненную? Тогда прямое воздействие преобразуется в опосредованное влияние.

– Но как это можно будет сделать? – в голосе ученика слышалось замешательство.

– Через профессионализм, – прозвучал лаконичный ответ. – Я не предлагаю узаконить зло, а также преступность, как его очевидное представительство в обществе.

Однако необходимо, не поощряя, признать их обоснованное право на существование. Ведь если эти явления уже есть в мире, значит, они нужны жизни, так как ею созданы. И тогда будет четко видна опорная база порока. Воздействуя на причину, порождающую зло, мы пластично будем менять и саму преступность.

В теле человека живет огромное количество болезнетворных микробов и вирусов. Однако до тех пор, пока в организме наблюдается гармония, они не только не опасны, но и выполняют позитивную, консолидирующую функцию.

Дело в том, что лишь при нарушении баланса эти силы активизируются. Но и этим, на первый взгляд, разрушительным действием, они выполняют особую роль, побуждая организм к активности. Следовательно, вопрос о преступности должен ставиться в рамках мастерства.

Да и сами оппозиционные силы будут одним своим наличием стимулировать совершенствование

социального устройства, так как, стремясь выжить, общество вынуждено будет развиваться, стараясь опередить деструктивные силы хотя бы на несколько шагов.

– Конечно, хорошо рассуждать об этой щекотливой теме и соглашаться с высказанными идеями, сидя здесь, в оазисе тишины и спокойствия, – возразил ему Стефан.

– Но не изменятся ли мои взгляды, если объектом преступления окажусь я сам?

– В том, что совершено преступление, жертвой которой стал ты либо твоя собственность, прежде всего, необходимо винить себя, так как именно твои безалаберность и ментальная слабость предоставили нишу для этого проступка собственными необдуманными действиями, – заметил Старец и продолжал:

Только дилетанты, у которых нет достаточного опыта, сил и знаний, могут допускать, зачастую как бы безнаказанно, массу неточностей и ошибок. На высоком уровне, для профессионалов, такие срывы недопустимы.

В конце концов, две противоположности – добро и зло – уравновесятся и создадут стабильный симбиоз, что может быть выражено в дуальной монаде. Вот когда общество можно будет назвать совершенным – настолько, насколько это будет возможно в физическом мире.

– А как же быть с теми преступниками, которые не захотят становиться мастерами?

– Они будут нести полную меру наказания, – объяснил Учитель. – В обратном же случае, если, например, вор попался, но он мастерски до этого делал свою работу, то мера пресечения может быть облегчена.

Изюминка этого подхода в том, что мастер, даже преступник, постепенно потеряет интерес к причинению вреда людям, потому что не будет встречать с их стороны подавления его, как личности.

К тому же достаточно оценить его золотые руки и предложить ему высокооплачиваемую работу (по проектированию тех же систем охраны), и он прекратит заниматься своим преступным ремеслом, так как на определенном уровне профессионализма сможет полностью себя обеспечивать за счет мастерства.

– А как же быть с убийцами-маньяками? Они тоже должны совершенствовать свое мастерство?

– Их я не считаю преступниками, то есть обычными людьми, по каким-либо причинам преступившими царящее в определенном обществе законодательство. Тот, кто убил (либо стремился это сделать) другого не вынужденно, а преднамеренно и, что примечательно, с садистским наслаждением – нелюдь.

Такая, обладающая умом, особь – просто выродок – хоть и рода человеческого, он, по сути, не человек, и относиться к нему нужно соответственно.

– Сожалею, Учитель, – извиняющимся тоном произнес Стефан, – но я до сих пор не могу понять, как можно преступность признать законной?

– Как все-таки ты негибок в своих размышлениях, – посетовал старик. – А ведь именно это мешает тебе увидеть структуру обсуждаемой темы. Пойми, я вовсе не предлагаю дать преступности юридически одобренный и поощряемый социумом статус. Моя идея заключается в том, чтобы признать легальность причин, вследствие которых и стало возможным ее проявление.

Этот вопрос (как, впрочем, и все, что имеется в природе) располагается на двух уровнях. Первый – внешний. Это то, что мы видим на поверхности явления: противозаконное действие и его непосредственного исполнителя либо организованную группу. Второй уровень представляет собой глубину этой проблемы, как правило, невидимую и, поэтому, непознанную.

Конечно, иногда делаются попытки изучить и эти глубинные составляющие. Хотя обычно такие усилия примитивны, поэтому выявления истинных причин так и не происходит. Послушай внимательно и постарайся проникнуться предлагаемой мной идеей.

Это будет именно идея, лишь вектор нового взгляда на обсуждаемую проблему, и, следовательно, она впоследствии должна будет уточняться и дополняться. Но мне очень хочется, чтобы ты осознал ее стержень.

Итак, мы с тобой говорили о двух уровнях, составляющих любое проявление. Так вот, силовые структуры общества, как правило, занимаются лишь тем, что пытаются искоренить преступность, выявляя и

изолируя людей, совершивших противозаконные действия.

Понятно, что таким способом мы не только не уничтожаем это явление в целом, но и стимулируем распространение и развитие преступности, потому что лагеря заключения становятся своеобразными университетами криминального мира, лабораториями и хранилищами противозаконного опыта.

Это дает возможность распространять заразу еще более эффективно, потому что такому образу жизни ее последователями намеренно придается ореол романтики. Из всего этого можно понять, что силовое вмешательство общества подобно скальпелю, которым она вырезает из своей плоти раковую опухоль.

– Я согласен, хирургическая операция весьма неприятна, но ради спасения жизни и надежды на обретение здоровья, думаю, ее проведение оправдано, – высказал свое мнение Стефан.

– Дело в том, что такая операция, как правило, не спасает нас от проблемы, а лишь осложняя течение болезни, приближает развязку.

– Но почему? – не мог понять ученик.

– Да потому, что в результате такой операции рассеченные метастазы преступности становятся еще более активными, сводя на нет все усилия врача. Ты согласен с той картиной, которую я сейчас тебе нарисовал?

– Конечно, – согласился Стефан, – тут трудно что-либо возразить. Однако ведь до сих пор, невзирая на все усилия специалистов, не было найдено средства, способного радикально изменить данную болезнь общества. Хотя, как мне известно, во всех странах мира в этом направлении работают целые научные институты. Но до сих пор...

– Вот, вот, – оборвал застывшую мысль летчика Старец, – именно в том-то вся и загвоздка, что те исследователи, как говорится, ставят телегу впереди лошади. Ведь это социальная проблема только во-вторых, а во-первых – она индивидуальная, и начало решения ее лежит именно в устранении внутриличностного конфликта.

Сначала человеку нужно прийти к гармонии в самом себе, а затем уж гармонизировать свои межличностные отношения. Вспомни - в многоэтапном процессе прохода через различные измерения тебе приходилось сталкиваться с проблемой внутренней дисгармонии, поэтому ты без труда поймешь тот образ, который я сейчас для тебя создам.

Человеческая личность, как вершина треугольной пирамиды, опирается на три основополагающих кристалла. Первый из них представляет собой симбиоз базовых групп характера, которые нами называются союзниками и выражены пятью психотипами зверей. Второй кристалл выступает верой и выражается Проводником. Третий кристалл выполняет функцию Защитника, представляя собой волевое единство.

Давай рассмотрим эти три кристалла по отдельности. Как мы уже говорили, союзными гранями характера являются пять «зверей», социальную значимость которых мы сейчас и осветим.

Начнем с самого простого, даже можно сказать, примитивного психотипа. Его особенности воплощает Дракон, который символизирует материальное благополучие и обеспеченность.

На следующем уровне стоит Змея, основными качествами которой является статичность, законченность, удовлетворенность и равновесие.

Затем располагается Обезьяна, ратующая за признание, славу.

После нее на очереди Тигр, стремящийся к самовыражению, лидерству.

И завершает пятерку Орел, находящий удовольствие в исследовательской деятельности и творческих открытиях.

Вторым кристаллом будет вера, хранящая в себе активы надежды и любви. Всё это исполняет роль Проводника. Через него проявляются такие качества, как любовь к своей индивидуальности, вера в реализацию жизненного предназначения и надежда на то, что ветер удачи будет сопровождать личность на избранном пути.

Третий кристалл, являясь Защитником, имеет три грани. Первая – это честь, что означает внутреннюю

убежденность в личной правоте. Вторая грань – совесть, гармонизирующая честь и проявления внешних форм жизни. А третья – непосредственно воля, дающая Защитнику свободу действия.

Теперь ты видишь, сколь сложен механизм, складывающий мотивацию поступков людей. Мало того, каждый человек представляет собой совершенно уникальную комбинацию этих элементов, проявляясь личностной индивидуальностью. Согласуясь с этой данностью, "Я" и демонстрирует во внешнем мире то либо иное поведение.

Из того, о чем мы с тобой сейчас говорили, думаю, тебе уже ясно, что если научиться управлять союзниками через веру, предложить наполненный смыслом путь Проводнику, и организовать силы Защитника, то такая личность будет социально адаптированной.

В действительности же зачастую происходит обратное. Несбалансированность опорных кристаллов не позволяет удержаться "индивидуальному Я" в гармонии, и возникающее состояние дискомфорта неминуемо приводит к внутриличностному конфликту. И вот теперь скажи мне, как может такая раздраженная особь, ненавидящая как себя, так и весь окружающий мир (тем более, если причины нестабильности ищутся вне себя), быть лояльной к обществу?

Вся эта удручающая картина усугубляется еще и тем, что законы, определяющие и регламентирующие поведение, унифицированы, а следовательно, не подходят ни для одного индивида в отдельности. И нередко такая конфликтующая индивидуальность не только потенциально готова к преступлению, но даже ищет... и находит самовыражение, утверждая себя в антисоциальных действиях.

Если же она обладает еще и большой внутренней мощностью, то такой индивидуум занимает лидирующее положение в группе, состоящей из людей с аналогичными наклонностями, но которые не имеют достаточного энергетического напора. А поскольку взаимоотношения людей бесконечны в своих проявлениях, то становится понятным, почему даже

твоим современникам не удалось решить проблему преступности.

И как бы правоохранительные органы ни наращивали уровень своего мастерства, находясь по одну сторону социума, преступный мир, с другой стороны, столь же усердно продолжает действовать, демонстрируя этим не меньшую эффективность своего мастерства, а, зачастую, даже превосходя силовые структуры.

Учитель посмотрел на своего ученика, и то выражение, которое он увидел на его лице, остановило развитие темы. Старик спросил, что за состояние Стефан испытывает. И в самом деле, глаза молодого человека излучали такую грусть и безысходность, что невольно возникала мысль о близости конца света.

– Ну, ну, не все так печально, как ты думаешь, – и Старец ободряюще похлопал Стефана по плечу.

– Да как же не печально?! – в сердцах воскликнул ученик. – Ведь все, о чем мы сейчас говорили, правда! Преступления совершаются повседневно, изо дня в день неся людям горе и страдания!

Особенно огорчает то, что до сих пор, невзирая на все героические усилия мощных правительственных систем, не только не удалось справиться с этой проблемой или хотя бы чуть-чуть снизить ее активы, но, в какой-то степени, государственная власть, раунд за раундом, проигрывает эту схватку. И Вы говорите: "не печалься"?

– Да. И не только говорю, но и со всей ответственностью утверждаю, что все не так плохо, и выход из этого положения есть. Вот ты сказал, что государственная власть проигрывает битву с преступностью. Как большинство людей, ты используешь неправильные определения. А, не определив условия, не можешь найти и решения. Вспомни, что первично: человек или общество? Индивидуальность или проступок?

– Естественно, человек и его индивидуальность.

– То-то и оно, – утвердительно кивнул Старец. – Поэтому вопрос должен состоять не в том, что государственная власть проигрывает преступности, а в том, что люди, представляющие власть, организованы хуже, чем преступный мир.

К сожалению, идеологи мафии оказались сведущими в житейской психологии больше, чем государственные мужи. Используя же пирамиду "личностного Я", о которой мы с тобой сейчас говорили, можно построить такую тактико-стратегическую схему, которая могла бы оказывать влияние на черты характера человека подобно пианисту, нажимающему на нужные клавиши. И новый, скорректированный звуковой ряд, не замедлит прозвучать.

– Это возможно?! – воскликнул Стефан, и глаза у него от радости заблестели.

– Конечно, возможно. И не только возможно, но и необходимо.

– А Вы меня посвятите в этот план?

– Безусловно. Собственно говоря, ты здесь, отчасти, и для этого. Но поскольку принять его будет непросто, тебе нужно развить необходимые качества, которые ты постигнешь в результате дальнейшего обучения.

– Так Вы мне сейчас об этом не расскажете?

– Успокойся, успокойся, – старый монах ласково похлопал ученика по плечу, – всему свое время. А энергию своего стремления к предметному знанию тебе лучше переместить в спектр познавательного процесса, через который ты осваиваешь магическую систему, что само по себе далеко непросто.

– Хорошо, я постараюсь это сделать. А сейчас я хотел бы поговорить с Вами еще об одной, не менее волнующей меня, теме.

В России, где я родился, до революции повсеместно исповедовали православие. И я помню, как бабушка в детстве мне говорила, как батюшка проповедовал пастве (в числе которой была и она), что всякая магия, знахарство и тому подобные явления – это все ересь, нашептанный дьяволом.

Однако я вижу, что настоящая магия, как и целительство, весьма далеки как от догматических религиозности и сатанизма, так и неверия. Почему же получило повсеместное распространение такое заблуждение?

– Чтобы ответить на твой вопрос, необходимо четко определить, что такое бог, а что – дьявол. Именно в

мировоззренческих неясностях и таится ошибка, ведущая к неправильным выводам, за которыми недалеко и до репрессий инакомыслия, которое зачастую не отстает, а опережает на эволюционном пути распространенную трактовку реальности.

А ведь это неконструктивно, так как позиция на всякий случай: "запрещать, отлучать и непускать" лишь тормозит духовный рост человечества. Божественная суть в материальном мире непосредственно присутствовать не может, так как это совершенно противоположные полюса: идеальный и физический, горний и дольний миры.

Часто у людей возникает вопрос: "Где же наш Отец? Как Он позволяет возникать ужасам и бедам, каждую секунду бесчинствующим на планете? Ведь порой испытание оборачивается в пытку! И где же при этом Его справедливость?". Они не понимают, что тонко-энергетический Бог не может присутствовать в мире физических материй.

Но чтобы корректировать развитие людей, направляя его в русло созидания, он опосредованно влияет на духовных (а не номинальных) лидеров человечества. И так как человек – производное биологической и духовной субстанций, то просветленные божественным вниманием – это тоже люди.

Отличие их от большинства состоит в том, что проявленная в них активность всевышнего дает им силу генерировать вовне мощные волевые устремления. Такие люди, организуя магическим способом большое количество окружающей энергии и системно развивая имеющиеся активы, воплощают необходимые Абсолюту преобразования.

Вот эти духовные лидеры, с гармонично развитой сознательностью, и есть маги, силой направленной мысли способные образовывать магнитные поля, благотворно влияющие на сознания других людей через упорядочивание их энергетических структур. Конечно, этих выдающихся (а иногда находящихся в далеком отрыве от общего пельетона) личностей часто не понимают из-за разницы в осмыслении действительности.

А из страха перед силой, которую они проявляют, порой забрасывают "камнями" с тем, чтобы, умертвив их тела, затем возвести в ранг сына божьего, святого, пророка либо заклеить прозвищем "дьявол во плоти" - в зависимости от царящей в определенных месте и времени идеологии.

Но ведь и дьявол в мире физических материй не может существовать. Лукавый искушитель с рожками - это всего лишь выдумка невежд, которые собственные пороки проецируют на того, кто от них заметно отличается.

Примечательно, что маги не относятся ни к одному из противоборствующих лагерей - ни к силам добра, ни к проявлениям зла. Это представители абсолютного знания, уравнивающего нисходящее на них просветление с полевой активностью Земли.

А то, какими состоявшихся магов видят обычные люди, - это эффект восприятия самих себя через отражающую поверхность магически организованных энергополей. Обычный человек, смотря на мага, замечает лишь свое отражение. И не всегда то, что он видит, его радует - отсюда и нередко агрессия к тому, кто так и остался непознанным, а значит, и неконтролируемым.

Конечно, многое зависит от уровня маскировки и целей, которые ставят маги в своей просветительской деятельности. А также от того, как искусно они могут обеспечить себе безопасность без ущерба реализации своего предназначения.

- Почему же все так устроено? - не выдержал Стефан.

- Да потому, что если Абсолют, стремясь развить человечество, будет взаимодействовать с ним на своем языке, обычные люди его просто не поймут. Поэтому существуют переводчики, не только весьма одаренные склонностью к магическому мышлению, но и обученные проявлять свои способности осознанно.

Тот, кто находит настоящего учителя и проходит у него специальную подготовку по магической системе развития, сам становится проявленным магом, распространяя выработанное веками знание среди тех, кто тянется к освоению высот личной духовности.

В двух словах можно сказать, что маги – это просветленные, ставшие властителями в своем внутреннем мире, и способные оказывать развивающее влияние на мир внешний. Окружающие, всматриваясь в мага и порой различая ужасную рожу, часто не понимают и, как правило, не хотят понимать, что они воспринимают не лицо человека, держащего зеркало, а собственное отражение.

Хотя в повседневности маг предпочитает полное сокрытие своей сущности, и тогда, даже смотря на него в упор, простые люди воспринимают мага, как обычного человека. И только другой маг сможет увидеть, при помощи резонанса энергетических полей проникнув сквозь защитный силовой барьер, с кем свела его судьба на самом деле.

Наступила пауза, которую вскоре нарушил Стефан:

– В разговоре Вы упомянули о магической силе, – задумчиво произнес он, – а люди науки смогут ее подчинить?

– Живя на Родине, ты, верно, слышал о тайне так называемого Тунгусского "метеорита", когда деревья неведомой силой были выкошены по кругу, словно травинки? Ведь это было "детище" не природного катаклизма, а производное деятельности ученого, который, проводя засекреченные опыты в ядерно-магнитной области, создавал мощные разряды и направленные волны.

Выпустив на волю огромную физическую силу и не справившись с нею, тот гений увидел, к чему могут привести его опыты, и, в конце концов, уничтожил собственные разработки относительно этого открытия планетарного масштаба. Он предпочел такой славе безопасность других людей, так как понял, что человечество к данному открытию еще не готово. Но в будущем оно обязательно вновь откроет то, на чем основываются законы природы. А побуждать к этому людей будут всё те же природные феномены, наподобие тех, которые известны, как "круги на полях".

Природа всегда предупреждает о готовящемся естественном катаклизме. Даже при приближении дождя вначале появляются облака, которые постепенно

наливаются грозowymi разрядами. Как ты сам понимаешь, экспериментировать с силами мироздания очень опасно, особенно если вызывать их с помощью внешних механизмов, не имея внутренней, волевой силы для контроля запускаемого процесса.

– А действия магов, разве они не опасны?

– Маги, действуя в этой же области, пробуждают личную силу постепенно, проходя трудный этап ученичества, и не делают таких ошибок, потому что достойны силы, которой владеют, и поэтому могут ее контролировать. Пойми, это ни что иное, как использование явления зависимости колебаний инертных масс от источника, генерирующего волевые посылы, подходящие по частоте, долготе и другим параметрам.

Кроме того, необходимо, чтобы такая волна оказалась достаточно устойчивой и, самое главное, чтобы была возможность постоянной обратной связи для коррекции энергии накачки. Человеческое сознание и его волевые качества отлично подходят для этих целей. Фокусировка заданной и направленной волны также зависит от сознания. Маги могут защитить свои жизни от агрессивных внешних сил, используя данный принцип, и этому умению они учат людей, способных не только слушать, но и слышать сакральную информацию.

– Пожалуйста, расскажите об этом подробнее, – попросил ученик.

– А ты не устал? – Учитель испытывающим взглядом посмотрел на него.

– Немного есть, – честно признался Стефан, – но мне так интересно, что я хочу услышать продолжение, иначе не смогу ничем другим заниматься.

– Ну хорошо, – рассмеялся Учитель, – в таком случае слушай. Энергия, выплескиваясь из человеческого кокона через точки, выполняющие функцию проводников, смешивается при этом с космической энергией, насыщающей все окружающее пространство. Так сознание обогащается флюидами внешней среды.

Насытившись информацией, энергия вновь вбирается человеческим коконом, тем самым питая его внутренний микрокосмос. Однако и это еще не все. Дело в том, что все эти процессы могут быть усилены либо ослаблены.

То, что они идут, заслуга потаенной мощи тени ума, работающей в автоматическом режиме. А вот то, что они могут быть регулируемы, в этом может заключаться вклад света ума. Взаимный баланс света и тени ума дает реальную силу менталу.

Излучается энергия мысли через точку так называемого "третьего глаза". И чем более энергична мысль, чем сильнее ее спин (то есть собственный, автономный момент вращения), тем эффективнее ее воздействие в месте приложения.

Но тут еще большее значение имеет обратная связь, как метод, дающий усиленную фокусировку мысленного приложения (причем как по качеству, так и по количеству воздействия). Сбалансированное образование живет, а несбалансированное - разрушается, как только ослабнет мысль, поддерживающая это энергетическое вращение.

– А разница во вращении как-нибудь отражается на телесной оболочке человека? – захотел уточнить Стефан.

– Естественно! Вообще, вращение имеет огромное значение для здоровья организма. Создание упорядоченного магнитного поля за счет поляризации энергии благотворно влияет на ткани, давая им жизненную силу.

*

– Скажите, Учитель, – после долгой паузы спросил Стефан, – а как строятся взаимоотношения между магами и другими людьми?

– То есть ты хочешь, чтобы я оценил их жизнь в обществе? Я правильно тебя понял?

– Конечно, правильно, – произнес ученик и добавил, – применимо ли к ним такое выражение, как "все происходящее – к лучшему"?

– Видишь ли, для объективного мира понятие "все к лучшему" верно и безупречно, так как он манипулирует категориями макромира, где временные и пространственные рамки достаточно обширны. Но для субъективного восприятия такое определение зачастую неверно, потому что личностное видение событий

делится на плохое и хорошее. Однако это определение верно только для людей со средней и слабой силой воли.

Дело в том, что любое действие, положение определяется энергетическим состоянием этих величин. Таким образом, жизненные проявления – это всегда взаимодействия данных сил. Явление резонанса показало, что мощные энергетические поля образуются вокруг сильных ядер. Выходит, для сильной личности, обладающей мощной волей, действительно применимо определение "все к лучшему", так как любые энергетические поля, подчиняясь более сильному, отдают свой энергетический потенциал, служа ему до тех пор, пока сохраняется это соотношение сил.

Становится ясно, что ненужно тратить личные силы на радикальные изменения во внешнем мире. Гораздо целесообразнее использовать имеющиеся в собственном распоряжении внутренние ресурсы на развитие индивидуальной силы воли, целостного и сбалансированного характера, а также развитого и здорового тела. Именно эта позиция ведет к сбережению и преумножению жизненной энергии.

Бессмысленная же борьба с противостоящими силами только изнуряет, приводя личность к энтропии жизненного потенциала. Конечно, для таких людей не все, далеко не все к лучшему. В первом же случае позитивный результат приходит как бы сам собой.

Это просто происходит, потому что так действуют законы природы. Тот, кто следует им, пользуется их благами. Кроме того, такой сильный центр постепенно увеличивает свой потенциал за счет привлечения и ассимиляции не связанной активностью энергии среднего уровня.

– Но если концентрация поля сильной личности постоянно растет, – произнес ученик, – то есть ли предел этому росту? И если да, то где он?

– Естественно, в конечном счете энергополе начинает принимать такие размеры, что с трудом справляется со своими функциональными обязанностями. Поэтому было бы логично предположить, что оно либо должно разделиться на части, как это делает клетка, либо сбросить в окружающее пространство избыточное

количество мощи, которое образно можно рассматривать в качестве отходов. Как ты думаешь, какой вариант действует в обсуждаемом случае?

– Наверное, второй, потому что деление в рамках одного сознания невозможно, – ответил Стефан.

– Верно, – взгляд Наставника заметно потеплел. – Так вот, эти-то остатки и становятся добычей слабых, невостребованных полей. Это своего рода благотворительность, но именно благодаря ей и существует, а также развивается слабый энергетический пласт, в свое время занимающий среднее положение, что делает возможным его сотрудничество с сильным центром.

Думаю, из всего вышесказанного тебе стало понятно, как происходит энергетический обмен в природе. Человеческое сознание так же должно, используя эти законы и развиваясь от простой организации к более сложной, от слабой – к сильной, стремится к большей сознательности. Это, по сути, и есть смысл жизни.

Маги, являясь центральной фигурой в описанной системе взаимоотношений, следуют своему предназначению и учат окружающих людей, желающих встать на этот путь, на котором они смогут постигать реальность не только без ужаса, но и без прикрас.

Ведь, как правило, при слабой организации психики для самозащиты люди удосуживаются всего лишь надеть на себя розовые очки, выбирая позицию страуса, для головы которого, зарытой в песок, льва как бы и нет. Они не хотят понимать, что энергетические хищники, каждое мгновение атакующие человеческие коконы, – это не выдумка, а наша повседневная действительность. Но ведь правильно не игнорировать проблему, а решать ее через поднятие активов своей психики.

Неорганические существа...

Если ты не против, давай назовем их этим словосочетанием, так как оно весьма точно отображает их суть. «Не-органики» отличаются от людей тем, что не обладают телом, а значит, и не имеют телесной подпитки. Хотя «лизун» сознателен и стремится к поглощению биологической энергии. Поэтому они бродят в стремлении продлить свое существование за счет

всплесков биополей. Такие существа – энергетические завихрения, которые по тем или иным причинам не распались.

– А как они образуются?

– Разными способами, – ответил Учитель. – Например, при развитии человеческого зародыша (в зависимости от унаследованного генотипа), возникают неорганические существа, которые призваны служить сознанию.

Однако они - детища животного мира. Вот почему эти пять союзников всегда готовы захватить власть в ментальном пространстве, и уважают только мудрую силу «Личностного Я», способного их приручить и впоследствии ими управлять, а по окончании жизненного пути взять с собой эти психотипы в космическое путешествие.

Если же человек не уделяет должного внимания гармонизации внутреннего мира, то даже не знает о наличии в нём центра управления. Такое сознание всё время находится в разладе с собой и своими союзниками, вследствие чего уступает агрессии внешних сил, и те врываются в кокон (что означает смерть тела). Бывшие союзники объединяются с захватчиками и нападают на сознание, спасающееся бегством в духовное тело.

Эти пять неорганических существ, стремясь продлить свою жизнь, пополняют когорту внешних бандитов, нападая на коконы других людей, так как их существование может обеспечить только органическая жизненность.

– Как же происходит сам процесс вампиризма? – заинтересованно спросил ученик.

– Из коконов (при всплесках эмоций или других подобных излучений) проистекает энергия, которую слизывают неорганические сущности, выполняя санитарные функции, так как они уничтожают энтропические, устаревшие конструкции – и в этом их позитивная роль.

Однако как только человек проявляет слабость, фонтанчик энергии в какой-либо точке энергополя опадает внутрь. Неорганики попроворнее тут же устремляются туда, стараясь закрепиться и потреблять из данного объема жизненную энергию постоянно.

– Неужели все люди становятся жертвами этих существ?

– Как правило, да. Только маги полностью освобождаются от негативного воздействия этих вампиров, не позволяя им перейти опасную черту, за которой санитары превращаются в хищников.

Примечательно, что такие паразиты не полностью овладевают человеком, так как это принесет тому смерть и тогда источник энергии исчезнет. Вампиры же предпочитают держать его в обессиленно-покорном состоянии, впрыскивая (как комары – обезболивающее) отупляющую программу равнодушия ко всему, что могло бы помочь человеку от них освободиться.

Каждый ученик магии на определенном отрезке пути сталкивается с этой проблемой. Каждому находящиеся повсюду щупальца неорганического лизуна словно шепчут: "Брось, отступись! Живи, как прежде!".

И чем способнее к проявлению магической силы человек, тем изначально у него ярче светимость энергетической оболочки, тем привлекательнее для неоргаников его энергетика, тем сильнее их "опека" над ним.

И так будет продолжаться до тех пор, пока человек, одаренный магической силой, не научится ее направлять на создание достойной защиты. А сделать это он сможет только через постижение системных знаний.

Еще лизунов привлекают дети, у которых нет основательной защиты, а энергия сочная, незамутненная, брызжущая излишками периода становления. Зачастую лизуны закрепляются именно в детских энергетических коконах. Однако полностью они проявляются только во взрослом человеке, когда ему самому начинает не хватать энергетических запасов, – не говоря уже о том времени, когда тело донора поражается болезнями либо стареет.

– А в каком состоянии он находится при откачке из него энергии?

– Конечно же, человек испытывает изнуряющий депрессивный спад. При этом могут ощущаться: давление в темени, спазматические головные боли, не связанные с соматикой, слабость в теле, тошнота,

нервозность и даже способны проявляться различные психопатии.

Кстати, такие люди, чувствуя, что в них "вселились демоны", а носители не имеют сил их выгнать, зачастую оканчивают жизнь самоубийством. Или употребляют различные наркотические вещества, стремясь, с одной стороны, убить этим монстров, солитонами обитающих в их энергополях, а с другой, отключиться от этого тяжелого бремени.

Это те самые одержимые, о которых ты, наверное, раньше уже слышал. Особую активность лизуны проявляют ночью, во время естественного ослабления энергетической защиты человека, так как во сне сознание получает меньше подпитки от тела.

Одержимый, как правило, в одно и то же время ночи, начинает издавать порой нечеловеческие звуки, а его тело судорожно подергивается. Даже магу тяжело вытащить эту нечисть из одержимого, потому что паразит может быть очень силен, и тогда не в человеческих силах будет его уничтожить. Можно лишь отогнать лизуна от жертвы, позаботившись о том, чтобы тот забыл к ней дорогу.

– Какие же все-таки энергетические вампиры коварные! И как только они могут существовать в природе?

– Не забывай, что в мире нет случайностей, и если что-то есть, значит, оно необходимо вселенной, в которой нет разделения на плохое и хорошее. А коварства в лизунах не больше, чем в человеке, – и, видя на лице ученика следы недоумения, Старец продолжал:

– Просто они так питаются. Вот ты, например, ешь, пьешь, дышишь. Даже делая шаг, ты тем самым губишь жизни тысяч микроорганизмов. Так что же, не жить вообще? Нет, выход из этой проблемы не в этом. Нужно жить осмотрительно, ничто не разрушая и никого не убивая понапрасну либо из наслаждения. Но необходимо следить и за тем, чтобы не впасть в другую крайность.

Материальная жизнь вся построена на том, чтобы есть и быть съеденным когда-нибудь. Да и, к тому же, "на то и щука в реке, чтобы карась не дремал". Не хочешь быть

чьей-то жертвою – не становись ею. Развивайся, набирай опыт, и жизнь твоя будет складываться удачно.

По сути, энергетические вампиры – это ни что иное, как весомый катализатор к самосовершенствованию. Они служат для того же, для чего предназначены и преступники в обществе. Лизуны – космические санитары и побудители к развитию. Иначе люди, подверженные влиянию инертного тела, остановились бы в своей эволюции. Так устроен мир, ничего тут не поделаешь.

– А среди людей встречаются энергетические вампиры? – задал следующий вопрос Стефан.

– Люди взаимно обмениваются энергией. И хотя большинство из них стремится взять сейчас, а отдать когда-нибудь попозже, все же такие энерго-вампиры не доводят жертв до изнеможения, бессознательно чувствуя, что все они – представители одного вида, и им нужно быть вместе для того, чтобы выжить.

Необходимо понимать, что люди – это, в некотором смысле, «дьяволы» в силу своей принадлежности к грубому материальному миру.

Эволюционируя, человек постепенно отходит от привязанности к своей телесной оболочке, к материальному миру, становится «богом» и уходит в космическое путешествие, продолжая свое развитие уже в «духовном теле».

А не рассыпавшиеся, самые долговечные неорганические существа еще будут кружить вокруг опустевшей планеты, стремясь найти хоть какой-нибудь источник пропитания...

Посмотрев внимательно на что-то невидимое глазу, находящееся над головой ученика, старик велел Стефану пойти к внешнему озеру и поплавать в нем, стараясь при этом ни о чем не думать.

– Нужно, – пояснил Наставник, выходя из реанимационной, – чтобы вода впитала излишки энергии, которые буквально распирают тебя сейчас. Ну, а после того, как ты отдохнешь в воде, и в тебе пробудится жажда деятельности, можешь отправляться к своему учителю по резьбе, где ты и продолжишь обучение.

Кстати, он хвалил тебя за усидчивость и активное стремление познать и проникнуть в тайны дерева. В дальнейшем у нас еще будет время поговорить на затронутую сегодня тему подробнее, – и, проводив взглядом уходящего Стефана, Учитель пошел в глубь скального храма, который принял Старца под свой покров загадочно мерцающей тени.

Глава 19

Мастерская, где учился Стефан искусству резчика по дереву, находилась недалеко от площадки, на которой монахи регулярно занимались отработкой боевых приемов и практикой физических упражнений.

В свободное от работы время, когда уже вечерело, он любил, присев на расположенную неподалеку скамейку, наблюдать за братьями. Помимо тренировки с деревянными манекенами и другими тренажерами, они в парах отбатывали сложные блоки приемов.

Следя за этими необычными движениями, Стефан почувствовал, что он раньше их где-то видел. Тщательно перебирая в памяти события прошлого, летчик, в конце концов, был вынужден признать, что ранее никогда с ними не встречался.

– Откуда же появились настолько реальные ощущения? – не мог понять он.

И вдруг в черном бархате внутреннего экрана показалась серебряная точка и, блеснув, стала мягко светиться, обращаясь с призывом к его вниманию. Сконцентрировавшись на ней и этим приблизив, он неожиданно для себя отчетливо осознал, откуда пришла так долго не дававшая ему покоя мысль.

Дело в том, что еще в России он читал книгу одного японского автора, в которой тот рассказывал об особенностях восточного взгляда на природу. Ярким примером этого было упоминание о цветущем саде.

Описание плавно перетекало от отдельного цветка до панорамного охвата всех растений. Еще тогда он был буквально захвачен этим восхитительным повествованием, и именно те ощущения, которые возникали у него в то время, и сейчас будоражили его сознание.

Продолжая наблюдать за развитием событий на тренировочной площадке, он отметил, что движения производились в какой-то загадочной последовательности, сочетания их были пленительны. Создавалось впечатление, что можно уловить логический принцип этих сложных композиций, однако тут же приходилось сознавать, что не так-то просто их было

разгадать. Ответ ускользал в самый последний момент, когда, казалось, был в руках. Стефан видел в этих движениях скрытую силу, выразительность, мощность.

Ему представилось, что пробивающая, жесткая рука атакующего – мужчина, а гибкая, пластичная рука защищающегося – женщина, и они то сплетаются, то отталкиваются, то прислушиваются друг к другу, то демонстрируют презрение. Раскрывалась целая драма в этих движениях.

Но что больше всего поражало в них, так это то, что они всегда имели выход, продолжение, то есть были живыми, что вселяло оптимизм. Ни один элемент композиции не заслонял другой, лишние комбинаций не было. Летчик понял, что предельная лаконичность и экспрессивность – стержень эффективности, потому что любые излишества сразу же делали композицию бесформенной.

Его рассуждения прервал Учитель, который, незаметно подойдя к Стефану, мягко тронул того за плечо. Быстро повернувшись, ученик, еще не осознав, кто перед ним, увидел поток тепла, который излучал подошедший. Узнав же, кто перед ним, он с радостью и доверием взглянул прямо в эти бездонно-карие глаза.

Поспешно встав и поприветствовав Старца, Стефан с неожиданно возникшей решимостью указал на занимающихся бойцов и спросил о необычной живости движений, которые демонстрировали монахи.

– Это происходит потому, – задумчиво отвечал Наставник, – что технические комбинации и их наработки, свидетелем которых ты стал, не являются раз и навсегда принятыми догмами. Ученики, дисциплинированно постигая принципы движений, накопленными предыдущими мастерами, при таком тщательном изучении магической системы в первую очередь творчески вбирают в себя смысловое значение, наполняющее и придающее ей жизненность.

Именно это и делает возможным создание школы, пронизанной идейными параллелями, а также неповторимого образа жизни, когда маг, в каждый свой миг, раскрывает собственную индивидуальность, синхронно проявляя её соответствие духу времени.

– А как наш храм нашел именно такой путь развития?
– заинтересовался ученик.

– Для того чтобы правильно понять мышление, взгляды Востока, частью которого мы являемся, необходимо проникнуться его духом, философией.

– Пожалуйста, расскажите об этом поподробнее – попросил Стефан, в глазах которого зажегся неподдельный интерес, – меня давно уже интересует эта тема.

– Хорошо, – мягко и как-то сразу согласился Наставник, – тогда слушай и запоминай. В основе философии Востока лежат вероучения Даосизма и Буддизма, как наиболее жизненных систем продвижения по пути познания. В них основой является не некая призрачная субстанция, а сам человек, его личность.

– Но я знаю, что на Востоке существует множество ответвлений от традиционных "религиозных" течений, образующих различные школы, стили. Какой же стиль, набор приемов лучше?

– По этому поводу наша культура провозглашает, что нет стиля или приема, как победителя. Ведь на каждый отличный прием есть не менее превосходное контрдействие, но всегда есть победитель – человек. Побеждает умение, рожденное в горниле труда!

– А как же техника движений?

– Она хороша лишь как средство достижения цели. Причем нет такого понятия, как лучшая или универсальная техника. Каждый человек находит свою – лучшую для него, и вот в этом-то и заключается особенность обучения методике, основанной на восточном мировоззрении. Здесь принципами познания является творчество, развитие личностных качеств, раскрытие индивидуальности при способности к дисциплине мышления.

– Но что же главное в обучении?

– Главная задача, – ответил Наставник, – поставить ученика в такие условия, когда бы он мог, проявляя личное творческое начало, создать собственное кунфу, – то есть мастерство высшего порядка, на какое только способен этот человек в данное время и в данном месте.

Именно такая и только такая личность! – с воодушевлением подчеркнул он, – сможет решать задачи, реагируя на ситуации не планируемые, никогда прежде не возникавшие.

Пойми: человек наиболее полно может выразиться в естественных условиях, а не в навязанных, чуждых ему формах. Поэтому и благополучие его зависит от натуральности, комфортности состояния и сохранения им гармонии с окружающей средой.

Благополучие, завоеванное за счет других, может привести лишь к конфронтации, борьбе на износ, причем взаимной.

– Как "коса на камень", – добавил Стефан.

– Да, именно так, – улыбнулся Учитель и продолжал, – ведь настоящее благополучие состоит в единении и постоянном сотрудничестве с миром истины – с этим вместилищем абсолютного знания. Путь к его постижению, через управляемое самовыражение, и есть творчество в магическом стиле. Жизнь в стиле кунфу – прекрасный способ выразить себя в своих движениях, действиях, поступках!

– Но разве любому бойцу не присуща агрессивность, стремление всегда побеждать? – удивился Стефан.

– Быть бойцом кунфу вовсе не означает быть драчуном, – качая головой, отвечал Наставник.

– Зачем же тогда вообще изучать такие сложные приемы?

– Существенным достоинством такого бойца является его способность выразить в своих движениях и действиях особенности характера, свою самобытность. Без этого не может существовать подлинного человеческого величия.

И, видя в ученике немой вопрос, добавил:

– Люди, занимающиеся кунфу, не отрабатывают на самом деле приемы борьбы. Они изучают комбинации действий, которые помогут им создать в будущем свои собственные. Другое дело, что возникающие движения можно использовать и при борьбе в случае необходимости. Хотя они будут полезны и независимо от той цели, которой подчинено действие (начиная от колки дров и заканчивая созданием картины). Ведь любая деятельность человека тогда является эффективной,

когда она согласована с окружающим миром. Тот же принцип соблюдается и в мире идей.

– Но почему именно отработкой приемов, очень похожих на боевые, так усиленно занимаются братья? – спросил Стефан.

– Борьба... – задумчиво протянул Старец. – Это непростое понятие сопутствует всей нашей жизни, поэтому и отработка движений построена на развитии в человеке характера воина.

Зачастую мы боремся, даже не замечая этого. Торгуясь на базарах, отстаивая свою мысль, воспитывая ребенка, мы уже вступаем в борьбу. Но она может носить и более утонченный характер.

– Какой же?

– Например, человек дает себе слово не курить, однако вид дымящейся сигареты его смущает – идет борьба. Даже утром, проснувшись, люди зачастую вступают в борьбу – ох, как хочется еще полежать, но надо вставать... И не всегда в этих поединках они выходят победителями.

– Чем же тогда является борьба в Вашем понимании? – поинтересовался Стефан.

– Борьба – это сложный психофизический метод воздействия на объект. Может быть, этот метод не всегда физический, но обязательно всегда психический.

– Почему? – заинтересовался ученик.

– Потому что именно с него, то есть с психического воздействия, начинается борьба. И на нем же она заканчивается.

– Что же является залогом для психологической победы над противником? – не унимался Стефан.

– Для того чтобы сделать то, о чем ты говоришь, прежде всего, необходимо одержать победу в самом себе, – но запомни – не подламывая этим себя. Это условие – обязательное.

Если ты не веришь во что-либо сам, никогда не убедишь в этом другого. Предварительно не победив в себе, нельзя победить и противника – это закон. И еще одно. Чтобы этот процесс был действенен, необходима... Как ты думаешь, что? – обратился он с вопросом к ученику.

– Не знаю, – растерялся тот.

– Нет, знаешь! – и с этими словами Наставник пошел по каменистой тропинке, ведущей к небольшому лугу, знаком показав Стефану следовать за ним.

После продолжительного раздумывания ученик, наконец, решил произнести:

– Ну, может быть... вера?

– Верно! Именно она будет тем катализатором, который, усиливая процесс воздействия, сделает его гораздо эффективнее.

– Но вера во что? – не мог до конца понять Стефан.

– Беспредельная и ясная вера (основанная на духовном резонансе) в идею, метод, Учителя, и, что самое главное, вера в себя, которая раскладывается на следующие понятийные блоки: доверие к своим возможностям и уверенность в своих способностях. Причем для успешного обучения веру необходимо развить и укрепить сознательной практикой.

Ученик видит свет в конце тоннеля и убежден, что этот путь для него открыт; препятствия относительно его устремленности к цели и погруженности в процесс ничтожны; никто и ничто не сможет ему помешать пройти намеченное и достигнуть величия в гармоничном единстве духа и тела. Святая, истинная вера – это то первое и самое важное чувство, без которого вся работа обречена на неудачу.

– А отчего вера проявляется в людях?

– Она приходит либо от потрясения души, либо в результате размышлений. Во втором случае вера – осознанная, а значит, беспредельная. Но чтобы этого достигнуть, необходимо вначале ощутить, впустить в себя понравившуюся идею, принять ее на веру, основываясь только на интуитивной согласованности, иначе интересующая тебя концепция так и останется "тайной за семью печатями".

– Но есть мнение, что любую новую идею нужно отвергать, строить ей всяческие препятствия. И если она все же пробьется, следовательно, она – верная и настоящая, а вот если не сумеет преодолеть созданные препоны, то грош ей цена – такая идея не имеет, не заработала себе права на жизнь!

– Такая позиция неконструктивна, хотя ее приверженцы и утверждают обратное. Как ни странно, она довольно распространена и устойчива. Дело в том, что, если бы эти вопросы были отданы на решение роботам, то, возможно, этот принцип отбора и был бы верным, но на самом деле все решают люди, а отсюда субъективизм и вытекающая из него необъективность.

И тут ничего нельзя поделать, такова человеческая природа. Если человек заранее настроен на отрицание, то ему очень трудно, а зачастую и невозможно принять аргументы и доводы оппонента. Он их просто либо не слышит, либо, что еще хуже, слышит в искаженном собственным толкованием виде, и пробиться через этот барьер будет стоить невероятных затрат, что уже показывает ущербность метода.

Однако если мы подойдем к проблеме с другой стороны, то будет видно, как поразительно изменится картина. Допустим, претендент выдвигает какую-либо идею, и комиссия, принимая эту версию на веру, начинает ее анализировать.

Вот этот-то психологический прием и станет работать стимулятором активности в процессе разбора темы, и, возможно, именно вследствие этого будет не только принята сама концепция, но и в ней найдутся новые, еще не обнаруженные до того нюансы, а то и целые направления.

Но даже если тема будет признана несовершенной, как правило, даются рекомендации, с помощью которых она может быть доработана.

– Вот здорово! – восхитился молодой человек. – А что еще необходимо для победы, кроме веры?

– Неукоснительное следование методическим указаниям школы, регулярность выполнения заданных упражнений, постепенное наращивание интенсивности и сложности, а также неутолимая жажда познания – все это приведет ученика к победе.

Однако, постигая величие кунфу, следи за тем, чтобы между тобой и твоей восходящей звездой в искусстве не возник мощный барьер из чужих, уже кем-то выверенных эмоций и мыслей.

Не удовлетворяйся информационным объемом, полученным от меня, занимайся глубоким изучением предмета, теории. В поиске ответов на волнующие тебя вопросы ищи свои пути, развивайся как личность, никогда не считая себя старым для постижения истины.

Знай, что монотонное повторение принципов является упражнением только для языка, поэтому необходимо, усвоив их суть, смысл, жить по ним, бережно храня их в своем сердце. Непрерывно развивай в себе широту и крепость ума, познавательную способность, логику, интуицию.

– А что может явиться преградой на пути постижения знаний?

– Преградой на пути к истине являются вождение, ослепление, ожесточение. Ты уже знаешь, что истина никогда не бывает конечной, поэтому в познании ее важен процесс, движение. Знания же, не ведущие к цели, бессмысленны. Несовместимы также истина с неуправляемым страхом, который проистекает от незнания.

– Где же выход?

– Спасает в таком случае бесстрашие знания и кристальная ясность продуманной истины, – ответил Учитель.

– Есть мнение, что лучше не знать о грозящих опасностях и ловушках. Тогда, говорят, не так страшно идти, а значит, больше шансов добраться до цели.

– Бесстрашие неведения, – горестно вздохнул старик, – просто глупость. Это всё равно что, боясь высоты, идти по канату над пропастью, беспечно наигрывая на флейте, и при этом завязать себе глаза, чтобы внушить себе смелость. Ведь храбрость, почерпнутая из темного колодца отчаяния, помогает продемонстрировать хладнокровие, но не совладать с вселившимся ужасом.

– Неужели он так опасен?

– Да! Ложь проистекает именно от панического страха. Она (как, впрочем, и страсть, гнев, невежество) является губительным пороком психики. Чтобы не дать им укорениться в своем внутреннем мире, содержи тело и сознание в чистоте. Убогость нравственности толкает человека на мерзкие поступки, которые, в свою очередь,

через неуправляемые эмоции разрушают тело. Так зло приносит только зло.

– Здесь мне все понятно. А теперь расскажите, пожалуйста, что больше всего мешает путнику в его движении по пути познания?

– Самая большая преграда – сомнение, о котором мы с тобой уже говорили. Именно оно не дает определиться и сделать на пути реальный шаг.

И, немного помолчав, Старец продолжал:

– В жизни следует избегать стандартизации, привычек, склонностей к стереотипам и шаблонам. Причем этот стиль поведения не должен бросаться в глаза своим запланированным разнообразием, что также можно просчитать.

Да, нельзя действовать по одному, раз и навсегда заведенному канону, ведь это обедняет действия, а значит, облегчает противостояние твоим планам. Вместо этого нужно постоянно сверять внешнюю необходимость с интуитивным чувством соответствия, при помощи чего интеллект дает наводящие подсказки твоей логике, утверждая либо отвергая то, что ум собирается проводить в жизнь.

Жить и действовать в этом постоянно изменяющемся мире необходимо в единстве с окружающей тебя средой. Свои дела и поступки постоянно соизмеряй со сложившейся ситуацией, стремясь, не противореча ей, получить для себя максимум возможной и необходимой пользы. А это может придти только через направленную волю.

– Что же еще необходимо для развития личности на пути к совершенству? – старался расставить все точки над "и" Стефан.

– Святость и мудрость, совесть и честь являются долгом перед самим собой. Правдивость в словах, чистота в мыслях, верность в общении, искренность в поступках, направленных к другим, немыслимы без подобного же отношения к самому себе. Только такие взаимосвязи являются рациональными и ведут к успеху.

Да и вообще, ко всему живому относись, как к самому себе. Бери у природы только действительно

необходимое, ведь ты и она – одно целое. Заботясь о ней, тем самым ты заботишься и о самом себе.

Страдающим душой, больным телом, бедным – помогай бескорыстно, чем сможешь, но не в ущерб собственному благополучию. Отслеживай, чтобы твоя помощь не развивала в окружающих тенденцию к паразитизму на твоих благих намерениях, а служила стимулом к обретению независимости и самостоятельности.

Неправду свою или поражение – признай, победой не кичись, – будь сдержан. Если ты мастер – не зазнавайся, богат – будь скромн, знай меру. Низших – не топчи, высоким – не завидуй. Избегай также вражды или дружбы с негодьями и подлецами.

И помни, что бы ни случилось с тобой в будущем: кто не знал заблуждений (из практики выхода из которых были сделаны надлежащие выводы), тот не узнает и истины. Поэтому используй накопленные познания, как бесценный багаж, который необходимо, проанализировав, учитывать при построении дальнейшего продвижения по жизненному пути.

При любых обстоятельствах не стоит от ярости выходить из себя. Ведь если что-то уже произошло (пусть самое неприятное), гнев не восстановит утерянного, а только запрет разум. Спокойствие же подскажет выход. Зачем торопиться и терять рассудок, когда уравновешенным и трезвым умом можно легче достичь желаемого?

Большим упущением в воспитании характера считается уловка, допустив какую-либо оплошность, сделать вид, будто ничего не произошло. Никогда не забывай извиниться за оплошность и поблагодарить за услугу.

С человеком, не способным сдерживать свои чувства, не стоит иметь совместных дел. Даже если судьба свела тебя с индивидуальностью, имеющей доброе и открытое сердце, это вовсе не означает, что ей следует открывать свою душу, потому что по своему складу это может быть совершенно чуждый тебе человек.

– Интересно, а что происходит в сознании порочных людей?

– У них одна часть влечет вправо, другая – влево, в мыслях – разброд, в поступках – путаница, в мышлении – постоянное возбужденное мельтешение. Их гнетет подсознательное раскаяние, и время не приносит успокоения. Отсутствие же лада во внутреннем мире не дает возможности сосредоточиться настолько, чтобы погрузиться в проблему и выйти из нее, с другого конца, победителем.

– А в сознании человека, имеющего внутренний кодекс чести? – продолжал допытываться ученик.

– Такой человек постоянно находится в гармонии с самим собой, его не гнетут угрызения совести. Он спокоен, чист. Добродетель – награда сама по себе, и в нашей власти быть тем или иным. Однако лишь тот человек добродетелен, кто стремится к мудрости.

– Но как быть, если на совершение преступления человека толкают обстоятельства?

– Каково бы ни было насилие и от кого бы оно ни исходило, нельзя обвинять в этом только обстоятельства либо что-то или кого-то. Всегда, во всем произошедшем, состоявшийся человек должен, прежде всего, винить себя, не перекладывая бремя ответственности на окружение. Ведь на самом деле те страдания, которые приходят к нему извне, ранее им же и были посеяны – именно в таком понимании скрытых параллелей взаимосвязи проявляется тропинка к внутреннему очищению, гармонизации и обретению мудрости.

Мудрость, гибкий научный подход и целеустремленная практическая деятельность, основанная на мастерстве, способны принести высокое блаженство – постичь, хотя бы и относительное, но, тем не менее, грандиозное величие истины.

– Есть ли что-нибудь еще, необходимое на этом пути?

– Практичность. Это весьма полезное свойство, так как дает возможность толково взвешивать объективные вводные и верно рассчитывать личные ресурсы при достижении ведущих к победе целей. При этом нужен опыт изобретательности в подборе средств, осуществляющих идею. К тому же, необходимым условием достижения успеха является работа по нормализации значимости собственного Эго. Это

усмиряет гордыню и укрепляет гордость, успокаивает разум и развивает логико-философское мышление, поднимая тем самым уровень интеллектуальности личности.

Слишком сильное сосредоточение на себе порождает ужасную усталость. Человек в такой позиции глух и слеп ко всему остальному. Эта странная усталость мешает ему искать и видеть чудеса, которые в великом множестве находятся вокруг него и являются реальностями мира. А значит, этим он обедняет и самого себя, то есть его внутренняя глухота и слепота начинают относиться и к нему самому. В конечном счете, кроме проблем, у него ничего не остается, и всю жизнь он борется сам с собой ни за что.

– Но что же делать, как помочь сознанию преодолеть это препятствие? – недоумевал Стефан.

– Жестоко и недальновидно судить человека только по его поступкам, по каким-то неверным взглядам, ибо формирование этих взглядов находилось в прямой зависимости от воспитания. Поэтому было бы гораздо мудрее оценить человека, как личность, дать ему реализоваться, раскрыться в любимом им деле, и тогда сразу же станет видна его сердцевина, его истинное состояние, а не внешняя, напускная, защитная маска, которая является временной, вынужденной мерой.

Умение расслабить человека, помочь ему раскрыть внутренний мир в реализации собственного потенциала, способность перешагнуть через предрассудки характеризует человека благородного, с возвышенной душой, добрым сердцем и чистыми намерениями. Ведь личное дело каждого – это дело его совести и чести. Любой человек волен поступать так, как считает нужным, правильным и справедливым.

– А если этот поступок не совпадает, например, с моим мнением?

– Ну и что?! – воскликнул Учитель. – Если ты не согласен с ним, не делай этого, но и не осуждай! Ведь мы уже говорили, что каждая личность видит внешний мир через призму внутреннего мировосприятия, и было бы величайшей несправедливостью подавлять личность в человеке, устраивая диктат собственного эгоцентризма.

– Но разве это не личное право каждого – утверждать свое "Я"? Разве это не входит в само понимание свободы?

– Да, есть и такие люди, и согласно личностной теории взаимоотношений это так же их личное дело, – они так живут и считают, что так и надо.

– Как же быть? – спросил Стефан.

– Ответ прост. Взаимоотношения должны строиться по принципу духовной синхронности, и тогда не будет причин для возникновения диссонансов, – с едва заметной улыбкой произнес Учитель, – и не надо радоваться чужой беде, поражению, даже если это будет твой враг. Необходимо с удовлетворением отметить торжество собственных принципов, с интересом рассматривая результат при холодном, трезвом анализе собственных действий.

– Но ведь это же твой обидчик, – возмутился Стефан, – как же можно ему сочувствовать?

– Займись личными проблемами, ведь завистливая злоба зарождается от нереализованного запаса собственного потенциала... Да, каждый человек в жизни мечтает открыть свою Атлантиду, но далеко не каждому это удастся, так как для мечтаний достаточно одних мыслей, а для реальных открытий и свершений необходимо добавить еще и огромный самоотверженный труд!

Если занятия приносят радость познания и новизну открытий; если каждый раз будешь стремиться к знаниям, как ныряльщик к глотку воздуха, вырвавшись из цепких объятий спрута; если внимательно относишься к каждому слову Учителя, словно боясь, что оно последнее; если в практике стремишься быть верным принципам, как будто от этого зависит твоя жизнь – будь уверен: твоя Атлантида тебя дождетсЯ, – с неизменной улыбкой заверил его Учитель.

– Но ведь есть же и просто талантливые люди? – поинтересовался Стефан. – Им-то гораздо легче учиться!

– Путь в искусстве требует затрат всех жизненных сил, а не только вдохновения и таланта, – заметил Учитель.

– Это значит, нужно уйти в отшельники и заниматься только тем, что дни напролет практиковать избранный стиль? – уточнил Стефан.

– Конечно, нет. Однако человек обязательно должен заниматься познанием мира, тайнами природы, проникновением в психику – это достойно его, как человека разумного, так как это помогает ментальности не только сохранять свои главные качества, но и развивать их. Ведь без разумного дела человек становится либо глупым и напыщенным, провозглашающим себя центром Вселенной; либо, разочаровавшись во всем, становится человеконенавистником – как ты и сам понимаешь, обе крайности приводят к одному – бессмысленному сжиганию личного времени.

Медитативная работа является элементарной гигиеной мозга, способной предупреждать малейшие психические отклонения и связанные с ними болезни внутренних органов. Жажду истины может питать только подлинная страсть к развитию, а, искусственно разжигая в себе жалкое ее подобие, никогда нельзя продвинуться по пути познания – можно лишь насытить беспросветную пустоту сознания, что заставляет сломя голову бежать на край света за вечным миражем.

Думая о чем-либо, представляя, пользуйся точными формулировками, так как только законченная мысль обладает самодовлеющей силой. Приобретенные познания вовсе не означают мудрость, а являются только ее копилкой. Это можно признать правильным, лишь как этап развития. Правда же заключается в том, чтобы избавляться от них, – продолжал свои наставления Старец.

– Вы хотите сказать, что уж лучше быть глупым, чем умным? – всей душой возмутился Стефан, считая себя неглупым человеком, изучавшим в свое время много различных наук.

– Ты меня неправильно понял. Я не против образования и эрудированности ума, расширяющей кругозор индивидуальности. Однако во всём нужно знать меру. Особенно это важно относительно той информации, которую ты вносишь в свою ментальность, и не менее

значимо то, как ты это делаешь. Занимаясь обычным набором мыслей, уже кем-то пропущенных через субъективное понимание, ты не пользуешься личным каналом постижения мудрости, захламляя свой внутренний родник чужими, уже кем-то высказанными мыслями, и, тем самым, превращенными в застывшие, мертвые формы. Загромождая ими свое сознание, человек теряет гибкость мышления и тонкость восприятия. Свободная от догматов личность способна к саморазвитию и творчеству, потому что обладает характеристиками самодовлеющей силы.

– Значит, мне не нужно и Ваши мысли воспринимать, как абсолютную истину?

– Естественно! Мои слова являются лишь семенами, которые могут, в определенных условиях, прорасти в твоём личном мировосприятии. Я не учу тебя чему-то уже известному, я учу тебя учиться, самому постигать знания, черпая их из первоисточника.

К тому же я не веду речь о сравнениях. Никогда не развенчивай свой идеал, живи им, но не создавай из него кумира. Сталкивая прохладную прелесть утренней росы с гнетущим удушьем пыльного вечера, ты рискуешь потерять точку опоры. Разве так уж важно – кто? Принц или нищий?

Значение имеет идея, цель и полет твоей мысли. Безапелляционность же мнения не может свидетельствовать о большом уме, – добавил Учитель, взглянув на Стефана, которому вдруг показалось, что глаза старика заглянули ему прямо в душу.

Между тем Наставник продолжал раскрывать затронутую тему:

– Нежелание или вялое желание профессионально заниматься кунфу является духовной кастрацией, которая может родить только богатых евнухов, а надо быть лордом в своем замке.

Потребность выразить свою личность через искусство становится мощнейшим стимулом в достижении цели, способным к преодолению любых препятствий и трудностей, так часто подстерегающих учеников на их нелегком пути познания, – взгляд старика был направлен

вдаль. - Ты обратил внимание на то, с каким воодушевлением твои братья работают на площадке?

- Да, я отметил, с какой настойчивостью и терпением они занимаются там, - в знак согласия кивнул Стефан.

- Очень важно найти в себе такие силы, которые смогли бы сплавить воедино чувство, мысль и движение - только тогда можно говорить о настоящем искусстве, - сказал Учитель, поворачивая обратно. - Но самое основное правило - это, утверждая идею самосовершенствования через обретение мастерства, в искусстве быть не копией, а оригиналом, и самому творить для себя закон самовыражения.

- Что же является этими движущими силами, от которых зависит все то, что можно назвать настоящим искусством? - заинтересовался Стефан.

- Начинать занятия кунфу надо с того, что необходимо утвердиться во мнении: единственная реальность - это ты сам и твои занятия, все остальное для тебя - вторично. Однако это не означает искусственно раздувать значимость своего эго либо отрицать важность окружающего мира, а лишь то, что нужно сосредоточиться на главном лично для тебя. И тогда, качественно улучшив себя, как единицу мира, тем самым ты станешь положительно влиять и на других.

Смотря на кучевые облака, медленно проплывающие вдаль, Старец продолжал говорить:

- Делая нечестивые поступки ради сиюминутной выгоды, люди не думают о том, что этим они открывают путь для вхождения в себя пагубных последствий. Как истинные глупцы, они замечают их лишь тогда, когда избежать возмездия уже нет никакой возможности - и так продолжается в течение всей их жизни потому, что каждый раз, страдая от своих ошибок, люди склонны обвинять в этом кого угодно: судьбу, случай, все человечество, но только не себя.

Никто из этих людей не задумался о причинах преследующего их страшного рока, считая это случайностью и вновь начиная очередной круг порока. И в этой спешке люди, конечно же, забывают об одной очень простой, но мудрой истине: прежде чем в своих несчастьях осудить другого, необходимо посмотреться во

внутреннее зеркало. Может быть, там найдутся ответы на тревожащие вопросы?

- Скажите, Учитель, - спросил Стефан, - а разве вирусные болезни возникают из-за оплошностей людей, а не из-за нелепой случайности?

- Конечно, даже вирусные заболевания - ни что иное, как последствия ранее посеянных "роковых" причин.

- Не могли бы Вы более подробно остановиться на данной теме?

- Хорошо, - с легкостью согласился Наставник, - тем более что затронутая тобой проблема действительно интересна и поучительна. Итак, слушай.

В местах, где имеются разломы земной коры, образуются выходы силовых лучей, так называемые энергетические столбы. Так на поверхности, в результате постоянного облучения, создаются сверхчастотные геопатогенные зоны.

Если в этих зонах почва имеет болотистый характер или в ней постоянно протекают гнилостные процессы, то микрофлора становится легко разлагающейся на элементарные биологические частицы (и даже на еще более мелкую, атомарную составляющую). Под влиянием энергетических силовых линий такого поля биологические элементы способны объединяться в колонии, которые существуют уже по собственным, индивидуальным законам.

Эти колонии живут и множатся, представляя собой биоэнергетический симбиотический организм, по сути подобный тем простейшим, которые заполняли собой Землю на самых ранних этапах образования жизни. Такие организмы обособленны и скрытны, так как остальная биосфера планеты, которая не подвержена облучению, для них недостаточно хороша.

Но в определенные моменты, когда активность патогенных зон возрастает, в них создаются благоприятные условия для усиленного размножения, и вирусы начинают выделяться во внешнюю среду, неся генный код данной колонии.

Находящаяся поблизости живность, будь то птицы, животные, насекомые или человек - все они незаметно для себя вдыхают эти "споры" в легкие или заносят

вирусы через порезы, слизистую - в общем, местом входа для каждого вида вирусов является определенная незащищенная часть тела. При попадании через легкие они, на начальном этапе, внутри образуют небольшие колонии, а затем эти "споры" проникают в кровь и разносятся по всему организму, скапливаясь в определенных органах.

- Но неужели вездесущим Абсолютом не была предусмотрена такая возможность? - удивился ученик.

- Верно, в природе изначально был заложен план контрдействий для подобных случаев, когда становилось возможным вторжение чужеродных микроорганизмов, имеющих агрессивный характер.

Был создан защитный механизм, имеющий достаточно сил для отражения подобных атак. Таким механизмом является иммунная система, выделяющая в кровь через лимфо-ток особые тельца-солдат, чтобы они создали заслон на пути агрессоров. Это и есть иммунитет.

Легкие человека - это основной иммунный орган, и понятно, что ослабление его самого, а также непосредственно его функций, может иметь для жизнедеятельности организма непредсказуемые последствия.

Итак, агрессор, пытаясь связать активность легких, и, в то же время, проникая в органы через кровь, старается снизить их жизненную активность, чтобы произвести общее ослабление организма.

Однако эти попытки пробуждают дополнительные силы, привлекая их из резерва - так иммунная система начинает войну на выживание. Этот процесс можно назвать болезнью. Если иммунитет силен и мобилен, да еще известен характер и особенности агрессора, то победить его вполне реально.

Но иногда возникает следующее положение: в силу различных причин, иммунная защита ослаблена, а информация о нападающем скудна либо ее вообще нет. Тогда борьба затягивается, и обе противодействующие силы постепенно растрачивают свои резервы настолько, что создается ситуация, в которой победителя не предвидится, хотя возможно обоюдное поражение.

Тогда, как бы по взаимному договору, армии прекращают военные действия друг против друга, признавая силу и авторитет противоборствующей стороны. Отдыхая, в состоянии ремиссии, обе силы привыкают, сживаются со своим недавним врагом, и, создав определенные барьеры, больше не ведут себя агрессивно друг против друга.

- Так это же если не замечательно, - вставил свое слово Стефан, - то вполне приемлемо, ведь с этим можно жить!

- Жить-то можно, - горестно покачав головой, вздохнул Старец, - но вот что из этого может получиться. Дело в том, что такой человек становится вирусоносителем, сам при этом не болея. Вирус, живя в таком организме и, естественно, пользуясь его активами, насыщает тело продуктами жизнедеятельности, прививая свои особенности.

Организм, конечно, реагирует на это легко, не болезненно, так как есть взаимная договоренность о ненападении, и меняет свои характеристики, подстраивая их под новые условия. Поскольку агенты вируса имеют тонкую энергетическую настройку, то они используют любую возможность, чтобы проникнуть в святая святых тела - генную систему.

Сделав это, они изменяют человеческий ген, провоцируя его на мутацию. Так зараженный организм становится не только вирусоносителем, но и обладателем гена-мутанта. Вот теперь агрессор может досконально познать человеческую плоть.

К этому моменту он полностью восстановился от схватки при вторжении. Теперь это и его тело, следовательно, уничтожить его, как правило, нет надобности, и вирус, активизируясь, вырывается наружу, используя для этого три дороги.

- Какие же? - затаив дыхание, сдавленно прошептал Стефан.

- Это воздушно-капельный способ - путь проникновения через слизистую либо кровь, а также по принципу генного наследия. Посредством первых двух способов зарождаются эпидемии, а через третьи ворота образуется проход в будущее.

Наследуемая болезнь проявляется тогда, когда измененный ген чувствует дискомфорт оттого, что организм, воспроизведенный от двух начал - мужского и женского - имеет, скажем, больше характерных признаков отца, а носителем измененного гена является материнская линия (или наоборот). Таким образом, например, проявляет себя довольно неожиданно (даже через несколько поколений) рак.

Вирусные вторжения очень опасны, - продолжал Наставник, - так как враг знает о нас все, а мы о нем - ничего. И самое главное, он атакует во всех случаях сразу по двум направлениям. Первое - это подавление легких, а через них, и всей иммунной системы. Второе - атака на органы, создающие внутреннее энергетическое обеспечение, для того чтобы снизить потенциальные силы жертвы.

Человеческий организм, в силу своего несовершенства, всегда имеет так называемый ахиллесов орган. У каждого он - свой, но именно такой орган больше всех и страдает от болезни. Поэтому зачастую мы видим различные клинические характеристики, хотя их причина одна.

- Интересно, - задумчиво произнес Стефан, - а где корни этой причины?

- Чтобы у тебя возникло более полное представление о затронутой теме, я отвечу тебе и на этот вопрос, - согласно кивнул Учитель... - По наследству, обязательно, - так заложено природой - к детям от родителей передается один деформированный ген - в цепочке заведующих иммунитетом.

Следовательно, нарушения в иммунной системе неизбежны, варьируется только степень поражения. В результате этого дефекта биологический белок, эта основа жизнедеятельности существ нашей планеты, может менять свои качества, что отражается на химических процессах, идущих в клетках.

Однако белок бывает двух видов: это обычный (или пассивный - минусовой), а также активный (или прогрессирующий, со знаком плюс). Ткань тела человека строится из клеток, в основе которых находится Инь-

белок, а мозг (как спинной, так и головной) состоит из Ян-белка.

Белок по своим качествам является основой биологических процессов, и может служить показателем здоровья организма. В то же время, его структура очень неустойчива, потому что заложенный принцип неравновесия в атомарной схеме делает его сильно подверженным внешним раздражителям.

Отсюда тебе должно быть понятно, насколько важна защитная функция иммунной системы. Но дефекты охранных фильтров, призванных уничтожать вирусы, приводят к тому, что агрессивные агенты все-таки проникают за линию обороны и вызывают разрушение белковой молекулы, что ведет к болезни.

Несмотря на то, что у каждого организма есть свой дефект, гораздо опаснее, если болезнь, прогрессируя, захлестывает непосредственно иммунную систему, чем если бы нарушения касались физиологии органов.

- Но почему?

- Потому что в первом случае, даже если органы здоровы, иммунная защита, в силу своей слабости, пропускает вирусы, и они в итоге разрушают тело. Во втором же случае все происходит наоборот: слабое тело, охраняемое и укрепляемое сильной иммунной системой, имеет гораздо больше шансов выжить.

- А одинаково ли реагируют монадные белковые клетки на проникновение вируса? - спросил ученик.

- Инь-белок, в силу своей пассивности, не способствует развитию болезни, - пояснил Старец, - и, в конце концов, активность инфекции гаснет без последствий. Совсем другая форма развивается, когда вирус атакует слабо защищенный Ян-белок и воздействует на него, подобно наркотику. Будучи активной средой, такой белок, пораженный вирусом, начинает мутировать. И, что особенно важно, мозговая ткань перестает управлять иммунной системой.

- А в чем это может проследиваться?

- Иммунная система, неконтролируемая мозгом, подобна лошади, обезумевшей от чувства вседозволенности. Оставшееся без присмотра тело становится доступным любым болезнетворным микробам,

которые во множестве находятся как в самом организме, так и снаружи.

Но если внутренние микробы, как правило, все же подавляются местной защитой органов, то внешние агрессоры, незнакомые организму, распространяются через кровь и вызывают в теле настоящее стихийное бедствие, называемое аллергией. Организм, стараясь победить аллерген, постоянно попадающий извне, без соответствующей помощи иммунной системы не добивается успеха. Обычно болезнь утихает лишь в случае периодической очистки крови либо при исчезновении внешнего фактора, несущего аллерген.

Конечно же, заражение вирусом сказывается не только на функционировании организма в целом, но и, в частности, на белковых структурах, - продолжал объяснять Учитель. - Активный по сути, но измененный по содержанию белок мозга (как органа, управляющего и корректирующего остальную часть организма, который пронизан пассивным белком) заставляет подстраиваться под себя часть Инь.

Тот, следуя своей сути, беспрекословно выполняет волю своего Ян-брата, и начинает развиваться по другой программе, меняя атомарную структуру ткани. Образуется опухолевая клетка, которая может привести к заболеванию раком (либо к другим трудно излечиваемым болезням). Ведь дело не в самой раковой клетке, а в смутировавшей клетке мозга активного Ян-белка. И пока этот внутренний конфликт не разрешен, болезнь победить будет просто невозможно.

- Но где же выход из этого заколдованного круга? - взволнованно спросил ученик. - Кто из людей сможет стать победителем в этой борьбе?

- Для людей противостояние против таких агрессоров может быть успешным только в одном случае, - спокойно произнес Учитель. - Это произойдет при постоянной работе над собой, если человек (в том числе) занимается специальными гимнастиками, укрепляющими иммунитет. Именно тогда человечество сможет справиться с такими болезнями, как аллергия, лихорадка, рак... и даже СПИД, подчинив их своей воле.

- Я хотел бы уточнить, что такое вирус, - сказал Стефан. - Это вещество или организм?

- Он не то и не другое. Вирус - это ген.

- Но почему же тогда он борется с организмом-носителем?

- Потому что он - ген-бродяга, неадаптированный к телам живых существ, в отличие от обычных генов. Он - одиночка, содержащий в себе не двойную, а простую спираль. Ген-шатун, попав в организм, воспринимает его, как пару, и начинает перестраивать его под себя, часто тем самым убивая тело. Ведь для нормального развития необходимо иметь три спирали: две - в наследуемом гене, а в роли третьей выступает сам организм.

- И из-за этого пришлый ген остается "без дома"? Он же действует против самого себя!

- Нет. Носитель, в который он вселяется, для него не представляет особой ценности. Вирусы в биологических телах не живут - они ими пользуются. Настоящим домом для них является само время.

- А не лучше ли было бы медикаментозными средствами или другими внешними воздействиями эти вирусы просто уничтожить?

- Опять эта вездесущая человеческая лень, - сладко потянувшись и хрустнув, казалось, всеми позвонками сразу, промолвил Учитель, - люди часто пренебрегают работой над собой, даже под угрозой скорой смерти, руководствуясь принципом: лучше день прожить, да так, как хочется, чем тратить годы в борьбе за выживание.

Ставить вопрос, как ты это сделал, неправильно. Очевидно, если вирус существует, значит, он нужен для жизни. Из этого следует, что необходимо стать мощнее самим, а разрушать в природе имеющиеся начала означает освободить ранее занятую нишу для новых, совершенно неизвестных сил.

Запомни: гармонии можно достигнуть только за счет взвешенного созидания, а не бездумного разрушения, и нет ничего более надежного, чем уверенная самостоятельная интеллектуальная личность, которая создается в процессе самосовершенствования. К тому же дыхательная гимнастика - это самый доступный способ

для укрепления главного иммунного органа - легких, что ведет к оздоровлению всей системы.

- Но можно ли одними гимнастиками решить все проблемы человечества? - спросил ученик.

- Все - нет. Но ведь и человек - это сложноорганизованное существо, на каждом уровне которого есть свои проблемы, а значит, и свой фронт задач.

- Я помню, - произнес Стефан после продолжительного молчания, - в одной из книг я прочитал такое выражение: "Если бы ее физические силы равнялись силе ее ненависти, то жертва нашла бы смерть в ее объятиях". Это означает, что в потенциале человек обладает огромным зарядом силы. Но как его проявить, я не знаю.

- Если развитие внешней силы зависит от физических упражнений и, в частности, от дыхательных гимнастик, то высвобождение духовной силы - от управления эмоциями. А так как эмоции легко возникают в нашем сознании, то и духовные силы имеют большую степень проявления, - пояснил Наставник, и продолжил свой рассказ:

- В развитии обеих сил духовная может служить лидером, с помощью и посредством которой возможно развитие и физической силы, что в равной степени относится и к здоровью. Однако это только часть пути. Затем, опираясь на развитую духовную силу, уже возможна работа по развитию психики.

Всегда, чтобы шагнуть одной ногой, нужно опереться на другую. Не имея точки опоры, невозможно продвигаться по пути. И если первой ступенькой было высвобождение силы духа, то после этого физическая мощь становится ступенькой для развития психической силы, которая служит для проявления интеллекта, этого внутреннего Наставника.

Этот путь и есть Дао, то есть путь развития величия человека. Для этого процесса кунфу нет движения вперед по инерции. Любое послабление уже отшвыривает ученика назад, причем нарастание реверса идет в прогрессии, в то время как восхождение прямо

пропорционально затраченным усилиям - и не на шаг больше.

И еще, заканчивая сегодняшний урок, я хочу тебе дать несколько советов, которые, уверен, помогут тебе в продвижении к мечте – сделать личную действительность воплощением фантастической реальности – да, фантастической, и, в то же время, необыкновенно реальной, когда мир становится для тебя открытой книгой, в которой ты способен видеть, разбирать и понимать тайные знаки...

Итак, стремясь утвердить мысль, излагай ее только от своего имени, не привлекая к нему сторонних авторитетов. Ведь если идея окажется ложной, то будет незаслуженно задета честь других людей, если же мысль верна, то твои чувства первооткрывателя не будут ущемлены.

Учись стоять на своих ногах, не ищи подпорки. Старайся как отвечать за себя, так с себя и спрашивать. Не будь слишком самоуверен, не утверждай ничего наверняка, потому что ста процентов просто не существует; лучше сказать: "возможно, это так" или "мне так кажется", "я так считаю", ведь любая истина многомерна и нет уверенности в том, что ты изучил ее со всех ракурсов.

Опять же, что хорошо для тебя, не обязательно будет ценным для других, и уж совсем неизвестны последствия насильственного навязывания идей. Также, выслушивая чужие концепции, не спеши с выводами. Ведь то, что ты услышал, вовсе не означает, что твой собеседник сказал именно это на самом деле. Поэтому, анализируя слова или идеи другого человека, вместо: "он сказал так", - уточняй: "я это так понял".

Постоянно следи за тем, чтобы твой взлет к заоблачным вершинам не оказался сном летящего в пропасть. Хотя это, на первый взгляд, и кажется полетом, его результат диаметрально противоположен истинному. И немного о себе, – усмехнувшись в усы, произнес Старец, – плох тот, кто не упоминает Учителя, выпячивая себя, выпрашивает намеками, испытывает разными уловками, хитрит, неблагодарен. Кто ни с кем не считается, обманом посягает на чужое, обуюн

гордыней, не знает сострадания, подкупает дарами и лестью, не смотрит в будущее.

Гибель Учения случается тогда, когда "ученик", забыв запах кормящей его руки, вонзает свои кривые клыки в руку дающего. Никогда не должен состояться поединок между учеником и Учителем; никогда воспитанник, даже на взлете своей активности, не имеет права на торжество над Наставником.

Также Учитель никогда не должен подавлять ученика, а, почувствовав его созревшую силу, обязан возвысить его, как личность, признав достойный уровень совершенства младшего. Ведь хороший Учитель тот, кто воспитал себе смену, превосходящую его самого. Именно на этой идее и базируется жизнь учения.

И это я говорю тебе не только, как сегодняшнему ученику, но и, надеюсь, как завтрашнему Учителю. Ты должен знать, что учительство – самое трудное, чем только может заниматься человек в жизни; хотя, с другой стороны, именно эта тяжесть и привлекает сильных людей, в которых, со временем их становления, пробуждается желание учить.

Для этого необходимо развивать в себе чувство прекрасного и быть благодарным за прикосновение к миру искусства, к миру кунфу! Нить жизни, замкнутая в кольцо, тогда является истинной и имеет реальную силу выхода на следующий виток эволюционной спирали, когда эта нить не разобрана на пучок обособленных волокон, а свита в единый мощный жгут! – произнес Наставник и, немного помолчав, продолжал:

– Психология, – видя удивление на лице ученика, Наставник улыбнулся. – Да, да, я в курсе нововведений вашего времени. Так вот, это как раз та наука, которая и развивает в человеке зачатки искусства через постижение физических, психических и духовных процессов (и, прежде всего, познание тех, что происходят в нем самом).

Умение держаться в пределах минимально необходимой информации – признак интеллектуальности – этой способности осмысливать и внутренние потоки знания, идущие от интеллекта. Также не следует заниматься тем, что не является твоей прямой

обязанностью, или тем, в чем ты недостаточно компетентен.

Каждый прожитый день, перед засыпанием (когда свет ума уступает место лидера своей тени), необходимо аналитически разобрать, освободиться от накопленной "шелухи", как следует поразмыслить над выделенным ценным опытом, и, поставив чувственную оценку, обязательно сделать выводы, касающиеся следующего дня. Утром, до подъема, постарайся проникнуться духом наступающего дня, и, в соответствии с этим предчувствием, выстраивай свои планы: обходя непреодолимые трудности, организовывая в параллели взаимосвязей несогласованные события и направляя свою волю в открывающиеся коридоры успеха.

– А если при таком психоанализе никаких оплошностей не находишь в своих действиях? – голос у Стефана дрогнул.

– Что ж, это очень хорошо, но будь внимателен и честен во внутреннем диалоге, помня, что человеку свойственно потакать себе, находя оправдание любой ошибке, если ее совершил он, а не кто-то другой.

Да, – продолжал старик, усаживаясь вместе с учеником на скамеечку, возле которой началась их беседа, и смотря при этом на тренирующихся, – и еще об одном. Известный баланс труда и отдыха. Если организм не получил нагрузки, то отдых бесполезен. В теле при этом возрастает энтропия, эта невосполнимая потеря энергии. В то же время, лучший образ жизни – не доводить себя до потения.

– Как же так, "не доводить себя до потения"? – не понял Стефан. – Если, работая, не вспотел, значит, и не смог выложиться до конца, а потому, и такая деятельность не принесет желаемого результата – я всегда так считал.

– Этот подход неверен изначально. Ведь человек, трудясь, потеет тогда, когда испытывает перегрузку. Но, чтобы завершить начатое, он, упрямясь, – при этих словах Старец с хитрецей взглянул на ученика, – продолжает насильничать над собой, не замечая, что вследствие этого происходит нарастание энтропических процессов.

– Однако как же быть с большим количеством работы, которую необходимо выполнить? – спросил Стефан.

– А голова тебе на что? Организуй действия таким образом, чтобы и телу было хорошо, и душу радовало, и работа спорилась, улучшаясь за счет качества.

– Качества? И как же его достичь?

– Слитность параллелей действия (а это является не переменным условием создания качественных поступков) означает не только то, что формирующийся образ движения идет от центра к периферии, но также и то, что при таком построении мыслеформы одновременно учитывается поток данных о внешнем раздражителе, что корректирует структуру образа – так импульс и отклик образуют резонирующую целостность.

Иначе, если восприятие внешнего сигнала задерживается, то образ не формируется вовремя, и актуальность действия уходит, а опаздывающее движение становится не только ненужным, но и опасным для того, кто его создавал. Кроме того, такая последовательность никогда не сможет образовать резонанса, а значит, человеку придется наверстывать упущенное за счет "потения". Стараясь же сделать действия гармоничными, человек может добиться больших результатов от работы, причем без всякой потери для себя.

– Означает ли это, что при такой организации труда человек, находясь в бодрствовании (и не ущемляя святого права выспаться), может работать днем практически без остановок для отдыха?

– Теоретически – да, – подтвердил Старец, – но поскольку, в силу своей природы, он не совершенен, то рано или поздно человек все равно делает ошибки, что автоматически приводит к истощению его жизненных сил, и ему поневоле приходится останавливаться для восполнения энергии. Однако эти остановки можно сократить до минимума.

– Как же этого можно достичь? – спросил ученик.

– Необходимо, совершая работу, войти в измененное состояние сознания, в котором нужно почувствовать обратную связь, идущую от объекта приложения сил, и использовать ее для построения нового этапа действий.

Причем важно, чтобы поток внешней силы тобой регулировался. Так, чтобы он, с одной стороны, был достаточен, но, с другой, чтобы не сминал понятийные ряды твоего мышления. Это напоминает движение воздуха в помещении, возникающее от твоих действий. Но, не желая тебя перегружать, предлагаю отложить беседу на эту важную, но объемную тему.

После этих слов Учитель ушел, оставив ученика в полном одиночестве. Стефан сидел, глубоко задумавшись, когда его неожиданно окликнули. Обернувшись, он увидел своего учителя по резьбе. Тот, подойдя, сказал, что русскому летчику пора идти спать, потому что на дворе уже ночь.

Осмотревшись, Стефан с удивлением обнаружил, что действительно прошло уже несколько часов с начала беседы с Наставником, хотя он этого и не заметил. Поблагодарив мастера за заботу, Стефан в приятном расположении духа пошел в сторону домиков, где братья уже готовились ко сну.

Глава 20

В то утро Стефан проснулся раньше обычного. Братья еще крепко спали, и до подъема оставалось около часа.

Удивительно, но ему совершенно не хотелось спать, хотя именно утренние часы всегда были для него самыми сладкими. Вытянувшись на спине и заложив обе руки за голову, он отдался потоку мыслей. Постепенно перед ним проплывали картины его недавней беседы с Учителем.

– Как все это сложно, многообразно и, в то же время, очень важно! – думал летчик. – Если действовать, используя эти принципы, то моя жизненная устойчивость возрастет во много раз. Но для того, чтобы это стало реальным в жизни, придется трудиться, потому что этих основ, к сожалению, во мне нет, – вынужден был признать Стефан, и при этом горестно вздохнул.

– Хотя, – он даже приподнялся от мелькнувшей в его сознании мысли, – что значит "во мне нет"? Учитель ведь неоднократно говорил, что во мне есть все, нужно только это проявить, осознать в себе. Единственное, что требуется сделать, – это заглянуть в свое зеркало личности. Вот только каким образом это сделать? Да, чтобы решить этот вопрос, мне просто необходимо сейчас же увидеть Наставника.

Пока в нем формировалась эта идея, Стефан, незаметно для себя, оказался уже сидящим на циновке. Словно находясь в трансе, он так же бессознательно оделся и вышел на двор, продолжая удерживать в сознании только одну мысль:

– Мне нужно срочно увидеть Учителя!

Ноги сами понесли его к озеру, хотя, руководствуясь логикой, ему следовало идти к Скальному храму, в кельях которого жили Старшие монахи. Не отдавая отчета в своих действиях, он продолжал быстрым шагом идти к внешнему водопаду, который образовывал озеро.

Внутреннее чувство как будто вело его туда, где ученик должен был разрешить мучавший его вопрос. При приближении он постепенно ускорял шаг, и, когда озеро было уже в зоне видимости, Стефан, не имея больше сил сдерживать себя, побежал.

Выскочив на берег, он был поражен красотой и величием падающей воды. Над озером стоял туман из поднимающихся брызг. Но Учителя не было. Стефан в недоумении оглядывался по сторонам в надежде увидеть своего Наставника, потому что чувственно знал, - тот где-то здесь. Однако его окружал только покой и умиротворенность предрассветной природы.

Не зная, почему, Стефан подошел к самому водопаду и стал вглядываться в глубину озера. И тут ему показалось, что там, на дне, кто-то есть. Он быстро разделся и, хотя вода была обжигающе холодной, вошел по пояс в озеро. Присев и опустив лицо в воду, молодой человек открыл глаза. То, что он там увидел, было столь необычно, что в первый момент его ум отказался это воспринимать. С перепугу Стефан даже выскочил из воды.

– Что это было? Кто это там?

Но внутренний голос шепнул:

– Это он, твой Учитель.

– Мой Учитель? Там, под водой? Но что он там делает?

– А ты узнай сам, – продолжал нашептывать голос. – Иди, иди. Не бойся, он ждет тебя.

Стефану потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя и осознать произошедшее. Успокоившись, он вновь вошел в воду и, набрав полные легкие воздуха, нырнул. Чтобы не всплыть, Стефан схватился за большой камень, лежащий на дне, и, открыв глаза, стал всматриваться в неясные очертания подводного мира.

Холода как не бывало. Скорее всего, ученик его просто не чувствовал, да ему сейчас было и не до этого. То, что он увидел, было выше уровня его понимания. Там, на дне, скрестив ноги, сидел Наставник. Седые волосы, будто морские водоросли, плавно изгибаясь, поднимались и опускались вокруг его головы, а руки поднимали на коленях большой плоский камень.

Однако воображение больше всего изумляли глаза. Они были открыты, и их взгляд был направлен прямо вперед. Казалось, что Старец ничего перед собой не видит. Сделав несколько движений, ученик попытался привлечь к себе его внимание, однако тот не подал в

ответ никакого знака, означающего, что призывы воспитанника услышаны.

Сделав еще несколько попыток и не получив на них ответа, Стефан вынужден был выскочить из воды, так как уже начал задыхаться. Оказавшись на воздухе, он сразу почувствовал, как сильно замерз. Губы тряслись, все тело было покрыто пупырышками, а кожа отливала синевой. Ног он не чувствовал вовсе.

С трудом выбравшись на берег, Стефан схватил одежду и стал быстро одеваться. После этого ему потребовалось еще минут пятнадцать, чтобы прийти в себя и хотя бы чуть-чуть отогреться. Когда он почувствовал в теле тепло, его мышление вновь обрело способность к рассуждению.

– Что Учитель там делает? Так долго без воздуха и в такой холодной воде? – при воспоминании о ней его вновь охватила дрожь.

Утихомилив озноб, Стефан вдруг как-то спокойно и хладнокровно ответил сам себе:

– Как "что делает"? Тренируется.

– Что же можно тренировать таким способом? – оппонировал в нем голос.

– Ясно, что! Это, конечно же, способность максимально использовать внутренний запас кислорода.

– А для чего Учителю это нужно? – не успокаивался голос.

– Да для того, чтобы контролировать все процессы, происходящие в нем, чтобы дать подпитку его личностной силе, – отвечал Стефан, глаза которого ни на минуту не отрывались от предполагаемого места всплытия Старца.

Через некоторое время его терпение было вознаграждено. Учитель, наконец, вышел на берег и минут пять восстанавливал дыхание, после чего подошел к поклонившемуся ученику и с улыбкой произнес:

– Сердечно рад тебя видеть. Вижу, ты хочешь со мной поговорить о чем-то важном.

– Да, я хочу системно заниматься.

– Но ты уже давно делаешь это.

– Я? Когда? Мы ведь только беседовали о разных философских направлениях, созданных человечеством, и

еще о многих жизненных проблемах. Но я не помню, чтобы я занимался тем, что ежедневно делают братья.

– Наши разговоры – это ни что иное, как начало обучения, которое при желании может преобразоваться в следующий этап пути.

– Теперь я понял... Интересно, какова история возникновения стилей? – спросил Стефан.

– За время своего культурного становления люди разрабатывали множество разнообразных боевых, в основном психофизических систем, – отвечал Учитель. – На определенных этапах они служили исправно, но затем все же постепенно умирали, так как их время уходило.

– Но почему? – спросил Стефан.

– Основная причина в том, – задумчиво произнес Старец, – что все эти методики были догматичны по своей сути и, следовательно, подходили только к определенным условиям. Время, уходя, меняет условия, и поэтому такие школы становятся анахронизмом. Таким образом, приходит закономерная мысль о том, что в систему необходимо вводить такие параметры, при которых идея могла бы изменяться, подстраиваясь под новые временные условия. Система должна быть подвижная, а главное – подходящая.

– Мне немного непонятен смысл только что сказанного, – как бы извиняясь, произнес ученик.

– Обучающая система должна быть рассчитана на человека в принципе, а не предназначена только для определенного уровня, – пояснил Наставник. – Так, в ходе набора опыта, родилась концепция, во главу которой была поставлена идея достижения особого состояния сознания, как непрерывного, постоянно текущего процесса, в котором цель, как некий четко очерченный рубеж, отсутствует.

Но поскольку человеку все же нужна определенность (иначе он просто не сможет действовать), идеи слились. При этом целью стал сам процесс пути, так как считалось, что если будет процесс движения, то, естественно, возникнет и путь. А если будет путь, то, соответственно, на нем будут находиться и некие вехи, которые возникают как бы сами собой. Более подробно мы еще будем говорить об этом, и, возможно, не один

раз – сейчас же я просто хочу, чтобы ты увидел и осознал идею, которую тебе еще предстоит понять. Именно от этого зависит, насколько плодотворно будут проходить твои занятия.

Очень часто возникает вопрос: есть ли какой-нибудь пункт, к которому надо двигаться, заранее определив его месторасположение, а также существует ли методика, позволяющая четко прогнозировать весь виртуальный путь? – и, видя, как на лице ученика появилось явное выражение недоумения, Учитель тут же дополнил свою мысль:

– Вот тут-то и начинается самое сложное для понимания. Вся проблема в том, что такого пункта нет, его просто не существует, как некой конечной цели, ведь в природе не имеется ничего конечного, есть только этапные рубежи, находящиеся на пути.

– Но куда же лежит сам путь? – задавая вопрос, Стефан пытался осмыслить ранее сказанное Учителем.

– Никуда. Вернее, в никуда, а оно везде и повсюду, поэтому твой вопрос о направлении – это вопрос ни о чем, – промолвил Старец, думая о том, что все сказанное им действительно очень сложно осознать вот так, сразу.

– Это то, что не имеет никакого определенного значения, и как бы не было тебе трудно это понять, сделать это все же необходимо, поскольку дальнейший путь зависит именно от того, будешь ли ты способен принять эту идею.

– Означает ли это, что сама жизнь является бессмыслицей? – совсем сбитый с толку, Стефан уже не знал, что и думать.

– Видишь, я же говорил тебе, что принять эту концепцию будет трудно, – с огорчением сказал Учитель.

– В своих мыслях ты заиклился на дискретных величинах, потому что в тебе еще очень много от грубого, материального мира, и пока целостное восприятие для тебя недоступно. Хотя это и не так важно, ведь прошло слишком мало времени. Тебе остается только слушать и принимать мои слова на веру.

Конечно, речь не идет о том, чтобы ты перешагивал через себя, через свои нравственные устои и принципы – речь идет о твоей способности проявить веру, этого

средоточия уверенности в себе, а также доверия к Наставнику и системе, у которых ты хочешь учиться. Естественно, тебе многое из того, во что ты будешь посвящаться, будет непонятно, а ведь время не ждет.

У тебя еще будет время на то, чтобы тщательно осмыслить все сказанное, и определить к нему личное отношение, сделав выводы, подкрепленные практическим опытом. Сейчас же, пока у тебя его нет, когда я говорю: "Иди", – ты должен просто сделать шаг, а не задаваться вопросом: "Куда?" – ибо он, как я уже говорил, не имеет смысла.

– Но как же?.. – не закончил вопроса Стефан, потому что Учитель уже стал разъяснять то, что готово было сорваться с уст ученика.

– Просто сделай этот шаг безупречно, искусно, мастерски. Так, чтобы тебе не было стыдно за себя ни перед кем, в том числе и перед самим собой. Вот это и только это требуется от тебя на данном этапе, который сам по себе безопасен, – произнес Учитель, и добавил, – сделав шаг, наблюдай за ним.

– Как это, наблюдать за шагом? – глаза ученика даже немного расширились от удивления.

– А так. Просто смотри на то, как ты его сделал и куда, наблюдай за тем, как тебе живется с ним, как окружающий мир реагирует на этот шаг.

– Но если я буду поступать таким образом, куда это меня приведет?

– Дело в том, что в результате такого наблюдения у тебя возникнет оценка этого шага, которая выступит корректором для следующего. Вот так, движение за движением, ты и начнешь стелить себе путь.

– А если мне на пути повстречается что-то неожиданное? Как мне быть тогда? – осторожно спросил Стефан.

– Все, что ты увидишь на своем пути, – твердо произнес Учитель, – будет ничто иное, как твои, тобою созданные результаты. Просто сейчас говорить о чем-то великом и возвышенном – пустая трата сил и времени. Начни свой путь, пойди по дороге постижения истины, и чем информативнее будет этот процесс познания, тем четче и яснее в тебе проявится очередная, этапная веха.

– Все это замечательно, – вставил ученик, – но вдруг я сделаю настолько неверный шаг, особенно если он первый, что он закончится моей гибелью? Вдруг я шагну в пропасть? Как не допустить этого? И где найти ответ на этот очень важный, определяющий мое окончательное решение, вопрос?

– Ну, это как раз нетрудно, да и не настолько значимо, как тебе кажется. Сейчас я попытаюсь это доказать. Итак, слушай: человечество перенасыщено нелепыми, преждевременными смертями, произошедшими именно вследствие таких ошибок. И никто из этих жертв несчастных случаев, подходя к краю и даже замечая тревожные знаки судьбы, особенно не задумывался о возможных последствиях, не анализировал свои шаги и поэтому не сделал соответствующих выводов, способных предотвратить несвоевременную гибель. Вот ты сделал свой вылет на задание в тот день, когда тебе этого делать не следовало, однако ты даже не подумал уделить внимание предчувствию.

– Я солдат, – старался защититься Стефан, – и должен всегда быть готов к смерти.

– Быть готовым – это одно. А вот умереть, погибнуть по глупости, от чьего-то безразличия либо своего пренебрежения опасностью – это совсем другое дело. Быть готовым к тому, что там, куда ты ставишь ногу, делая свой шаг, тебя может ждать смерть, означает все сделать для того, чтобы этого не произошло. Будь в своем поступке безупречен, и можешь мне поверить: опасность, выведенная плотностью твоего поля, отойдет в сторону.

– Но почему? – не понял ученик.

– Да потому что смерть – она ведь тоже живое существо, и так же, как и все, подчиняется законам природы – терпеливо разъяснил Наставник. – Помнишь, мы говорили о союзниках, и о том, "как" и "почему" они появляются? Вот и возьми свою Смерть себе в "союзники", стремясь к смерти без желания умереть.

Живи, действуй, стели свой путь безупречно, и она, твоя Смерть, будет охранять от всевозможных бед. И до тех пор, пока ты будешь удерживать это состояние,

способное к проявлению направленной силы воли, Смерть верой и правдой будет служить тебе, как самый преданный союзник. Но стоит тебе лишь однажды нарушить созданное соотношение сил, и она, как любая неуправляемая стихия: "Может в ход пустить клыки - / И пощады тут не жди", - вот, даже стихами заговорил от избытка чувств, – улыбнулся Наставник. – Надо всегда помнить, что Смерть - рядом. Хотя это не столь важно, ведь от нас не зависит ее месторасположение. Главное, чтобы мы на своем пути были безупречны.

Есть еще один важный аспект в данном вопросе. Никто от тебя не требует, чтобы ты бездумно либо в порыве отчаяния или безудержной храбрости сделал такой шаг, который в дальнейшем мог бы стать для тебя роковым. Последовательно проиграй его в своем сознании, как: идеомоторный образ (состояние личного участия в действии), фантомный (наблюдение за действием со стороны, без участия), психофизический (при таком образе движения выполняются реально, но с воображаемым спутником) и духовный (образ, имеющий высококонцентрированную энергетическую накачку).

В результате такой работы у тебя сложится достаточно четкое видение возможного результата. Во всяком случае, определенный уровень безопасности уже можно будет обеспечить. А непосредственное наблюдение за шагом и принятие во внимание интуитивных откликов, непрерывно идущих от интеллекта, подскажут необходимые меры, которые тебе следует предпринять по коррекции своих дальнейших действий. И еще одно: чтобы начать свой путь, надо стать готовым к нему, как говорится, духом и телом, а также быть достойно экипированным знаниями и умением их претворять в конкретные действия.

– Но каким образом мне приобрести все необходимое для пути? – спросил Стефан.

– Нужно для этого заручиться поддержкой магической системы познания.

– Я понимаю, что раньше, руководствуясь системой, Вы уже прошли путь, по которому мне еще предстоит подняться, – вставил Стефан. – Но мне так же известно, что ничто в мире не вечно, а значит, меняется и путь.

Что если этот факт сыграет злую шутку со мной и с Вами, и там, где прежде была твердая почва, меня будет ждать трясина?

– Твои опасения хоть и не лишены определенной логики, но, по сути, напрасны, – заверил его Старец, – и сейчас я тебе объясню, почему именно. Итак, во-первых, в тех энергетических пластах, о которых мы говорим, изменения носят не столь принципиальный характер, как в мире грубых материй, ведь тонкие структуры обладают такой замечательной особенностью, как амортизирующая упругость.

А, во-вторых, человек, проходя по пути, постигает не только ту взаимозависимость, которую имеет матрица его настоящего, но и получает доступ к осознанию жизненной сути интересующего нас отрезка пути в будущем. Соответственно, пройдя по нему, Учитель знает все возможные комбинации, которые могут там возникнуть, и легко укажет на возможные препятствия, руководя продвижением ученика с учетом его индивидуальных особенностей, которые порой и являются инициаторами возникновения сложностей при обучении.

– Теперь я спокоен, – улыбнулся Стефан, – но где же найти необходимую именно мне, моей индивидуальности, систему?

– Система, способная произвести в сознании нужные тебе изменения, есть. Это та самая школа, о которой я говорил тебе в начале нашего разговора. Называется она "Встречный ветер". Однако станет ли она по-настоящему твоей, покажет время твоего ученичества.

– Интересно, почему было выбрано именно такое словосочетание?

– В нем заложена основная концепция школы. "Встречный ветер" для нашей ментальности – это тот ветер, который возникает при движении, а также тот, который рождает движение. Причем под движением надо понимать не упрощенное его физическое воплощение, а движение вообще, как любое жизненное проявление – ведь это функция самой жизни. Данное словосочетание является монадой, включающей в себя такие параллельные понятия, как внутренний и внешний ветра.

– Это похоже на сферу, в которой переплетаются черная и белая капли, – вспомнил Стефан часто встречавшийся здесь символ.

– Верно, – поддержал его Учитель, – можно сказать, что концепция целого, состоящая из двух противоположных величин, лежит в основе этой идеи. Хотя при этом необходимо учитывать, что это не противоборствующие, однако и не объединяющие принципы.

– Так какие же они? – не мог понять ученик.

– Эти принципы изначально совершенно самостоятельны, как виртуальные величины. Они материализуются в жизненную монаду, и между ними возникают связи, основанные на их сути. Причем на их неизменной сути, – подчеркнул Старец, – и это очень важно понять, чтобы дальнейшее было воспринято с максимальной ясностью.

Длительность жизни монады как раз и зависит от того, насколько гармонично сложатся эти взаимоотношения. Поэтому связи, возможности симбиоза определяются способностью центральной точки этой монады принять индивидуальности, как данность, и найти способ договориться двум сторонам о взаимном дополнении и равновесии – на основе паритета сил. Но при этом возникший союз, постоянно подтверждая свою жизненность, будет находиться в устойчивом неравновесии, как вариативном поиске новых возможностей.

Конечно, все это сложно, – продолжал он, – тем более вот так, с листа. Давай рассмотрим такой пример. Перед тобой бежит человек, и для того чтобы его догнать, необходимо развить гораздо большее усилие, чем то, которое ты осуществлял, отставая.

Раздражитель, которым является лидерство впереди бегущего, можно считать атакой на твое сознание. Именно эта атака и будет отправной точкой рождения в тебе внешнего ветра, несущего в своем активе знак плюс (Ян). Но его одного недостаточно, потому что он может привести к необдуманным, неоправданным решениям.

– Но почему?

– Да потому что зона действия такого ветра, его девиз – это "здесь и сейчас", а что произойдет потом – для него неважно. Ясно, что такой силовой ответ на атаку будет не только поспешным, но и неоправданным. Но как реакция на внешний раздражитель, агрессию, внешний ветер вполне подходит. Тем более что он, стимулируя психику, даст энергию для возникновения внутреннего ветра минусового знака (Инь), и создаст благоприятные условия, в которых можно будет догнать лидера.

– А что это за условия?

– Это, прежде всего, направленность и целесообразность усилия, – начал перечислять Учитель, – а также его распределение по времени и технически правильное воплощение. Помни: все это может быть выполнено лишь при порыве внутреннего ветра.

Представь себе, что ценой немалых усилий, тебе, наконец-то, удалось сравняться со своим соперником, вследствие чего раздражитель исчезает. Энергия Инь начинает снижать свою активность, и ты можешь сдать свой, с таким трудом завоеванный рубеж.

Вот тут-то и настает время для появления встречного ветра, который подхватит энергию движения, как эстафетную палочку, у своего внутреннего собрата и, продолжая наращивать активность, откроет путь к еще более мощным проявлениям сил у бегуна.

– Мне понятно, откуда берется внешний ветер; я увидел, как он проявляет внутренний, – сказал Стефан. – Но так и не понял, каким образом возникает встречный ветер?! Ведь внешний исчез тогда, когда я поравнялся с соперником. Внутренний, не имея больше побудителя активности, был готов снизить свой напор. Что же явилось импульсом, зародившим встречный?

– Молодец, ты внимательно следишь за мысленным рядом и стараешься проникнуть в глубину подаваемой идеи, – одобрительно качнул головой Старец. – Слушай же. Встречный поток может возникнуть лишь в том случае, если одинокий в своем лидерстве бегун сможет перевести побудительный мотив из внешнего в абстрактный.

– И какой же это может быть мотив при данных обстоятельствах? – не мог понять Стефан.

– А вот какой. Ты реально можешь победить, переключившись на окрыляющее чувство восторга, наслаждения, упоения от самого бега.

В момент возникновения такого ветра восприятие окружающего пространства обостряется во много раз. Человек начинает видеть явления, ранее не имевшие для него никакого значения, а теперь несущие особый смысл. Например, он может ощутить усилия, исходящие от бегущих сзади соперников, сопротивление воздуха, поддержку зрителей, собственную усталость, апатию. Разве все это ни силы, способные стать для тебя внешним ветром?

– В общем, да... Это может сработать, – согласился после некоторого раздумья ученик.

– Но заметь, это не борьба с какой-то конкретной внешней силой. Это, скорее, борьба с самим собой за себя. Такой процесс может пробудить внутренний ветер. Однако в подобном случае, когда внутреннее усилие рождается из самого себя (без внешнего давления), мы называем эту силу встречным ветром.

Он может дать такой импульс, что бегун, сравнившись с лидером, не только начнет опережать последнего, но и почувствует ускорение своего бега. Все это станет возможно, потому что встречный ветер способен к освобождению энергии огромной мощности. И это вовсе не предположение.

Вероятно, тебе известно, что люди совершали поступки, на первый взгляд, совершенно непосильные им по сложности и мощности?

– Да, мне приходилось читать на страницах газет и журналов о происшествиях, как мне кажется, совершенно невозможных с точки зрения обычного восприятия, – подтвердил ученик. – Более того, я сам был участником подобного случая.

Однажды, еще до ухода в армию, я ехал по одной из улиц города на мотоцикле с коляской. Один товарищ сидел у меня за спиной, а другой – в коляске. Помню, мы куда-то опаздывали, и поэтому развили скорость до восьмидесяти километров в час. Но так как мотоцикл двигался по главной дороге, я был уверен в нашей

безопасности. Впереди меня показался Т-образный перекресток.

Неожиданно из бокового ответвления дороги, с правой стороны, на мою полосу движения выехал УАЗ. Увидев наш мотоцикл, водитель, видимо, растерялся и, нажав на тормоза, остановил свою машину. Я тоже затормозил, но это не принесло желаемого результата. И ко всему этому в придачу тот отрезок асфальта, на котором мы находились, был покрыт тонким слоем песка, высыпавшимся из ранее проезжавших самосвалов. Тогда, чтобы спастись, я попытался объехать юзом автомобиль сзади.

Как на грех, за ним вплотную встал грузовик. Поняв, что путь в ту сторону перекрыт, я попытался поворотом руля направить мотоцикл на объезд спереди УАЗа. Но недаром говорят: пришла беда – отворяй ворота. По встречной полосе моей дороги шел автобус и остановился точно перед УАЗом.

Путь мне был полностью перекрыт, и я со всей беспощадной ясностью осознал, что мне конец. Стена из автомобилей неуклонно приближалась, и в этот момент со мной произошло что-то необъяснимое. Как-то совершенно спокойно я определил место удара, отбросил прочь мысли о гибели, вскрикнув внутри себя: "Нет, не дамся!" – нацелился... И не ударился о препятствие, а ударил его со всей силой ненависти к врагу и жаждой к жизни.

– И что же случилось после этого? – прищурившись, спросил Учитель.

– Затем УАЗ отлетел от удара на пять метров – это впоследствии измерили работники ГАИ. Сидевший сзади товарищ перелетел через меня и оказался в открытом окне УАЗа, прямо на водителе. У того, что сидел в коляске, сломалась рука, нога и несколько ребер. Оба получили сотрясение мозга, но, к счастью, остались живы.

– А что случилось с твоим телом?

– Самое удивительное, что ничего существенного. Но все по порядку. В момент удара я продолжал наблюдать, видя происходящее с большой отчетливостью и необычайно широким сектором обзора. Многие события

чётко запечатлелись в моём сознании: лица водителей, смешные позы застывших пешеходов...

Хотя больше всего меня поразило то, что все движения как бы замедлились и совершенно исчез звук. Стояла полная тишина. Вдруг точно кто-то нажал на переключатель, и весь мир возвратился к своему обычному ритму. Вместе с ускорением появился и звук. Я удивился, что сижу с поднятыми руками. Посмотрев на них, я не мог поверить своим глазам.

С руками все было в порядке, но с рулем мотоцикла, который они держали – нет. Сделанный из трубчатой стали, он был мною согнут вперед и стал похож на бычьи рога. Сойдя с мотоцикла, я осмотрел ноги и увидел, что с внутренней стороны бедер проступили точки в результате местного кровоизлияния. И все.

Помню, что в момент удара я слегка приподнялся с сиденья, после чего сразу же вернулся обратно. Не было ни испуга, ни потрясения, причем как сразу, так и потом, позже. Окружающие не верили, что это я сидел за рулем мотоцикла.

– Да, это очень хороший пример, – медленно произнес Наставник, – тут ясно видны три ветра. Внешний ветер пробудил в тебе чувство опасности, и это всколыхнуло внутренний ветер, который стал искать способ к разрешению создавшейся ситуации.

Когда же стало понятно, что аварии не избежать, в момент удара родился встречный ветер. Он-то, собственно говоря, и спас тебя да и твоих товарищей от гибели. Ведь такой ветер обладает полевым действием. Именно поэтому все, кто находился в зоне его влияния, (а это определяется твоим сознанием), получили от него защиту.

Учитель продолжал:

– Еще более интересен этот тандем в интеллектуальном поединке. В этом случае рельефно видно, как работает монадное единство уже всех трех ветров одновременно. Внешний ветер, сбалансированно отталкиваясь от энергии атакующих сил, экономично сдерживает агрессивный порыв, а в то же самое время внутренний ветер сканирует оппонента, принося информацию о скрытых возможностях и намерениях

противника, причем не только тактических, но и стратегических.

Опираясь на информацию внешнего ветра (что было), и внутреннего (что может быть или планируется в будущем), встречный ветер, являясь центром монады, определяет ответные меры в настоящем (конечно, в полном соответствии со своими потенциальными возможностями).

Если ты сумеешь вникнуть в глубь этой идеи и постичь ее смысл, то многое из того, о чем мы говорили прежде, тебе станет понятным, и скорее всего ты сможешь найти ответы на многие вопросы, тревожащие тебя. Чтобы разобраться в этой схеме, начни с простого.

Внешний ветер возникает как ответ на раздражитель, причем любой. Им можешь быть даже ты сам, вернее часть тебя, сигнализирующая о каких-то экстраординарных проявлениях. Внутренний ветер излучается как раздражитель, причем также не только во внешнюю среду, но даже и в самого себя, с целью спровоцировать реакцию и получить упреждающую информацию как обратную связь. Встречный ветер возникает в виде суммирующего начала, корректирующего действие двух сил: Ян и Инь, и за счет управления состоянием устойчивого неравновесия создает движения, формирующие тот путь, который и может стать смысловым.

– Я думаю, что сумею разобраться в этом вопросе, – сказал Стефан, – тем более что во мне нет внутренних противоречий относительно всех этих идей, я даже чувствую интерес и любопытство. Однако меня встревожили слова о том, что я располагаю очень малым количеством времени для того, чтобы изучить базовые принципы и заложить основы для саморазвития, тем более, как я понял, у нас будут встречи и после того, как я вернусь в свое время. Почему же Вас тревожит этот вопрос? Ведь, кажется, у меня процесс обучения идет легко и динамично, а я, по вашим же собственным определениям, достаточно способен для того, чтобы усвоить эти знания.

Учитель, улыбаясь, смотрел на разгорячившегося Стефана. За те годы, что он был Наставником, ему

приходилось сталкиваться со многими учениками, и до сих пор не было ни одного, кто бы недооценил свои способности. Однако с негативными результатами, увы, он встречался гораздо чаще, чем ему бы хотелось. Хотя люди, поступавшие в монастырь и выдерживавшие тестовые испытания, все были довольно талантливыми.

– Я верю в тебя и отдам все свои силы и знания, чтобы ты мог достойно представить систему в своем обществе. Но сложность заключается в том, что сейчас здесь будет обучаться только твое сознание, свободное от оков инертного тела. Оно парит легко и непринужденно, в то время как тяжелая и неповоротливая грубая материя восстанавливает свою целостность там, в джунглях.

– Постойте! Я, очевидно, неправильно Вас понял. Мне послышалось, что вы произнесли фразу, будто бы мое тело до сих пор находится в джунглях?

– Да, именно так я и сказал. Здесь присутствует только твое сознание, – внимательно посмотрев на Стефана, подтвердил Учитель.

– Как же так, я ведь четко видел, как мое тело принесли на носилках из джунглей, а затем реанимировали. Наблюдал, как я, выздоровев, стал жить в этом мире, взаимодействуя с окружающей средой опять же посредством телесной оболочки, исправно удовлетворяя все ее физиологические потребности.

– Видишь ли, придя в наш временной слой, ты настолько отвык от тела, что почти потерял чувство связи с ним, и это могло привести тебя к фатальным последствиям. Поэтому потребовалась настоящая реанимация чувственных ощущений всех функций жизнедеятельности тела для того, чтобы у тебя восстановился мост между грубой и тонкой материями.

К нашей всеобщей радости, это удалось сделать. У тебя в сознании столь четко проявилось чувство единства с телом, что ты стал его буквально ощущать, оно обрело для тебя фиксированную реальность, хотя ты должен знать, что это всего лишь твой образ, через который ты воздействуешь на свою грубую половину. Разве тебя не удивило, что ты очень быстро выздоровел

после хоть и смягченного, но весьма чувствительного падения?

– Признаться, некоторые сомнения у меня все же появились, – согласился с доводами Наставника Стефан. – Но если грубая часть до сих пор лежит там, в джунглях, значит, мне нет никакой необходимости есть, спать, да и вообще удовлетворять все телесные прихоти, пока я нахожусь в этом временном слое.

– А вот в этом вопросе ты допускаешь досадную оплошность из-за своего неумения увидеть всю проблему целиком, – сказал Учитель. – Твое тело и сознание, находясь в разных временных мирах, тем не менее нуждаются в обоюдной подпитке. Тело, пребывая в том времени в состоянии реанимации, дает тебе возможность проходить здесь курс обучения, а твой долг по отношению к нему – питать его.

– Но я же не могу есть грубую, материальную пищу, если я дух!

– От тебя это и не требуется. Даже когда ты питался в своем обычном состоянии, будучи у себя дома, происходил процесс поглощения как грубой части продукта, так и тонкой. Таким образом возникал взаимообмен с внешней средой всех видов энергий. И для тела то, что ты здесь питаешься, дышишь – словом, живешь, как будто находишься в нем, является насущной необходимостью, потому что данная энергетическая подпитка на этот момент у него единственная, а остальные каналы заторможены до возвращения твоего сознания.

– Ясно, – кивнул Стефан. – Интересно, а что же происходит с материальной частью пищи, которую я потребляю? Куда она исчезает, и почему я ее не вижу?

– Потому что ее нет.

– Как нет? Ведь я с братьями ем одну пищу, из одной чаши. И если мне достаточно питаться энергетической частью продукта, то они живут хотя и в прошедшем, семнадцатом веке, но зато в материальном мире, и им необходимо насыщать тело грубой материей – в этом вопросе, я уверен, Вы со мной согласитесь.

– Несмотря на все испытания и трудности, что с тобой происходили в пути, в тебе еще до сих пор процветает

наивность, дающая поверхностный взгляд на происходящие события, – заметил Наставник. – Неужели ты до сих пор не понял, что в результате выхода из тела при падении без парашюта у тебя сместился фокус восприятия и эта трансформация сознательного поля позволила тебе переместиться к нам, в прошлое?

– Да нет, это я уже давно принял как факт. Я же об этом и говорил.

– Не совсем. Ведь произнося фразу "к нам", я имел в виду не материальный мир семнадцатого века, а остаточную голограмму его памяти. Именно поэтому монахи, как и ты, питаются энергетической пищей. Все, что происходило с тобой в пещере и после этого, было реально. Возвращая тебя к жизни, мы воздействовали на твое тело из этого времени через связь, которая объединяет твое сознание и тело. И оболочка, в которой ты сейчас находишься, – это энергетический двойник, хотя для тебя разницы нет.

– А эта особенность будет влиять на мое обучение? – заинтересовался Стефан.

– Конечно, да еще как! Ведь тебе гораздо проще управляться с этим телом, чем с прежним. Соответственно, и курс обучения, на который у многих уходит десятилетие, а зачастую и больше, для тебя будет гораздо меньшим. Разумеется, при должном прилежании с твоей стороны.

– Но что же происходит сейчас с моим телом там, в джунглях? – обеспокоено произнес ученик.

– Оно сейчас находится под защитой. Но бесконечно это продолжаться не может, и если ты за отпущенный срок не достигнешь необходимого для возвращения уровня знания и умения, то обратный переход тебе не одолеть. Просто свершится то, что и должно было случиться, а ты окажешься недостойн чести нести знание людям.

Теперь ты понимаешь, насколько серьезно твое положение? – пристально взглянув на ученика, спросил Учитель. – Поэтому ты должен не только качественно усваивать знания, но и быстро.

– Да, мне теперь четко видна вся картина происходящего, – опустив голову, прошептал Стефан, – но справлюсь ли я с этим, не знаю.

– Вижу, что ты в своей основе на это способен, иначе все бы кончилось еще там, в джунглях, когда ты коснулся земли. Но в Абсолютном знании существует такое многообразие вариаций, (можно сказать, они бесконечны), что предсказать на сто процентов нельзя ничего, их просто не существует. Однако возможность того, что ты удержишься на пути, достаточно велика. Именно поэтому мы сделали ставку на тебя.

– А что мне необходимо делать для того, чтобы использовать шанс, дарованный самой судьбой? – воспрянул духом ученик, решив во что бы то ни стало победить.

– Для начала тебе нужно постараться понять смысловые концепции идеологии, заложенной в наших разговорах. Сейчас для тебя это – первоочередная задача, о других же, последующих, нет смысла говорить на данном этапе, так как это может нарушить твою концентрацию.

– Я не могу понять, как мог произойти этот временной переход, – произнес Стефан.

– Когда ты жил в своем настоящем, еще до падения, – стал раскрывать ему тему старик, – ты не задумывался над тем, куда уходит вчерашний день и откуда возникнет завтрашний?

– Честно говоря, нет.

И, немного помолчав, с интересом спросил:

– А действительно, откуда и куда? Может быть, существует только одно настоящее?

– Если нет прошлого и нет будущего, то не может быть и настоящего, так как все они взаимосвязаны. Это одно целое на тонком энергетическом уровне. Они напоминают дерево, у которого корни – прошлое, ствол – настоящее, а голограммная программа роста – будущее.

– Но если я взаимодействую с голограммой прошлого, – старался понять Стефан, – то, следовательно, я как инородный элемент вношу в нее изменения своими действиями, которых до моего появления здесь просто не существовало?

– Совершенно верно, – подтвердил Учитель, – это именно так и происходит.

– И значит, – продолжая свою мысль, закончил ученик, – тем самым я нарушаю порядок протекания событий.

– Я понимаю, что тебя так обеспокоило. Однако тебе не о чем волноваться, так как все временные разделения – это понятие весьма условное, возникающее в силу того, что люди не могут растянуть свое восприятие для осознания всего целостного временного континуума.

Как животные не могут связать события, кроме самых близких, на которые у них возникают условные рефлексы, так и люди в своем большинстве, хотя и стоят на эволюционной спирали развития ступенькой выше, чем весь остальной животный мир, однако пока все еще не способны постигнуть энергетический пласт реальности, который называется временем. Но ты, обучаясь по магической системе, сможешь воочию убедиться в справедливости того, о чем я сейчас рассказываю. Итак, общее время постоянно взаимодействует в себе самом, получая необходимый ему импульс для развития.

Поэтому как события, происходящие в настоящем, влияют на будущее и прошлое, так и прошлое и будущее, в свою очередь, воздействуют на настоящее, закольцовывая пространственно-временную систему в причинно-следственный ряд.

В примере с тем же деревом. Верхние ростки кроны, образованные голограммой будущего, впитывают химические элементы из окружающей среды, насыщая ими и свое прошлое, то есть корни, из которых выросло все дерево.

Процесс жизнедеятельности времени идет во всех направлениях, что позволяет проявлять практически бесчисленное множество комбинаций событий и явлений. Восхитительно то, что весь процесс развития идет в нужном Абсолютной сути русле.

– Но почему стали возможны такие проникновения? – спросил Стефан. – Неужели нельзя было обойтись обычным способом протекания временных процессов?

– Дело в том, что эти проникновения являются теми закономерными случайностями, которые периодически происходят во Вселенной. Еще в момент раскрытия жизни она сразу же расставила основные, ключевые вехи в саморазвитии, после чего пошел процесс заполнения пустых секторов.

Однако при этом настоящее за счет изменчивости образует свободные зоны, после чего оно, становясь прошлым, их сохраняет. И если развитие заходит в тупик, то происходит опора на свободную точку из прошлого, что позволяет перенаправить вектор развертки космической энергии. Таким образом достигается динамичность и совершенство всей системы. Твое проникновение в прошлое – это пример именно такого явления и, несомненно, оно необходимо жизни.

– А если я сделаю нечто такое, что будет нарушать запланированные события? – не унимался ученик.

– Это невозможно, так как ты – это часть, хоть и огромной, но монолитной космической системы, а значит, ты рожден уже таким, каким нужен ей, и можешь совершать только необходимые для эволюции жизни действия.

– Из этого следует, что мы не можем творить?

– Творчество человека, сознательность которого в потенциале абсолютна, заключается в субъективном осознании уже существующих идей и мыслей. Даже гениальные люди в состоянии вдохновения Музой лишь считают ранее сотворенное Природой, но до времени не проявленное на Земле.

Образно говоря, наше сознание – это зеркало, отражающее свет звезд, но толкование этого света, выделение различных оттенков из монолитно-белого сияния – это наша заслуга. Хотя, как ты сам понимаешь, этот субъективизм имеет свое предназначение.

– Интересно, что произойдет в тот момент, когда заполнятся все пустоты во времени?

– Система, став абсолютным, свершившимся идеалом, перейдет на следующий этап развития. Но это мы начнем обсуждать позже, когда ты будешь способен понять эту непростую тему, а сейчас вернемся к конкретному, сегодняшнему вопросу, – предложил Учитель. – Когда

твоему сознанию и телу настанет срок вновь объединиться в одно целое, может возникнуть проблема с принятием друг друга.

Конечно, этот вопрос мы с тобой также отработаем, но все же очень многое будет зависеть от тебя. Кроме того, эта проблема касается не только самого воссоединения твоей личности, но и еще многого другого, с чем ты потом столкнешься, возвратившись к работе и друзьям. Пойми, тебе будет очень нелегко, ведь по сути у тебя как бы откроются, по определениям твоих современников, сверх возможности, а вот этого-то у вас очень не любят.

– Да, это так, – с сожалением должен был согласиться Стефан, – я слышал и читал о людях, которые имели разные чудесные, спонтанно открывшиеся способности. Им не верили, над ними насмехались, их как бы изучали, но затем благополучно забывали, совершенно не интересуясь ни их судьбой, ни состоянием их здоровья. И зачастую исследователи именно своими экспериментами убивали, пусть и неумышленно, в этих талантливых людях их дух, а порой и их самих.

Другие же просто эксплуатировали свои магические способности, только делая на этом деньги, что в конечном счете также изнуряло их психику и дух, а вот сама тема так и оставалась за бортом осознания. И великие идеи о том, что человек, по сути, Божественен, до сих пор так и не проникли по-настоящему в сознание человечества. В лучшем случае эти способности, проявленные либо от рождения, либо в результате стрессовых потрясений, были востребованы органами спецслужб, что, впрочем, также ничего не меняло.

– Вот видишь, – произнес Учитель, – хорошо, что ты осознал эту проблему. Тебе и придется сначала поверить в это самому, когда твое сознание оживит тело и оно начнет сопротивляться, как норовистый жеребец. После этого твоя личность должна будет принять все происходившие с тобой события как реальность, а не как сон или галлюцинации, и только затем ты уже сможешь начать работать в этом направлении с людьми.

– Я готов! – голос Стефана, казалось, вибрировал от переполнившего его волнения.

– Вижу, – ласково похлопал его по плечу старик, – вот завтра утром и начнем.

– Как? Уже завтра?

– А что, боишься?

– Да нет, – смутился ученик, – просто как-то неожиданно.

– Да, неожиданно. Но ведь именно так и начинают, – и Учитель, еще раз внимательно посмотрев на Стефана, жестом отпустил его, – иди и найди Занга, он скажет тебе, что ты должен будешь делать.

Молодой человек, уже взяв себя в руки, сдержанно поклонился Наставнику и легко пошел на встречу со своим братом, так как теперь Занг уже стал для него самым настоящим братом, и Стефан окончательно решил вместе с ним идти по пути познания.

Послесловие

Мы живем, отсчитывая время по часам. И такая фиксированность бытия кажется нам оплотом стабильности. Консерватизм, конечно, хорош, да вот иногда от него начинается "тянуть" застоем.

А это не способствует росту духовности, что необходимо для эволюции. Тогда-то и происходит временной скачок мгновенности, при котором прошлое, настоящее и будущее совмещаются в единый временной континуум.

И перед человеческим сознанием распахиваются ворота бесконечности, позволяя зачерпнуть из бездонного колодца Знаний.

В первой книге "Фантастической реальности" раскрыта идея существования в одном жизненном пространстве не только материального мира, но и других, "тонких" информационных миров, в причинно-следственном ряду неразрывно связанных с процессами настоящего времени.

Человеческое сознание, попадая в форс-мажорные обстоятельства и стремясь выжить, иногда переходит на иной режим функционирования, позволяющий совершить невозможное – не только спасти человеку свою жизнь, но и получить сакральные знания.

В процессе создания первой книги я заметила, что в ней старый монах использует слова и термины, просто не существовавшие в то время и в том месте. Тогда я обратилась к своему учителю: "Как быть с этой проблемой?".

Он ответил, что пусть все останется так, как есть, и ничего менять не надо, потому что образ Старца и та система, которой он обучал Стефана, осмысляются с позиции нашего времени, которое тесно переплетено с прошлым и сплошь пронизано сквозными туннелями взаимного влияния - это ученик так осознал

предлагаемые ему к постижению концепции, и делал это в соответствии со своим уровнем развития.

Еще я обратила внимание на то, что в тексте встречается обсуждение одних и тех же вопросов, и каждый раз Старец стремится по-новому показать их суть. Причина повторов заключается в том, что на начальном этапе стабилизации сознания в режимах другого времени восприятие и понимание обучающих идей неоднократно менялось.

Поэтому многие вещи, имеющие значение и понятия Стефаном на одном уровне, теряли свою значимость при переходе на другой, и их смысл приходилось восстанавливать. Но поскольку эти вопросы звучали уже в иной, обогащающей спектр осознания форме, то это можно считать не негативным, а позитивным явлением, так как они были ключевыми для целого блока смысловых значений.

И еще одна тема не давала мне покоя. Дело в том, что, желая написать книгу, я несколько раз пыталась это сделать, но ничего не получалось, так как не было нужного вдохновения. Рассказав учителю о мучавшем меня вопросе, я попросила показать выход из этого творческого тупика.

Он посоветовал использовать качества, выработанные мною при осознанных погружениях во внутренний мир, и создавать текст с позиций двойной личности, войдя в ее образ и став с ней единым целым. Пояснил, что это обогатит мою палитру чувств и даст свободной мысли из этой действительности проникнуть в фантастическую реальность, оставив без изменения личностную целостность.

Работая над книгой, я входила в медитативное состояние сознания, и там использовала силу монадного единства. С одной стороны, этот образ включал в себя мужской Ян, а с другой – женский Инь. Такая природная расстановка сил наполнила гармонией весь процесс творчества. В результате всего этого книга была написана нами на одном дыхании, которое включало в себя годы.

Она действительно была написана "нами". Ведь, по сути, жизнь в нее вдохнули два начала одной духовной

параллели: Павел Веденин и Ли Хоа, чье имя, в переводе с вьетнамского, означает "цветок сливы", что символизирует весну, молодость, обновление и возрождение – на качественно более высоком эволюционном витке.

Конец первой книги, 1998-2000 г.

Авторами книг серии "Фантастическая реальность" ставится задача приоткрыть для читателей окно в объемный мир, обрывочные сведения о котором многие считают вымыслом, и, тем не менее, весьма живо им интересуются. Очевидно, дремлющая до поры до времени духовность служит побудительным мотивом для проявления такого акцентированного интереса.

Вот это-то чувство любопытства и направило нас в русло литературного творчества. Заметим, что мы обладаем и познаниями в данной области, и умениями. А идеи, послужившие основой как этой, так и последующих за ней книг – это не вымысел, а реальность, которая всегда интереснее самой изощренной иллюзии. Ведь такая реальность дружит не с правдивостью, а с истинной.

Приглашаем к увлекательному и развивающему путешествию по страницам "Фантастической реальности".

С уважением,
П. Веденин и Ли Хоа, 23.07.2010

www.5vetrov.ru